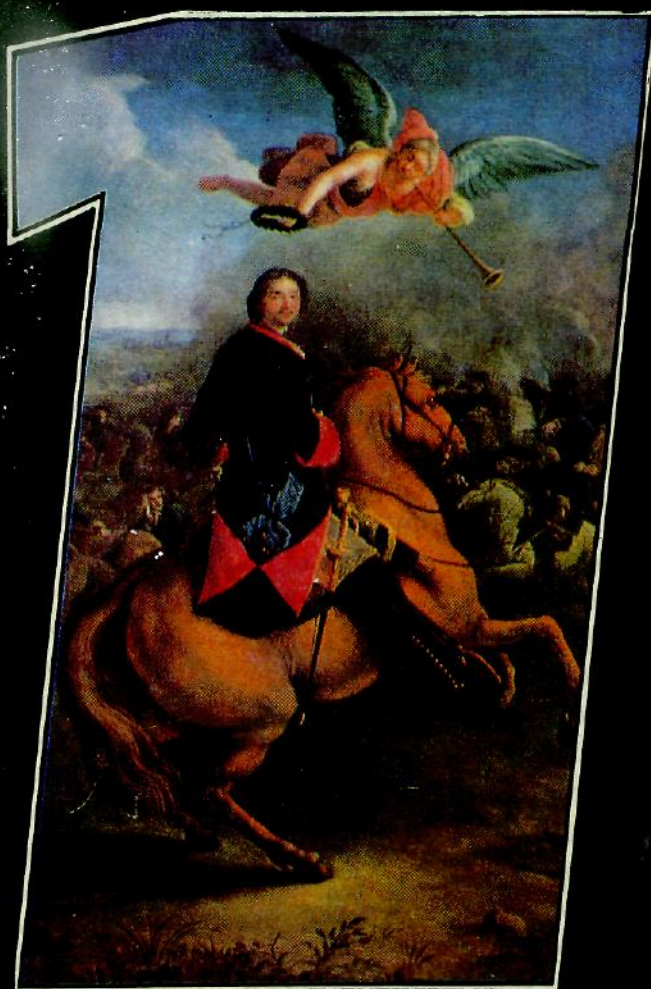

ТИРАНИЯ

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Роберт К. Масси

ТОМ II

ББК 63.3(2) М 32

УДК 947

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского Н. Л. Лужецкой, В. Э. Волковского

Научный консультант проф. Е. В. Анисимов

Общая редакция Н. Ф. Роговской

Художник А. А. Шуплецов

Масси Р. К.

М 32 Петр Великий: В 3 т. Т. 2./Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой, В. Э. Волковского; Общ. ред. Н. Ф. Роговской; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1996.—464 с.— (Тирания). ISBN 5-88590-498-7.

Знаменитый американский историк в своем монументальном труде «Петр Великий» снова обращается к исследованию царской династии Романовых.

Основанная на обширном фактическом материале книга показывает личность легендарного русского царя во всей ее сложности, противоречивости и величии.

Во втором томе книги рассказывается о Северной войне, о главных событиях военного противостояния России и Швеции.

М 9470000000

ISBN 5-88590-498-7 (т. 2) ISBN 5-88590-496-0

ББК 63.3(2)

© «Peter The Great» by Robert K.

Massie, 1980 © Перевод. В. Э. Волконский, гл. 22-

39, 1996 © Перевод. Н. Л. Лужецкая, гл.

40-43, 1996 © Составление, разработка серии.

«Русич», 1996 © Оформление. А. А. Шуплецов,

1996

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ **ВЛАДЫЧИЦА СЕВЕРА**

Балтийское море — северное море. В лучах солнца оно ярко-синее, в дождь и туман — мрачно-серое, а на закате отликает золотом — и тогда все вокруг окрашивается в янтарные тона, под цвет окаменевшей смолы, которую можно найти только на этих берегах. Северная Балтика — это сосновые леса; фьорды красного гранита, галечные пляжи и множество крохотных островков. Южный берег имеет более мягкие очертания: полоса зелени отделена от воды песчаными пляжами, дюнами, болотами и невысокими глинистыми утесами. Протя-

женные ровные участки, как правило, заканчиваются отмелями и косами, окаймляющими мелководные лагуны — каждая шириной миль в десять и длиной в пятьдесят. По этой болотистой низменности протекают четыре знаменитые в истории реки; Нева, Двина, Висла и Одер — все они несут в море пресные воды, поэтому превалирующее течение направлено из Балтики в океан. Соленой воде трудно проникнуть в Балтийское море, и оттого ни в устье Невы, ни в Рижской бухте, ни у Стокгольма не бывает приливов.

Недостаток соли ведет к избытку льда. Зима приходит на Балтику в конце октября вместе с ночными заморозками и снегопадами. К октябрю иностранные корабли с железом и медью в трюмах и строевым лесом

на палубах уходили из Балтики. Местные, балтийские капитаны заводили свои суда в порты, снимали оснастку, а корпуса оставались вмерзшими в лед до весны. К ноябрю небольшие бухты и заливы уже покрывались тонким слоем льда. В конце ноября замерзало море у Кронштадта и Петербурга, а в начале декабря — у Таллинна и Стокгольма. Открытое море не замерзало, но дрейфующий лед и частые шторма затрудняли навигацию. Узкий пролив между Швецией и Данией часто забивался плавучими льдами, а в иную зиму покрывался сплошным ледяным панцирем. Воспользовавшись этим, в 1658 году шведская армия прошла по льду и неожиданно атаковала неприятеля — датчан. Северная половина Ботнического залива намертво замерзает с ноября до начала мая.

Весной Балтика понемногу вновь оживала. В Петров день, в конце июня, начинали прибывать караваны купеческих судов из Амстердама и Лондона. Они плыли по проливу шириной в три мили, оставляя по правому борту невысокие отвесные скалы и знаменитый гамлетовский Эльсинор, а по левому — холмистое шведское побережье. В июне Балтика уже была полна парусов: здесь и голландские купеческие суда с характерными округлыми носами, разрезающими темно-синие воды, с огромными гротами, наполненными ветром; и прочные дубовые английские корабли, плывущие за сосновыми мачтами и рангоутным деревом, дегтем и скипидаром, смолой и льняным полотном для парусов — всем тем, без чего не мог бы существовать Королевский флот. На протяжении короткого северного лета, под прозрачными голубыми небесами, суда бороздили море в разных направлениях, бросали якорь и пришвартовывались в балтийских гаванях. Капитаны сходили на берег, обедали с купцами, матросы пили в кабаках и выбирали себе подружку на ночь.

Большие и малые портовые города Балтики, с их мощеными улицами и средневековыми каменными зда-

ниями с островерхими крышами, фронтонами, башенками и зубчатыми парапетами, по облику были и по сегодняшний день остаются немецкими. Старинный город Ревель (ныне Таллинн) — столица Эстонии — вырос вокруг средневековой цитадели, воздвигнутой на крутом могучем утесе. Вокруг высоких круглых башен вьются быстрые ласточки, а внизу, в парке, раскинувшись под массивными стенами крепости, под цветущими каштанами и сиренью, играют светловолосые эстонские детишки. Рига — столица Латвии — крупнее и современнее, но исторический «старый город» на берегу Двины также являет собой мир мощных улочек и немецких пивных, над которыми высятся шпили выстроенных в стиле барокко церквей Св.Петра и Св.Иакова и величественный Домский собор. За городом, вдоль Рижского взморья, на многие мили протянулся широкий белый песчаный пляж, окаймленный дюнами и соснами. Во времена Петра архитектура, язык, религия и весь культурный облик маленьких прибалтийских государств и их соседа, российского колосса, были чужды друг другу. Находившиеся вначале под властью тевтонских рыцарей, а впоследствии немецкой аристократии, эти ревностные приверженцы Ганзейского союза и лютеранской церкви сумели сохранить свою культурную и религиозную самостоятельность даже после того, как армия Петра, промаршировав от Полтавы, захватила Ригу, и все эти территории на двести лет оказались в составе Российской империи.

К северу, среди лесов и озер, лежит Швеция — государство, которое в петровские времена достигло вершин своего могущества. Швеция простирается на тысячу миль — от побережья Балтики на юге до заполярных областей на севере. Это земля хвойных лесов и березняка, земля 96000 озер, земля снега и льда. Как и в северной части России, лето здесь короткое и прохлад-

ное. Лед образуется в ноябре и ломается в апреле, и только пять месяцев в году температура

не опускается ниже нуля по Цельсию. Эта холодная, суровая, прекрасная земля взрастила племя людей упорных и выносливых.

В XVII столетии обширное пространство Швеции населяло всего каких-то полтора миллиона человек. В основном это были фермерские семейства, обитавшие в простых деревянных домах, пахавшие сохой и носившие домотканную одежду, как повелось испокон веков. Путь от одной фермы до другой, от городка до деревни был долгим и небезопасным. Дороги оставляли желать лучшего и путешествовать здесь, как и в России, было легче зимой, в санях, когда можно ехать прямо по льду замерзших озер. Спасаясь от ледяных ветров, шведские крестьяне коротали бесконечные зимние дни возле горячих печей или шли париться в общественную баню — самое верное средство, когда продрог до костей.

Вначале Швеция вывозила богатства своих недр: серебро, медь и железо. Железо, без которого ни война, ни мир обойтись не могут, имело самое большое значение и обеспечивало половину шведского экспорта. Большая часть торговли велась через столицу — Стокгольм, где и в 1697 году насчитывалось около 60000 жителей. Город стоял на восточном побережье Швеции, окаймленном поясом островков, защищавших береговую линию от открытого моря. Наиболее густо острова расположены в том месте, где Ботнический залив соединяется с Балтийским морем. Чтобы попасть в Стокгольм с моря, нужно преодолеть сорок пять миль по основному фарватеру Сальтшён, минуя бесчисленные острова. Здесь, в месте слияния рек, озер и Сальтшён, был выстроен средневековый Стокгольм - обычный небольшой город за крепостной стеной, с узкими извилистыми улочками, островерхими крышами и тонкими церковными шпилями, похожий на любой город северной Германии и Прибалтики.

8

В XVII веке Стокгольм стал важным торговым портом. Голландские и английские купеческие суда заполняли гавань и швартовались у широкого причала, чтобы загрузиться шведским железом и медью. По мере того, как множилось число доков, верфей, рынков и банковских учреждений, город разрастался, занимая соседние острова. С ростом богатства церковные шпили и крыши общественных зданий покрывались медью, отсвечивавшей золотым багрянцем, в лучах заходящего солнца. Во дворцы и особняки знати проникал изысканный вкус Версаля. Суда, отплывавшие с грузом шведского железа, возвращались назад, из Амстердама и Лондона, с английской ореховой мебелью, французскими позолоченными стульями, голландским дельфтским фарфором, итальянской и немецкой стеклянной посудой, обоями с золотым тиснением, коврами, тончайшим полотном и столовым серебром изящной работы.

В основе богатства страны, наряду с железом и медью, лежали обширные имперские владения. XVII век был для Швеции веком ее величия. С 1611 года, когда на престол взошел семнадцатилетний Густав Адольф, до 1718 года, когда погиб Карл XII, Швеция переживала лучшие времена своей истории. Шведские владения занимали все северное побережье Балтики и ключевые территории вдоль южного берега. В состав империи входили Финляндия и Карелия, Эстония, Ингрия и Ливония — то есть все земли, омываемые водами Ботнического и Финского заливов. Швеция владела западной Померанией и морскими портами — Штеттином (Щецином), Штральзундом и Висмаром на северо-германском побережье. Ей подчинялись Бременское и Верденское епископства, располагавшиеся к западу от полуострова Ютландия, занятого Данией, и открывавшие шведам прямой выход в Северное море. Кроме того, империи принадлежало большинство островов Балтийского моря.

Еще более важное значение для Швеции, нежели территория, имела торговля. Сине-желтый государственный

флаг Швеции горделиво реял над устьями всех (за исключением одной) рек, впадающих в Балтийское море, — Невы, несущей воды в Финский залив, Двины (Даугавы), впадающей в море на болотистой низине вблизи Риги, и Одера, впадающего в Балтику у Штеттина. Лишь устье Вислы, которая протекала по территории Польши и впадала в Балтийское море в районе Данцига (Гданьска), не принадлежало Швеции.

То, что эти территории находились под властью шведской короны, было заслугой прославленных шведских военачальников и мужественных солдат. Первым и величайшим из полководцев был Густав Адольф — Лев Севера, спаситель протестантства в Германии,

неутомимый воин, дошедший со своей армией до Дуная; он погиб в тридцать восемь лет, возглавляя кавалерийскую атаку в победоносной битве при Лютцене*. Тридцатилетняя война, продолжавшаяся и после его гибели, увенчалась Вестфальским миром, который щедро вознаградил усилия Швеции: она приобрела германские провинции и вместе с ними — контроль над устьями Одера, Везера и Эльбы. Присоединение этих германских

* Густаву Адольфу наследовала его единственная шестилетняя дочь — впоследствии легендарная королева Кристина. Став полноправной королевой в восемнадцать лет, Кристина правила Швецией с 1644 по 1654 год. Ее самой большой страстью было учение. Она вставала в пять утра и садилась за книгу. Иностранные ученые, музыканты и философы, включая Декарта, стекались к ее двору, привлеченные рассказами о ее талантах и щедрости. В двадцать восемь лет она неожиданно отреклась от престола, ссылаясь на нездоровье и на то, что бремя правлений слишком тяжело для женщины. Истинной причиной, однако, было ее тайное обращение в римско-католическую веру, что считалось недопустимым в протестантской Швеции. Трон перешел к двоюродному брату Кристины, королю Карлу X, дедушке Карла XII. Сама Кристина сразу после отречения уехала в Рим, где и прожила оставшиеся тридцать четыре года жизни. Она была другом четырех пап, блистательной покровительницей искусств и возлюбленной кардинала Ацуолини.

10

территорий породило странную ситуацию, при которой Швеция - протестантская владычица Севера - управляла частью Священной Римской империи и участвовала в работе имперского сейма. Помимо номинальной власти, эти владения давали Швеции нечто гораздо более важное: доступ к центральной Европе. Обладая плацдармом на континенте, она могла направлять свои армии вглубь Европы, и это делало ее силой, с которой приходилось считаться в вопросах войны и мира.

Словом, Швеция представляла собой великую державу, не лишенную, однако, и слабостей. Чересчур увлекшись завоеваниями, она разрослась сверх меры. Впрочем, преимуществ у нее было немало: трудолюбивый народ, дисциплинированные солдаты, короли, с блеском выступавшие в роли полководцев. И все же, чтобы сохранить достигнутое, ей требовалась осмотрительность. Силы нации нужно было беречь, а не ввязываться в новые, сумасбродные авантюры. Пока шведские монархи понимали это и действовали с оглядкой, у них имелись все основания полагать, что Швеция надолго, если не навсегда, останется владычицей Севера.

Причины Северной войны коренятся в истории и экономике — не только в страстном стремлении Петра получить доступ к морю. Борьба между Россией и Швецией за обладание землями по берегам Финского залива насчитывает не одно столетие. С XIII века Швеция враждовала с Новгородской республикой и Московским княжеством. Карелия и Ингрия, располагавшиеся к северу и югу от Невы, были исконными русскими землями*. Русский полководец Александр Невский одержал победу над шведами на Неве в 1240 году (за что его и прозвали «Невский»). Во время Смуты, последовавшей

* Ингрия — это Ижорская земля русских документов. Под Карелией понимались территории Карельского перешейка. — *Ред.*

12

за кончиной Ивана Грозного, Швеция захватила обширную территорию, на которой находился и Новгород. В 1616 году Швеция вернула Новгород, но продолжала контролировать всю береговую линию с помощью таких крепостей, как Нотебург на Ладожском озере, Нарва и Рига, по-прежнему лишая Россию выхода к морю. Царь Алексей Михайлович предпринял попытку отвоевать захваченные земли, но был вынужден оставить эту затею. Его куда больше беспокоил конфликт с Польшей, а выступать одновременно против Польши и Швеции Россия не могла. Русс ко-шведским мирным договором в Кардисе* в 1661 году было закреплено право Швеции на владение этими землями.

Однако мысль об их возвращении не оставляла Петра. От того, что они находились в руках у иноземцев, Россия несла значительные экономические потери. Обильный поток русских товаров тек через принадлежавшие Швеции порты Риги, Ревеля и На^ввы, где шведы облагали их высокими пошлинами во благо шведской казны. Ну а кроме всего прочего, море неудержимо притягивало Петра. Побывав в Вене, он понял, что, поскольку император настроен на мир, а воевать с Османской империей в одиночку невозможно, следовательно, доступ к Черному морю для него закрыт. Но совсем рядом — Балтийское море, его волны плещутся о берег всего лишь в нескольких верстах от русской границы, и оно могло бы служить прямым путем в Голландию, Англию и другие западные страны. И когда Петру представилась возможность вернуть эти территории, начав войну против юного шведского короля в союзе с Польшей и Данией, искушение оказалось непреодолимым.

* Русс ко-шведский мир 1661 года, заключенный в местечке Кардисе близ Юрвеа (Тарту), завершил неудачную для России войну со Швецией (1656-1661 гг.). Договором были подтверждены условия Столбовского мира 1617 г., отрезавшего Россию от побережья Балтики. — *Ред.*

13

Возможно, война бы и не началась, если бы судьба неожиданно не выдвинула на сцену фанатичного человека, который поднес фитиль к пороховой бочке. Иоганн Рейнгольд Паткуль был патриотом без родины. Он принадлежал к старинному ливонскому дворянству — напо-ристым потомкам тевтонских рыцарей, которые некогда завоевали Ливонию, Эстонию и Курляндию и владели ими до середины XVI столетия. Не выдержав тяжелых ударов, нанесенных Иваном Грозным, Тевтонский орден распался и Ливония оказалась под властью Польши*. Поляки проводили жесткую политику — настаивали на употреблении польского языка, соблюдении польских законов, насаждали католицизм, в результате чего ливонские протестанты стали искать защиты у своих единоверцев в Швеции. В 1660 году после длительной борьбы Ливония стала одной из шведских провинций, и на нее распространялась политика шведского королевства, в том числе широко известная и встречавшая повсеместное сопротивление практика «редукции» Карла XI. После ранней кончины Густава Адольфа шведская аристократия быстро усилила свое, правда относительное, влияние в государстве, чем вызвала ненависть других слоев населения. Когда Карл XI взойшел на трон, и он, и шведский парламент (риксдаг) были убеждены в необходимости уменьшить влияние аристократии, предо-

* Ливония — так с XIII до середины XVI вв. называлась территория Латвии и Эстонии, завоеванная немецкими крестоносцами. После образования Курляндского герцогства Ливонией стали называть преимущественно территорию, занятую современной Латвией и Южной Эстонией. Сначала она находилась под властью Речи Посполитой, а потом была захвачена Швецией. В рамках Шведской империи эти территории в XVII веке получили новое название — Лифляндия.

Гибель Тевтонского ордена была обусловлена, прежде всего, поражением немцев в Грюнвальдском сражении 1410 года. Задолго до Ивана Грозного, в 1466 г., орден стал вассалом Польши, а в 1525 г. прекратил существование как государство. На его месте возникли Пруссия, Курляндия и Семигалия. ~ *Ред.*

ставив королю абсолютную власть. Этого можно было добиться, потребовав возвращения короне многочисленных земель, ранее переданных в пользование дворянству. Дворяне же привыкли воспринимать эти земли как свои наследственные владения. Редукция, проводившаяся с 1680 года, осуществлялась сурово и непреклонно не только по отношению к самой Швеции, но и ко всем провинциям Шведской империи, включая Ливонию. Эта политика болезненно воспринималась в Ливонии; ведь всего двумя годами ранее Карл XI торжественно подтвердил права ливонских баронов и обещал не ущемлять их никакой редукцией, даже если она и будет проводиться в Швеции. Бароны воспротивились конфискации и направили эмиссаров в Стокгольм ходатайствовать о своем деле*.

Одним из этих эмиссаров был Паткуль. Физически сильный, привлекательный, образованный, он говорил на многих языках, писал по-гречески и по-латыни и слыл к тому же опытным офицером. Но при этом он был вспыльчив, жесток, непреклонен в достижении цели. Когда он говорил, его отвага и страстная убежденность в правоте своего дела внушали слушателям ощущение, что перед ними личность сильная и незаурядная. Тронутый его красноречием, Карл XI коснулся плеча Паткуля со словами: «Ты говорил о своей родине как честный человек. Благодарю тебя»¹. Однако король вновь подтвердил, что редукция — «государственная необходимость» и заявил, что для Ливонии не может быть сделано исключения. Паткуль вернулся в Ливонию, сочинил пламенное послание и отправил его в Стокгольм. Содержание послания сочли изменническим и заочно приговорили Паткуля к отсечению правой руки и головы. Но он ускользнул от шведских офицеров, посланных его арестовать, и начал скитаться по Европе, пытаясь найти

* Редукция — возвращение государству коронных земель, отданных некогда помещикам. Помещики получали денежную компенсацию, а крестьяне — свободу. — *Ред.*

15

какой-нибудь способ освободить родину. Шесть лет он мечтал о создании антишведской коалиции, которая могла бы дать Ливонии независимость или хотя бы восстановить силу ливонского дворянства. Когда Карл XI умер и на трон взошел пятнадцатилетний юноша*, казалось, что такая возможность наконец представилась.

Паткуль был нетерпелив, но мыслил он реалистично; чтобы сбросить шведское иго, маленькой провинции придется принять помощь и, вероятно, оказаться под властью другой могущественной державы. Самым подходящим покровителем казалась Польша — республика, где находившаяся у власти шляхта выбирала короля. При такой ослабленной системе, размышлял Паткуль, у ливонского дворянства будет больше шансов сохранить свои права. Помимо всего прочего, недавно избранный польский король Август Саксонский сам был немец, что позволяло надеяться на его благожелательное отношение к германскому дворянству Ливонии.

В октябре 1698 года Паткуль тайно прибыл в Варшаву и принялся убеждать Августа взять на себя инициативу в формировании антишведского союза. Паткуль уже побывал у короля Дании Фредерика IV и убедился, что тот не против такого альянса. Датчане так и не смирились с потерей территории в южной Швеции**, отвоеванной у них Густавом Адольфом и надеялись, что наступит время, когда Эресунн (Зунд) — пролив, отделяющий Балтийское море от Северного и Данию от Швеции, — можно будет назвать «рекой, протекающей по владениям короля Дании». Кроме того, у датчан вызывало тревогу и беспокойство присутствие шведских войск на территории герцога Гольштейн-Готторпского возле их южных границ.

Август заинтересовался предложением Паткуля, и особенно его заявлением, что ливонское дворянство готово

* То есть сын Карла XI Карл XII. — *Ред.*

** Речь идет о провинции Скании (Сконе). — *Ред.*

16

признать Августа своим королем с правом наследования. Это открывало перед ним блестящие перспективы. Горячим желанием Августа было сделать польский престол из выборного наследственным. Он надеялся, что, захватив Ливонию с помощью саксонских войск и присоединив ее, как свое наследственное владение, к Речи Посполитой, он получит

поддержку шляхты и сможет навсегда закрепить за собой и своими потомками польский трон. Паткуль всячески подогревал нетерпение Августа. Оценивая возможную реакцию крупнейших европейских держав на подобную войну — предмет особого беспокойства Августа, — Паткуль пришел к выводу о том, что Австрия, Франция, Голландия и Англия, несомненно, «пошумят по поводу ущерба, причиняемого торговле, но, скорее всего, практических шагов предпринимать не станут». Чтобы окончательно склонить Августа на свою сторону, Паткуль заверил короля в том, что завоевать Ливонию будет несложно, и даже представил ему точное описание укреплений Риги — города, который должен был служить главным объектом устремлений Августа.

Результат усилий Паткуля превзошел самые смелые его ожидания. Между Данией и Польшей был подписан договор о совместном выступлении против Швеции*. Фредерик IV должен был очистить провинции Шлезвиг и Гольштейн от шведских войск, а затем вторгнуться через пролив в Сканию — самую южную из провинций Швеции. Августу предстояло в январе или в феврале 1700 года ввести саксонские войска в Ливонию и попытаться внезапным ударом захватить Ригу. Таким образом, шведским войскам пришлось бы драться одновременно в северной Германии, в Прибалтике и в самой Швеции. Союзники рассчитывали на то, что шведская империя попросту раз-

* Такого договора не было. Антишведский Северный союз был основан двумя договорами 1699 г.: русско-датским и русско-саксонским. Король Польши был курфюрстом Саксонии. Сама же Польша — Речь Посполитая вступила в войну лишь в 1704 г. — *Ред.*

17

валится, поскольку слишком юный король не сможет объединить народ и возглавить армию. И наконец, Пат-куль предложил привлечь к войне против Швеции еще одного союзника — русского царя Петра. Вторжение русской армии в Ингрию на берегу Финского залива отвлекло бы на себя какие-то силы шведов. Петр также мог бы предоставить деньги, провиант и людей, чтобы поддержать саксонские войска при осаде Риги. Ни Паткуль, ни союзники не возлагали особых надежд на боеспособность русских войск, но рассчитывали, что отсутствие этого качества они восполнят количеством. «Русская пехота более всего пригодна для того, чтобы сидеть в траншеях и подставлять с^ебя под неприятельские выстрелы, — утверждал Паткуль, — тогда как королевские [короля Августа] войска можно было бы сохранить, используя в качестве прикрытия»³ — иными словами, русские войска должны были послужить пушечным мясом.

Заговорщиков волновало, что после вторжения в прибалтийские провинции, русские войска будет нелегко убедить уйти оттуда. «Абсолютно необходимо, — предупреждал Паткуль, — связать руки царя таким образом, чтобы он не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы насадим на вертел, то есть, чтобы он не овладел Ливонией и не шел дальше Нарвы, ибо в этом случае он мог бы угрожать центральной Ливонии и захватить Дерпт [Тарту], Ревель и всю Эстонию, едва ли не прежде, чем об этом стало бы известно в Варшаве».

Под именем Киндлера Паткуль в числе двенадцати саксонских инженеров, нанятых царем, прибыл из Варшавы в Москву, сопровождая личного представителя Августа генерала Георга фон Карловича, чтобы попытаться склонить Петра на свою сторону*. Но в Москве оба заговорщика попали в весьма необычную ситуацию.

* Устное соглашение между Петром и Августом в Раве-Русской было лишь выражением взаимных симпатий. Ни формального союза, ни плана кампании не существовало.

18

Шведы, почуяв, что против них сколачивается союз и желая умиротворить Петра, летом 1699 года направили в Москву пышное посольство, которое должно было объявить о вступлении на трон короля Карла XII и просить подтвердить и возобновить все ранее существовавшие договоры, как это всегда делалось при вступлении на трон нового монарха. Великолепие шведского посольства должно было сгладить то неприятное впечатление, которое осталось у Петра после посещения Риги в 1697 году. Когда в середине июня посольство прибыло на русскую границу, дядя царя Лев Нарышкин встретил его почтительно, но предупредил, что послам придется подождать возвращения царя, который со своим флотом находится под Азовом.

Вернувшись в начале октября в Москву, Петр оказался в непростом положении. Его ожидали

сразу два посольства: официальное шведское посольство просило подтвердить существовавшие мирные соглашения, тогда как тайное польское посольство Карловича и Паткуля просило его пойти войной на Швецию. Затем в течение нескольких недель велись параллельные переговоры. Официальные — и нежелательные — переговоры со Швецией проходили открыто в Посольском приказе, тогда как серьезные тайные переговоры с Карловичем проводил лично Петр в Преображенском в присутствии лишь Федора Головина и переводчика — Петра Шафирова.

Шведам было известно о присутствии Карловича и о том, что готовится какое-то соглашение — мирный договор, как они полагали. Об истинном положении дел они не догадывались. Чтобы усыпить бдительность шведов, Петр принял послов с большим почетом, они же преподнесли ему конный портрет их юного короля. Для пущей правдоподобности Петр пошел на формальное подтверждение заключенных ранее договоров со Швецией, но, чтобы несколько успокоить совесть, он уклонился от целования креста на церемонии подписания.

19

Когда шведские послы заметили эту уловку и указали на нес, Петр объяснил, что он уже поклялся соблюдать все договоры при восшествии на престол и что русский обычай не позволяет клясться дважды. 24 ноября шведские послы получили последнюю аудиенцию у царя. Петр был приветлив и вручил им официальное послание к королю Карлу XII, подтверждавшее мирные соглашения между Швецией и Россией.

Между тем, миссия Карловича и Паткуля продвигалась успешно. Петр принял Карловича и прочел врученный ему документ, автором которого, возможно, был Паткуль (сам Паткуль по-прежнему сохранял инкогнито): в ответ на заключение союза Август обязался поддержать притязания России на Ингрию и Карелию. Затем Петр призвал датского посланника Гейнса, который был посвящен в тайну этих переговоров, поскольку Дания уже подписала союзнический договор с Польшей. Гейне подтвердил обязательства, содержащиеся в документе. Таким образом, всего три дня спустя после отъезда шведского посольства из Москвы, Петр подписал договор, по которому обещал, если сможет, двинуть свои войска на Швецию не позднее апреля 1700 года. Царь намеренно уклонился от указания точной даты и включил в договор пункт, в соответствии с которым выступление России должно было последовать только после подписания мира или перемирия между Россией и Турцией. Когда договор был подписан, Паткуля, который до сих пор держался в тени, наконец представили царю. Двумя неделями позже Карлович отбыл из Москвы в Саксонию, намереваясь проехать через Ригу и, пользуясь случаем, осмотреть городские укрепления.

Петр, обязавшись выступить против одной из сильнейших военных держав Запада, немедленно взялся за грандиозную работу по подготовке к войне. Со времени путешествия на Запад его больше всего интересовал флот.

20

Но теперь ему пришлось переключить внимание со строительства судов на подготовку нужного количества орудий, пороха, подвод, лошадей, обмундирования и солдат. Поскольку стрелечье войско было дезорганизовано и от него осталось всего несколько полков, основу профессиональной армии Петра составляли теперь четыре полка гвардии: Преображенский, Семеновский, Лефортовский и Бутырский*. Таким образом, если Петр собирался выполнить данное Августу обещание, он должен был в течение трех месяцев создать новую армию — набрать солдат, обучить их, снабдить и поставить в строй.

Петр действовал быстро. Был выпущен указ, обращенный ко всем светским и духовным землевладельцам. Всем светским землевладельцам предписывалось направить на царскую службу по одному рекруту с каждых пятидесяти крестьянских дворов, расположенных в их владениях. Монастыри и прочие церковные землевладельцы были обложены более суровой повинностью — поставить одного рекрута с двадцати пяти дворов. Петр также объявил набор добровольцев среди вольных жителей Москвы, пообещав хорошую плату: одиннадцать рублей в год и водочное довольствие. Новобранцам было указано явиться на смотр в Преображенское в течение декабря и января, и почти всю зиму они стекались в лагерь Петра. По образцу четырех гвардейских полков необходимо было сформировать двадцать семь новых полков численностью от двух до четырех батальонов в каждом. Теперь Петру особенно не доставало Патрика Гордона. Шотландец, с его бесценным опытом, был бы незаменим, а так

Петру приходилось самому руководить обучением новобранцев. Ему помогали командир гвардии генерал Автомон Головин и генерал Адам Вейде. Князь Аникита Репнин тем временем был направлен для набора и подготовки войск на нижнюю Волгу.

* Лефортовский и Бутырский полки гвардейскими не являлись. — *Ред.*

21

Хотя командиры трех вновь созданных корпусов — Головин, Вейде и Репнин — были русскими подданными, всеми полками командовали иностранцы, некоторые из них участвовали в Крымских и Азовских походах, другие были только недавно завербованы на Западе. Труднее всего оказалось договориться с русскими командирами старшего поколения, которые в большинстве своем попросту не желали идти на войну. Чтобы заменить уволенных со службы, в армию были зачислены офицерами многие придворные. На первый взгляд, они так быстро усваивали воинскую науку, что Петр не удержался от восклицания (несколько преждевременного): «Зачем мне тратить деньги на чужеземцев, когда у меня свои не хуже!» Впоследствии в армию влились чуть не все стольники и постельничие, состоявшие при дворе. Новобранцев экипировали по немецкому образцу — в мундиры темно-зеленого сукна и треуголки. Их вооружили мушкетами и багинетами, и началась муштра: солдат обучали маршировать в ногу, разворачиваться в шеренгу, держать строй и стрелять по команде. Артиллерия — внушительная благодаря тому, что король Карл XII подарил царю триста пушек для войны против турок* — находилась под командованием грузинского царевича Александра Имеретинского. Царевич сопровождал Петра в его поездке в Голландию, и изучал артиллерийское дело в Гааге. Генерал Вейде, который прежде служил в армии принца Евгения Савойского, составил Воинский устав, предусматривавший суровое наказание за нарушения армейской дисциплины.

Всю весну 1700 года Петр разрывался между двумя войнами — той, которую он желал бы наконец закончить, и той, которую он желал бы поскорее начать. Во время переговоров с турками в феврале 1700 года из Константинополя стали доходить столь угрожающие

* **Пушки**, подаренные шведами, в войне против них не использовались. — *Ред.*

22

слухи, что Петр решил: необходимо готовиться к новой войне с султаном. Он оставил в Преображенском проходившие обучение полки, а сам помчался в Воронеж, где работал, не покладая рук, чтобы подготовить флот к войне. К концу апреля в присутствии царского сына, сестры и многочисленных бояр произошел спуск на воду шестидесятичетырехпушечного корабля «Предестинация», в постройке которого участвовал сам Петр.

Пока царь находился в Воронеже, оба его балтийских союзника нанесли Швеции запланированные удары. В феврале 14-тысячная саксонская армия неожиданно вторглась в Ливонию и осадила хорошо укрепленную рижскую крепость. Шведы контратаковали и отбросили наступавших, при этом погиб генерал Карлович. Петр был раздосадован, особенно поведением Августа: король, по его мнению, должен был стать во главе своих войск и лично вести их на Ливонию, вместо того, чтобы отсиживаться в Саксонии и «развлекаться с женщинами».

В марте другой союзник Петра, Фредерик IV, с 16-тысячной армией вторгся на расположенную к югу от Дании территорию герцога Гольштейн-Готторпского и осадил город Теннинг. Теперь как никогда требовалось, чтобы Петр внес свой вклад наступлением на Ингрию. Но у царя были связаны руки. «Жаль, — говорил он Головину, — но поделать ничего нельзя, пока нет вестей из Константинополя»⁶.

Той весной слухи о подготовке турок становились все настойчивее и тревожнее. Петр был настолько обеспокоен, что решил вновь официально подтвердить свои добрые отношения со Швецией. Чтобы развеять слухи о его тайных договорах с Данией и Польшей и заверить шведов в своих благих намерениях, он предложил направить в Стокгольм русское посольство. Томас Книпп-перкрона, шведский посланник в Москве, пребывал в полном неведении относительно тайных переговоров, которые велись прошлой осенью буквально у него под

23

носом. Он искренне обрадовался намечавшемуся посольству, и Петр умело сыграл на его доверчивости. На следующий день после своего возвращения из Воронежа в Москву царь призвал Книпперкрону, набросился на посла с шутливыми упреками: зачем его жена в письме

к дочери писала, будто все шведы в Москве пребывают в ужасе оттого, что русская армия собирается вторгнуться в Ливонию? (Дочь посланника, гостившая в Воронеже, показала царю письмо матери.) «Твоя дочь так горько плакала, что я насилу ее успокоил, — сказал Петр. — Уж не думаешь ли ты, что я начну неправую войну против свеиского короля и нарушу вечный мир, только что мною обещанный?» Книперкрона умолял царя простить его жену. Петр дружески обнял посланника и клятвенно пообещал, что если польский король овладеет

Ригой, то он, Петр, сам «вырвет ее у него из рук». Полностью успокоенный Книперкрона сообщил в своей депеше в Стокгольм, что царь и не помышляет о нападении на Швецию*.

Прошла весна, потом июнь, июль - а из Константинополя по-прежнему не было вестей, 15 июля Петр принял саксонского посланца генерал-майора барона Лангена. Август, который наконец присоединился к своей армии, осаждавшей Ригу, умолял царя начать военные действия. По словам Лангена, «царь выслал своих министров из комнаты и со слезами на глазах сказал мне на ломаном голландском, как он опечален тем, что за-

* В то время, как и сейчас, в вопросах войны и дипломатии моральная сторона играла второстепенную роль. Большинство государств захватывали территории или колонии, какие только могли. С точки зрения Петра, эти прибрежные области, Ингрия и Карелия, были исконно русскими землями; и вот теперь наступил благоприятный момент, чтобы их вернуть. Точно так же параллельные переговоры Петра со Швецией и Саксонией не представляли собой по сути ничего постыдного. Подобные политические игры были обычным явлением для Лондона, Парижа, Вены и Константинополя.

24

ключение мира с Турцией задерживается... Он сказал, что приказал своему послу заключить мир или перемирие наискорейшим образом, даже и к собственной невыгоде, чтобы развязать себе руки и иметь возможность помочь своим союзникам». Наконец 8 августа прибыло известие из Константинополя. 3 июля было подписано перемирие сроком на тридцать лет. Курьер Украинцева спешил изо всех сил и добрался из Константинополя до Москвы за тридцать шесть дней.

Петр получил долгожданную свободу действий и больше не медлил. Вечером того дня, когда пришла депеша от Украинцева, в Москве был устроен грандиозный фейерверк в честь заключения перемирия с Турцией. Утром следующего дня с Красного крыльца в Кремле было объявлено о начале войны со Швецией. Указ гласил: «Великий Государь указал, за многие неправды свеиского короля, и в особенности за то, что во время государева шествия через Ригу, чинились ему многие противности и неприятства, идти на свейские города ратным людям войною». Называлась и непосредственная цель войны — вернуть России Ингрию и Карелию, «Божией Милостью издревле принадлежавшие России и отторгнутые во время Беспокойства и Смуты». В тот же день Петр направил Августу послание, в котором уведомлял его о произошедших событиях и сообщал: «Надеемся в помощи Божией, что Ваше Величество инако разве пользы, не увидите»¹⁰.

Так началась Северная война, или, по словам Вольтера, «знаменитая война на Севере». На протяжении двадцати лет два монарха — Петр и Карл — будут вести поединок, исход которого определит судьбу двух империй. Вначале, с 1700 по 1709 год, Петр будет обороняться, подготавливая себя, армию и страну к тому времени, когда вся боевая мощь Швеции обрушится на его патриархальное царство. Несмотря на военное лихолетье, Рос-

25

сия будет продолжать свои преобразования. Но это будут не тщательно спланированные и методически осуществляемые реформы, а скорее отчаянные, поспешные меры, продиктованные необходимостью во что бы то ни стало устоять против безжалостного неприятеля. Позже, после Полтавы, стороны поменяются местами, но оба монарха будут по-прежнему продолжать борьбу: один — подстрекаемый зачастую бесполезными политическими союзами, в которых он и сам уже не мог разобраться, другой - движимый страстным желанием расквитаться за свое поражение и остановить крушение своей империи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ПУСТЬ РЕШАЮТ ПУШКИ

Русский царь Петр, шведский король Карл, король Дании Фредерик, польский король Август, король Франции Людовик, Вильгельм Английский, Леопольд Австрийский и большинство других королей и принцев той эпохи рано или поздно всегда выносили свои разногласия на суд войны. В XVII и XVIII столетиях, точно так же, как и в XX, войне отводилась роль

международного арбитра в спорах между народами. Соперничество династий, установление границ, право на обладание городами, крепостями, торговыми путями и колониями — все решалось с помощью войны. Как лаконично сформулировал эту аксиому один из молодых придворных Людовика XIV: «Пушки — самые беспристрастные судьи. Их суждения метки, и они — неподкупны»¹.

На протяжении пятидесяти лет — всю вторую половину XVII века - самой могущественной и вызывавшей наибольшее восхищение в Европе была французская армия. По количеству солдат она намного превосходила любую другую европейскую армию. В мирное время Франция содержала постоянную армию в 150000 человек, а в годы войны численность ее возрастала до 400000. Во время войны за Испанское наследство восемь больших армий под командованием маршалов Франции одновременно вели военные действия в Нидерландах, на

27

Рейне, в Италии и в Испании. Попечением короля и его военного министра Лувуа, французские солдаты были обучены, вооружены и снаряжены лучше всех в Европе. Благодаря таким генералам, как Тюренн, Конде и Ван-дом, им постоянно сопутствовал успех. Сокрушительный удар, который герцог Мальборо нанес маршалу Таллару при Бленхейме (Гохштедте) не без помощи принца Евгения Савойского, сражавшегося на стороне герцога, было первым крупным поражением французских войск, начиная со средних веков*.

Это было время, когда численность, огневая мощь и разрушительная сила всех армий стремительно возрастала. По мере того, как энергичные министры финансов увеличивали налоговую основу для содержания армий, становилось возможным выставлять на поле битвы все большее количество войск. В первой половине XVII века в европейских баталиях с обеих сторон могли участвовать не более 25 000 солдат. В 1644 году при Марстон-Муре — решающем сражении гражданской войны в Англии - Кромвель выставил 8 000 человек против равного количества войск Карла I. Шестьдесят пять лет спустя при Мальплаке Мальборо вел 110000 союзных войск против 80 000 французов**. На вершине свосп военной мощи Швеция, при собственном населении в полтора миллиона человек, содержала армию в 110 000 солдат. Петр, даже после роспуска дезорганизованного нерегулярного дворянского ополчения, которое он получил в наследство от Софьи и Голицына, в конечном итоге создал и обучил совершенно новую армию численностью 220 000 человек.

* Эта битва произошла в Баварии 13 августа 1704 г. Англичане и австрийцы разбили французов и баварцев. — *Ред.*

** Битва при Мальплаке (Фландрия) произошла 11 сентября 1709 года. Австрийский полководец принц Евгений Савойский и английский герцог Мальборо разбили французские войска маршала Виллара. — *Ред.*

28

Хотя в эпоху непрерывных войн воинская повинность для всех сословий стала необходимым средством пополнения армейских рядов, большинство армий этого периода все же состояло из профессиональных солдат. Многие из них — и офицеры и рядовые — были иностранными наемниками: в то время солдат по собственному усмотрению мог вступить в любую армию и воевать против кого угодно, кроме своего короля. Зачастую короли и принцы, придерживавшиеся нейтралитета, поставляли целые полки наемников для воюющих соседей. Так, во французской армии были швейцарские, шотландские и ирландские полки, в голландской армии — датские и прусские, а в армии империи Габсбургов служили представители всех германских государств. Некоторые офицеры переходили из одной армии в другую с такой же легкостью, с какой современные клерки меняют место работы, но ни те, у кого они служили раньше, ни их будущие наниматели, не видели в этом ничего предосудительного. Мальборо, будучи двадцатичетырехлетним полковником, служил у маршала Тюренна, выступал против голландцев и на большом параде удостоился похвалы самого Людовика XIV. Впоследствии, командуя армией, состоявшей в основном из голландцев, Мальборо чуть было не скинул с трона Короля-Солнце. Некоторое время — до и после вступления Петра на трон — старшие офицеры русской армии почти сплошь были иностранцы; и если бы не они, царь выводил бы на поде боя не войска, а толпу мужиков.

Обычно профессиональные солдаты вели военные действия согласно общепринятым правилам. Так, почти без исключений соблюдался сезонный ритм: лето и осень отводились для военных кампаний и сражений, зима и весна — для отдыха, вербовки и пополнения

всяческих запасов. В основном эти правила диктовались погодой, Урожаем на полях и состоянием дорог. Каждый год армии Ждали, пока стает снег и зазеленеют луга, чтобы было Достаточно свежей зеленой травы для кавалерийских и

29

обозных коней. В мае и июне, едва подсыхала дорожная грязь, длинные колонны людей и обозов приходили в движение. Проводить маневры, осаждать крепости и ввязываться в сражения генералы имели возможность до октября. К ноябрю, с первыми морозами, войска начинали переходить на зимние квартиры. Эти почти ритуальные правила неукоснительно соблюдались в Западной Европе. Десять лет подряд, пока длилась кампания на континенте во время войны за Испанское наследство, Мальборо ежегодно оставлял армию в ноябре и до весны возвращался в Лондон. В те же самые месяцы старшие французские офицеры возвращались в Париж или Версаль. Давно исчезнувшим атрибутом тех цивилизованных войн были паспорта-пропуски, выдаваемые заслуженным офицерам для проезда по территории неприятеля кратчайшим путем к месту зимнего отпуска. Рядовые, разумеется, подобными привилегиями не пользовались. Для них вопрос о побывке дома до конца войны вообще не стоял. Если им везло, они в течение самых холодных месяцев располагались на постой в городах. Однако гораздо чаще они оказывались в переполненных ветхих казармах и бараках зимних лагерей, где становились добычей стужи, болезней и голода. По весне свежие пополнения рекрут г восстанавливали потери в рядах.

В то время армии на марше двигались медленно, даже когда их продвижение не встречало препятствий. Немногие армии могли пройти в день более десяти миль, обычный же дневной переход составлял пять. Исторический бросок Мальборо от Нидерландов вверх по Рейну в Баварию перед сражением при Бленхейме' в то время сочли «молниеносным» — 250 миль было пройдено за пять недель. Обычно движение замедляла артиллерия. Лошади, с трудом тянущие тяжеленные, громоздкие пушки, колеса которых оставляли на дорогах устрашающие рытвины, просто не могли двигаться быстрее.

Армии продвигались длинными колоннами, батальон за батальоном; впереди и по флангам кавалерийский

30

заслон, в хвосте подводы, фуры и зарядные ящики для пушек. Обычно армия пускалась в путь с восходом солнца и становилась на бивуак под вечер. Ежедневная разбивка лагеря на ночь требовала почти столько же усилий сколько и дневной переход. Нужно было поставить рядами палатки, распаковать поклажу, развести костры для приготовления пищи, наносить воды для людей и животных и отвести лошадей пастись. Если неприятель был неподалеку, место для лагеря приходилось подыскивать особенно тщательно и затем еще сооружать временные земляные укрепления с деревянным частоколом — на случай возможного нападения. А наутро, чуть свет, не успевших отдохнуть людей уже поднимали, и в предрассветном сумраке приходилось сворачивать лагерь и снова грузить все на подводы для следующего дневного перехода.

Разумеется не все, даже самое необходимое, можно было увезти в обозе. Армия численностью от пятидесяти до ста тысяч человек могла содержать, себя, лишь двигаясь по плодородной местности и за счет этого удовлетворяя многие из своих нужд или получая дополнительные припасы водным путем. В Западной Европе большие реки служили главными дорогами войны. В России реки текут на север и на юг, а военные действия русских и шведских войск развивались в направлении восток—запад, поэтому водные пути имели меньшее значение и зависимость армий от вещевых обозов и местного фуражирования была сильнее.

В Западной Европе военные кампании велись, как правило, неспешно. Были популярны осады - их явно предпочитали значительно большему риску и неприятным сюрпризам, которые сулило сражение в открытом поле. Осадные операции проводились с ювелирной, почти математической точностью; в любую минуту командующий и одной и другой стороны мог ответить на вопрос, как обстоят дела на данный момент и как они будут развиваться дальше. Людовик XIV был горячим привер-

31

женцем осадных операций: тут не было опасности потерять большую армию, созданную ценой немалых усилий и огромных затрат. К тому же они позволяли и ему самому

поучаствовать в Марсовых забавах без риска для жизни. И наконец, в распоряжении Короля-Солнце был крупнейший в истории военного дела мастер фортификации и осадного искусства — Себастьян де Вобан. Служа своему государю, он успешно провел осаду пятидесяти городов и везде добивался успеха, а построенные им укрепления считались образцовыми на протяжении всего столетия. Вдоль всей границы Франции выросла густая сеть крепостей — от отдельных сугубо военных фортов до больших укрепленных городов. Все эти крепости, идеально приспособленные к особенностям местности, не только великолепно соответствовали своему назначению, но были подлинными произведениями искусства. Обычная их форма — гигантская звезда, при этом каждая стена располагалась так, что была защищена от продольного (анфиладного) артиллерийского или, по меньшей мере, мушкетного флангового огня. Каждый угол звезды представлял собой самостоятельный форт с собственной артиллерией, гарнизоном, тайными ходами для неожиданных вылазок. Могучие каменные стены были окружены рвами в двадцать футов глубиной и сорок футов шириной, также выложенными камнем, перед которыми наступавшая пехота чувствовала себя очень неуютно. Когда строились эти крепости, французские армии вели наступательные действия, и эти исполненные грозного величия сооружения с массивными, украшенными золочеными королевскими лилиями воротами, предназначались не для пассивной обороны, а для того, чтобы служить опорными пунктами французских полевых армий. Впоследствии, когда войска Мальборо рвались к Парижу и Версалию, укрепления Вобана сохранили Людовику его трон. Сам Король-Солнце отдавал должное своему маршалу: «Город, обороняемый Вобаном, неприступен; го-

32

род, осаждаемый Вобаном, уже взят»*. Осадные операции под руководством Вобана были подобны безукоризненно поставленным и разыгранным по часам театральным представлениям. Окружив крепость неприятеля, войска Вобана начинали рыть серию зигзагообразных траншей, постепенно подбираясь к стенам. Вобан с математической точностью рассчитывал углы обстрела и располагал окопы таким образом, чтобы огонь со стен крепости практически не наносил урона пехоте, которая подкапывалась все ближе и ближе. Тем временем, артиллерия осаждающих день и ночь вела огонь по укреплениям, заставляя умолкнуть пушки защитников и пробивая бреши в стенах. В момент штурма пехотинцы устремлялись из окопов и, засыпая рвы фашинами — тугими вязанками хвороста, — преодолевали их и врывались в проломы в изрешеченных стенах. Однако осады нечасто достигали этого кульминационного момента. Когда становилось очевидным, что крепость обречена, осажденные, в соответствии со строгим этикетом, которого придерживались обе стороны, были вольны согласиться на почетную капитуляцию, причем не только неприятель, но и их собственное правительство ничего другого в этой ситуации от них и не ждало. Но если нерасчетливые или чересчур пылкие защитники отказывались сдаться, тем самым вынуждая нападавших идти на приступ, теряя время и людей, захваченный город подвергался насилию и разграблению и предавался огню.

Искусство Вобана навсегда осталось непревзойденным. Однако в те времена (как, впрочем, и сейчас) крупнейшие полководцы — Мальборо, Карл XII, принц Евгений — предпочитали вести маневренную войну. Величайшим из них, несомненно, был Джон Черчилль,

* Однако когда Людовик XIV сам присутствовал при осаде, Вобану приходилось делить лавры с королем. Как выразился Людовик: «Месье Вобан предложил мне ряд действий, которые я счел наилучшими»².

² Петр Великий, т. 2

33

герцог Мальборо, который с 1701 по 1711 год командовал коалиционными европейскими армиями в войнах против Людовика XIV. Не было сражения, которое бы он проиграл, и не было крепости, которая бы перед ним устояла. За десять лет войны, сражаясь с одним за другим маршалами Франции, он победил их всех, и когда в результате политических изменений в Англии лишился командования, его войска неудержимо двигались сквозь барьер мощных укреплений Вобана прямо на Версаль. Мальборо не довольствовался обычной, ограниченной стратегией того времени, и устремления его простирались много дальше покорения отдельной крепости или города. Он был убежденным сторонником решительных, крупномасштабных действий, хотя бы и сопряженных с большим риском. Его целью было уничтожить французскую армию и посрамить Короля-Солнце на поле боя. Он был готов рискнуть, поставив

судьбу провинции, кампании, войны и даже королевства в зависимость от исхода одного дня. Мальборо был наиболее удачливым и разносторонним начальником своего времени. Он был одновременно полевым командиром, главнокомандующим коалиционными войсками, министром иностранных дел и фактическим премьер-министром Англии это примерно то же самое, как если бы он один исполнял обязанности Черчилля, Идена, Эйзенхауэра и Монгомери во время второй мировой войны.

Но стиль командования Мальборо всегда отличался определенной взвешенностью, умением соразмерить масштабную стратегию и тактические задачи. Самым же напористым и дерзким полководцем того времени был король Швеции — Карл XII. В глазах своих противников, да и всей Европы, Карл был воином, рвавшимся в бой в любой момент, независимо от соотношения сил. Тактике его были присущи стремительность и внезапность. Его импульсивность и жажда боя навлекли на него обвинение в безрассудстве, граничащим с фанатизмом. И, пожалуй, он охотно подписался бы под девизом

34

Джорджа С. Паттона: «Атаковать, только атаковать!»* Но в основе атак шведских войск лежала не слепая ярость, а жесткая муштра, железная дисциплина, всеобщая преданность делу, уверенность в победе и превосходная система оперативного управления войсками. Барабаны подавали сигналы, посыльные разносили приказы и командиры подразделений всегда знали, что от них требуется. Любая слабость в собственной армии быстро искоренялась, любая слабость в войсках неприятеля немедленно использовалась.

Карл охотно нарушил бы традицию сезонного ведения боевых действий; твердый промерзший грунт лучше выдерживал тяжесть подвод и орудий, да и его солдаты привыкли к морозной погоде — словом, он был готов воевать и зимой. Очевидно, что в маневренной войне преимущество имеет та армия, которая обладает большей мобильностью. Судьба кампании зависела от транспорта и работы тыла в той же степени, что и от генеральных сражений. Все, что могло увеличить мобильность, имело значение; французы, например, были в полном восторге от появления передвижных пекарен, благодаря которым открывалась возможность получать свежий хлеб в считанные часы.

Когда армия неприятеля находилась неподалеку, командиры, конечно, были настороже, хотя в XVII и XVIII столетиях сражения редко происходили, если этого не желали обе стороны. Отыскать подходящий плацдарм и произвести необходимое построение людей, лошадей и орудий было совсем непросто. И военачальник, не расположенный вступать в бой, мог легко от него уклониться, укрыв свои силы среди холмов, кустов и оврагов. На то, чтобы привести войска в боевой порядок, уходили часы, и стоило только одному генералу начать построение —

* Паттон, Джордж Смит (1885-1945), американский генерал, участник первой и второй мировых войн, освободитель Франции в 1944 г - *Ред.*

35

ние, как другой, если он не стремился к баталии, мог спокойно отступить. Таким образом, две враждующие армии могли целыми днями находиться в относительной близости, избегая серьезного столкновения.

Когда же оба командира были вынуждены сражаться — например, за контроль над речной переправой или за опорный пункт на главной дороге, — армии занимали позиции в 300-600 ярдах друг от друга. Если позволяло время, та армия, которая намеревалась защищаться (скажем, русские против Карла XII или французы против Мальборо), воздвигала перед линией пехоты надолбы из вбитых в землю заостренных кольев (*chevaux de frise*), которые в какой-то степени сдерживали атаки наступающей кавалерии. По линии фронта артиллерийские офицеры устанавливали орудия, стрелявшие ядрами весом 3, 6 и 8 фунтов, а тяжелые пушки даже ядрами в 16 и 24 фунта, на 450-600 ярдов вглубь вражеских рядов. Сражение обычно начиналось с артиллерийского обстрела. Град пушечных ядер мог нанести урон, но редко имел решающее значение в бою против опытных и дисциплинированных войск. С поразительной выдержкой солдаты стояли в строю, тогда как в воздухе со свистом проносились ядра и, отскакивая рикошетом от земли, пробивали в их рядах кровавые бреши.

В XVII веке полевая артиллерия была значительно усовершенствована шведами. Густав Адольф стандартизировал калибры полевых орудий, и в разгар боя одни и те же боеприпасы могли подходить к любому орудью. Впоследствии, когда внимание к артиллерии стало пре-

вращаться в самоцель, шведские генералы сообразили, что артиллеристы нередко забывают о необходимости поддерживать собственную пехоту. Чтобы устранить этот недостаток, каждому пехотному батальону придали по две легких пушки, которые оказывали поддержку солдатам, стреляя прямой наводкой по атакующей этот батальон неприятельской пехоте. Позднее шведы придали артиллерию даже кавалерийским подразделениям

36

Конная артиллерия была чрезвычайно мобильна — распрячь лошадей, открыть огонь по кавалерии противника и отойти на новую позицию она могла в считанные минуты.

Но исход сражения решала не артиллерия и не кавалерия, а пехота. Великие битвы того времени выигрывали пехотные батальоны, построенные фалангами, вооруженные мушкетами, кремневыми ружьями и пиками, а впоследствии багинетами. XVII век принес быстрые перемены в снаряжение и тактику пехоты. Веками старинная пика — тяжелое древко длиной от четырнадцати до шестнадцати футов со стальным острием — была всепобеждающей «королевой сражений». С длинными пиками наперевес ряды пикинеров наступали друг на друга, и исход боя определялся напором оцетинившегося копыями строя. С развитием огнестрельного оружия, прославленная пика стала устаревать. Пика не могла соперничать с мушкетом: мушкетеры вели огонь с безопасного расстояния, выбивая пикинеров из строя. К концу века пикинеры на полях сражений появлялись редко, и их единственным назначением стала защита мушкетеров от кавалерии противника. Всаднику по-прежнему требовалось немалое мужество, чтобы мчаться навстречу барьеру из длинных отточенных пик, но пока атакующий противник не приближался к пикинерам вплотную, от них не было никакой пользы. ОРИ бестолково стояли в строю, косимые огнем артиллерийских батарей и мушкетными пулями, выставив длинные пики и ожидая, когда кто-нибудь сам насадит себя на острие.

Выручил багинет, или штык, с помощью которого мушкет объединил в себе две функции: во-первых, из него по-прежнему можно было стрелять, а во вторых, к стволу крепилось острие, и стоило неприятелю приблизиться, как мушкет превращался в короткую пик. Сначала острие вставляли прямо в мушкетный ствол. Но это мешало вести огонь, и скоро был введен багинет, крепившийся на кольцо — в таком виде он продолжал

37

применяться и в нашем столетии. Пехотинец мог вести огонь до сближения с противником, а затем пустить в ход сверкающий штык. Багинет, то есть мушкет с при-мкнутым штыком, появился как раз вначале Северной войны. Драбанты - шведская гвардия - были вооружены багинетами в 1700 году, и за несколько последующих лет их приняло на вооружение большинство армий, включая и русскую.

В конце XVII века был значительно усовершенствован и сам мушкет. Старинное фитильное ружье было громоздким и весило более пятнадцати фунтов*. Для того, чтобы наводить и удерживать его, мушкетеру был необходим длинный деревянный подсошник с развилкой наверху: его втыкали в землю и, оперев ствол на развилку, целились и стреляли. Чтобы зарядить ружье и произвести всего один выстрел, требовалось выполнить двадцать два отдельных приема, в том числе: засыпать порох, забить пыж и пулю, вставить запал, поднять на плечо, навести с подсошника в цель, зажечь фитиль и поднести его к запальному отверстию. Иногда отсыревший фитиль никак не хотел воспламеняться, и мушкетер, ожидавший, когда же раздастся выстрел, нередко бывал разочарован — если разочарование то чувство, какое испытываешь при виде бегущего прямо на тебя пехотинца или скачущего во весь опор кавалериста.

На смену фитильному замку пришел кремневый, в котором искра высекалась механически, от удара стального кресала по кусочку кремня, и падала прямо в пороховую камеру. Оружие стало полегче, правда, только относительно — теперь оно весило десять фунтов, что позволяло обходиться без подсошника, а количество приемов, необходимых для выстрела, сократилось вдвое. Хороший стрелок мог произвести несколько выстрелов в минуту. Кремневый мушкет вскоре стал стандартным вооружением пехоты во всех западных армиях.

Только

* То есть 6 кг. — *Ред.*

38

русские и турки продолжали изготавливать неуклюжие фитильные пищали старого образца, что явно не способствовало усилению огневой мощи их пехоты.

Пехота, оснащенная новым оружием — кремневым мушкетом с примкнутым штыком — стала высокоэффективной, грозной, а очень скоро и ведущей силой на полях сражений. Багинет не просто соединил в себе два вида оружия — возникло новое оружие, не такое неуклюжее, как пика, и мобильность пехоты с его появлением значительно возросла. Увеличение скорострельности потребовало разработки новых тактических приемов и боевого порядка, чтобы максимально использовать возросшую огневую мощь. Кавалерия, которая веками господствовала на поле боя, теперь отступила на второй план. Мальборо первый сумел оценить и использовать новые преимущества пехоты. Английских солдат учили быстро разворачиваться из колонн в шеренги и, взвод за взводом, вести непрерывный, методичный огонь. Поскольку теперь меньшим числом людей можно было добиться той же интенсивности огня, личный состав батальонов сократился и ими стало легче управлять. Командование и контроль за выполнением приказов упростились и ускорились. Для того, чтобы иметь возможность одновременно навести на неприятеля как можно больше стволов, равно как и для того, чтобы уменьшить глубину мишени для вражеской артиллерии, пехота стала растягиваться по флангам, что, в свою очередь, расширяло саму линию фронта. Все действия солдата должны были быть доведены до безошибочного автоматизма, и с этой целью в мирное время проводились бесконечные учения. А испытание наступало в тот леденящий сердце момент, когда на мушкетеров накатывалась волна вражеских всадников с поднятыми клинками и времени перезарядить мушкеты уже не было.

Именно благодаря существенно возросшей огневой мощи пехоты, к началу XVIII века поле боя стало более опасным местом, чем когда-либо прежде. Уничтожать

39

людей смертоносными мушкетными залпами было куда проще, чем сходить в плотную и сражаться врукопашную — как это приходилось делать на протяжении веков. Раньше нормальными потерями считались десять процентов личного состава, теперь эта цифра резко подскочила. Несмотря на то, что пехота стала господствовать на поле сражения, ее собственная безопасность зависела от соблюдения идеального порядка. Если пехотинцы удерживали строй и не давали его прорвать, они своим опустошительным огнем могли нанести огромный урон атакующей кавалерии. Да и сама жизнь пехотинцев зависела от сохранения строя: вокруг вихрем кружила неприятельская кавалерия, готовая при малейшем ослаблении боевых порядков смять ряды и втоптать пехоту в пыль.

Организация боя — поддержание боевого порядка в многотысячном войске, прибытие необходимых формирований в нужное время и в нужное место, и все это под вражеским огнем — сама по себе сложнейшая задача. Природа тоже частенько устраивала полководцам какой-нибудь подвох — трудно было не наткнуться на перелесок, канаву, а то и просто изгородь, которые мешали движению колонн и могли сломать построение. Но как бы ни складывалась обстановка, спешить было нельзя. Продвигаться в зону смертоносного огня неприятеля приходилось медленно, но верно; поспешность могла нарушить скоординированность действий армии. Нередко, даже когда солдаты падали один за другим, приходилось останавливать наступавшую колонну, чтобы восстановить нарушенный строй или дать возможность параллельной колонне с ней поравняться.

За редкими исключениями, удача сопутствовала полководцам, предпочитавшим наступление. Мальборо неизменно начинал сражение атакой, направленной на самый сильный участок боевых порядков противника. Как правило, он использовал для этой цели собственную, великолепно обученную английскую пехоту. Встре-

40

воженный неприятельский командир начинал стягивать на атакуемый участок все новые резервы, но Мальборо не снижал и даже усиливал натиск, не считаясь с потерями. Наконец, когда другие участки вражеской обороны оказывались сильно ослабленными, Мальборо бросал в бой свои резервы, направляя лавину кавалерии на какой-нибудь особенно оголенный отрезок неприятельского фронта. И вот, в который раз оборона противника прорвана, и герцог с триумфом проезжает по полю боя.

Однако, если на первое место ставить стремительность и напор атаки, то лучшими пехотинцами и кавалеристами в Европе были не англичане, а шведы. Шведские солдаты вообще не были

приучены думать ни о чем, кроме наступления. Если противник каким-то образом перехватывал инициативу и сам начинал наступать, шведы немедленно устремлялись ему навстречу, чтобы сорвать наступление контратакой. В отличие от английской армии Мальборо, пехотная тактика которой была основана на максимальном использовании огневой мощи, шведы в атаке полагались на *armes blanches* — холодное оружие. Как пехота, так и кавалерия огню мушкетов и пистолетов предпочитали ближний бой, в котором все решали клинок и штык.

Зрелище было устрашающее. Медленно, методично, молча, под грохот барабанов продвигалась вперед шведская пехота, не открывая огонь до последней минуты. Сблизившись с противником, колонны разворачивались, и на поле боя вырастала стена желто-голубых мундиров в четыре шеренги глубиной. Строй замирал, грохотал залп, и со штыками наперевес шведы врываются в дрогнувшие ряды неприятеля. Прошло немало лет, прежде чем русские воины Петра научились отражать неудержимо атакующих шведов. Непревзойденная мощь шведской атаки была обусловлена религиозным фатализмом, с одной стороны, и непрерывной муштрой, с другой.

Все — от короля до солдата — верили в то, что «Господь никому не позволит пасть в бою, покуда не

41

придет его час»³. Эта убежденность порождала неколебимое мужество, а месяцы и годы, проведенные на плацу под звуки строевых команд, обеспечивали шведской армии такую маневренность и сплоченность, что сравниться с ней не мог никто,

Несмотря на возросшую роль пехоты в качестве решающего рода войск, действия кавалерии по-прежнему наполняли драматизмом картину боя: стоило противнику дрогнуть, кавалерия прорывала его ряды и добывала победу. Легкая кавалерия служила для прикрытия армии, разведки, фуражировки и внезапных набегов на неприятеля. Русские для этих целей использовали казаков, а турки — татар. У шведов одни и те же кавалерийские части участвовали и в боях и во вспомогательных операциях. Тяжелая регулярная кавалерия была организована в эскадроны численностью в 150 человек: кавалеристы носили кирасы, прикрывавшие спину и грудь, и были вооружены палашами и пистолетами, которые пускались в ход, если эскадрон попадал в засаду. В большинстве армий того времени кавалерию обучали тактическим маневрам не менее тщательно и строго, чем пехоту. Но существовали факторы, ограничивающие возможности ее применения. Одним из них, безусловно, являлся ландшафт: для действий кавалерии необходимы мягкий рельеф и открытое пространство. Другим фактором была выносливость лошади: даже самые лучшие кавалерийские кони не могли выдержать больше пяти часов напряженной схватки. Был и еще один фактор — усиление пехотного огня. Кавалерии приходилось держаться начеку, учитывая возросшую меткость и скорострельность кремневых мушкетов. И Мальборо, и Карл XII посылали кавалерию в бой только в решающий момент, когда она, как ударная сила, могла прорвать распадающиеся вражеские ряды, атаковать с флангов наступающую пехоту или, преследуя противника, превратить его отступление в разгром.

42

Хотя возможности применения кавалерии и были ограничены, время ее славы еще далеко не миновало. До битвы при Ватерлоо, с ее массированными кавалерийскими атаками, оставалось целое столетие, а до атаки английской легкой бригады под Балаклавой — полтора столетия*. Кавалеристы составляли от четверти до трети численности всех армий, а в шведской армии их процент был еще выше. Карл обучал свою кавалерию идти в атаку сомкнутым строем. Шведские конники надвигались на неприятеля медленной рысью, построившись плотным клином. Клинок имел глубину в три шеренги и прорывал ряды кавалерии или пехоты противника подобно широченной стреле, послушной воле командира.

Если наблюдать кавалерийскую атаку издали, война могла бы показаться великолепным зрелищем: по открытому полю мчатся всадники в разноцветных мундирах, клинки и кирасы сверкают на солнце, вымпелы и флаги реют на ветру. Но для участников битвы это поле — место кровавой резни, подобие ада: пушки грохочут и извергают пламя, пехотинцы по команде заряжают ружья и стреляют, изо всех сил пытаются удержать строй, а возле их ног корчатся в агонии изувеченные товарищи; верховые на полном скаку обрушиваются на линию пехоты: крики, вопли, стоны; кто-то пытается подняться и падает, всадники в исступлении полосуют отточенными клинками всякого, кто попадется под руку; пешие почти вслепую

яростно колют штыками — кому-то достался удар в спину, кому-то в грудь; мгновенная острая боль, последняя вспышка удивления, осознание того, что слу-

* Сражение под Балаклавой произошло 13 октября 1854 года во время Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Примечательно эффектной атакой бригады английской легкой кавалерии лорда Кардигана, которая привела к поражению русских гусар. В свою очередь, англичане не выдержали удара русских и потеряли почти половину своих солдат и офицеров, большая часть которых принадлежала к английской аристократии. — *Ред.*

43

чилось, и хлынувший из раны поток алой крови; бегут люди, мечутся кони, потерявшие всадников, и надо всем этим медленно ползут тяжелые облака слепящего, удушающего дыма. А когда смолкала канонада и рассеивался дым, взору открывалось пропитанное кровью поле, слышались стоны и крики раненых. Тут же лежали те, кто утих навеки, устремив в небо невидящие глаза.

Таким образом разрешались противоречия между народами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ КАРЛ XII

17 июня 1682 года родился светловолосый, голубоглазый мальчик, которому суждено было стать королем Швеции Карлом XII. Он появился на свет почти ровно через десять лет после рождения своего великого соперника — русского царя Петра. Родителями Карла были Карл XI — суровый, глубоко религиозный человек, ставший королем в пятилетнем возрасте, и королева Ульрика Элеонора, датская принцесса, которая благодаря своей доброте и сердечности сумела сохранить расположение датского и шведского народов даже тогда, когда между этими странами шла война. За первые семь лет и девять месяцев их брака на свет появилось семеро детей, но выжило только трое: принц Карл и две его сестры — Ульрика Элеонора, которая была младше его на шесть лет, и Хедвига София, которая была старше брата на год. Четверо младших братьев умерли один за другим в младенчестве.

Хотя Карл от рождения телом был некрепок, его с детства приучали к физическим упражнениям, «мужскому» образу жизни. Крохотная фигурка четырехлетнего малыша, скачущего вслед за отцом на воинских смотрах, стала привычным зрелищем для жителей Стокгольма. В шесть лет от него удалили женскую прислугу, а ему самому предоставили собственные апартаменты, где его

45

наставниками и слугами были мужчины. В семь лет принц застрелил лисицу, в восемь за день добыл трех оленей, в десять убил своего первого волка, а в одиннадцать — медведя. В одиннадцать лет он лишился материнской ласки — ушла из жизни королева, которой было всего тридцать шесть лет. Ульрику в семье боготворили: узнав о ее смерти, король упал в обморок, и ему пришлось пустить кровь, а Карл с нервной горячкой слег в постель. Вскоре после этого он подхватил оспу, но поправился и стал еще крепче, чем до болезни. На лице остались глубокие оспины, которыми он гордился как свидетельством мужественности. В четырнадцать лет Карл был стройный и мускулистый юноша, превосходный наездник, великолепный охотник; он с жадностью изучал воинские науки.

После кончины королевы Ульрики Карл XI старался как можно больше времени проводить с детьми, напоминая им об их матери. Принц перенял многие отцовские взгляды и подражал его манерам: выражался он сухо, лаконично и сдержанно, но за туманностью его высказываний таились проблески живого, острого ума. Превыше всего он ставил честь и верность данному слову. Для короля ничего нет важнее справедливости и чести: единожды дав слово, он обязан его сдержать.

Наставники Карла находили у него хорошие способности, и учение давалось ему без труда. Он не обращал особого внимания на шведский язык, и всегда говорил и писал на нем не слишком правильно. Немецким, на котором говорили при дворах всех северных стран, он владел с легкостью и пользовался им как родным. Принц превосходно знал латынь, говорил на ней и с удовольствием слушал университетские лекции. Учили его и французскому, но ни в юности, ни в зрелые годы он не любил говорить по-французски, хотя читал свободно и был поклонником французского театра. За пятнадцать лет, проведенных в военных кампаниях на континенте, он прочел и перечел Корнеля, Мольера и Расина. Он

46

мечтал о путешествиях и с жадностью поглощал описания дальних стран и рассматривал

рисунки и карты, выполненные путешественниками и исследователями. Ребенком он сокрушался о том, что у него нет брата, который мог бы управлять Швецией, пока он будет путешествовать по свету. История и жизнеописания, особенно великих полководцев — таких как Александр Македонский, Юлий Цезарь, и шведский король Густав Адольф, — приводили его в восторг. Впоследствии он не расставался с биографией Александра Македонского, брал ее во все свои походы и с ней сверял свои военные успехи. Карл интересовался и вопросами религии. В юности он каждое утро проводил один час в беседах с епископом, разбирая одну за другой главы Священного писания. Как и Петра, его занимала математика и особенно ее применение в артиллерии, баллистике и фортификации. Наставников радовало, что мальчик все схватывает на лету, но тревожила избыточная сила его воли, чтобы не сказать — упрямство. Если уж принц решил, что он прав, никто не мог его переубедить.

Обучение Карла, начавшееся так успешно, прекратилось, когда ему минуло четырнадцать. 5 апреля 1697 года в возрасте сорока двух лет от рака желудка скончался король Карл XI. Согласно обычаю, шведский принц считался совершеннолетним и мог быть коронован только по достижении восемнадцати лет, и поэтому умирающий король назначил регентский совет, в который вошла бабушка наследника - вдовствующая королева Хедвига Элеонора. После смерти отца Карл бывал на заседаниях регентского совета и произвел прекрасное впечатление своими разумными вопросами, а глазное, тем, что предпочитал молчать и слушать рассуждения старших. Он поразил всех выдержкой и самообладанием во время большого пожара, который уничтожил королевский дворец. Это случилось, когда тело короля еще было выставлено в одном из залов дворца для торжественного прощания. В отличие от бабушки, которая со-

47

вершенно потеряла голову, мальчик невозмутимо отдавал приказания и сумел спасти тело отца из пламени, хотя дворец сгорел дотла.

Не прошло и полугода, как стало очевидно, что регентский совет недееспособен. Регенты постоянно расходились во мнениях, не могли прийти к общему решению. Карл же был слишком умен и властолюбив, чтобы оставаться в стороне, когда другие правят его королевством. Регенты помнили о том, что, в соответствии с завещанием покойного короля, им предстоит ответить за свои действия перед новым монархом, когда тот достигнет совершеннолетия, и стремились выяснить его мнение по каждому обсуждавшемуся вопросу. Принца постоянно окружали люди, старавшиеся снискать его расположение, и власть регентского совета оказалась весьма ограниченной. Правительство Швеции было фактически парализовано. В ноябре 1697 года было принято единственно возможное решение — объявить, что пятнадцатилетний принц достиг совершеннолетия, и короновать его на шведский трон.

Церемония коронации Карла потрясла его соотечественников. Принц, унаследовавший корону, как единственный и абсолютный властелин Швеции, власть которого не ограничена никаким советом и парламентом, считал, что его коронация должна подчеркнуть это обстоятельство. Карл отказался короноваться так, как это делали до него все шведские короли — он не желал, чтобы кто-то возлагал корону ему на голову. И вообще, поскольку он не избранный, а наследственный король, то и сам акт коронации неуместен. Государственные деятели Швеции — и либералы, и консерваторы — и даже его собственная бабушка пришли в ужас. Тщетно Карла пытались переубедить — он не уступил своей принципиальной позиции. Он согласился лишь на обряд помазания архиепископом в знак того, что монарх есть помазанник Божий, однако настоял на том, чтобы эта церемония именовалась не коронацией, а помазанием

48

на трон. Когда пятнадцатилетний Карл ехал в церковь, на его голове уже красовалась корона. Любителям всяческих предзнаменований было на что посмотреть во время этой церемонии. По приказу нового короля все присутствовавшие, не исключая и его самого, были облачены в траур, дабы почтить память его почившего отца: единственным ярким пятном была пурпурная коронационная мантия Карла. Сильный снежный буран, разразившийся перед прибытием гостей в церковь, создавал контраст белого снега и черных одежд. Когда король, увенчанный короной, садился на коня, он поскользнулся, корона свалилась, но, не успев коснуться земли,

была подхвачена пажом. Во время богослужения архиепископ уронил сосуд с миром. Карл отказался принести традиционную королевскую присягу, а затем, в самый торжественный момент, сам возложил себе на голову монарший венец.

За этим необыкновенным зрелищем последовали и другие свидетельства своенравия нового короля. Дворянство, которое рассчитывало, что Карл смягчит суровые указы о редукции, было разочаровано, поняв, что молодой монарх намерен продолжать политику своего отца. Члены совета только качали головами: король самоуверен, упрям и ни за что не соглашается изменить однажды принятое решение. На заседаниях он обычно некоторое время прислушивался, потом вставал и, прервав обсуждение, заявлял, что сказанного достаточно, чтобы он составил свое мнение, и посему он позволяет членам совета удалиться. Шведские сановники не раз пожалели о своем поспешном решении объявить короля совершеннолетним, но было уже поздно. Теперь и они сами, и могущественнейшая держава европейского севера оказались под властью своевольного и упрямого юнца. Чувствуя, как зреет недовольство, Карл решил если и не вовсе распустить совет, то принизить его значение. Престарелым советникам и министрам часами приходилось дожидаться в приемной, пока король соблаговолит

49

их принять, чтобы затем, едва выслушав их доводы, почти сразу отпустить. О решениях, принятых по делам государственной важности, они узнавали лишь по прошествии времени.

С учебой было покончено: вместо уроков Карл занимался государственными делами. Но энергичного, крепкого юношу влекли упражнения, требующие больших физических усилий, ему хотелось проверить силу духа и тела в разнообразных испытаниях. Чтобы немного отвлечься и хоть на время забыть об ответственности, не слышать упреков и не ловить укоряющих взглядов старших, он садился на коня и надолго покидал дворец. Желая дать выход неумной энергии и стряхнуть с себя бремя забот, Карл сосредотачивался на конкретных задачах — одолеть верхом высокую стену, в бешеной скачке перегнать какого-нибудь приятеля — и этим доводил себя до изнеможения. Зимой, в предрассветном полумраке, Карл покидал дворец в сопровождении пажа и офицера гвардии и скакал верхом через леса, мимо озер, окружающих столицу. Случались и происшествия. Раз, увязнув в глубоком снегу, конь повалился на него, придавив так, что он не мог пошевеливаться. Как обычно, он далеко обогнал своих спутников, и к тому времени, когда они его обнаружили, он чуть было не замерз. В другой раз Карл верхом ехал через покрытое льдом озеро — до противоположного берега было уже рукой подать, когда перед ним открылась пятнадцатифутовая полынья. Не умея плавать, он направил коня в ледяную воду, а сам припал к его спине и таким образом добрался до берега.

Что бы он ни затевал, ему нужно было ощущать дразнящий вкус опасности. И чем больше она была, тем больше она его возбуждала и привлекала. Из желания доказать, на что он способен, Карл пустил своего коня вверх по крутому утесу — и конь, и всадник кувырком скатились вниз: конь покалечился, король остался цел и невредим. С головокружительной скоростью он скаты-

50

вался на санных с ледяных гор; иногда соединяли несколько саней, и с крутого склона неслась длинная вереница. Весной, летом и осенью Карл ходил на охоту. Отправляясь на поиски медведя, он брал с собой лишь пику и саблю, полагая, что охотиться с огнестрельным оружием пристало только трусу. Потом он решил, что использовать сталь — тоже недостойно, и с тех пор вооружался лишь крепкой деревянной рогатиной. Забава заключалась в том, чтобы раздражить загнанного в угол медведя и заставить его встать на задние лапы, а тогда резко рвануться вперед, всадить ему в горло рогатину и опрокинуть наземь, после чего спутники короля спешили набросить на зверя сеть.

Еще большие опасности таили в себе столь любимые Карлом военные потехи. Как и Петр в Преображенском, Карл делил своих друзей и слуг на две команды и вооружал их палками и картонными ручными гранатами, которые считались безопасными, хотя последствия их взрывов бывали порой болезненны. Однажды, когда король штурмовал снежную крепость, взрывом такой гранаты ему изорвало одежду, а несколько его друзей были ранены.

Самым близким товарищем короля и его постоянным противником в военных забавах был

Арвид Горн — молодой капитан драбантов — привилегированных кавалерийских частей королевской гвардии. В сущности, подразделения драбантов представляли собой корпус по подготовке младших офицеров шведской армии. На рядового кавалериста смотрели как на будущего лейтенанта, и поэтому он получал лейтенантское жалованье. Вместе с Горном Карл, как одержимый, осваивал насыщенную и часто требовавшую большого физического напряжения учебную программу драбантов. Нередко две группы всадников на неоседланных конях — одну из них возглавлял Карл, другую Горн — имитировали кавалерийскую схватку, используя в качестве оружия крепкие ореховые палки. Удары наносились изо всех сил и попадало

51

всем, не исключая короля. В одной такой потасовке Карл, обмениваясь ударами с Горном, вспыл и неожиданно ударил своего противника по лицу, что не позволялось правилами. Случайно удар Карла пришелся по воспаленному фурункулу на щеке Горна. Капитан без чувств свалился с лошади, его уложили в постель, и у него началась лихорадка. Мучаясь сознанием своей вины, Карл навещал товарища каждый день.

Иногда потешные баталии проводились на море. Королевская яхта и другие корабли, стоявшие в стокгольмской гавани, вместо пушек были оснащены пожарными насосами и брандспойтами. В одном из таких потешных боев Горн сорвал с себя почти всю одежду, прыгнул с яхты в шлюпку и направил ее навстречу королевскому кораблю. Мощные струи из брандспойтов залили его маленькую лодку, и она начала тонуть. Горн прыгнул в воду и спокойно поплыл к королевскому кораблю. Карл, перевесившись через борт, спросил приятеля, не трудно ли это — плавать? «Ничуть, — крикнул в ответ Горн, — если не бояться». Задетый этим вызовом, Карл немедленно прыгнул за борт. Он неистово барахтался, но, увы, плавать не умел и мог утонуть, если бы Горн не ухватил его за одежду и не вытащил на берег¹.

Старшим поведение короля представлялось безумной бравадой, тогда как Карл таким образом готовил себя к опасностям войны. Он твердо решил стать закаленным и выносливым. Проспав полночи в постели, он вылезал из-под одеяла и остаток ночи спал полураздетый на голом полу. Как-то зимой он провел три ночи в промерзшей конюшне — спал, не раздеваясь и зарывшись в сено. Он стыдился малейшего проявления слабости. Нежная белая кожа казалась ему слишком женственной и поэтому он старался загореть. Традиционный парик Карл носил только до своей первой кампании против Дании, потом он выбросил его и больше никогда не надевал

52

В детстве он дружил со старшей сестрой Хедвигой Софией. Других подруг среди девочек у него не было, и когда он подрос, то не слишком жаловал женское общество. Он был холоден, высокомерен и вспыльчив, и в нем не было ничего, что могло бы привлечь противоположный пол, за исключением его сана. Многие монархи и министры иностранных дел мечтали заключить альянс с самым могущественным государем северной Европы путем династического брака. Шесть принцесс из разных государств предлагались ему в невесты, когда он был еще ребенком. Ничего из этого не вышло, да и потом Карла еще долго выводило из себя даже само упоминание о супружестве. Наиболее реальной кандидатурой была принцесса София Датская, пятью годами старше Карла, но после того, как началась Северная война и Дания оказалась в стане врагов Швеции, этот союз сделался невозможным.

Зато другой намечавшийся брак принес ему нового товарища. В 1698 году в Стокгольм прибыл его кузен — Фридрих IV, герцог Гольштейн-Готторпский, чтобы взять в жены Хедвигу Софию. Герцог был на шесть лет старше Карла и еще больший сорвиголова. Он втянул Карла в водоворот сумасбродных выходок, которые продолжались с апреля по август и были прозваны в Швеции «готторпским безумием». В компании прибывших с герцогом молодых удалыцов кузены принялись состязаться друг с другом в дерзких и рискованных затеях. Они загоняли коней, пока те, вес в мыли, не валились на землю. Они гоняли зайцев по галереям Парламента. Они палили из пистолетов по окнам дворца и выкидывали во двор столы и кресла. По слухам, они «стреляли» за обедом вишневыми косточками в физиономии министров и выбивали подносы из рук лакеев. Среди бела дня они галопом проносились по улицам, размахивая обнаженными шпагами и срывая с прохожих шляпы и парики. А по ночам горожане, разбуженные громкими криками, принимали к окнам и видели своего короля,

который в развевающейся рубаше, мчался следом за герцогом. Однажды король вместе со своими голштинскими приятелями на коне въехал в комнату, где вдовствующая королева, его бабушка, играла в карты, до смерти перепугав почтенную даму.

Многие из этих историй грешили преувеличениями, притом намеренными — из желания бросить тень на непопулярного герцога и предстоящий союз. Нет свидетельств достоверности рассказов о кровавых оргиях во дворце, во время которых двое юношей срубали головы овцам, чтобы определить, кто из них сильнее и лучше владеет клинком. Но слухи не затихали: рассказывали, что полы во дворце скользкие от крови, кровь ручьями течет по лестницам, а из окон дворца вышвыривают отрубленные головы животных.

Неизвестно, много ли правды было в этих рассказах, но беспутное поведение молодых шалопаев, которых из-за их высокого положения никто не мог приструнить, вызвало сильное негодование жителей Стокгольма. Во всем винили герцога. Поговаривали, что, возможно, он втягивает короля в опасные проделки, рассчитывая погубить его, ведь через сестру короля он мог бы сам претендовать на шведский трон. По мере того, как бесчинства продолжались, ропот становился все громче. Как-то в воскресенье сразу три стокгольмских пастора произнесли проповеди на одну и ту же тему: «Горе тебе, о страна, в которой правит ребенок!» Эти предостережения больно заделли Карла, который как и его отец был искренне набожным. В августе 1698 года, когда герцог женился на его сестре и уехал к себе в Гольштейн, Карл присмирел, посерьезнел и вновь обратился к государственным делам. Он рано вставал, больше времени посвящал молитве и начал проявлять интерес к архитектуре и театру.

Но он чуть было не вернулся к старому, когда летом 1699 года вновь пожаловал герцог Фридрих. Была устроена грандиозная попойка, во время которой ручного

54

медведя так напоили испанским вином, что он вывалился из окна и разбился насмерть. В эпилоге этой сцены очевидцы увидели Карла: одежда его была в беспорядке, а речь бессвязна. Когда он понял, что натворил, то глубоко устыдился и поклялся бабушке больше никогда в жизни не брать в рот ни капли спиртного. Как истинный протестант, он соблюдал данный зарок до конца своих дней. За исключением двух известных случаев — раз, когда он был ранен, и другой, когда он изнемогал от жажды в разгар битвы, — он не прикасался к спиртному. В Европе он слыл королем, который не пьет ничего крепче слабого пива.

Восемнадцатилетний Карл охотился на медведя в лесной чаще, когда ему сообщили, что войска Августа вторглись в шведскую Ливонию. Внешне он воспринял это известие спокойно, и, обратившись с улыбкой к французскому посланнику, сказал: «Мы заставим короля Августа убраться восвояси». По возвращении в Стокгольм, Карл заявил совету: «Я никогда не начну несправедливой войны, но войну справедливую я намерен продолжать до тех пор, пока враг не будет повержен». Всю жизнь он придерживался этого принципа, поставив его выше политических интересов, а может быть, и доводов рассудка. Позднее, когда он получил не столь уж неожиданное известие о том, что датский король Фредерик начал войну, вторгшись на территорию Гольштейна, Карл сказал: «Забавно, что оба моих кузена, Фредерик и Август, хотят воевать со мной. Пусть так. Но король Август нарушил свое слово. А потому наше дело правое, и Бог нам поможет. Сперва я покончу с одним противником, а потом разберусь и с другим». Тогда Карл не знал, что против него готовится выступить и третий противник — русский царь Петр.

Военный престиж Швеции был достаточно высок, и противники реально оценивали шведскую мощь. Но они

55

видели, что Швецию ослабляет состояние верховной власти. Вся власть и ответственность — гражданская и военная — лежала на плечах восемнадцатилетнего короля. Конечно, у Карла могли быть советники и министры, наставники, генералы и адмиралы, но при всем том он был абсолютный монарх, и, судя по донесениям, поступал то как упрямец и грубиян, то как бесшабашный сорвиголова. Для того, чтобы возглавить сопротивление нации сразу трем могущественным противникам, такое сочетание качеств представлялось не совсем подходящим.

Но противники Карла, на свою беду, не знали, да и не могли знать истинного характера короля. Юноша, грезивший о славе Цезаря и Александра Македонского, не боялся предстоящего

испытания — он приветствовал его. Карл был готов не просто к войне, а к войне свирепой, отчаянной, масштабной. Его не устраивал поспешный мир, заключаемый после первого же сражения, — у него были далеко идущие планы. Отец перед смертью советовал ему всеми силами удерживать Швецию от войны, «если только тебя за волосы не втащат в нее». Но вот на страну обрушилась «несправедливая война», и тогда заговорила суровая мораль северянина. В отличие от других монархов, он не был склонен колебаться, искать компромиссов, вести интриги против своих противников или улыбаться вчерашнему врагу. Август вероломно напал на него, и теперь Карл не успокоится, пока не свергнет его с трона, сколько бы на это ни ушло времени. Подняв оружие на Карла, союзники вызвали на свою голову грозу. Гордый, пылкий, волевой, готовый ответить на любой вызов и ревностно отстаивать честь Швеции, Карл жаждал испытать свое мужество в величайшей из человеческих игр, и потому вступил в эту войну с решимостью и радостью в сердце.

Когда Карл говорил: «Сперва я покончу с одним противником, а потом разберусь и с другим», — он

56

кратко сформулировал суть своей военной стратегии. В дальнейшем, независимо от того, что происходило в разных концах Шведской империи, король все внимание и силы сосредотачивал против одного-единственного врага. Первый удар шведов должен был обрушиться на ближайшего из противников Карла — Данию. Он попросту игнорировал тот факт, что саксонские войска вторглись в Ливонию. Защита провинции была возложена на местный гарнизон в Риге, которому оставалось только одно — стараться продержаться до прибытия подкрепления из Швеции. В противном случае город был обречен. Впоследствии Карл сумеет за него отомстить, сейчас ничто не должно мешать концентрации сил против намеченного неприятеля.

Когда Карл проводил кампанию против Дании, ему удалось заручиться поддержкой Вильгельма III, под властью которого находились две протестантские морские державы — Англия и Голландия. Вильгельм, одержимый идеей во что бы то ни стало сохранить великую коалицию против Людовика XIV, созданию которой он посвятил всю свою жизнь, вовсе не желал отвлекаться на локальные северные войны. Главное — чтобы Европа была готова дать отпор в том случае, если Людовику удастся овладеть испанским тронном, а вместе с ним всей мощью и богатствами Испании и ее заморских колоний. Он считал необходимым предотвратить или поскорее закончить всякую войну на территории Европы, чтобы она не могла перекинуться в Германию и подорвать коалицию. Поэтому Англия и Голландия были заинтересованы в сохранении мира в северной Европе и выступали гарантами статус-кво. Двинув свои войска на территорию Гольштейна — граничившего в Данией герцогства у основания Ютландского полуострова, — Фредерик Датский по сути нарушил статус-кво. И поскольку в роли агрессора выступала Дания, две морские державы решили поддержать Швецию, чтобы как можно скорее наказать датчан и восстановить статус-кво.Объ-

57

единенный англо-голландский флот был направлен в Балтийское море в помощь шведам.

Англо-голландской эскадре отводилось немалое место в планах Карла. Военно-морские силы Швеции состояли из тридцати восьми линейных кораблей и двенадцати фрегатов — на Балтике, где у России не было ни флота, ни портов, а Бранденбург и Польша располагали ничтожными возможностями, это была грозная сила. Но шведский флот и по численности и по опыту уступал датско-норвежскому, которому доводилось действовать не только на Балтике, но и в Северном море и в Атлантике. Датчане с пренебрежением отзывались о шведских моряках, как о крестьянах, которых «случайно сунули в соленую воду». В этом, видимо, была доля правды — достаточно вспомнить, как относился к морю сам Карл. Несмотря на опыт потешных батальи в стокгольмской гавани, в открытом море у него начиналась морская болезнь, да и в своих кораблях он видел прежде всего транспортное средство, позволявшее ему переправлять солдат через Балтику. Разумеется, он не собирался пользоваться этим средством как раз тогда, когда более мощный датский флот только и ждал, чтобы перехватить сю корабли. Не собирался он и сражаться с датским флотом, пока его военно-морские силы не соединятся с находившейся в пути англо-голландской эскадрой.

Весь март и апрель Швеция настойчиво готовилась к предстоящей кампании. Флот, находившийся на главной военно-морской базе Карлскруна, был подготовлен к выходу в море: корабли осмотрены, днища очищены, залатаны и законопачены, установлены мачта и

оснастка; пушки подняты на борт и установлены в пушечных портах. Было набрано 5 000 матросов, и таким образом личный состав флота достиг 16 000 человек. Все торговые суда в стокгольмской гавани как шведские, так и иностранные, были реквизированы для использования в качестве военных транспортов. Велась интенсивная подготовка армии. Пехотные и кавалерийские части были

58

пополнены в соответствии со шведской системой, по которой каждый город или округ отвечал за комплектование и снаряжение соответствующего воинского подразделения. Численность армии возросла до 77 000 человек; солдаты были вооружены мушкетами и багинетами нового образца, отлично зарекомендовавшими себя в Европе, где их взяли на вооружение французская, английская и голландская армии.

К середине апреля Карл был готов отплыть из Стокгольма. Вечером 13 апреля 1700 года он пришел проститься с бабушкой и сестрами. Эти печальные минуты расставания были бы намного горестнее, если бы кто-нибудь из них знал, что уготовила им судьба. Хотя восемнадцатилетнему Карлу оставалось прожить еще столько же лет, он никогда не вернется в свою столицу*, не увидит ни бабушку, ни старшую сестру.

Король, отправлявшийся в свой первый поход, возмужал; по меркам того времени он был высокий — пяти футов девяти дюймов, с широкими плечами и тонкой талией. Держался он прямо, несколько напряженно, но был при этом чрезвычайно гибок. Он мог, свесившись с седла, на полном скаку поднять с земли перчатку. У него было открытое лицо, крупный нос, полные губы, нежная кожа, которая вскоре обветрится и огрубеет от походной жизни. Глаза у него были синие, живые и умные. Он носил короткие волосы, зачесанные с боков наверх, которые летом выгорали на солнце и из рыжевато-каштановых делались русыми. С годами они поседели и поредели, обнажив крутой, высокий лоб.

Расставшись с бабушкой и сестрами, Карл поспешил на юг, inspectируя по пути военные лагеря. 16 июня в Карлскруне он взобрался на борт «Короля Карла», флагманского корабля шведского адмирала Вахтмейстера. Тем

* Карл XII вернулся в Швецию в ноябре 1714 г., а погиб 30 ноября 1718 г. при осаде крепости Фредриксхаль в датской Норвегии. — *Ред.*

59

временем, англо-голландская эскадра в составе двадцати пяти линейных кораблей прибыла на рейд западного шведского порта Гётеборг, и когда Карл отплыл из Карлс-круны, союзные корабли двинулись на юг по проливу Каттегат. Теперь оба флота шли навстречу друг другу, но на их пути был защищенный орудиями грозный пролив с отмелями и с фарватером в три мили шириной. Вдобавок ко всему, в Балтийском море у входа в главный канал находились сорок боевых кораблей датского флота, целью которых было помешать противникам соединиться.

Именно Карлу удалось найти выход из положения. Он приказал адмиралу Вахтмейстеру провести флот по дополнительному фарватеру, пролежавшему вдоль шведского берега, — мелководному и коварному. Вахтмейстер опасался за безопасность судов, но Карл взял всю ответственность на себя и адмирал неохотно согласился. Один за другим по этому проходу проплывали огромные корабли под сине-желтыми флагами. Пришлось оставить в гавани три самых больших судна, для которых фарватер оказался слишком мелок. Но главное, одним удачным маневром англо-голландская и шведская эскадры объединились и вместе составили флотилию в шестьдесят боевых судов. Датский адмирал не рискнул пренебречь столь очевидным численным превосходством противника, и шведы могли приступить к осуществлению дальнейшего плана. Карл и его генералы намеревались переправить шведскую армию через пролив на датский остров Зеландия, где расположена столица Дании Копенгаген. Поскольку основные силы датчан во главе с королем, вторгшиеся в пределы Гольштейна, находились далеко на юге, шведы рассчитывали быстро продвинуться к Копенгагену, осадить столицу и тем вынудить короля Фредерика принять их условия. План был разработан лучшим полководцем Карла фельдмаршалом Карлом Густавом Реншиль-дом и получил горячую поддержку короля. Английский и голландский адмиралы энтузиазма Карла не разделяли, но в конечном счете тоже согласились.

60

23 июля, в дождливую и ветреную погоду, был погружен на транспортные суда и отплыл десантный корпус в 4000 человек. Хотя отряд уступал по численности зеландскому гарнизону, насчитывавшему 5000 человек, преимущество шведов состояло в мобильности и в том, что они могли выбрать место высадки. Чтобы сбить датчан с толку, шведы подошли на кораблях к берегу, а сами незаметно пересели в легкие шлюпки и высадились в другом месте. Сойдя на берег, они столкнулись с датским отрядом всего лишь в 800 человек. Под прикрытием огня тяжелых орудий с военных кораблей шведы быстро захватили плацдарм на берегу. Карл и сам прибыл к берегу на шлюпке, причем последние несколько ярдов мелководья ему пришлось идти по воде. Он был страшно раздосадован тем, что к моменту его прибытия противник уже бежал.

Шведы быстро наращивали свои силы. Всего за десять следующих дней через пролив было переправлено еще 10 000 человек, включая артиллерию и кавалерию. Теперь шведы благодаря численному перевесу оттеснили датчан в Копенгаген. Преследуя отступавших, шведы возвели вокруг датской столицы осадные укрепления и приступили к бомбардировке города. Поспешно вернувшийся с юга король Фредерик был напуган и растерян: флот его беспомощен, столица в осаде, а основные силы далеко на юге. Фредерик понял, что побежден и бед проволочек согласился на предложенные Карлом условия. 18 августа 1700 года он подписал Травендальский мирный договор, в соответствии с которым он обязался возвратить захваченные голштинские земли и прекратить войну против Швеции. Карл был удовлетворен — он не имел притязаний на датскую территорию и теперь мог заняться Августом. Англичане и голландцы тоже были удовлетворены: военный конфликт у границ Германии и империи Габсбургов потушен, а статус-кво восстановлен. Таким образом первая военная кампания Карла ока-

61

залась быстрой, успешной и почти бескровной. Всего две недели и два смелых решения - провести шведский флот по мелководному фарватеру и высадить войска на остров Зеландия за спиной короля Фредерика - потребовалось для того, чтобы восстановить в правах союзника Швеции, герцога Гольштейн-Готторпского, и вывести из войны одного из противников. Но успех этой блестящей молниеносной кампании был заслугой не одних шведов - без участия англо-голландского флота высадка зеландского десанта не могла бы состояться.

Итак, Дания из войны выбыла. Карл понимал, что при первом удобном случае Фредерик снова выступит против него, но время было выиграно. Теперь Карл готовился направить свои силы против второго противника. По завершении датской кампании он полагал, что следующим его неприятелем будет польский король Август. Но судьба распорядилась иначе. Следующий удар шведов обрушится на русского царя Петра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ НАРВА

Как гласил указ, царь начал войну со Швецией, чтобы вернуть Ижорские и Карельские земли. Ижорская земля, или Ингрия, представляла собой сравнительно узкую полосу суши, протянувшуюся на семьдесят пять миль вдоль южного побережья Финского залива от Невской губы до Нарвы. Карелия - значительно больший по площади лесной и озерный край, пролежавший между заливом и Ладожским озером, и на западе простиравшийся до Выборга. Возвращение обеих провинций, утраченных Россией во время Смуты, открыло бы для Петра столь необходимый выход к Балтийскому морю.

Нарва, прибрежный город и крепость в Эстонии у границ Ингрии, в первоначальных военных планах Петра не фигурировала. Она находилась на территории, которую Паткуль и Август намеревались присоединить к Польше. Но Петр понимал, что если бы он овладел Нарвой, это было бы самым надежным способом сохранить за собой Ингрию. Когда он рассматривал карты этой местности, ему представлялось, что удар по Нарве не вызовет больших затруднений: русская граница находилась на расстоянии всего лишь двадцати миль к юго-востоку от города — расстоянии, которое можно было преодолеть одним броском.

63

И Паткуль, и представитель Августа в Москве барон Ланген не были в восторге от решения Петра. Им вовсе не улыбалось, что шведов в Эстонии сменят русские, хотя в данный момент русские и были их союзниками. Барон Ланген докладывал Паткулю: «Я с помощью датского посланника сделал все возможное, чтобы отговорить его [царя] от этого решения. Но он

оказался настолько непреклонен, что мы поостереглись затрагивать такой деликатный вопрос и должны довольствоваться разрывом царя со шведами и надеждой на то, что со временем Нарва окажется в наших руках»¹. Паткуля тревожило, что, овладев Нарвой, Петр двинется дальше по балтийскому побережью и займет всю Ливонию, причем Август будет бессилён этому помешать. Но делать было нечего: царь уже принял решение*.

К середине сентября 1700 года новгородский воевода, князь Трубецкой, получил приказ выступить к Нарве с передовым отрядом в 8 000 человек и блокировать город. Командование основными силами было возложено на Федора Головина. Ему доводилось служить и послом, и адмиралом, и главой иностранного ведомства, а теперь он сподобился стать фельдмаршалом. Армия, находившаяся под общим началом Головина, состояла из трех отдельных корпусов, которыми командовали Автомон Головин, Адам Еейде и Аникита Репнин. Общая численность армии превышала 63 000 человек, но силы были рассредоточены на большом расстоянии. В то время, как войска Трубецкого медленно продвигались к Нарве, корпус Репнина еще только формировался на Волге, в тысяче верст от театра военных действий. К 4 октября 1700 года 35 000 русских солдат рыли траншеи вокруг города; туда же прибыл Петр, чтобы лично на-

* Обстоятельства начала войны изложены неточно. Петр I намеревался занять Ингрию и Карелию, но по просьбе Августа II начал наступать на Нарву, чтобы оттянуть часть шведских войск на себя и облегчить саксонцам осаду Риги. — *Ред.*

64

блюдать за ходом осады. Он ждал только, когда подвезут порох и ядра и можно будет отдать приказ о начале обстрела.

Город Нарва, построенный датчанами в XIII веке, был процветающим торговым портом во времена Ганзейского союза, да и в петровское время через Нарву шла львиная доля российских товаров из Пскова и Новгорода. Нарва была похожа на многие другие прибалтийско-германские города: такие же кирпичные дома с остроконечными крышами и тонкие шпили лютеранских церквей над тенистыми улочками. Нарва расположена на западном берегу Наровы, на образованном излучиной реки полуострове. С трех сторон город окружен водой, но близость к русской границе заставила возвести мощные оборонительные укрепления. Город окружали высокие каменные стены с бастиянами. А напротив — стоило перейти каменный мост над Наровой — высилась могучая Ивангородская крепость, построенная русскими в 1492 году, когда граница проходила по реке. В то время Ивангород должен был служить для устрашения жителей Нарвы, но теперь и город, и крепость были превращены в единую оборонительную систему. Гарнизон насчитывал 1300 человек пехоты, 200 человек кавалерии и 400 человек гражданского ополчения.

Под руководством генерал-лейтенанта Людвига фон Галларта, саксонского инженера, присланного Августом в помощь Петру, русские возвели осадные сооружения напротив западных земляных валов Нарвы. Они перекрыли единственную дорогу, по которой в город могло подойти подкрепление, и насыпали двойной вал, отрезавший подступы к городу с запада и одновременно защищавший позиции осаждавших от возможного нападения с тыла. Со временем этот вал превратился в мощную цепь земляных укреплений (четыре мили длиной и девять футов высотой), перед которыми тянулся глубокий ров.

Но осада продвигалась не так быстро, как надеялся Петр. Хотя Нарва и находилась всего в двадцати милях

3 Петр Великий, т. 2

65

от русской границы, до ближайших русских городов Новгорода и Пскова — было больше ста миль. Раскисшие под осенним дождем дороги превратились в трясину, в которой намертво вязли подводы с припасами. Ломались телеги, надрывались кони, а осаждавшим остро не хватало артиллерийских снарядов. Головин делал все, что было в его силах, чтобы подтянуть войска как можно скорее — ему пришлось даже конфисковать лошадей и повозки у местного населения; но только к концу октября большая часть армии прибыла на позиции.

4 ноября русская артиллерия начала обстрел города. В то же время Шереметеву с отрядом в 5000 человек было поручено следить за возможным появлением шведского подкрепления с запада. Две недели русские орудия вели огонь по стенам и башням Нарвы без особого успеха: орудийные лафеты были то ли плохо сделаны, то ли повредились при перевозке, но только

многие из них развалились на куски после трех-четырёх выстрелов. Два приступа русской пехоты к Ивангороду были легко отбиты. 17 ноября артиллерийских боеприпасов осталось всего на несколько дней и огонь прекратили до прибытия новых обозов. В это время в лагерь Петра поступило два тревожных сообщения: король Август снял осаду Риги и отступил на зимние квартиры, а король Карл XII со своей армией высадился на балтийском побережье в районе Пернау* в 150 милях к юго-западу от Нарвы.

Сразу после подписания Травендальского мира шведы незамедлительно вывели войска с острова Зеландия: огромные корабли англо-голландской эскадры уже готовились к отплытию, и шведским военачальникам вовсе не хотелось, чтобы их войска задерживались на датском острове после ухода союзников. Конечно, датчане под-

* Ныне г. Пярну. - *Ред.*

писали мир, но кто знает, что им придет в голову, если немногочисленный шведский экспедиционный корпус останется без прикрытия на чужой стороне пролива. К тому же король хотел как можно скорее перебросить войска, чтобы до начала зимы успеть использовать их еще в одной кампании. К 24 августа последний шведский солдат благополучно сошел на берег в южной Швеции. В конце августа и в начале сентября Карл и слышать не хотел о каких бы то ни было мирных предложениях, думая лишь о выборе плацдарма для нанесения контрудара по войскам Августа. Предполагалось, что армия отплывет в Ливонию, чтобы снять осаду с Риги и изгнать из провинции саксонские войска. Но тут стали доходить известия о том, будто царь Петр стягивает к границе с Ингрией такие силы, что сомневаться в его намерениях начать войну не приходится. И действительно, ближе к концу сентября Карл получил от Петра послание с объявлением войны, а заодно подоспело сообщение о том, что русские войска пересекли границу и появились перед шведской крепостью Нарвой.

Шведы решили двинуться в Ливонию. Эта область подвергалась нападению сразу двух противников — Августа и Петра, и две важнейшие шведские твердыни, Нарва и Рига, оказались в опасности. Единственной заботой короля стало успеть провести экспедицию до того, как ветры и льды сделают плавание по Балтике невозможным. В письме, отправленном из шведской ставки, один из офицеров писал: «Король решил отправиться в Ливонию. Он отказывается встречаться с французским и бранденбургским посланниками, чтобы они не могли передать ему мирные предложения. Он намерен во что бы то ни стало сразиться с королем Августом и досадует на все, что, по его мнению, может этому воспрепятствовать».

1 октября Карл, презрев все предупреждения об опасности осенних штормов на Балтике, отплыл из Карлс-

67

круны в Ливонию. Хотя корабли были до отказа переполнены солдатами, транспортные суда смогли переправить за один раз только 5 000 человек. На третий день плавания, когда флот находился в открытом море, как и следовало ожидать, разразился шторм и разметал корабли по морским просторам. Некоторые суда стали на якорь и благополучно пережили бурю возле Курляндского берега, другие же дали течь и погибли. Волны нещадно мотали корабли вверх и вниз, немало кавалерийских коней было покалечено, а Карла одолевала сильнейшая морская болезнь.

6 октября изрядно потрепанный и поредевший шведский флот вошел в гавань порта Пернау в Рижском заливе. На причале короля приветствовал бургомистр и члены городского совета, а когда он следовал по мощеным булыжным улицам к своей временной резиденции, почетный караул салютовал ему мушкетным огнем. Как только удалось исправить повреждения, причиненные штормом, суда вновь были отправлены в Швецию, чтобы доставить еще 4000 человек, лошадей и оставшуюся артиллерию. В Пернау Карл узнал, что Август снял осаду Риги, приостановил военные действия и отвел войска на зимние квартиры. Ранее, в середине июля, польский король лично присоединился к осаде во главе 17-тысячной саксонской армии. Но известие о Травендальском мире — о неожиданном поражении Дании, еще недавно столь воинственного союзника Августа, удивило и обескуражило короля. Поэтому, узнав о готовящейся высадке шведского десанта в Ливонии, он благоразумно отступил в ожидании дальнейшего развития событий. Карл воспринял это сообщение с горьким разочарованием. Он надеялся сразиться с Августом — он был настроен драться! Одна возможность повоевать у

него в этой ситуации еще оставалась. Всего в 150 милях находилась русская армия царя Петра, осаждавшая Нарву. Карл принял незамедлительное решение: раз саксонцы не хотят сра-

жаться, он сразится с русскими. Он выступит против царя и освободит Нарву.

Карл начал с того, что стал собирать воедино все силы, имевшиеся в его распоряжении. По оценке короля, вместе с солдатами, которые прибыли с ним, плывшим из Швеции подкреплением и освободившимися после отступления Августа войсками рижского гарнизона, к ноябрю можно было сосредоточить здесь 7000 пехоты и 8000 кавалерии. На протяжении пяти недель он усиленно готовил армию в Везенберге (Раквере), и все это время шведские кавалерийские разъезды вступали в мелкие стычки со всадниками Шереметева на «едущей к Нарве дороге».

В шведском лагере далеко не всех прельщала перспектива зимней кампании против русских. Многим офицерам Карла это предприятие представлялось чрезмерно опасным. Утверждали, что русская армия превосходит шведскую по численности в четыре раза, а по некоторым слухам, даже и в восемь; русские будут защищены своими осадными укреплениями, которые шведам, несмотря на меньшую численность, придется штурмовать; до Нарвы надо неделю добираться по опасным, размытым дорогам, по выжженной и разграбленной местности, форсировать три труднопреодолимые переправы, которые русские, несомненно, будут оборонять; среди солдат уже начали распространяться болезни, скоро многих недосчитаются в строю; к тому же зима на носу, а зимние квартиры не подготовлены.

Карл попросту отмел все эти доводы: они пришли воевать, и противник их ждет. Если шведская армия отступит и Нарва падет, русские войска заполнят Ин-грию, Эстонию и Ливонию, и все восточные прибалтийские провинции будут потеряны. Энергия и уверенность короля передались некоторым офицерам и помогли поднять моральный дух войск. Все понимали, что ответственность за судьбу кампании, ее успех или провал,

69

целиком будет лежать на плечах восемнадцатилетнего монарха. Перед началом похода Реншильд заявил: «Если

король добьется успеха, он будет единственным, кто
з сумел с честью одолеть такие препоны»

Экспедицию начали 13 ноября, не дожидаясь, пока из Ревеля прибудет ожидаемая тысяча кавалеристов. В колонны под сине-желтым флагом собрали всех, кто был способен встать в строй ~ всего 10537 человек. Как и предвидели, условия оказались ужасающими. Дороги были размыты осенними дождями, и солдатам приходилось идти по густой, липкой грязи и тут же устраиваться на ночлег. В опустевшем краю встречались лишь разоренные хутора, подожженные русскими конниками. Не было ни фуража для коней, ни провианта для солдат, кроме тех запасов, которые они несли в своих ранцах. На протяжении всего похода ни на день не прекращался холодный дождь, и люди промокли до костей. По ночам температура падала - дождь переходил в мокрый снег и земля замерзала. Карл спал вместе с солдатами под открытым небом — под снегом и дождем.

Приятным сюрпризом для шведской армии было то, что она не встретила почти никаких препятствий. Две или три переправы, попавшиеся по пути, войска форсировали без малейшего сопротивления. На четвертый день авангард шведской кавалерии подаехал к переправе через реку Пюхайыз, в восемнадцати милях к западу от Нарвы, где дорога шла вдоль реки через глубокую долину, окруженную крутыми холмами. На противоположном берегу шведов поджидали 5000 русских всадников под командованием Шереметева, но мост не был разрушен.

Карлу, который ехал в авангарде, доложили о присутствии Шереметева. Он приказал выдвинуть на передовую позицию восемь легких орудий. Затем во главе отряда драгун и части батальона гвардии — всего не более 400 человек — он ринулся в долину. Шведская конная артиллерия была скрыта от глаз русских скачущими драгунами, и за их спинами пушки незамеченны-

70

ми доставили к линии огня. Потом их неожиданно выкатили вперед и открыли огонь по скупившейся на противоположном берегу русской коннице. Русские были ошеломлены

грохотом орудий, а поскольку своих пушек у них не было и они не могли открыть ответный огонь, всадники повернули коней и пустились наутек, оставив переправу без защиты. Впоследствии стало известно, что отход русских частей был не бегством, а заранее спланированным отступлением: Петр приказал Шереметеву не ввязываться в бой с основными силами шведской армии. Но в глазах изнуренных шведов атака их небольшого отряда, повлекшая за собой то, что казалось разгромом русских, выглядела победой и вызвала большое воодушевление. Переправа досталась шведам без крови, а могла бы стоить дорого, возмись русские ее защищать. Дорога на Нарву была свободна.

В этот вечер, как и прежде, промокшие под дождем и покрытые грязью шведы разбили лагерь на восточном берегу Пюхайыэ. Из-за непролазной грязи многим солдатам пришлось провести ночь на ногах. На следующий день, 19-го числа, голодная и продрогшая армия подошла к разоренному поместью Лагена, в семи милях от Нарвы. Карл не знал, держится ли еще крепость и приказал подать сигнал четыремя орудийными выстрелами. Вскоре со стороны окруженной крепости донеслось четыре приглушенных ответных выстрела. Нарва оставалась в руках шведов.

Кавалерия Шереметева была послана на запад лишь для того, чтобы наблюдать за движением шведов, а не для того, чтобы ему препятствовать. Как только шведская армия выступила в поход на восток, Шереметев, следуя приказам, стал отходить, опустошая территорию, по которой проезжал, до самой Пюхайыэ. Здесь русский полководец хотел остановиться и дать бой, полагая, что если переправу укрепить, ее можно будет легко отстоять

71

и тем блокировать продвижение шведов к Нарве. Но Петр, который не очень хорошо представлял себе эту местность, не принял предложение Шереметева. По мнению Петра, переправа находилась слишком далеко от лагеря основных сил, и он не желал разделять армию. Напротив, было принято решение укрепить подступы к русскому лагерю с суши, чтобы обороняться от наступающих шведских войск, и в то же время энергично продолжать осаду. В течение грядущего десятилетия Мальборо будет брать город за городом именно таким образом: вначале окружая город войсками, а затем ограждая их кольцом наружных укреплений, что позволяло отбивать атаки прибывающих на выручку армий и одновременно сдавливать город или крепость в кольцо осады.

17 ноября Шереметев привел своих конников обратно в лагерь и сообщил, что шведы захватили Пюхайыэ и следуют за ним по пятам. Петр созвал военный совет. Караулы были удвоены, солдатам раздали дополнительные комплекты боеприпасов, но ночь прошла спокойно. Вообще-то русские и не рассчитывали, что шведская армия с марша бросится в атаку. Скорее они полагали, что сражение состоится не скоро и ожидали постепенного наращивания сил, рекогносцировок, мелких стычек и маневров.

В три часа, в ночь с 17 на 18 ноября, царь призвал к себе знатного дворянина родом из Испанских Нидерландов — герцога де Кроа, который находился при армии в качестве наблюдателя короля Августа, и предложил ему взять на себя командование. Петр вместе с Федором Головиным, который номинально числился главнокомандующим российской армией, тут же уехал в Новгород, чтобы ускорить прибытие пополнения, а заодно обсудить с королем Августом дальнейший ход войны. Петр хотел получить от Августа объяснения по поводу его отступления из-под Риги, вызвавшего недовольство царя и возбудившего его подозрения. По этой причине Петр и взял с собой Головина, который был не

72

только главнокомандующим, но еще и заведовал иностранными делами.

Поговаривали, что отъезд Петра из армии за день до битвы под Нарвой — проявление трусости. Рассказни о том, как дрожащий от страха Петр при приближении Карла взвалил всю ответственность на беднягу де Кроа, присовокупляли к истории о ночном бегстве царя в Троицу, чтобы создать ему репутацию труса и паникера. Обвинение это несправедливо — как вообще, так и применительно к данному случаю. Петр не раз рисковал жизнью и на поле боя, и на палубе боевого корабля, и его никак нельзя обвинить в трусости. Все объяснялось очень просто: Петр был тем единственным в России человеком, на котором лежала вся полнота ответственности, и он отправился туда, где был нужнее. Привыкший к неспешной манере, в которой русские войска проводили военные операции, Петр полагал, что и шве*-ды будут

действовать с той же осмотрительностью. Никто не ждал, что армия, только что прибывшая после долгого изматывающего марша, немедленно бросится в атаку на противника, вчетверо превосходящего ее по численности и укрытого за широчайшим рвом и земляным валом, на котором установлено 140 орудий. В русском лагере не было никого, кто до конца представлял бы себе неукротимый нрав Карла XII.

Пострадавшим в этой ситуации оказался де Кроа. Карл Евгений, герцог де Кроа, барон, маркграф и князь Священной Римской империи, пятнадцать лет прослужил в императорской армии, сражаясь против турок, но был принужден уйти в отставку после того, как отступил под натиском огромной османской армии во главе с великим визирем. Он искал себе службу, и в 1698 году в Амстердаме предложил свои услуги Петру. Петр тогда не взял его на службу, и впоследствии де Кроа стал служить Августу. Август и отправил его к Петру, чтобы убедить царя послать 20 000 человек на осаду Риги вместо того, чтобы затевать собственную кампанию в Инг-

73

рии*. Петр поступил по-своему, но оставил при себе де Кроа в качестве наблюдателя и советника.

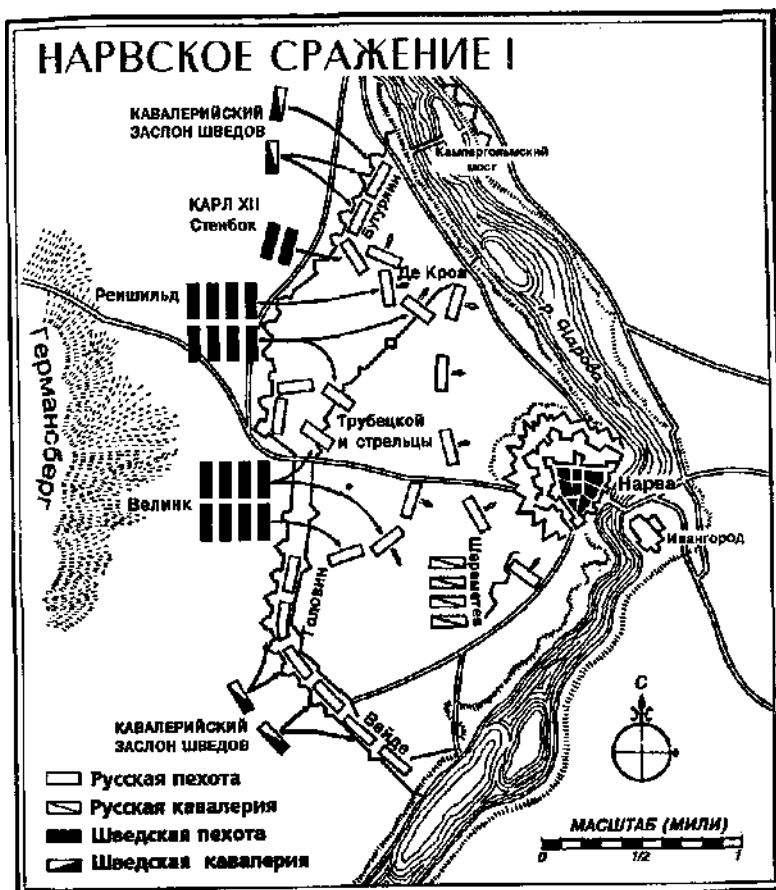
И вот, совершенно неожиданно, де Кроа было предложено взять на себя командование. Возможно, прими Петр это решение двумя неделями раньше, оно оказалось бы верным, теперь же было слишком поздно. Де Кроа отговаривался тем, что не знает русского языка и почти не знаком с русскими офицерами и ему будет трудно отдавать приказы и проверять их исполнение. Он был недоволен диспозицией русских войск — кольцо укреплений, окружавшее город, было слишком протяженным, а плотность войск, рассредоточенных по всей его длине — слишком мала. Мощная атака шведов на отдельном участке могла бы принести им успех раньше, чем подоспела бы помощь.

Тем не менее, де Кроа поддался на уговоры царя и согласился. Петр предоставил ему полную власть над всей армией. Письменный приказ царя предписывал оттягивать сражение до подвоза дополнительных боеприпасов, продолжать осаду и не позволить шведам прорваться в город. Барон Ланген в письме к Августу саркастически отозвался о смене командования: «Я надеюсь, что теперь, когда герцог де Кроа получил полную власть, дела у нас примут другой оборот, ибо у него кончилось вино и водка. Лишенный своей стихии, он, вне всякого сомнения, удвоит усилия для того, чтобы прорваться к винным потребам коменданта». Никто в русском лагере даже отдаленно не представлял себе, что должно произойти.

-ОШО

Утром 20-го числа шведские колонны были сформированы у Лагены и под холодным дождем двинулись в направлении Нарвы. К десяти часам утра авангард шведской армии появился в поле зрения дозорных. Герцог де Кроа, чрезвычайно импозантно смотревшийся в красном

* См. сноску на с. 64 — *Ред.*

мундире, верхом на сером коне, проводил утренний смотр, когда мушкетный огонь известил его о приближении шведов. Он подъехал к валу и увидел, как промокшие колонны неприятеля выходят из леса на гребне невысокой горы Германсберг. Де Кроа не слишком встревожился: штурм линии его земляных укреплений был делом непростым и требовавшим времени, кроме того, он по опыту знал, что подобные операции проводятся поэтапно. Когда он в подзорную трубу рассмотрел ряды приближавшихся шведов, он был поражен их малым числом и с тревогой подумал, что это, вероятно, авангард более крупных сил. Но даже если и так, он мог бы выделить часть своей армии — около 15000 человек, — чтобы атаковать шведов и попытаться рассеять и отбросить их колонны. Но русские офицеры определенно предпочитали оставаться под защитой укреплений. Тогда де Кроа приказал водрузить знамена на вал, занять позиции и ждать.

В это время Карл и Реншильд с вершины Германсберга пристально разглядывали в подзорные трубы фортификации русской армии. Перед ними расстиралось поле боя. С двух сторон оно было ограничено широким руслом Наровы, делавшей большой изгиб в районе Нарвы. На другом берегу реки высилась Ивангородская крепость. На переднем плане располагались осадные позиции русских войск. Мост, перекинутый через реку у северной оконечности русских укреплений, был единственным путем, по которому русская армия могла получать припасы, а в крайнем случае, и отступить. Защитная линия выглядела впечатляюще — сразу за рвом поднимался земляной вал, по гребню которого были вбиты бревенчатые надолбы — *chevaux de frise*. Вдоль вала были сооружены бастионы, оснащенные артиллерией. Значительное численное превосходство русской армии было очевидно. Но по всем перемещениям, наблюдавшимся в русском лагере, было ясно, что атаковать они не намерены.

Карл и Реншильд оказались в затруднительном положении — кому-то другому оно показалось бы критичес-

ким. Обычно небольшие и измотанные армии не предпринимали попыток штурмовать укрепленные позиции, защитники которых вчетверо превосходили их числом. Но шведской армии негде было укрыться — оставалось идти на штурм. Бездействовать перед лицом столь

многочисленного неприятеля недопустимо, отступить тоже нельзя: по-видимому, иного выхода, кроме приступа, не было. И, наконец, Карл и Реншильд отметили тот же недостаток, на который де Кроа указывал Петру: русская армия была растянута вдоль линии длиной в четыре мили. Концентрированный удар по отдельному участку вала мог бы прорвать его до того, как русские успеют перебросить достаточное подкрепление. Карл рассчитывал, что, ворвавшись в русский лагерь, его дисциплинированные шведы сумеют воспользоваться сумятицей, которая, по его предположению, неизбежно должна возникнуть. Поэтому он приказал Реншильду готовить штурм, и генерал быстро разработал план. Собранной в кулак шведской пехоте предстояло нанести главный удар. Разбившись на два отряда, пехотинцы должны были атаковать земляной вал приблизительно в центре линии обороны. Прорвавшись за вал, один отряд повернет на север, другой на юг, расширяя таким образом участок прорыва уже за линией обороны и тесня русские части к реке сразу в двух направлениях. Шведская кавалерия останется снаружи линии укреплений, чтобы прикрывать фланги атакующей шведской пехоты, контролировать пространство и пресекать вылазки или попытки прорваться со стороны русских войск. Реншильд был назначен командовать северным (левым) крылом атакующей шведской пехоты. Правое крыло было поручено графу Отто Веллингку. Самому Карлу предстояло командовать небольшим отдельным отрядом на левом фланге. При нем находились полковник Магнус Стен-бок и Арвид Горн. Как только орудия были сняты с передков и установлены, артиллерия начала обстрел центра русских позиций. Пехота в это время подтягива-

77

лась тоже к центру, а кавалерийские эскадроны рысью поскакали к флангам. Так, планомерно, без суеты, 10000 шведов приготовились к наступлению на укрепленные позиции 40-тысячной русской армии.

Де Кроа с вала наблюдал за действиями шведов с нарастающей тревогой. Он ожидал, что, в соответствии с правилами войны, шведы начнут рыть траншеи и укреплять свой лагерь. Его беспокойство усилилось, когда он увидел, что шведские солдаты несут фашины, чтобы засыпать ров перед земляным валом. Главнокомандующий заподозрил, что, хотя это и невероятно, шведы собираются идти на приступ его позиций.

Все утро и первую половину дня шведы невозмутимо продолжали свои приготовления. К двум часам, когда все было готово, дождь прекратился, похолодало и потемневшее небо возвещало приближение бури. Как только взлетели сигнальные ракеты и армия пришла в движение, поднялась вьюга — снег мело почти горизонтально прямо на русские позиции. Кое-кто из шведских офицеров заколебался, полагая, что было бы лучше отложить штурм, пока не утихнет буря. «Нет* - вскричал Карл Нам пурга метет в спину, а неприятелю — в лицо»⁴.

Король был прав. Вихрь снежных хлопьев слепил глаза русским солдатам. Они открыли орудийный и мушкетный огонь, но большая часть выстрелов прошла над головами атакующих и не причинила им вреда. Быстро, бесшумно шведы устремились вперед и вдруг возникли перед русскими из-за снежной завесы. В тридцати шагах от вала шведский строй замер, солдаты вскинули мушкеты, и прозвучал залп, «как траву» скосивший тех из защитников, кто стоял наверху. Забросав ров фашинами, шведы хлынули на стену. Размахивая шпагами и багинетами, они вскарабкались на вал и обрушились на противника. «Со шпагами наголо мы бросились вперед и прорвались. Мы разили всех, кто приближался к нам. Резня была страшная», — писал впоследствии шведский офицер .

78

Поначалу русские солдаты упорно сопротивлялись: «они ответили сильным огнем и убили многих славных бойцов»⁶. Но в проделанную брешь хлынула свежая шведская пехота. В точном соответствии с планом, шведы разделились на два отряда и начали оттеснять русских в противоположных направлениях вдоль внутренней стороны вала. Южный отряд шведских войск, навалившийся на левое крыло русской позиции, сначала столкнулся со стрельцами, которыми командовал Трубецкой. Их без труда обратили в бегство, подтвердив таким образом мнение Петра о том, что стрельцам не под силу противостоять современной армии. Развивая наступление, шведы завязали бой с частями Головина, которые, несмотря на отсутствие командира, поначалу упорно отбивались. Но шведы один за другим рассеяли

несколько необстрелянных русских полков, и остальные в смятении отступили. На этом крыле, за оборонительной линией, стояла конница Шереметева. Обрушившись всей массой на атакующую шведскую пехоту, она могла бы задержать ее или даже смять. Но российская кавалерия, состоявшая в основном из дворянского ополчения и неприученных к строю казаков, ударились в панику прежде, чем на нее напали. Завидев атакующих шведов, всадники повернули коней и, сломя голову, бросились в реку, думая лишь о собственном спасении. Несколько тысяч коней и около тысячи человек утонули.

Такое же положение сложилось и на северном, правом, фланге русских частей. Когда шведы ворвались в лагерь, русские солдаты пытались удержаться и сперва храбро защищались. Но когда пали их командиры, они бросились бежать с криками «Немцы нас предала!» По мере того, как шведы продвигались на север, захватывая бастион за бастионом, число обратившихся в бегство русских солдат нарастало, как снежная лавина. К реке устремилась такая масса народу, что скоро густая толпа перепуганных пехотинцев, артиллеристов и обозных в панике запрудила единственный мост. Под их тяжестью

79

мост вдруг страшно затрещал, просел, и сотни людей полетели в воду.

И лишь на одном участке держались русские солдаты. На северном фланге, неподалеку от рухнувшего Кам-пергольмского моста, не дрогнув, удерживали позиции шесть батальонов, включая преображенцев и семеновцев, под командованием Бутурлина. Наспех соорудив новое укрепление — заграждение из сотен телег и подвод, они сопротивлялись, обстреливая из мушкетов и пушек навалившихся на них шведов.

За исключением этого единственного участка, русские войска на северном крыле, также как и на большей части южного, превратились в беспорядочную, охваченную паникой толпу. Сотни русских солдат спрыгивали наружу со стены вала, ища спасения от штыков шведской пехоты, и попадали под копыта шведской кавалерии, которая загоняла их назад. Иноземные офицеры, которые командовали русскими войсками, изумлялись и негодовали. «Они бежали как стадо, — говорил о своих солдатах саксонец Галларт. — Полки перемешались друг с другом так, что и двадцать человек с трудом можно было поставить в строй». Как только среди солдат пронесся слух об измене иноземных командиров, их невозможно было заставить повиноваться. Видя происходящее, слыша угрожающие выкрики своих подчиненных, герцог де Кроа заявил: «Пусть сам черт дерется с такими солдатами!» Вместе с Галлардом и Лангеном он поскакал в расположение шведов, где они сдались Стенбоку. В шведском плену было безопаснее, чем в окружении своих собственных вышедших из подчинения и охваченных паникой солдат. Стенбок учтиво принял перебежчиков и препроводил их к королю.

С самого начала штурма русских укреплений Карл упивался боем. Большую часть дня его видели перед валом — он рвался навстречу опасности. Пытаясь объехать место, где вповалку лежали раненые и умирающие, Карл вместе с конем провалился в ров. Его вытащили,

80

но он потерял коня, шпагу и один ботфорт. Карл сел на другого коня, но тот был сразу же под ним убит. В короля попала пуля на излете, которую после сражения он обнаружил застрявшей в галстуке. Увидев, что король остался без коня, один из кавалеристов спешил и отдал ему свою лошадь. Садясь в седло, Карл с улыбкой заметил: «Неприятель, как видно, хочет поупражнять меня в верховой езде»⁸.

С наступлением темноты король, забрызганный грязью, в одном ботфорте появился в лагере. Он понял, что хотя де Кроа и большинство иностранных офицеров сдались в плен, об окончательной победе говорить рано. Несмотря на понесенные русскими войсками потери, на поле боя под ружьем оставалось еще 25000 русских против всего 8000 шведов. Русские генералы — князь Долгорукий, царевич Александр Имеретинский, Автомон Головин и Иван Бутурлин — пали духом не так быстро, как де Кроа, Галлард и Ланген. Они отступили под защиту сооруженного из подвод заграждения на северной оконечности лагеря, и вокруг этого импровизированного бастиона разразилось самое яростное сражение дня. Кроме того, на левом крыле русских войск оставался корпус генерала Вейде, почти не понесший потерь, поскольку практически не участвовал в баталии. Если бы части Головина нанесли неожиданный удар в северном направлении, а засевшие в кольце из подвод полки вышли им навстречу, шведы попали бы в клещи.

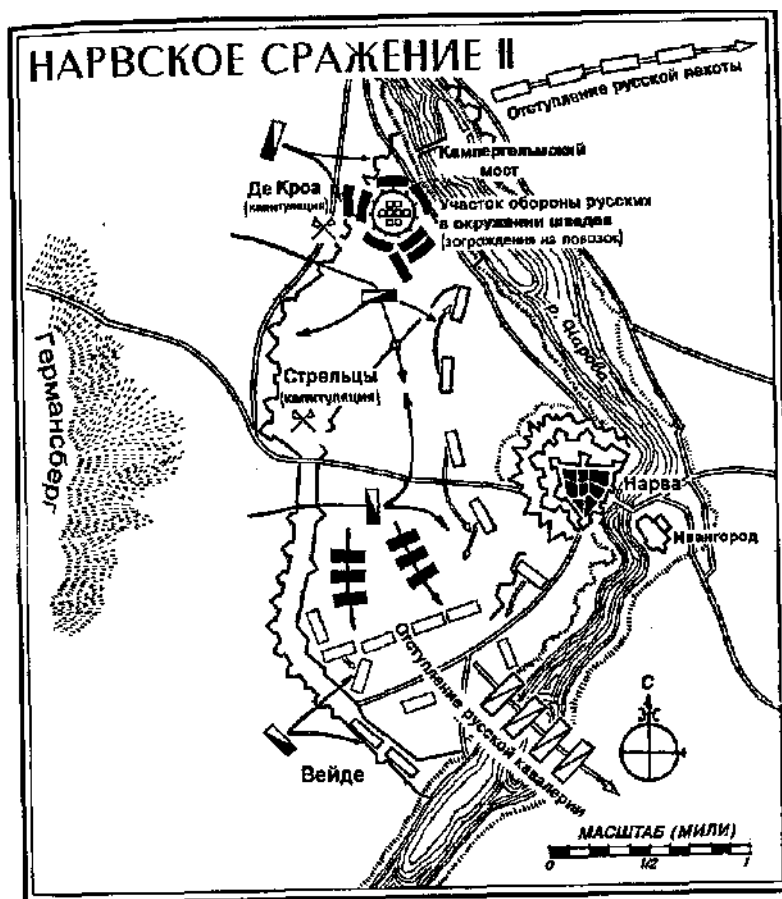
Понятно, что захват импровизированного бастиона русских частей был для Карла настоящей необходимостью. Он подтянул артиллерию и направил на него пушки, но, как оказалось, в этом уже не было нужды: русские наконец не выдержали. Убежденные в том, что дальнейшее сопротивление бесполезно, русские генералы направили парламентариев, чтобы обговорить условия капитуляции. Карл торжествовал, хотя и не подавал виду. Солдаты, окружившие русский лагерь, в сгущавшейся тьме не могли различить своих и чужих и,

81

случалось, открывали огонь по своим. Капитуляция русской армии положила конец этой неразберихе, а около восьми часов король отдал приказ прекратить огонь. Но капитуляция русских далеко не была безоговорочной. Первоначально они настаивали на том, что покинут свой редут со всеми воинскими почестями. В конце концов пришли к соглашению, что рядовым солдатам оставят их оружие и отпустят, а офицеры останутся в плену. Карлу досталась также вся артиллерия и полковые знамена.

Но даже теперь, когда в руках шведов находилась масса пленных, ситуация продолжала оставаться для них опасной. Почти все их пехотные полки были страшно вымотаны. В русском лагере солдаты обнаружили запасы водки и на пустой желудок перепились. А кроме того, Карл опасался, что при свете дня русские пленники увидят, сколь ничтожно число охраняющих их победителей. Было важно поскорее избавиться от русских солдат, незамедлительно спроводить их из лагеря. Карл приказал русским пленным без промедления браться за работу — восстанавливать рухнувший Кампергольмский мост. Сохранялась также потенциальная угроза со стороны дивизии Вейде, которая стояла твердо на южном фланге русских позиций. Один из шведских офицеров писал: «Если бы у Вейде хватило мужества пойти в атаку, он, несомненно, разбил бы нас, поскольку мы смертельно устали, почти ничего не ели и не спали несколько ночей. К тому же все наши люди так перепились найденной в русских палатках водкой, что немногочисленные офицеры не в состоянии были поддерживать порядок». Но угроза, исходившая от Вейде, быстро испарилась. Хотя его части не понесли больших потерь, сам он был ранен. Когда он узнал о капитуляции, у него не хватило решимости продолжать сопротивление в одиночку. На рассвете Вейде увидел, что окружен шведской кавалерией, и сдался. На утро последние разрозненные русские отряды сдались шведам.

82

К рассвету разрушенный мост был восстановлен, и русские солдаты начали переправляться на другой берег. У моста стоял Карл и смотрел, как неприятельские солдаты, обнажив головы и сложив знамена у его ног, нескончаемым потоком потянулись на восток, в Россию. Когда шведы провели перекличку, выяснилось, что они потеряли убитыми 31 офицера и 646 солдат, а 1205 человек было ранено. Потери с другой стороны даже сами русские могли оценить лишь приблизительно. Убито и ранено было не менее 8000 человек, и наступившие холода оставляли раненым немного шансов добраться до дома. В плен попало 10 русских генералов, включая герцога де Кроа, 10 полковников и 33 старших офицера, вместе с личным лекарем Петра доктором Карбонари и Петром Лефортом, племянником покойного царского фаворита. Пленные на зиму были отправлены в Ревель, а по весне, когда Балтика очистилась ото льда, их перевели в Швецию. Многим суждено было провести там долгие годы*.

* Примечательно сложилась судьба герцога де Кроа. После капитуляции ему разрешили остаться в Ревеле, и оттуда он написал царю с просьбой возместить его расходы. Петр безотлагательно выслал ему 6000 рублей. Весной 1702 года де Кроа умер, что опечалило русского царя. «Сердечно жаль мне доброго старика, — сказал Петр, когда узнал об этом. — Поистине умный и опытный был полководец. Вверив ему команду двумя неделями раньше, я бы не потерпел поражения под Нарвой».

После смерти герцога выяснилось, что он оставил долги. Петр узнал об этом и хотел оплатить их, но так и не собрался. Тем временем кредиторы де Кроа в Ревеле раскопали старинный закон, в соответствии с которым умерший, оставивший неоплаченный долг, не мог быть погребен. Тело поместили в церковный склеп, в сухом воздухе которого оно не поддавалось тлению и мумифицировалось. Впоследствии тело извлекли и выставили на обозрение под стеклом. Почти двести лет всем приезжим Ревель показывали герцога, лежавшего в парике и мундире. Лишь за несколько лет до революции правительство Российской империи сочло это зрелище неподобающим и тело герцога было наконец предано земле.

84

Главным шведским трофеем была русская артиллерия: 145 пушек, 32 мортиры, 4 гаубицы, 10000 пушечных ядер и 397 баррелей пороха. Армия Петра лишилась излюбленного им оружия. Нескончаемый поток побежденных русских, множество пленных, трофеи — все это навело Магнуса Стенбока на мысль о том, что «все свершилось по воле Божией, но если можно увидеть в этом человеческую заслугу, то она состояла в твердой, неколебимой решимости Его Величества и в безукоризненных диспозициях генерала Реншильда»¹¹.

Известие о битве под Нарвой произвело в Европе сенсацию. Слухи о блистательной победе и

славословия молодому шведскому монарху быстро докатились до Запада. Кое-кто был весьма доволен унижением Петра, ехидно смеялся над царем, который дал деру перед сражением. Немало позабавила публику и отчеканенная Карлом медаль с изображением спасающегося бегством Петра. Лейбниц, который до того проявлял интерес к России, стал теперь симпатизировать Швеции и высказал пожелание, чтобы ее «молодой король воцарился от Москвы до Амура»¹².

Хотя в успешном завершении кампании, несомненно, сыграли свою роль «безукоризненные диспозиции» и своевременные распоряжения Реншильда, победа под Нарвой могла бы не состояться, если бы не «твердая, неколебимая решимость» короля. Естественно, что Карл, которого повсюду прославляли, охотно уверовал в собственную непобедимость. Победа переполняла, опьяняла его. Проезжая по полю боя с Акселем Спаррс, он, как мальчишка, не мог сдержать своего ликования: «Нет никакого удовольствия биться с русскими, — говорил он с пренебрежением. — Они не сопротивляются, как другие, а сразу бегут. Если бы Нарова была покрыта льдом, нам едва бы удалось убить хотя бы одного человека. Забавно было наблюдать, как русские взбежали на мост,

85

а он под ними подломился и они потонули, точно египтяне в Чермном море. Повсюду высывались из воды головы людские и конские, руки и ноги; наши солдаты стреляли их, как диких уток».

С этого момента война стала главным содержанием жизни Карла. И можно сказать, что Нарва — первая большая победа шведского короля — предопределила его судьбу. Легкая победа заставила Карла поверить в то, что он одолеет любого противника. Нарва, вслед за успешной Зеландской операцией, положила начало легенде, будто бы даже с горсткой людей он способен обращать в бегство целые армии, — легенде о Карле XII, в которую он сам поверил. Нарва также породила в нем опасное пренебрежение к Петру и к России. Легкость, с которой он разгромил армию Петра, убедила его в том, что русские — никудышные солдаты и не заслуживают внимания. Пройдут годы, и в пыльной украинской степи король Швеции дорого заплатит за свое ликование на заснеженном поле под Нарвой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«НЕ ЛЕТ ЕСТЬ ПРИ НЕСЧАСТИИ ВСЕГО ЛИШАТИСЯ»

Петр недалеко успел отъехать от Нарвы, когда его настигло известие о поражении. Потрясенный масштабами нежданно обрушившегося на него бедствия, он понял, что еще большая опасность ждет впереди: если Карл решит закрепить свой успех и двинется на Москву, ничто не сможет ему помешать.

Петра отличало то, что, потерпев неудачу, он не впадал в отчаяние. Неуспех лишь подстегивал его, и чем больше встречалось ему преград, тем настойчивее он стремился их преодолеть. Не так уж важно, что лежало в основе самообладания, стойкости и упорства Петра — упрямство и самонадеянность или же мудрость и любовь к отечеству. Понеся сокрушительное, унижительное по-ражение, он не искал виноватых, не потерял головы и твердо решил продолжать начатое дело. Две недели спустя после битвы он писал Шереметеву: «Не лет есть при несчастьи всего лишатися, ради того повелеваем при взятом и начатом деле быть... Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, также реки и болоты замерзли, неприятелю не возможно захватить. О чем паки пишу: не чини отговорки ничем»¹.

Все девять лет, отделявшие Нарву от Полтавы, Петр не знал покоя. Он никогда не ведал, сколько времени у него в запасе. Нередко лихорадка приковывала его к

87

постели, за спиной то и дело поднимали восстания баш киры и донские казаки, но несмотря ни на что всю свою колоссальную энергию царь направил на подготовку России к новой схватке. Петр вел рискованную игру, ставил на карту последние средства, опустошая казну и истощая народ. Огромные субсидии выделялись Августу, чтобы поддержать единственного оставшегося союзника России. И все это время Петра преследовала мысль — что если однажды утром Карл вздумает обратить свои победоносные сверкающие штыки против России?

По прошествии многих лет, уже после Полтавы, Петр смог окинуть взглядом панораму минувших событий. Он вспоминает о прошлом с олимпийским спокойствием человека,

достигшего вершины славы, и вместе с тем в его словах содержится точная оценка того влияния, какое оказала битва под Нарвой на него самого, на становление Российской армии и на Россию в целом:

И тако шведы над нашим войском викторию получили, что есть бесспорно: но надлежит разуместь, над каким войском оную учинили? Ибо только один старый полк Лефортовский был (который перед тем называли Шс пелева). Два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников как офицеры, так и рядовые, самые были рекруты, как выше помянуто. К тому ж за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязьми провианта привозить было невозможно, и, единым словом сказать, все то дело, яко младенческое игранье было: а искусство ниже видали. То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким неискусным сыскать викторию? Правда, сия победа в то время зело была печально чувственной, и яко отчаянная всякие впредь надежды и за великий гнев Божий почитаемая. Но ныне, когда о том подумаешь, воистину не в гнев, но милость Божию исповедати долженствует: ибо сже-

88

ји бы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискусстве во всех делах как воинских, так и политических, то в какую ж беду после нас оное щастие ввергнуть могло, которое оных шведов, уже давно во всем обученных и славных в Европе (которых называли французы бичом немецким) под Полтавой так жестоко низринуло, что всю их максимум низ кверху обратило: но когда сие нещастие (или, лучше сказать, великое щастие) получили, тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила².

Поверженная русская армия, которая начала отступление от Нарвы под торжествующим взглядом шведского короля, добралась до Новгорода. Лишившись пушек и пороха, палаток, снаряжения, а зачастую и мушкетов, солдаты напоминали беспорядочную толпу. К счастью для русской армии, корпус, который сформировал на Волге князь Аникита Репнин, не поспел к Нарве и не подвергся разгрому. Петр приказал Репнину направляться в Новгород с тем, чтобы его войска стали ядром, вокруг которого сплотятся стекавшиеся в город разбитые полки. Спустя три недели Репнин подсчитал прибывших и доложил Петру, что 22967 человек сформированы в новые полки. Вместе с корпусом Репнина, составлявшим 10834 человека, численность армии Петра достигла 34000. К тому же с Украины двигалось 10000 казаков. Тотчас по прибытии в Москву Петр поручил князю Борису Голицыну набрать десять новых драгунских полков по 1000 человек в каждом.

Верховным командующим этой заново создаваемой армии Петр назначил боярина Бориса Шереметева, в котором причудливым образом переплелись черты, характерные для старой Московии и новой петровской России. Шереметев был двадцатью годами старше царя и принадлежал к одному из древнейших русских родов,

89

однако еще в юности он выступал против старомосковских обычаев. Как-то раз отец отказал ему в благословении за то, что он явился к нему с обритой бородой. В отличие от большинства русских бояр, Шереметев бывал за границей и жадно впитывал новые впечатления. В 1686 году Софья посылала его с поручениями в Польшу к королю Яну Собескому и в Вену к императору Леопольду. В 1697 году сорокапятилетний Шереметев вновь отправился за границу, на сей раз как частное лицо, получив отпуск от службы на двадцать месяцев. Он побывал в Вене, Риме, Венеции, на Мальте и был представлен императору, папе, дожу и великому магистру Мальтийского ордена, который посвятил его в рыцари и наградил Мальтийским крестом. Соотечественники завистливо дивились тому, как горделиво носил он свой орден, и язвительно спрашивали, не сделался ли боярин «мальтийским посланником». Шереметев невозмутимо сносил эти насмешки. Уитворт, новый английский посланник, называл его «учтивейшим человеком во всей стране»³.

Хотя Петру импонировал интерес Шереметева ко всему европейскому, он все же чаще использовал боярина не на дипломатической, а на военной службе. Дядя Шереметева командовал русской армией при царе Алексее до тех пор, пока не попал в плен к татарам и тридцать лет провел в заточении в Крыму. Сам Шереметев воевал и с поляками, и с татарами. В 1695-1696 годах, когда Петр штурмовал Азов, Шереметев провел успешный отвлекающий

рейд в низовьях Днепра, где захватил несколько турецких крепостей. Шереметев был знающим, но осторожным военачальником. Можно было не сомневаться в том, что приказ Петра никогда не рисковать армией, пока не будет полной уверенности в благоприятном исходе, Шереметев выполнит.

Пока заново собиралась и оснащалась армия, Петр велел срочно укреплять Новгород, Псков и Печерский монастырь близ Пскова. Женщин и детей ставили на

90

работу наравне с мужчинами. Прекратились службы в церквях, поскольку священников, так же как и мирян, привлекли к земляным работам. Расчищая место под новые укрепления, рушили дома и церкви. Чтобы подать пример, Петр лично работал на рытье первого рва в Новгороде. Уезжая, он оставил за себя подполковника Шеншина. Тот же, полагая, что царь вернется не скоро, работу бросил. Когда Петр возвратился и не застал Шеншина, он велел бить его плетью у раската и отправить в Смоленск в солдаты.

Петр понимал, что в конце концов ему придется преобразовать свое войско в профессиональную, регулярную армию на основе двадцатипятилетней воинской повинности*. А пока, несмотря на предпринятые усилия, новое воинство получило незавидную оценку современника в 1701 году:

Людей на службу нагонят множество, а если посмотреть на них внимательным оком, то кроме зазору ничего не узиришь. У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и меняли своих голов на неприятельскую голову по три и по четыре и гораздо больше. А если на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно: клячи худые, сабли тупые, сами скудны и бсзодеж-ны, ружьем владеть никаким неумелые; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелять по цели хорошенько. Попечения о том не имеет, чтобы неприятеля убить; о том лишь печется, как бы домой быть, а о том еще молится Богу, чтоб и рану нажать легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а от государя пожаловану б за нее быть, и на службе того и смотрят, чтоб где во время боя за кустом притулиться, а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лесу или в долу. А то я у многих дворян слыхал:

* Рекрутская повинность всегда была пожизненной. — *Ред.*

91

«Дай Бог великому государю служить, а сабли из ножен не вынимать».

Чтобы исправить положение, Петр приказал полностью перестроить подготовку войск в соответствии с новыми дисциплинарными уставами и новой тактикой по европейскому образцу. Пришлось начинать с самого начала, с создания новых воинских наставлений. Руководства по подготовке пехоты, которыми пользовались в России, были выпущены еще в 1647 году, да и те представляли собой переводы немецких пособий, изданных в 1615 году! Основное внимание Петр уделял подготовке войск к бою; он не видел проку от великолепно вымуштрованных для парадов солдат, которые «мушкетамы выделявают фехтовальные приемы и маршируют, будто танцуют». Пышные мундиры солдат европейских армий, в которых они выглядели «разряженными куклами», тоже не устраивали Петра. Как только российские мануфактуры наладят производство сукна, его новая армия будет одета в простые зеленые кафтаны, которые дополняют сапоги, ремни и треуголки. Однако гораздо важнее было снабдить солдат современным оружием. К счастью, находясь в Англии, Петр закупил около 40 000 кремневых ружей с багинетами, крепившимися на кольцо, которые использовались как образцы для производства отечественного оружия. Сначала, в 1701 году изготовили всего 6 000 кремневых ружей, но к 1706 году Россия производила их уже 30 000 в год, а к 1711 году - 40 000.

Большое значение придавалось современной тактике. Пехотинцев обучали вести огонь по команде повзводно и владеть новыми багинетами. Кавалеристов учили двигаться только по команде, скакать позскадронно, атаковать и отступать, сохраняя строй, а не уподобляться стаду испуганных баранов. Наконец, Петр стремился укоренить в армии новый дух. Он собственноручно указал в приказе, что солдаты должны сражаться не «за царя», а «за отечество».

92

Мало-помалу, несмотря на бесчисленные препоны, дезертирство, зависть и раздоры среди командования, была создана новая армия. Труднее всего обстояло дело с артиллерией. Под

Нарвой русская армия лишилась почти всех своих орудий от тяжелых мортир до полевых пушек, и теперь приходилось начинать с нуля. Ответить за это было поручено главе Ямского приказа Виниусу — он получил звание «надзирателя артиллерии» и широчайшие полномочия. Петр требовал немедленных действий. «Для Бога, — писал он Виниусу, — поспешайте артиллериею»⁶. Старик Виниус понял, что Добывать и выплавлять металл некогда: новые пушки придется лить из того, что есть под рукой. Петр издал указ; «Со всего государства, с знатных городов, от церквей и монастырей собрать часть колоколов на пушки и мортиры». Это было уже на грани святотатства, поскольку издавна привыкшие к колокольному звону люди почитали колокола чуть ли не так же, как сами церкви. Тем не менее, к июню 1701 года была снята со звонниц, переплавлена и перелита в пушки четвертая часть церковных колоколов России. Виниус жаловался на пьянство мастеров, отливавших пушки, которых ни лаской, ни битьем от той страсти отучить невозможно. «Бургомистрам* скажи сие [письмо] покажи, — писал ему в ответ Петр, — что естли не будет за их удержкою станки [лафеты] готовы, то не только деньгами, но и головами платить будут».

И хотя сыскать мастеровых и подходящие компоненты для пушечных сплавов было совсем непросто, Виниус творил чудеса. В мае 1701 года он отправил к войскам в Новгород двадцать новых пушек, а скоро за ними последовало еще семьдесят шесть. К концу года его попечением было изготовлено более трехсот орудий и открыта школа, в которой 250 мальчиков готовились стать пушечными мастерами и артиллеристами. Петр

* Имеются в виду члены Ратуши - главного органа городского управления в России начала XVIII в. — *Ред.*

93

был доволен. «Зело доброе дело, — писал он, — и надобно», ибо «время яко смерть». В 1702 году, невзирая на преклонный возраст Виниуса, Петр направил его в Сибирь провести инспекцию тамошних железных и медных рудников. С 1701 по 1704 год за Уралом было заложено семь плавильных заводов. Они производили металл такого высокого качества, что английский посланник считал его «лучше шведского», и скоро отлитые на Урале пушки уже стреляли в шведов. В 1705 году английский посланник отметил, что теперь русская артиллерия «содержится превосходно»¹⁰.

Меры, принимавшиеся Петром для обеспечения безопасности России, включали осторожные попытки найти—в Гааге или в Вене — посредников для переговоров со Швецией. Но попытки эти не увенчались успехом. Андрей Матвеев, сын боярина Артамона Матвеева, был послан в Голландию в качестве личного представителя Петра. По прибытии он выяснил, что Вильгельма III и Генеральные штаты занимают совсем другие дела. Почти одновременно с битвой под Нарвой произошло наконец событие, которого со страхом ожидала вся Европа: Карлос II, король испанский, скончался, оставив свой трон Филиппу Анжуйскому, внуку Людовика XIV. Король-Солнце от имени внука принял наследство, и Европа стала готовиться к войне. Кроме того, Голландия не желала вступать между Швецией, с которой она была связана договором, и Россией, с которой вела доходную торговлю через Архангельск. Матвееву удалось лишь с помощью Витзена приобрести 15000 мушкетов и отправить их в Россию.

В Вене инкогнито появился князь Петр Голицын и попросил аудиенции у императора. Его заставили ждать семь недель и приставили к нему в качестве переводчика говорившего по-русски иезуитского пастера Вульфа, чтобы всякий желающий мог с ним общаться. Но тако-

94

вых находилось немного. «Никак не могу вдцеть министров, сколько ни ухаживаю за ними; все бегает от меня и не хотят говорить», - отчаявшись, доносил он в Россию Головину. Престиж России вследствие нарвского поражения пал так низко, что вице-канцлер граф Кауниц смеялся Голицыну в лицо, а французский и шведский посланники публично над ним потешались. Наконец Голицыну удалось предстать перед императором Леопольдом; тот принял его учтиво, но был поглощен подготовкой к великой войне за Испанское наследство и ничего конкретного не обещал. Голицын писал Головину: «Всяким способом надобно домогаться получить над неприятелем победу. Сохрани Боже, если нынешнее лето так пройдет... Непременно нужна нашему государю хоть малая виктория, которую бы его имя по-прежнему по всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются»¹¹.

Поскольку дипломатические акции Петра не увенчались успехом, он хотел удостовериться в постоянстве своего единственного союзника. Он договорился о свидании с Августом, которого не видел два с половиной года — со времени их первой встречи в Раве, когда король-курфюрст впервые предложил ему начать войну со Швецией. Теперь Август нервничал. Хотя его армия не была разбита, он оказался свидетелем быстрого и безжалостного разгрома своих союзников юным шведским королем. Пришлось задуматься; то ли продолжать войну, то ли договориться со шведами.

В феврале 1701 года Петр встретился с курфюрстом в Биржах (ныне Биржай), в той части Ливонии, которую контролировали саксонские войска. За десять дней переговоров, перемежавшихся банкетами и празднествами, два монарха вновь подтвердили свой союз. Петр заверил Августа, что, невзирая на поражение под Нарвой, Россия намерена продолжать войну. Август, как единственный участник коалиции, чьи войска не были разбиты,

95

навязал Петру жесткие условия. Петр согласился с тем, что при разделе захваченных территорий Ливония и Эстония отойдут к Польше и только Ингрия достанется России. Петр также обещал, что русская пехота численностью от 15000 до 20000 человек будет участвовать в военных действиях в Ливонии под саксонским командованием; Россия же полностью возьмет на себя содержание этого войска. Кроме того, царь согласился выплачивать Августу военную субсидию в размере 10 0000 рублей в год в течение трех лет. Это было тяжкое бремя и, чтобы добыть деньги, пришлось основательно поприжать купцов и монастыри. Но в борьбе против Швеции Петру был необходим хотя бы один союзник.

В ходе переговоров государи порой позволяли себе развлечься. Однажды они устроили между собой состязание в пушечной стрельбе по мишени в открытом поле. К досаде Петра, Август, не имевший опыта в артиллерийском деле, поразил мишень дважды, тогда как Петр не попал ни разу. На следующий день был устроен банкет, который затянулся за полночь. Поутру, когда Август крепко спал, Петр один пошел к мессе. Заметив его интерес к католическому богослужению, поляки стали намекать ему на возможность унии православной и католической церквей. Но Петр отвечал им: «Господь дал царям власть над народами; но над совестью людей властен один Христос, и соединение церквей может совершиться только с Божьей воли».

Победа под Нарвой опьянила Карла и первое время, как и опасался Петр, он намеревался закрепить ее, вторгнувшись в Россию. Кое-кто из его советников утверждал, что он может без труда захватить Кремль, низложить Петра, посадить на царство Софью и подписать новый мирный договор, по которому шведской балтийской империи отойдут новые территории. Карл загорелся этой идеей. Магнус Стенбок несколько недель спустя

96

после баталии писал; «Король ни о чем больше не думает, как только о войне; он уж больше не слушает чужих советов; он принимает такой вид, как будто сам Господь внушает ему, что он должен делать. Граф Пипер (первый министр короля) очень тем обеспокоен, поскольку важнейшие вопросы решаются безо всякой подготовки и вообще дела идут так, что я не рискну доверить это бумаге». А в декабре гвардейский офицер Карл Магнус Поссе писал домой в Швецию: «Несмотря на холод и голод, король еще не хочет отпустить нас на зимние квартиры. Думаю, что если у него останется только 800 человек, то он с ними вторгнется в Россию, не заботясь, чем будут солдаты питаться. Если кого-нибудь из наших убивают, его это нисколько не трогает»¹³.

Но как ни мечтал Карл вторгнуться вглубь России, в тот момент это было неосуществимо. Победоносная в бою шведская армия вскоре столкнулась с врагом более опасным, чем неприятельские солдаты — голодом и болезнями. Ливония была опустошена русскими солдатами, которые истребили все съестные припасы. До весны нельзя было ожидать поступления провианта из Швеции, и скоро шведские кавалерийские кони начали обгладывать кору с деревьев. Ослабленные голодом полки Карла стали таять от лихорадки и дизентерии («кровавого поноса»), распространившихся в лагере: умерло 400 человек из Вестманландского полка и 270 из Далекар-лийского. К весне под ружьем оставалось менее половины солдат. С неохотой Карл покорился необходимости и отправил войска на зимние квартиры. Сам король занял старинный замок неподалеку от Дерпта. Там он пробыл пять

месяцев, занимая себя любительскими спектаклями, маскарадами, ужинами и нешуточными снежными баталиями. Магнус Стенбок организовал оркестр и услаждал слух короля музыкой собственного сочинения.

К весне 1701 года Карл уже не столь горячо стремился к вторжению в Россию. Он ни во что не ставил русских солдат и считал, что мало чести сражаться с

4 Петр Великий, т. 2

97

таким противником. Еще одна победа над Петром только потешит Европу. Иное дело — обученные саксонские войска Августа: победу над ними Европа оценит! К тому же Карл решил, что было бы неразумно двинуться на Россию, позволив неразбитой саксонской армии угрожать ему с тылу.

К июню из Швеции прибыло 10 000 новых рекрутов, пополнив армию Карла до 24 000 человек. Оставив отряд на случай появления русских частей, Карл с основными силами в 18 000 человек двинулся на юг, намереваясь форсировать Двину близ Риги и разгромить армию, состоящую из 9 000 саксонцев и 4 000 русских под общим командованием саксонского генерала Штейнау. Река достигала в ширину 650 ярдов; чтобы переправиться через нее, шведы провели десантную операцию. Она удалась благодаря дымовой завесе, которую устроили, поджигая сырую солому и навоз, и поддержке тяжелых орудий с кораблей, бросивших якорь на реке. Карл лично возглавил первую атаку пехоты; возражения своих встревоженных офицеров он отменил, заявив, что он не погибнет раньше, чем судил ему Господь. К сожалению Карла шведы не смогли переправить свою кавалерию и саксонская армия, хотя и изрядно потрепанная, успела отступить. Солдаты, присланные Петром на подмогу Августу, повели себя не лучшим образом. Четыре петровских полка, которые Штейнау держал в резерве, ударились в панику и разбежались, даже не вступив в бой. Презрение Карла к петровской армии еще более возросло.

Вскоре после этой несомненной, но не окончательной победы Карл, которому было в ту пору девятнадцать лет, принял стратегическое решение, которое оказало глубокое влияние и на его жизнь, и на жизнь Петра: до вторжения в Россию добиться полного разгрома Августа. В то время это представлялось вполне разумным. Невозможно было выступать против двух противников одновременно, а из этих двоих саксонцы вели активные действия, тогда как русские поприлихли

98

Кроме того, Саксония и даже Польша представляли собой ограниченный театр военных действий: войска курфюрста можно было загнать в угол и разбить. Россия же была так велика, что шведское копье, даже глубоко вонзившись в плоть этого гиганта, все же могло не поразить его сердце.

Помимо всего прочего, Карл чувствовал себя жестоко оскорбленным. Август был его кузеном, цивилизованным европейским монархом, а потому в глазах Карла выглядел вероломным подлецом, гораздо худшим, чем Петр. Петр хотя бы соизволил объявить войну, прежде чем напасть, тогда как Август вторгся в Ливонию без предупреждения. Мог ли Карл, даже если бы заключил мир с курфюрстом, полагаться на то, что тот не нарушит данного слова и не нападет на него, как только шведы вторгнутся в Россию? Да и вообще, как говорил Карл одному из друзей, — «унизительно для моей чести входить в какие бы то ни было сношения с человеком, который повел себя столь постыдно и бесчестно».

Наконец, Карла не могли не тревожить странные, на его взгляд, отношения Августа с обширной Речью Посполитой, где курфюрст выступал в непростой роли короля. До сих пор Август вел войну против Швеции только в качестве курфюрста Саксонии. Теперь же саксонские войска отступили на территорию Польши и шведская армия не могла их преследовать. Кардинап Радзиевский, примас Польши, настаивал на том, что Речь Посполитая не имеет никакого отношения к войне против Швеции, которую Август развязал без ее согласия, и, следовательно, Карл не должен ступать на польскую землю. В ответном письме от 30 июля 1701 года Карл писал, что король Август сам лишил себя права на польский трон, начав войну без согласия шляхты и Речи Посполитой и поэтому единственная возможность для Польши гарантировать мир — это собрать сейм, низложить Августа и избрать нового короля. Карл обещал, что пока он не получит ответа от кардинала, шведская армия

не нарушит польской границы и не станет преследовать Августа на польской земле.

Карл надеялся на скорый ответ и не хотел оказывать давление на кардинала или на сейм. Но шло время, минуло лето и наступила зима, а ответа все не было. Когда же наконец, в середине октября, ответ был получен, он оказался отрицательным. Сейм требовал, чтобы Карл не нарушал границ и предоставил Польше самой заниматься своими делами; не давалось даже гарантии того, что впредь польская территория не будет служить базой для саксонской армии. Карл пришел в ярость, но была уже глубокая осень — слишком поздно что-либо предпринимать. Он снова отвел свою армию на зимние квартиры, на сей раз на территорию нейтрального Кур-ляндского герцогства, жители которого были вынуждены размещать и кормить незваных гостей за свой счет. В январе армия переместилась южнее, в Литву.

Именно сюда, на зимние квартиры в Беловеже, Август прислал необычного эмиссара, обладающего исключительным даром убеждения, в надежде склонить Карла к миру. Это была самая красивая и самая известная из многочисленных фавориток Августа — графиня Аврора Кенигсмарк. Аврора была щедро одарена природой: золотистые волосы, выразительные глаза, прелестный рот, высокая грудь и стройная талия — к этому нужно добавить еще острый ум, веселый нрав и разнообразные таланты. Замысел Августа понятен: прославленная красавица, уроженка Швеции, наверняка сумеет приручить застенчивого и неотесанного шведского короля, смягчит его суровую воинственность, стоит ей поближе с ним познакомиться. Тот факт, что Карлу было девятнадцать, а Авроре почти тридцать девять, отнюдь не казался препятствием, скорее наоборот — для успеха подобной миссии требовалась не только красота, но также зрелость, такт и опыт.

У Авроры было немало родственников среди шведских офицеров, что и послужило формальным предло-

100

гом для ее визита. Накануне приезда она направила юному королю восторженное письмо, в котором просила о чести припасть к руке его величества. Карл наотрез отказался ее принять. Это не обескуражило графиню. Уверенная в собственной неотразимости, она остановила свой экипаж на дороге, по которой Карл совершал ежедневные прогулки верхом. Завидев короля, Аврора выскочила из кареты и упала на колени перед всадником прямо в дорожную пыль. Карл в изумлении приподнял шляпу, низко поклонился в седле, а затем прищипорил коня и ускакал прочь. Аврора потерпела неудачу: Августу придется поискать другие средства для того, чтобы остановить Карла или отвлечь его от задуманного.

Спустя несколько месяцев, весной 1702 года, Карл вторгся в Польшу и двинулся на Варшаву и Краков, решившись сам сделать то, что отказались сделать поляки: свергнуть Августа с польского трона. 9 июля под Клишовом Карл во главе 12-тысячной шведской армии навязал сражение 16-тысячной саксонской армии, которой предводительствовал Август. Шведы потеряли убитыми и ранеными 900 человек, включая королевского зятя Фридриха Гольштейн-Готторпского, а потери саксонцев составили 2000 и еще 2000 угодили в плен. Паткуль, представитель царя в саксонской армии, был вынужден спасаться бегством в крестьянской телеге. Но под Клишовом победа Карла оказалась неполной — армия Августа вновь отступила и продолжала представлять угрозу. Так началась польская авантюра Карла, мало-помалу превратившаяся в навязчивую идею и растянувшаяся еще на шесть лет. Король не обращал внимания ни на петиции балтийских провинций, ни на увещевания шведского парламента, ни на советы собственных военачальников, и отказывался повернуть войска в Россию до полного отмищения Августу. По словам одного из шведских генералов, «он уверовал в то, что он посланник Божий на земле, призванный искоренить вероломство»¹⁵.

101

Пока Карл гонялся за Августом по польским лесам и болотам, получившая передышку Россия добилась некоторых, пока скромных, военных успехов. Сначала удалось отразить нападение шведского флота на Архангельск, затем Шереметев одержал в Ливонии три небольшие, но важные победы. Пока шведский король двигался на юг, против Августа, Шереметев, ставка которого находилась в Пскове, предпринял ряд небольших наступательных операций против отряда шведского полковника Вольмара Антона фон Шлитшенбаха, который был оставлен для защиты Ливонии с силами в 7000 человек. Получив это назначение, Шлиппенбах был

произведен в генерал-майоры. Миссия его заключалась всего-навсего в том, чтобы неопределенно долго сдерживать все русские силы и он с горечью говорил королю о том, что предпочел бы вместо чина получить еще 7000 солдат. «Об этом не может быть и речи», — высокомерно отрезал Карл.

В январе 1702 года Шереметев одержал победу над невезучим Шлиппенбахом под Эрестфером, неподалеку от Дерпта, в Ливонии. 7-тысячная шведская армия собиралась отойти на зимние квартиры, когда появился Шереметев: он вел 8000 пехотинцев и драгун, снаряженных по-зимнему. На санях были установлены 15 пушек. В результате продолжавшейся четыре часа схватки, шведы были не только выбиты из зимнего лагеря, но, по их собственной оценке, потеряли более 1000 человек (по подсчетам русских, шведы потеряли 3000, а 1000 солдат составляли их собственные потери). Было захвачено и отправлено в Москву 350 пленных шведов, что имело скорее символическое значение. Узнав об этом, Петр радостно воскликнул: «Слава Богу! Наконец-то мы можем бить шведов»¹⁶. Он возвел Шереметева в сан фельдмаршала и послал ему орден Св. Андрея Первозванного на голубой ленте и свой портрет, усыпанный бриллиантами. Офицеры Шереметева были повышены в чине, а

102

все рядовые получили по рублю новой царской чеканки. В Москве звонили колокола, палили пушки, в церквях служили благодарственные молебны. Петр с триумфом въехал в столицу, ведя за собой пленных шведов. И русские войска, подавленные после Нарвы, воспряли духом. Следующим летом, в июле 1702 года, Шереметев вновь атаковал Шлиппенбаха в Ливонии, на сей раз у Гуммельсгофа, и почти полностью уничтожил 5-тысячное шведское войско. Было убито и ранено 2500 человек, а 300 солдат попало в плен вместе с артиллерией и знаменами. Потери русских составили 800 человек.

После Гуммельсгофа мобильная армия Шлиппенбаха перестала существовать, и Ливония оказалась беззащитной, если не считать привязанных к месту гарнизонов в Риге, Пернау и Дерпте. Войска Шереметева, в особенности не ведавшие жалости калмыки и казаки, беспрепятственно разоряли провинцию, выжигали хутора, селения и небольшие города и угоняли в плен тысячи мирных жителей. Так начатая Паткулем война за освобождение Ливонии принесла опустошение его родине. В русских лагерях собралось такое множество пленных, что их продавали и покупали как невольников. Шереметев писал Петру, прося распоряжений:

Пошлю я в разные стороны отряды калмыков, да казаков для конфузим неприятеля. Прибыло мне печали: где мне деть взятый полон? Тюрмы полны, и по начальным людям везде [розданы]: опасно оттого, что пленные какие сердитые... также и денег на корм много исходит, а провожатых до Москвы одного полку мало. Вели мне об них указ учинить. А чухны, выбрав лучших 100 семей, которые умеют, овыс топором, овые иные художники, а в тех семьях будет больше 400 душ, для азовской посылки, тотчас за тепло велю гнать к Москве¹⁷.

Среди пленных была неграмотная семнадцатилетняя

103

девушка, которую Шереметев не стал отправлять в Азов, а оставил в своем доме. Со временем этой девушке предстояло возвыситься. Марта, по рождению Скаврон-ская, впоследствии была взята в дом могущественного князя Меншикова, стала любовницей царя, затем его женой и, в итоге, самодержавной государыней — Екатериной I, императрицей Всероссийской.

Одерживая победы на суше, Петр, никогда не забывавший о море, разработал для борьбы со шведскими силами в балтийских провинциях новую остроумную тактику с использованием легких суденышек на реках и озерах. Сознавая неоспоримое превосходство шведов в крупных боевых кораблях, Петр решил построить множество мелких судов, которые могли бы одолеть неприятельские эскадры простым численным превосходством. Он начал с небольших гребных судов с одним парусом. Работы велись на крупнейшем в Европе Ладожском озере, где шведы держали эскадру бригантин и галер. 20 июня 1702 года на южной оконечности озера 400 русских солдат на восемнадцати небольших лодках атаковали шведскую эскадру из трех бригантин и трех галер. Шведы оказались в затруднительном положении: когда появились русские лодки, суда стояли на якоре, а большая часть экипажей в это время грабила поселок

на берегу. В произошедшей схватке был поврежден шведский флагман, двенадцатипушечная бригантина, и шведам пришлось отступить. 7 сентября та же шведская эскадра вновь подверглась атаке, на этот раз у Кексгольма, тридцатью русскими лодками. С тех пор русские беспрестанно, как шакалы, тревожили шведские суда, и адмирал Нуммерс, решив, что так дело не пойдет, приказал эвакуировать с Ладоги все суда. После того, как его флот отступил вниз по Неве, ничто не препятствовало движению русских судов по Ладоге, и это сделало возможным той же осенью одержать победу под Нотсбургом

104

Тем временем и к югу от Нарвы, на Чудском озере, петровские моряки проводили аналогичные операции. 31 мая того же года почти сотня русских лодок атаковала четыре больших шведских корабля. Шведы отбили атаку и потопили три лодки, но все же были вынуждены отступить к северному берегу. 20 июня и 31 июля были по отдельности атакованы русскими флотилиями два шведских корабля, доставлявших по озеру припасы и амунисию. Одно судно село на мель, и команда по приказу капитана покинула его, предварительно побросав пушки за борт. Второе было взято на абордаж, а затем взорвано. В итоге, в 1702 году шведы были полностью вытеснены с Чудского озера. На следующий год они вернулись с большими силами, потопили двадцать русских лодок и восстановили контроль над озером. Но в 1704 году роли опять переменялись - на этот раз окончательно. Русские подкараулили шведскую флотилию, стоявшую на якоре на реке Эмбах (Эмайыэге) у Дерпта, установили заграждения там, где река впадала в озеро, а на берегу разместили артиллерию. Любой шведский корабль, которому удалось бы прорваться, поджидали за заграждением 200 русских лодок. Когда тринадцать шведских кораблей спустились вниз по реке, течение понесло их прямо на заграждение. Русские береговые батареи разнесли все корабли в щепки. Командам удалось высадиться на берег, взять штурмом одну из батарей и пробиться назад в Дерпт. Но все суда были уничтожены и присутствию шведского военного флота на Чудском озере был положен конец. А позднее в том же году русская армия захватила и Нарву, и Дерпт.

Весной 1702 года Андрей Матвеев добыл в Голландии секретные сведения, что летом шведы собираются напасть на Архангельск. Петр решил лично отправиться туда, поскольку хотел быть уверенным в том, что единственный русский порт останется в его руках. В конце

105

апреля он вместе с двенадцатилетним царевичем Алексеем совершил тридцатидневное путешествие на север в сопровождении пяти гвардейских батальонов общей численностью 4000 человек. Сразу после приезда царя оборонительные сооружения привели в порядок и стали ждать неприятеля. Так прошло почти три месяца, в течение которых Петр занимался строительством кораблей: спустил на воду «Святой дух» и «Курьер» и заложил новый двадцатипушечный корабль «Илья Пророк».

В августе прибыл ежегодный англо-голландский торговый караван, более многочисленный, чем обычно, поскольку вся русская торговля, которая прежде велась через шведские порты на Балтике, пошла теперь через Архангельск. Тридцать пять английских и пятьдесят два голландских корабля привезли товары, а заодно и известие, что шведы отказались от мысли напасть на Архангельск этим летом. Петр без промедления отбыл на юг. Достигнув северного берега Ладожского озера, он послал распоряжение Шереметеву, который только что одержал победу под Гуммельсгофом в Ливонии, и Петру Апраксину, который беспрестанно донимал шведов в Ингрии идти на соединение с ним и его гвардией, чтобы захватить шведскую крепость Нотебург, построенную в том месте, где Нева вытекает из Ладоги, и установить полный контроль над озером.

Нотебург — мощная крепость, возведенная еще в XIV веке новгородцами. Небольшой остров, на котором она стояла, по форме напоминал лесной орех (отчего крепость по-русски называлась Орешек, а по-шведски Нотебург) и находился как раз там, откуда Нева начинает свой сорокачетырехмильный путь к морю. Занимая ключевую позицию в устье реки, крепость контролировала торговый путь из Балтики по Неве в Ладожское озеро и далее по внутренним русским рекам. Так что контроль над Орешком означал контроль над торговлей до самого Востока. Когда крепостью владела Россия, она защищала исконные русские земли от шведов;

когда в

106

1611 году ею овладели шведы, она превратилась в заслон, преграждающий России путь к Балтике. На ее высоких каменных стенах и шести могучих белых башнях было установлено 142 орудия. Шведский гарнизон был невелик — всего 450 человек, но быстрое течение реки затрудняло высадку противника с лодок, которые к тому же стали бы мишенью для пушечных ядер.

Перспектива овладеть крепостью воодушевила Петра. Приказывая Шереметеву поспешить, он писал: «Изволь учинить по вашему рассуждению, чтобы сего, Богом данного времени, не терять»¹⁸. Как только прибыли русские войска и осадные орудия, блокированная крепость, которая не могла рассчитывать на помощь со стороны шведской армии, была обречена. На озере скопилось множество русских лодок, чтобы перевозить войска для приступа. По берегам реки — южный берег находился в 300 ярдах от крепости — были насыпаны земляные укрепления и установлены осадные мортиры. Первая плохо подготовленная попытка штурма крепости с лодок со штурмовыми лестницами была отбита. Тогда повели непрерывный обстрел из мортир, методично разрушая крепостные стены. На третий день обстрела жена шведского коменданта послала в русский лагерь письмо, в котором просила, чтобы ей и другим женам шведских офицеров было позволено покинуть крепость, Петр ответил лично, в иронически-галантной манере пояснив, что он не смеет разлучать шведских дам с их мужьями, и, разумеется, они могут оставить крепость, но при условии, что заберут с собой и мужей. Спустя неделю, через десять дней после начала обстрела, уцелевшие защитники крепости сдались.

Петр был вне себя от радости: наконец-то его новой армии при помощи пушек, переплавленных из церковных колоколов, удалось захватить у шведов важную крепость. Той же ночью он написал письмо Виниусу, в котором говорилось: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счастливо разгрызен. Артилле-

107

рия наша зело чудно дело сие справила». Как символ того, что покоренная крепость является ключом к Неве, а следовательно, и к Балтике, Петр укрепил полученный от шведского коменданта ключ на западном бастионе и переименовал крепость в Шлиссельбург, от немецкого слова Schlusel — «ключ» (ныне Петрокрепость). В ознаменование победы были сооружены три триумфальные арки, и увенчанный лаврами царь торжественно въехал в Москву. Тем временем разрушенные стены крепости восстанавливались, возводились дополнительные наружные укрепления и жилые помещения, в которых могло разместиться до 4000 солдат. Комендантом переименованной фортеции был назначен Александр Меншиков. С тех пор Шлиссельбург всегда занимал особое место в сердце Петра. И если 22 октября, в годовщину захвата крепости, он находился где-то неподалеку, он обязательно вез на памятное место своих гостей, а иногда и весь свой двор, и устраивал там празднование.

Падение Нотебурга- Шлиссельбурга было ударом для шведов. Крепость прикрывала Неву и всю Ингрию от возможного вторжения русских с востока. Карл, находившийся в это время далеко, в Польше, понял значение случившегося, когда его известил об этом растроенный граф Пипер. «Утешьтесь, мой дорогой Пипер, - спокойно сказал король, — противник не сможет унести крепость с собой». Однако в других случаях Карл мрачно говорил, что русские дорого заплатят за Нотебург.

Весной следующего 1703 года, пока Карл оставался в Польше, Петр решил не терять «Богом данного времени» и приступить к непосредственному осуществлению главной цели — утвердиться на балтийском берегу. 20-тысячная армия под командованием Шереметева выступила из Шлиссельбурга и двинулась через лес вдоль северного берега реки по направлению к морю. Петр на шестидесяти лодках, доставленных с Ладogi, проследо-

108

вал водным путем. Нева имеет в длину всего сорок четыре мили и больше похожа не на реку, а на широкий с быстрым течением пролив между Ладожским озером и Финским заливом. Сильных шведских крепостей по дороге не было. Единственный опорный пункт шведов — Ниеншанц (Канцы) — лежал в нескольких милях от залива вверх по реке. Это был процветающий городок со множеством мастерских, но фортификационные работы там завершить еще не успели. Русские осадные орудия начали обстрел 11 мая 1703 года, и на следующий день малочисленный гарнизон сдался.

В тот же вечер, когда пал Ниеншанц, в русском лагере стало известно, что в заливе появился шведский флот. Девять кораблей под командованием адмирала Нуммерса подошли к устью Невы и двумя сигнальными выстрелами известили соотечественников в Ниеншанце о своем прибытии. Чтобы ввести в заблуждение шведских моряков, на сигнал незамедлительно ответили. Осторожный Нуммерс послал на разведку лодку вверх по реке. Лодка была захвачена. Два дня спустя, уже начиная беспокоиться, Нуммерс приказал двум небольшим судам — трехмачтовой бригадине и галере подняться по реке и выяснить, в чем дело. Преодолевая коварное быстрое течение, суда поднялись до Васильевского острова, где стали на ночь на якорь. Тем временем Петр с Меншиковым погрузили два гвардейских полка на тридцать больших лодок, спустились вниз по Неве и укрылись в болотистых водах среди множества островов. На рассвете 18 мая они подошли на веслах, окружили шведские корабли и, застав их врасплох, атаковали. Схватка была ожесточенной. Шведы стреляли их пушек, разнося в щепки обступившие их русские суда, русские же отвечали гранатами и мушкетным огнем. В конце концов, Петр и его солдаты взяли на абордаж оба судна и пленили немногих оставшихся в живых шведов. Корабли и пленных доставили в Ниеншанц, переименованный в Шлотбург. Петр был безмерно воодушевлен первой мор-

109

ской победой, в которой он лично принимал участие; заслуги царя и Меншикова были отмечены Андреевским орденом.

Одержав эту победу, Петр — во всяком случае, на время — добился того, ради чего, согласно царскому манифесту, и велась война. Он захватил берега Невы вдоль всего ее течения и вновь обеспечил России утраченный выход к Балтийскому морю. Россия вернула себе Ижорскую землю. Во время очередной триумфальной процессии в Москве на одном из знамен красовалась карта Ижорской земли и надпись: «Не чужую землю мы захватили, но свою вотчину».

Петр старался поскорее закрепить свои завоевания. Он мечтал построить город у моря — порт, из которого русские корабли и русские купцы поплыли бы в дальние моря. Поэтому, едва только он вышел к Балтике, он тут же велел закладывать новый город. Кое-кому это казалось неразумной и несвоевременной тратой сил: Петр имел здесь лишь точку опоры и то не слишком надежную. Пока Карл был далеко, но еще никому не удавалось разбить его в бою. Когда-нибудь он непременно явится, чтобы вернуть то, что Петр захватил у него за спиной. И тогда с таким трудом воздвигнутый город станет всего-навсего одним из многих шведских владений на Балтике.

Но прав оказался Петр. Шведы действительно возвращались, но всякий раз получали отпор. Минули столетия, но ни один из завоевателей, вторгавшихся в Россию — Карл XII, Наполеон, Гитлер, — так и не смог захватить балтийский порт Петра, хотя во время второй мировой войны нацистская армия и осаждала его 900 дней. С того времени, когда Петр впервые ступил на берег невиской губы, эта земля и город, выросший на ней, навсегда остался за Россией.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ОСНОВАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Возможно, все решил случай. Первоначально Петр вовсе не думал о строительстве города на берегах Невы, а уж тем более — новой столицы. Просто сначала ему нужна была крепость в Невской губе, а затем понадобился порт, который позволил бы вести морскую торговлю, минуя далекий Архангельск. Может быть, если бы Петр раньше захватил Ригу, Санкт-Петербург так и не был бы построен: Рига — процветающий порт — являлась крупным центром русской торговли, и ее гавань была свободна ото льда на шесть недель дольше, чем Невская губа, но Рига оказалась в руках Петра лишь в 1710 году. Петербург был основан на том месте, где Петр впервые ступил на балтийскую землю. Он не знал, что сулит грядущее, и ждать не стал. Как всегда, торопясь воспользоваться благоприятным моментом, Петр приступил к строительству.

Петербург уникален во многих отношениях. Случалось, что в пылу юности или в горячке преобразований другие нации тоже основывали новые столицы на дотоле пустовавшем месте. Примеры тому — Анкара, Вашингтон и Бразилия. Но никто и никогда не основывал столицу во время войны на территории, которая по-прежнему юридически принадлежала могущественному и непобежденному тогда противнику. Более того, в 1703

году такой большой город был заложен в последний раз в истории Европы. К тому времени крупные города возникли даже в американских колониях европейских стран: Нью-Йорку было уже почти семьдесят семь лет, Бостону — семьдесят три, Филадельфии — шестьдесят. И, наконец, Петербург, на протяжении двухсот лет бывший столицей Российской империи, а затем вторым по величине городом России, является самым северным мегаполисом в мире. Если мысленно перенести Петербург на американский континент так, чтобы он находился на той же широте, то придется представить себе город с населением почти в пять миллионов человек на северном побережье Гудзонова залива.

Спустившись сквозь лесистую пойму к устью Невы, Петр оказался на пустынной, дикой, болотистой равнине. В нижнем течении полноводная Нева делает петлю к северу, а затем течет на запад к морю. На последних пяти милях она разбивается на четыре рукава, которые, пересекаясь множеством текущих по болотистому краю протоков, образуют многочисленные острова, поросшие кустарником и низкорослым лесом. В 1703 году вел :>га местность представляла собой топкое болото. Весной,, когда таял снег и лед, над ней повисал густой туман. Порой с Финского залива дули сильные ветры, река обращалась вспять, и многие островки попросту исчезали под водой. Здесь не селились даже купцы, для которых Нева веками служила путем вглубь России. Слишком уж тут было дико, сыро и неприятно — казалось, что в таких местах люди по своей воле жить не будут. По-фински Нева означает «болото».

На расстоянии пяти миль от моря вверх по течению Невы стояла крепость Ниеншанц. Ближе к морю, на левом берегу, находился небольшой финский хутор. На Заячьем острове, посреди реки, были мазанки, в которые летом наведывались финские рыбаки; когда вода поднималась, рыбаки уходили оттуда и перебирались на более высокое место. Но в глазах Петра эта быстрая,

112

полноводная река — более широкая, чем Темза в районе Лондона — была прекрасна. Именно здесь он решил заложить новую мощную крепость для того, чтобы защищать отвоеванное устье реки. Земляные работы начались 16 мая 1703 года — эта дата и считается днем основания Санкт-Петербурга*.

Крепость, названная в честь Святых Петра и Павла, должна была по замыслу занимать весь остров, чтобы Нева с протоками защищала ее со всех сторон. Быстрые воды реки омывали остров с юга, а с севера, востока и запада лежало пересеченное речушками болото. Поскольку сам остров был низок, болотист и порой затапливался, требовалось, прежде всего, доставить туда грунт и поднять остров выше уровня воды. У русских работников не было других инструментов, кроме лопат и мотыг: не было даже тачек, и землю к месту строящихся укреплений приходилось таскать, насыпав в рубахи или мешки.

Вопреки всем трудностям, уже через пять месяцев стали вырисовываться очертания крепости. Она строилась в форме вытянутого шестиугольника с шестью мощными бастионами, каждый из которых возводился под личным надзором одного из ближайших сподвижников Петра и был назван по его имени: Меншиков, Головкин, Зотов, Трубецкой и Нарышкин. Строительством шестого бастиона руководил сам Петр, и он назван в его честь. Первоначально укрепления строились из земли и дерева, затем Петр приказал возвести вместо земляных валов

* Существует легенда, по которой Петр одолжил мушкет у одного из солдат, штыком вырезал две полосы дерна из почвы Заячьего острова, сложил их крестом и сказал: «Здесь будет город». Солдаты начали рыть ров, в котором обнаружилась рака с мощами Св. Андрея Первозванного — небесного покровителя России. В этот момент над головой Петра пролетел орел и уселся на верхушке двух берез, соединенных кронами наподобие арки. На этом месте были выстроены восточные, или Петровские, ворота будущей крепости.

113

высокие и толстые каменные стены. Сурово и грозно поднялись они над Невой на тридцать футов, оштетинившись рядами орудий. Незадолго до конца царствования Петра ганноверский посланник Христиан Фридрих Ве-бер отметил: «На одном из бастионов они, по примеру датчан, каждый день поднимают крепостной штандарт на высокой мачте... По праздникам же они поднимают другой, большой желтый флаг с двуглавым орлом, держащим в когтях четыре

моря, омывающих границы России — Белое, Черное, Каспийское и Балтийское¹.

Неподалеку от крепости находился маленький, пятьдесят пять футов в длину и двадцать футов в ширину, одноэтажный бревенчатый домик, в котором царь останавливался, пока велись работы. Он был выстроен солдатами 24—26 мая 1703 года. В доме три комнаты — спальня, столовая и кабинет. Нет ни печей, ни дымоходов, поскольку царь жил там только летом. Примечательно, какую изобретательность проявил Петр, чтобы бревенчатая хижина походила на европейский домик. Слюдяные окна были большие, с переплетами на голландский манер, кровельный гонт на островерхой крыше уложен и покрашен так, что создавал видимость черепицы, а обтесанные бревенчатые стены раскрашены под кирпичную кладку. (Домик — старейшее строение в городе — был для сохранности заключен в кирпичный футляр и уцелел до наших дней.)

Работы по возведению крепости шли «с крайним поспешанием», поскольку Петр постоянно опасался возвращения шведов. И действительно, их отряды появлялись каждое лето. В 1703 году, когда не прошло и месяца с тех пор, как Петр занял дельту Невы, с севера подступил шведский отряд в 4000 человек и встал лагерем у реки Сестры. 7 июля 7-тысячный русский отряд под командованием самого Петра, состоявший из четырех драгунских и двух пехотных полков, выступил против шведов, разбил их и вынудил отступить. Петр постоянно находился под вражеским огнем, и наблюдавший это

114

Паткуль был вынужден напомнить своему высокому покровителю, что «он тоже смертен, и одна мушкетная пуля может вывести из строя всю армию и ввергнуть страну в пучину опасности». Тем же летом шведский адмирал Нуммерс держал на якоре в устье Невы девять кораблей, блокируя выход в море и поджидая случая подняться вверх по реке и помешать строительству русских укреплений. Петр тем временем вернулся на верфи на Ладожском озере, чтобы ускорить строительство кораблей. В результате, на рейде новой невиской твердыни появилось множество судов, в том числе и фрегат «Штандарт». Не имея достаточных сил, чтобы бросить вызов более мощной эскадре Нуммерса, корабли не выходили в море, пока холода не вынудили Нуммерса увести свой флот. Тогда Петр на «Штандарте» вышел в Финский залив.

Наступил исторический момент — первое плавание русского царя на русском корабле по Балтийскому морю. Хотя свинцовые воды залива уже покрывались тонким ледком, Петра это не остановило. Когда он, выйдя из устья Невы, плыл на запад, по правую руку виднелись скалистые берега Карелии, исчезая из вида у Выборга, слева стелились невысокие округлые холмы Ингрии, тянувшиеся, убегая за горизонт на запад до самой Нарвы. Прямо по курсу, всего в пятнадцати милях от устья, показался остров, который русские назовут Котлин и впоследствии вырастет крепость и морская база Кронштадт. Обогнув остров, Петр собственноручно замерил глубину и установил, что море у северного берега слишком мелко для судоходства. Но к югу от острова пролегал фарватер, который вел прямо к устью Невы. Чтобы защитить этот фарватер, в качестве форпоста оборонительных сооружений, которые возводились на острове, Петр приказал возвести форт прямо на отмели у кромки фарватера. Это была тяжелая работа: деревянные клетки, заполненные камнями, по льду доставляли на место и там по весне, когда лед таял, опускали под воду, созда-

115

вал таким образом фундамент. В мае небольшой форт, оснащенный четырнадцатью пушками, вырос прямо из моря.

Опорный пункт Петра на Балтийском море с самого начала был задуман как торговый порт и военно-морская база. По царскому указу Головин писал в Лондон Матвееву, чтобы тот зазывал торговые суда посетить новый порт. Первый корабль, принадлежавший голландскому купцу, вошел в Неву в ноябре 1703 года, когда новому русскому порту едва минуло шесть месяцев. Услышав о прибытии корабля, Петр лично отправился встретить его и провести вверх по течению. Велико было удивление капитана, когда он узнал, кто был его лоцманом; Петру же было приятно узнать, что груз корабля — вино и соль — принадлежал его старому знакомцу, Кор-нелису Калфу из Саардама. Капитан получил 500 золотых, и в его честь Меншиков устроил банкет. В память об этом радостном событии корабль был переименован в «Санкт-Петербург» и навсегда освобожден от пошлин и таможенных сборов. Подобные

привилегии были обещаны и следующим двум судам, которые придут и новый порт, и в скором времени за обещанной наградой явились капитаны двух судов — голландского* и английского. В дальнейшем Петр делал все возможное, чтобы привлечь в Петербург иностранных купцов. Он снизил пошлину так, что она составляла менее половины сборов, взимаемых шведами в подконтрольных им балтийских портах. Он обещал поставлять русские товары в Англию по очень низким ценам при условии, что англичане будут вывозить их из Петербурга, а не Архангельска. Впоследствии ему приходилось употреблять царскую власть для того, чтобы отвести большой поток русской торговли от проторенного арктического пути и направить его через новые порты на Балтике.

Чтобы упрочить свое положение на отвоеванных землях, Петр не жалел сил на строительство судов на верфях Ладожского озера. 23 сентября 1704 года он пи-

116

сал Меншикову: «Здесь все зело исправно. Коли Бог даст, три фрегата, четыре шенявы, да галиот послезавтра на воду спустим». Но Ладога была коварна и беспокойна, и новые суда получали течь, а то вовсе оказывались выброшенными на берег у южной оконечности озера возле Шлиссельбурга, где берет начало Невы. Чтобы избежать опасного плавания по Ладоге, Петр решил перенести главные верфи в Петербург. В ноябре 1704 года он заложил верфь на левом берегу Невы, по диагонали от Петропавловской крепости, чуть ниже ее по течению. Поначалу Адмиралтейство представляло собой обычную верфь, построенную в форме прямоугольника. Окруженное с трех сторон деревянными амбарами и сараями, которые служили мастерскими, кузницами, избами для рабочих и кладовыми для канатов, парусов, пушек и корабельного леса, Адмиралтейство оставалось открытым со стороны Невы. Посередине — там, где впоследствии разместился главный штаб Российского флота, возвышался деревянный шпиль, увенчанный флюгером в форме кораблика*.

Под сенью этого шпиля, на пространстве, окруженном амбарами и сараями, закладывались петровские корабли. Объемистые корпуса сооружались у самого берега, затем их спускали на воду и буксировали к причалам для доводки. Чтобы защитить Адмиралтейство от возможного нападения шведов, его обнесли земляными валами со рвами и бастионами. Таким образом, город получил вторую твердыню, почти столь же могучую, как Петропавловская крепость.

* В начале XIX века Адмиралтейство было полностью перестроено в камне, однако его характерные особенности — прямоугольная планировка и центральный шпиль с корабликом — были сохранены. И сегодня, как и на заре существования Петербурга, шпили-близнецы Адмиралтейства и Петропавловской крепости — доминанты городского пейзажа — смотрят друг на друга через Неву.

117

В дальнейшем шведы не прекращали тревожить новый город вылазками как с моря, так и с суши. В 1705 году русские вбили длинные бревна в дно фарватера у острова Котлин и соединили их канатами, закрыв путь флоту противника. Завидев на горизонте переплетения мачт и канатов, шведы принимали их за мачты внушительного русского флота и после безрезультатного обстрела с дальней дистанции, отходили. В 1706 году Петр, совершая плавание в открытом заливе, заметил приближение шведской эскадры. Он тут же повернул к берегу и условным сигналом — орудийными выстрелами — известил вице-адмирала Крюйса, голландского моряка, который командовал русским флотом. Крюйс, однако, не поверил сигналу и признал свою ошибку лишь тогда, когда увидел шведские корабли собственными глазами. Некоторое время спустя Петр со смехом припомнил этот случай. Докладывая о положении на флоте, Крюйс жаловался Петру на невежество и недисциплинированность офицеров: «Его величество в морском деле искусен и ведает, каково важно во всем превосходную субординацию иметь». Петр отвечал ласково: «Вице-адмирал сам повинен в том, что в морских офицерах недостает умения, понеже почти всех их сам на службу и взял... Что ж до моего умения, кумплимент сей вовсе незаслужен. Когда случилось мне намеренно углядеть с яхты своей-ские корабли и, согласно морскому обычаю, пушечною пальбою число оных означить, сие почтено было за потеху, что зову пальбою чарку испить. Когда и сам я к вице-адмиралу на борт поднялся, оный верить мне ни про что не хотел, покуда его матросы неприятеля с мачты не высмотрели. Оттого разумею, что надобно меня в умелых не числить, а коли нет, то сие шутки более не шутить»³.

С течением времени Петр стал более широко представлять себе роль Петербурга. Он увидел в

нем не только крепость, охраняющую невиское устье или верфь для строительства торговых и военных судов на Балтике.

118

Он увидел в нем будущий город. Как раз в это время в Россию приехал итальянский архитектор Доменико Трезини, который построил великолепный дворец для короля Дании Фредерика IV. Его стиль, как и стиль большинства архитекторов, работавших в то время в северной Европе, испытал сильное голландское влияние, и именно это, заимствованное в Голландии, протестантское северное барокко привнес в Россию Трезини. 1 апреля 1703 года он подписал договор, по которому стал «государевым архитектором цивилии и милитарии», и Петр незамедлительно отправил его на берега Невы, поручив ему надзор за всеми строительными работами. В течение девяти лет Трезини заменял бревенчатые лачуги кирпичными и каменными строениями, и приметы его градостроительной деятельности Петербург хранит и поныне. Пока работные люди насыпали земляные валы крепости, Трезини построил внутри ее стен небольшую церковь. Не имея отделочных материалов для украшения интерьера, он покрыл стены желтой штукатуркой под мрамор. В 1713 году Трезини приступил к строительству Петропавловского собора в стиле барокко, который с некоторыми переделками сохранился до наших дней; его золоченый шпиль и сейчас вздымается к небу на высоту 400 футов.

Непрекращающиеся строительные работы требовали множества рабочих рук. Вбивать сваи, рубить и вывозить лес, выворачивать валуны, выравнивать холмы, выкорчевывать пни, прокладывать улицы, сооружать доки и верфи, возводить крепость, дома и причалы — на все это постоянно не хватало людей. Чтобы обеспечить строительство рабочей силой, Петр год за годом издавал указы, вызывая в Петербург плотников, каменщиков, камнетесов и, наконец, простых необученных крестьян. Со всех концов империи сюда стекался нескончаемый по-

ток людей — казаков, сибиряков, татар и финнов. Им оплачивались расходы на дорогу и их кормили в течение шести месяцев; потом тем, кому удалось выжить, разрешалось вернуться домой, а на их место следующим летом пригоняли других. Воеводы и помещики, которых царь заставлял набирать и отправлять людей, роптали, жалуясь, что деревни приходят в запустение оттого, что забирают лучших работников, но Петр и слушать ничего не хотел. Тяготы были непосильными. Рабочие спали на сырой земле в наскоро сколоченных, переполненных, грязных бараках. Их косила цинга, дизентерия, малярия и другие болезни. Жалованье выплачивалось нерегулярно, и многие пускались в бег. Точное число погибших во время строительства города установить уже не удастся: в петровское время их числили до 100 000. Более поздние цифры значительно ниже — 25 000-30 000, но никто не возьмется отрицать, что Петербург — город, «построенный на костях».

Наряду с рабочей силой приходилось завозить и строительные материалы. На болотистой равнине в дельте Невы пригодных для строительства высоких деревьев было мало, а природного камня не было вовсе. Первоначально источником камня для строительства города служила лежавшая выше по течению шведская крепость Ниеншанц; ее разобрали и камень сплавляли вниз по Неве. В течение ряда лет каждой телеге, подводе или русскому кораблю, прибывавшим в Петербург, предписывалось вместе с обычным грузом доставлять установленное количество камня. У городских причалов и ворот возникли специальные конторы, принимавшие эту дань, и без их разрешения никакой транспорт не мог въехать в город. Временами, когда потребность в камне была особенно острой, судьбу буквально каждого привезенного камня решал сам начальник конторы. Для того, чтобы не тратить попусту строительный лес, запрещалось рубить деревья на островах и никому не позволялось то-

120

пить баню чаще одного раза в неделю. Бревна доставлялись из новгородских лесов и с берегов Ладоги. Лесопильные мельницы, приводившиеся в действие силой ветра или водяными колесами, распиливали бревна на брусья и доски. В 1714 году строительство в Петербурге застопорилось из-за нехватки каменщиков, и Петр запретил под страхом «конфискации имущества и ссылки» строить в Москве каменные дома. Вскоре действие этого указа распространилось на всю империю. Волей-неволей каменщики со всей России, собрав инструменты, отправились в Петербург в поисках работы.

Городу требовалось население. Мало кто соглашался жить там по доброй воле, и Петру и здесь пришлось употребить власть. В марте 1708 года царь «пригласил» в Петербург свою сестру Наталью, двух сводных сестер Марию и Феодосию и двух вдовствующих цариц — Марфу и Прасковью, а заодно и множество бояр, высших чиновников и богатых купцов. По словам Уитворта, «никому не было позволено отговариваться ни годами, ни делами, ни нездоровьем»⁴. Ехали в Петербург неохотно. Тем, кто привык к вольготной жизни в богатых подмосковных имениях, где вся провизия доставлялась из ближних деревень или дешево закупалась на изобильных московских рынках, теперь приходилось тратить большие деньги на строительство новых домов в балтийских болотах и платить немыслимые цены за привозившиеся издалека продукты. Многие подсчитали, что с переездом они потеряли две трети своего состояния. Развлечений было мало, и море, которое так манило царя, их только пугало: никто из них и ногой не ступил бы в лодку, иначе как по принуждению. Но выбора не было, и они явились. Прибывшие купцы и лавочники нашли утешение в возможности заламывать непомерные цены за свои товары. Многие рабочие — русские, казаки и калмыки, — отбыв положенный срок на строительстве казенных сооружений и не имея возможности или охоты отправляться в дальний путь домой, оставались в Петер-

121

бурге и занимались на строительстве частных домов дворян, которым царь повелел обживать на новом месте. В результате тысячи работников окончательно осели в Петербурге и построили здесь дома — для себя. Петр всячески это поощрял и откликался на любое приглашение, от кого бы оно ни исходило, заложить в кладку нового дома почетный первый камень и выпить чарку водки за хозяина.

И месторасположение, и внешний вид домов были строго регламентированы. Дворянским семействам предписывалось селиться на левом берегу Невы, строить жилища из бру-а, обшивать тесом и оштукатуривать «на английский манер» (тем, у кого было больше, чем 500 душ, было указано возводить двухэтажные дома). На правом берегу вырастали бревенчатые купеческие дома. Построенные наспех и без особого желания владельцев, они имели много изъянов: крыши протекали, стены трескались, полы прогибались. Стремясь придать величие облику города, Петр приказал всем зажиточным горожанам, у которых были одноэтажные дома, достроить второй этаж. Чтобы облегчить эту задачу, он ислсч Трезини разработать образцовые проекты зданий разнo го размера и соответствующей планировки, которые предоставлялись бесплатно.

Город по большей части был деревянным, и почти каждую неделю вспыхивали пожары. Для безопасности жителей Петербурга Петр наладил постоянную пожарную службу. По ночам, когда весь город *спал*, на церковных колокольнях дежурили караульщики. При малейшем признаке огня караульщик тут же звонил в колокол, и этот звон подхватывали все колокольни города. Колокольный звон будил барабанщиков, которые, вскочив с постели, принимались бить в барабаны. Горожане выбегали на улицы и, вооружившись топорами и баграми, спешили на пожар. Квартировавшие в городе солдаты тоже были обязаны принимать участие в тушении пожара. Чиновникам и офицерам вменялось следить за по-

122

жарной безопасностью на своем участке. За это полагалась дополнительная плата, а уклонение строго наказывалось. Петр и сам выполнял такие обязанности, и, как и другие,, получал за это жалованье. По свидетельству иностранного очевидца, «среди рабочих нередко можно увидеть царя, который с топором в руках взбирается на крышу пылающего дома, подвергая свою жизнь такому риску, что глядя на это, мороз продирает по коже». Зимой, когда вода замерзала, топоры и багры оставались единственными средствами борьбы с огнем. Пожар можно было изолировать, если удавалось достаточно быстро разобрать и оттащить в сторону находившиеся поблизости дома. Присутствие Петра всегда оказывало действенный эффект. Датский посланник Юст Юль вспоминал: «Поскольку ум у него очень быстрый и точный, он сразу замечает, что надобно делать: лезет на крышу, появляется в самых опасных местах, побуждает бороться с огнем людей именитых наряду с простыми горожанами и не делает передышки, покуда огонь не будет потушен. Но сжсли государя нет, все идет по-иному. Тогда люди безразлично глазеют на пожар, не делая ничего, чтобы его потушить. Бесполезно увещевать их и даже сулить им деньги — они только ждут случая чем-нибудь

поживиться»⁵.

Городу угрожала и другая природная стихия — наводнения. Петербург был построен на уровне моря, и когда вода в Неве поднималась выше пяти футов, город затапливало. В 1706 году Петр писал Меншикову:

Третьего дни ветром сюда такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах была сверх полу 21 дюйм, а по городу и на другой стороне свободно ездили на лодках, однако же не долго держалось — меньше трех часов .

Царь со смехом вспоминал, что многим пришлось спастись на крышах домов и деревьях, но был доволен тем, что хотя вода и поднялась высоко, большого ущерба

123

причинено не было. В 1711 году английский резидент писал: «Ночью девятого числа с юго-запада, со стороны моря поднялся такой сильный ветер, что весь город затопило водой. Многие люди были захвачены врасплох и могли бы потонуть, если бы их не разбудил колокольный звон и они не спаслись на крышах. Большая часть их имущества и скота погибла» . Почти каждую осень Нева выходила из берегов, погреба затоплялись и запасы продуктов приходили в негодность. Бревна и доски во множестве уносились водой, а вылавливать строительный материал и присваивать его запрещалось под страхом смертной казни. В ноябре 1721 года сильный юго-западный ветер повернул реку вспять так, что двухмачтовую шхуну пронесло по улицам и прибило к стене дома. «Ущерб невозможно описать словами, — доносил в Париж французский посланник, - едва ли можно сыскать хоть один дом, который не пострадал. Потери оценивают в два, а то и три миллиона рублей. [Но] царь, подобно Филиппу Испанскому [после гибели Непобедимой армады], являет истинное величие души своим спокойствием»⁸.

Даже по прошествии пятнадцати лет после основания города, когда вдоль набережных Невы вырастали величественные дворцы, а выписанные из Франции садовники разбивали регулярные, правильной геометрической формы цветники, повседневная жизнь в Петербурге оставалась, по словам одного иностранца, «опасной и неустроенной, как в полевом лагере». Беда заключалась в том, что эта земля попросту не могла сама себя прокормить. Невская губа с ее обширными водными пространствами, лесами и болотами была скудна на урожай, в дождливые годы, бывало, хлеб гнил на корню прежде, чем его успевали сжать. Выручали дары природы: изобилие земляники, черники и грибов, которые солили и мариновали, приготовляя отменную закуску.

124

Охотились на зайцев, ради сухого жесткого мяса, а также на диких уток и гусей. Реки и озера кишели рыбой, но, к досаде иностранцев, свежую рыбу купить было трудно: русские предпочитали ее солить или вялить. Но все, что приносила земля, леса и воды, не спасло бы Петербург от голода, если бы не было постоянного подвоза провизии извне. В сухие летние месяцы тысячи подвод тащились из Новгорода и даже из Москвы, доставляя в город продукты; в зимнее время подвоз продолжался по замерзшим руслам рек. Если по какой-то причине доставка продовольствия тормозилась, цены немедленно взлетали и в Петербурге, и во всей округе, поскольку город снабжал провизией пригороды, а не наоборот.

Петербург окружала тянувшаяся до самого горизонта поросль чахлых берез, тонких сосен и скрывавших болота кустарников; если путник отваживался сойти с дороги, он рисковал заблудиться. На прогалинах, к которым вели неприметные тропки, встречались редкие хутора. В лесных зарослях водились волки и медведи. Медведи были менее опасны: летом они находили обильный прокорм, а зимой впадали в спячку. Зато волков можно было встретить круглый год, зимой они сбивались в стаи по тридцать — сорок голов. Случалось, что голод вынуждал их забираться на хутора, задирали собак, нападать на лошадей и даже на людей. В 1714 году нападению волков подверглись два солдата, которые несли караул у Литейного двора: одного разорвали в клочья и съели на месте, другой, раненый, уполз, но вскоре скончался. В 1715 году волки среди бела дня загрызли женщину на Васильевском острове, неподалеку от дворца князя Меншикова.

Неудивительно, что мало кто из русских решался селиться в этих сырых, пустынных, опасных местах. К этому времени здесь стало совсем безлюдно — войны и чума свели на нет коренное финское население. Петр раздавал земли дворянам и офицерам, и те перевозили из глубины

крепостных крестьян. Простые люди, оторванные от родной почвы, вынужденные покинуть живописные холмы и луга Подмосковья, страдали, но переносили все безропотно. «Поразительно, с какой покорностью и терпением сносят эти тяготы люди как высокого, так и низкого звания, — писал Вебер. — Простые люди говорят, что жизнь для них вообще тяжелая ноша. Лютеранский пастор поведал мне о своем разговоре с русскими крестьянами: он спрашивал их о вере — ведомо ли им, что надобно делать, дабы обрести вечное спасение; но они даже не уверены, что вообще смогут попасть на небеса, ибо вечное блаженство, как они считают, уготовано лишь царю да великим боярам» .

Не только простым людям Петербург пришелся не по нраву. Русская знать и иноземные дипломаты судили да рядили, надолго ли город переживет своего основателя. Царевна Марья утверждала: «Петербург не устоит за нами. Быть ему пусту»¹ . Мало кто видел за ним будущее. Однако Меншиков предрек, что Петербург станет новой Венецией и что придет день, когда любознательные иноземцы будут приезжать сюда, чтобы подивиться красоте города.

Шведы никогда не могли понять страстного влечения Петра к этому болотистому месту. Непреклонное желание Петра удержать новый город стало основным препятствием для заключения мира со Швецией. Когда военная фортуна изменяла России, Петр соглашался вернуть все завоевания в Ливонии и Эстонии, но ни в какую не уступал Петербург и устье Невы. Мало кто в Швеции тогда сознавал, что царь навеки расщепил шведскую балтийскую империю, вбил клин между северными и южными ее провинциями, перерезав линии шведских коммуникаций через дельту Невы, и тем предвосхитил грядущую утрату шведами балтийского побережья. Шведам казалось, что территориальные уступки в дельте

Невы незначительны, а Петр — просто глупец: при таких ветрах, регулярно нагоняющих в Неву воду с залива, новый город очень скоро будет разрушен наводнениями. Это было общее мнение, а затея Петра стала предметом едких шуток. Господствовавшие в Швеции настроения выразил самоуверенный король: «Пусть царь изнуряет себя строительством новых городов, нам же достанется честь их занимать» .

Петр назвал новый город в честь своего небесного покровителя, и Петербург стал славой его царствования, его «парадизом», «Эдемом» и любимым детищем. В апреле 1706 года он начал письмо к Меншикову словами: «Я не могу отсель не писать к вам из здешнего парадиза; истинно, что в раю здесь живем»¹² . Город стал воплощенным в кирпиче и камне символом достижений его жизни: избавлением от закулисных интриг, которые плелись за крошечными оконцами в сводчатых палатах Москвы; выходом к морю; приобщением к технике и культуре Западной Европы. Петр любил свое новорожденное творение. Он наслаждался, видя, как полноводная река несет свои воды к заливу, как плещутся волны о крепостные стены и соленый бриз наполняет паруса его кораблей. Строительство города превратилось в подлинную страсть. Ничто не могло заставить его отказаться от претворения в жизнь своего замысла. На это он не жалел ни сил, ни миллионов рублей, ни тысяч человеческих жизней. Поначалу его главной заботой было возведение укреплений и обеспечение безопасности, но не прошло и года, как он писал в Москву Тихону Стрешневу, чтобы тот прислал цветы из подмосковного села Измайлово: «Особливо пришли духовитых. Пеоны дошли в зело доброй кондиции, а не то бальзамины с мятою. Пришли и оных»¹³ . В 1708 году он построил вольер и велел доставить из Москвы 8000 певчих птиц разных пород¹⁴ .

Вслед за Петром сменившие его на троне императрицы и императоры превратят первоначальное бревенчатое

и глинобитное поселение в блистающий великолепием город; архитектурным обликом он скорее европейский, чем русский, а культура и мысль его соединила в себе черты России и Запада. Гранит оденет южный берег Невы, и вдоль трехмильной набережной выстроится нескончаемая вереница желтых, светло-голубых, бледно-зеленых и красных величественных дворцов и правительственных зданий. Неповторимые сочетания ветра, воды и облаков, 150 арочных мостов, что соединят между собой его острова, золоченых шпилей и куполов, гранитных колонн и мраморных обелисков будет вызывать такое

восхищение, что город будут называть Снежным Вавилоном и Северной Венецией. Здесь берет начало российская словесность, музыка и искусство. Это город Пушкина, Гоголя и Достоевского, город Бородина, Мусоргского и Римского-Корсакова, город Петипа, Дягилева и Нижинского. На протяжении двух столетий российские монархи правили Россией из города, основанного Петром. Здесь разыгрывались политические судьбы империи, и здесь же разыгрался последний акт драмы, приведший к падению династии Петра. Изменится даже само имя города, ибо новый режим, желая почтить своего основателя, посвятит Ленину «лучшее, что у нас есть*». Но многие горожане и тогда продолжали называть его просто «Питер».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ МЕНШИКОВ И ЕКАТЕРИНА

В первые годы Северной войны на авансцену выступают два человека, которым предстояло стать ближайшими спутниками Петра — Александр Меншиков и Марта Скаврнская. Примечательно то, что между ними немало общего: оба вышли из неизвестности и познакомились друг с другом раньше, чем Марта встретила с Петром; вместе они возвысились — он из придворного конюха превратился во всесильного князя, она из крестьянской девушки-сироты стала коронованной императрицей, наследницей И преемницей Петра на российском престоле. Обоим суждено было пережить великого царя, сотворившего их, но ненадолго. После смерти Петра императрица Екатерина довольно скоро последовала за ним, а затем был низвергнут и достигший невероятных высот честолюбивый конюх.

Могущественный князь Меншиков, самый влиятельный сатрап в империи, Herzenkind («дитя сердца») Петра, был самым близким ему человеком после Екатерины, единственным, кто мог не боясь говорить от имени государя. Он стал фельдмаршалом, первым сенатором, «его светлостью» и князем Российской и Священной

5 Петр Великий, т. 2

129

Римской империи. На самом известном портрете Меншикова изображен человек с высоким выпуклым лбом,* умными сине-зелеными глазами, крепким носом и тонкими губами, будто карандашом, подведенными усиками. Улыбка его не менее загадочна, чем улыбка Моны Лизы: на первый взгляд открытая и добродушная, она, если пристально посмотреть, кажется скорее холодной и надменной. Его взгляд, улыбка и весь его облик выдают расчетливую, натуру и производят весьма неприятное впечатление. Одет этот, как назвал его Пушкин, «полудержавный властелин» на европейский манер. На нем белый завитой парик, как у вельмож Людовика XIV, поверх стальной кирасы надет белый, расшитый золотом, с золотыми кистями кафтан. Шея повязана красным шелковым шарфом, а поперек груди широкая голубая лента ордена Св. Андрея Первозванного. Звезда этого ордена, вместе со звездами польского ордена Белого Орла и других орденов украшают его кафтан. Словом, портрет человека незаурядного ума, неумолимого и властного.

Имя и карьера Александра Даниловича Меншикова неразрывно связаны с жизнью Петра Великого, но происхождение прославленного помощника Петра окутано легендами. Рассказывали, что его отец — литовский крестьянин - отдал сына в подмастерья к пирожнику, и юный Александр продавал в Москве пирожки. Легенда гласит, что однажды внимание Лефорта привлек смывленный паренек, который бойко расхваливал на улице свой товар. Лефорт разговорился с ним, был очарован его непосредственностью и взял его к себе на службу. Меншиков едва умел написать свое имя, но его сметливость и ловкость скоро были замечены Петром. Паренек, отличавшийся живостью ума, веселым нравом и бывший почти ровесником Петра, полюбился царю: он попросил Лефорта уступить ему Алексашку и сделал его своим личным слугой. Несмотря на этот невысокий ранг, Меншиков сумел использовать свое обаяние и множество полезных талантов для того, чтобы стать самым

близким к самодержцу человеком и одним из богатейших и могущественнейших людей в Европе XVIII века. Он был находчив и дерзок. Эти качества и подталкивали его к безудержному расхищению доверенной ему государственной казны, и в то же время спасали его от гнева возмущенного государя. По слухам, как-то раз Петр пригрозил, что отправит могущественного князя снова торговать пирогами на улицах. В тот же вечер Меншиков

явился перед государем в фартуке и с лотком через плечо, покрикивая. «Пирожки горячие! Кому пироги подовые?» Петр покачал головой, а затем рассмеялся и простил своего любимца. Более правдоподобная история возвышения Александра Меншикова чуть менее колоритна. Почти наверняка установлено, что отец Меншикова был солдатом. Он служил в войске Алексея Михайловича и, дослужившись до чина капрала, стал писарем в Преображенском. Возможно, он и был родом из Литвы: грамота о возведении Меншикова в достоинство князя Священной Римской империи гласит, что новоиспеченный князь происходит из древнего и благородного литовского рода. Ссылки на «древность» и «благородство», вероятно, потребовались затем, чтобы облегчить известному своим консерватизмом императору задачу пожаловать Меншикову титул. Правда существуют свидетельства того, как Меншиковы владели землей неподалеку от Минска, входившего в то время в состав Литвы*.

Как бы то ни было Меншиков родился в ноябре 1673 года, то есть на полтора года позже Петра, и детство провел на конюшне в царском селе Преображенском. Он довольно скоро сообразил, какие выгоды сулит близость к Петру. Одним из первых он был принят солдатом в потешное войско Петра. К 1693 году он уже числился бомбардиром в Преображенском гвардейском полку, а

* Это генеалогическая легенда, придуманная по заказу Меншикова — сына дворцового конюха. — *Ред.*

130

131

Петр предпочитал артиллерию всем родам войск. В чине сержанта Меншиков был рядом с Петром под стенами Азова, он одним из первых вызвался ехать в составе Великого посольства в Западную Европу. К тому времени Меншиков числился денщиком — то есть выполнял личные поручения царя. В обязанности денщиков входило денно и ночно безотлучно находиться при государе, по очереди спать у него в передней, а когда царь путешествовал, и в ногах у государевой постели. Бок о бок с Петром Меншиков работал на верфях Амстердама и Дептфорда. Он освоил ремесло корабельного плотника почти так же хорошо как и сам Петр, и был одним из немногих русских, кто не чурался этого ремесла. Сопровождая Петра, Меншиков побывал в лабораториях и мастерских Европы, выучился изъясняться на ломаном голландском и немецком, и приобрел поверхностный лоск и некоторые представления о светском этикете. Восприимчивый, схватывавший все на лету, Меншиков в то же время оставался русским до мозга костей — именно таким и хотел Петр видеть своих подданных. И по меньшей мере один из них, Меншиков, всей душой стремился вникнуть в новые идеи Петра, был готов порвать вслед за ним со старыми русскими обычаями и, будучи человеком неглупым и даже в какой-то мере одаренным, искренне хотел помогать государю.

По возвращении из Европы Меншиков стал одним из членов Всепьянейшего собора — компании собутыльников Петра. Шести футов роста, крепкий, проворный и искусный во всех столь любимых царем потехах, он сделался заметной фигурой в Преображенском, где его звали Алексашкой или величали Данилычем. Он с одинаковым рвением распевал рождественские колядки в доме генерала Гордона и рубил головы во время стрелецкой казни. Петр пожаловал ему дом, который 2 февраля 1699 года был освящен «по обряду Бахуса».

Быстрое возвышение молодого человека неизбежно порождало толки о его темном происхождении и неве-

132

жестве. Князь Борис Куракин говорил, что Меншиков «породы самой низкой, ниже шляхетства»¹. Корб с пренебрежением отзывался об этом «Александре, который столь замечен при дворе благодаря царской милости» и который использует свое влияние, чтобы получать взятки от купцов и всех тех, кому требуется содействие властей. Уитворт, британский резидент, доносит в 1706 году: «Я достоверно знаю, что Меншиков не умеет ни читать, ни писать». Обвинение это было справедливо лишь отчасти. Читать Меншиков выучился, но письма всегда диктовал секретарю и неуверенной рукой выводил лишь свое НМТ.

Однако несмотря на злословие, влияние Меншикова продолжало расти. Его неунывающий нрав, удивительная способность понимать и почти предугадывать желания и настроения Петра, умение переносить вспышки царского гнева и даже жестокие побои — делали его находкой для царя. Когда Петр, по возвращении из Европы, обвинил генерала Шеина в

бессовестной торговле армейскими должностями и на банкете чуть не чцколол его шпагой, Лефорт отклонил удар и спас Шепну жизнь, Меншиков же обнял государя и сумел его успокоить. Спустя некоторое время на балу по случаю крестин сына датского посланника Петр увидел, что Меншиков танцует, нацепив шпагу. Возмущенный таким нарушением этикета, да еще в присутствии иностранцев, Петр в кровь разбил ему лицо. Следующей весной в Воронеже, когда Меншиков наклонился, чтобы шепнуть что-то Петру на ухо, последовала очередная вспышка ярости и оплеуха такой силы, что она сшибла его с ног. Меншиков перенес это оскорбление не только со смирением, но и с неизменным юмором. Со временем его способность улавливать настроения Петра и готовность смиренно принять от государя все — и гнев или милость — сделали его незаменимым для царя. Он перестал быть просто слугой и стал другом.

В 1700 году, накануне войны, Меншиков числился в

133

придворном штате. Из письма, отправленного ему Петром в том году, явствует, что на него было возложено попечение о царском гардеробе. Но как только началась война, Меншиков бросился в нее очертя голову, выказывая столь же блестящие способности в воинском искусстве, как и во всем прочем. Он был под Нарвой вместе с Петром и вместе с ним уехал накануне злосчастного сражения. В 1701 году, когда Петр лично руководил кампанией в Ингрии, Меншиков отличился в качестве его первого помощника. После осады и взятия Нотебург-га Меншиков был назначен комендантом крепости. Он участвовал в продвижении русской армии вниз по Неве, взятии Ниеншанца и захвате шведской флотилии в устье реки. С основанием Петербурга и началом строительства Петропавловской крепости на Меншикова была возложена ответственность за возведение одного из могучих бастионов, который впоследствии стал носить его имя. В том же году он стал генерал-губернатором Карелии, Ингрии и Эстонии*. Чтобы порадовать царя, Петр Голицын, посланник при венском императорском дворе, в 1702 году добился для Меншикова титула имперского графа. В 1707 году император Иосиф сделал Алексашку князем Священной Римской империи. Спустя два года, в ознаменование победы, которую Меншиков одержал над шведами под Калишем в Польше, Петр возвел его в достоинство светлейшего князя Ижорского и пожаловал ему огромные владения. Примечательно, что не прошло и двух недель, как новоиспеченный князь уже; предписывал установить число приходов и количество жителей в них и выведать, какие доходы могут быть получены, а заодно велел, чтобы во время богослужений в княжестве его имя поминалось наряду с государевым.

Несравненно важнее титулов и богатства, которыми Меншиков был полностью обязан Петру, была государе-

* Неточно. Меншиков стал губернатором Ингерманландской (Петербургской) губернии. - *Ред.*

134

ва дружба. Со смертью Лефорта в 1699 году у царя не осталось близкого друга, на которого он мог бы положиться и в большом, и в малом, кому бы мог поверять свои мысли, надежды и горести. Место Лефорта занял Меншиков, и за первые годы войны дружба между ним и государем переросла в глубокую привязанность. Алек-сашка повсюду сопровождал Петру, и ни одна затея царя не обходилась без него. Он был собутыльником Петра на пьяных пирушках, поверенным в амурных делах, лихим кавалерийским командиром и государственным министром — и исполнял все одинаково ревностно и искусно. По мере того, как их личные отношения становились более близкими, менялось обращение царя к Меншикову. В 1703 году царь называл его «mein Herz» или «inein Herzenchen». В 1704 году он стал уже «mein liebster Kamerad» и «mein liebster Freund». А впоследствии Петр обращался к нему «mein Brudder». Свои письма к Мен-шикову он заканчивал словами: «О чем больше писать оставляю, токмо желаю вас вскоре, что дай Боже, в радости видеть»*.

Шло время, Меншиков преуспевал все более, почести и награды продолжали обильно изливаться на него, но и недруги его умножались. Им он представлялся подобострастным, тщеславным и, когда это было в его власти, деспотичным. Он бывал и груб, и жесток, и злопамятен. Его величайшим пороком, не раз приводившим его на край гибели, была алчность. Рожденный в скудости и получивший немало возможностей обогатиться, он тянул все, что плохо лежит. С возрастом это свойство заметно усугубилось, а может, его стало труд-

нее скрывать. Для Петра не было тайной то, что его

* Крылось ли за этой дружбой нечто иное? Уитворт писал: «Некоторые считали, что их близость более напоминает любовь, нежели дружбу, наблюдая их постоянные ссоры и столь же частые примирения». Но в действительности никаких свидетельств гомосексуальных отношений между Петром и Меншиковым нет.

135

старый друг использует свое положение для обогащения и нередко ворует прямо из казны, и он неоднократно пытался положить этому конец. Меншикова отдавали под суд, лишали всех привилегий, подвергали штрафу, бывал он и бит разгневанным государем. Но всякий раз пересиливала давняя дружба, царь менял гнев на милость, и Меншиков снова входил в силу. Однако неверно характеризовать Меншикова всего лишь как ловкого и алчного льстеца. Хотя он и взобрался к вершинам, так сказать, на плечах Петра, он был ему незаменимым другом. Насколько это возможно, он сделался alter ego Петра и так превосходно знал, что предпримет царь в той или иной ситуации, что его приказы воспринимались как приказы самого Петра. «Он делает, что угодно, не спрося меня, — сказал как-то о нем Петр. — И я, не спросивши его мнения, никогда ничего не решаю». Худо ли бедно, но Меншиков помогал Петру создавать новую Россию.

Происхождение Марты Скавронской еще более туманно, чем происхождение Меншикова. Можно лишь строить догадки о ее жизни до 1703 года, когда девятнадцатилетняя Марта познакомилась с царем. Наиболее достоверной представляется версия, что она была одной из четырех дочерей литовского крестьянина, возможно католика, по имени Самуил Скавронский. Скавронский выехал из Литвы и поселился в шведской Ливонии, где в селении Ринген, неподалеку от Дерпта, в 1684 году родилась Марта. Она была еще ребенком, когда от моровой язвы умер ее отец, а вслед за ним последовала и мать. Обездоленных детей разобрали разные люди, и Марта была взята на воспитание в дом мариенбургского пастора Эрнста Глюка. По-видимому, она не считалась служанкой, хотя и исполняла различные услуги по хозяйству — стирала, шила, пекла хлеб и присматривала за детьми. Но и полноправным членом семьи она не была,

136

поскольку просвещенный пастор не позаботился о том, чтобы дать ей образование, и она покинула дом Глюка, не умея ни читать, ни писать.

Марта выросла в миловидную, статную девушку, привлекавшую внимание ласковыми черными глазами и пышной фигурой. Поговаривали, будто фрау Глюк опасалась, как бы цветущая девушка не приглянулась кому-нибудь из ее подрастающих сыновей, а то и самому пастору, и Марте пришлось принять предложение шведского драгуна из расквартированного неподалеку полка. Она была помолвлена с ним, а по некоторым сведениям и вступила в брак, продолжавшийся всего восемь летних дней 1702 года. Быстрое продвижение наступавших русских войск заставило полк срочно эвакуироваться из Мариенбурга. Марте не довелось более увидеть своего жениха или мужа.

После отступления шведов окрестности Дерпта оказались в руках армии Шереметева, и семейство пастора Глюка попало в плен вместе со всеми местными жителями. Шереметев, человек образованный, принял лютеранского священника доброжелательно и, по просьбе Глюка, препроводил его в Москву на царскую службу в качестве толмача. Что же до привлекательной воспитанницы Глюка, то ее в Москву не отослали, а оставили присматривать за домом Шереметева, где она и пробыла около полугода. Есть и более колоритная история о том, как, прикрывая наготу одной лишь солдатской шинелью, девушка оказалась посреди полевого лагеря. Высказывалось предположение, что она стала любовницей фельдмаршала. В этом нет ничего невозможного, но и достоверных свидетельств подобных отношений между семнадцатилетней неграмотной девушкой и немолодым просвещенным фельдмаршалом не существует. Впоследствии, став женой Петра, она не испытывала к Шереметеву недобрых чувств, но, с другой стороны, и не выказывала особого расположения. Короче говоря, ничто кроме того, что они жили под одной

137

крышей, не указывает на интимный характер их отношений, и представляется наиболее вероятным, что будущая императрица выполняла в доме Шереметева роль прислуги, и только. Взаимоотношения Марты с другим ее покровителем, Меншиковым, были более близкими и

более сложными. Он уже входил в силу, как царский фаворит, когда заметил ее в доме Шереметева. Марта еще больше похорошела, руки, покрасневшие от грубой работы, благодаря ее новому положению сделались белее и мягче. Она приняла православие и была наречена русским именем Екатерина. Неизвестно, как Меншикову удалось убедить Шереметева уступить ему литовскую девушку, -говорят, он попросту купил ее. Так или иначе, но осенью 1703 года он взял ее с собой в Москву.

Возможно, что в это время восемнадцатилетняя девушка делила постель с тридцатилетним фаворитом. Так это или нет, но тогда между ними возникла привязанность, которая сохранилась на всю жизнь. Им предстояло стать двумя самыми могущественными после царя людьми в Российской империи, но безвестное происхождение делало их обоих целиком зависимыми от царской милости. И помимо государева покровительства, и фавориту, и царской жене рассчитывать было не на что и не на кого — только друг на друга.

В действительности нет прямых указаний на то, что Екатерина была любовницей Меншикова, напротив, судя по косвенным свидетельствам, это не так. В те годы Меншиков был очень привязан к одной девушке из числа теремных боярышень, единственной обязанностью которых было постоянно сопровождать женщин из царской семьи. В 1694 году, после смерти матери Петра, к царю в Преображенское — сугубо мужской мир — переехала его младшая сестра, бойкая царевна Наталья. В числе ее придворных дам были сестры Дарья и Варвара Арсеньевы, отец которых служил в Сибири. При маленьком дворе Натальи Меншикова, как друга Петра,

138

принимали радушно, и скоро между них и красавицей Дарьей Арсеньевой возникло взаимное влечение. Находясь в отъезде, он постоянно диктовал секретарю письма к ней и посылал кольца и драгоценности. Дарья отвечала на письма и слала ему ответные подарки — халаты, постельное белье и рубашки. В 1703 году, когда Меншиков вернулся в Москву триумфатором после военных побед в Ингрии, сестры Арсеньевы переселились к нему в дом, где, кроме его самого, жили его сестры. В этом же доме Меншиков держал и Екатерину. Ухаживая за девушкой высокого происхождения, конечно, можно было одновременно развлекаться с литовской крестьянкой, но Меншиков был серьезно увлечен Дарьей, которая и стала впоследствии его женой.

Когда весной 1703 года Петр встретил Екатерину, она жила в доме Меншикова, занимая положение не вполне понятное нам, но достаточно ясное для царя. Во всяком случае, положение это было таково, что Екатерина могла видаться и говорить с ним. Хотя ему был тридцать один год, а ей всего девятнадцать, царь пришел от нее в восторг. В то время его двенадцатилетняя связь с Анной Монс подходила к концу*. Перед ним стояла статная, здоровая, привлекательная девушка в самом расцвете молодости. Она не была классической красавицей, но ее бархатные черные глаза, густые светлые волосы (которые она позднее красила в черный цвет, чтобы не так заметен был загар) и пышная грудь не прошли

* Анна, чувствуя, что Петр отдаляется от нее, предприняла попытку вновь возбудить чувства государя демонстративным флиртом с прусским посланником Кейзерлингом. Посланник же воспылал к ней страстью и предложил ей выйти за него замуж. Узнав об этом, Петр лишил Анну своего благоволения, отобрал пожалованное имущество, вытребовал свой усыпанный бриллиантами портрет и поместил Анну с матерью и сестрами под домашний арест. Впоследствии он смягчился. Анна вышла замуж за Кейзер-линга и жила в качестве жены, а потом вдовы посланника в Немецкой слободе до самой смерти, последовавшей в 1714 году.

139

мимо внимания старого фельдмаршала и будущего князя. Царь оказался не менее наблюдательным.

Что бы там ни было у нее раньше, но с этого времени Екатерина стала любовницей Петра. Для соблюдения приличий она продолжала жить в доме Меншикова, который в ту пору был полон женщин. Поначалу этот дом вели для него сестры — Мария и Анна, но в декабре 1703 года Анна вышла замуж за родовитого Алексея Головина, младшего брата Федора Головина, ведавшего посольскими делами, — тем самым заметно упрочив положение Меншиковых в обществе. Теперь в доме жили сестры Дарья и Варвара Арсеньевы, их тетушка Анисья Толстая и Екатерина.

В октябре 1703 года Петр приехал в Москву и пять недель провел в кругу этого необычного меншиковского «семейства». Затем он уехал, но в декабре вернулся и пробыл до марта. Вскоре, когда Петр и Меншиков отбыли на войну, Екатерина и Дарья уже путешествовали вместе, присоединяясь к возлюбленным в городках неподалеку от мест расквартирования армий. На протяжении ряда лет эти четверо так сблизились, что отсутствие одного из мужчин вызывало у остальных чувство одиночества и печали. Петру и Меншикову часто приходилось разлучаться. Меншиков, удачливый кавалерийский командир, постоянно находился то в Литве, то в Польше. Женщины, которые из соображений экономии всегда путешествовали вместе, не могли сопутствовать обоим своим возлюбленным одновременно. Соответственно, то Петру, то Меншикову частенько приходилось слать грустные письма остальной троице. Зимой 1704 года Екатерина родила сына, названного Петром, и в марте 1705 года Петр писал ей и Дарье: «Редкое счастье мне выпало. Ох, матушки мои. Не оставьте попечением моего маленького Петрушку. Одежу ему справьте на вашу волю, а токмо был бы сыт да напоен. И почтение мое передайте Александру Данилычу. А вы, я чаю, недобро творите, что о здоровье своем отписать не изволите». В октябре 1705

140

года родился второй сын — Павел, а в декабре 1707 года дочь, которую назвали Екатериной.

Весной 1706 года Меншиков, находившийся на войне в разлуке с Дарьей, послал ей в подарок пять лимонов — все, что он сумел раздобыть, — предлагая ей поделиться ими с царем. Петр в ответном письме благодарил Меншикова за лимоны и звал его в Киев: «Зело надобно поспеть тебе до Успенья, дабы содейть то, о чем прежде изрядно говорено было». То, о чем было говорено и на чем настаивал Петр, — женитьба Меншикова на Дарье. Он писал Меншикову из Петербурга: «Я не могу оставить отсель не писать вам из здешнего парадиза, где при помоществовании всевышнего все изрядно... точно единое мнение никогда нас не оставляет, о чем сам можешь ведать, в чем возлагаем не на человеческую, но на Бо-жию милость». Меншиков вновь и вновь обещал, но вновь и вновь свадьба откладывалась.

Петр настаивал на этом браке, желая упорядочить положение, в котором жили обе пары. Женитьба должна была утихомирить толки об их квартете, в который входили две незамужние женщины. Безусловно, сплетни не прекратились бы полностью: только женитьба на Екатерине, которая постоянно рожала ему детей, могла положить им конец. Но Евдокия была жива и царь колебался. Женитьба Меншикова все же могла послужить первым шагом — Дарья стала бы почтенной замужней дамой, в обществе которой и Екатерине можно было путешествовать, не нарушая приличий. Наконец в августе 1706 года Меншиков уступил и Дарья стала его женой — разделяла его мысли и заботы, заботилась о нем и, как могла, сопутствовала в походах и разъездах.

Теперь, когда женился Меншиков, Петр и сам стал подумывать о том, чтобы сделать такой же шаг. Во многих отношениях брак сулил больше неприятностей, чем выгоды. Ревнители русской старины решили бы, что царь тронулся умом, если решил жениться на неграмотной иноземной полонянке. В годину национальных ис-

141

пытаний, когда Петр понуждал подданных жертвовать многим ради отечества, мог ли он ошеломить их подобным поступком, не возбудив серьезного недовольства? Но в конечном итоге все эти доводы, сколь бы разумными они ни были, рассыпались перед простым фактом — ему нужна была эта необыкновенная женщина. В ноябре 1707 года, спустя пятнадцать месяцев после свадьбы Меншикова, последовала и свадьба Петра. Ее сыграли в Петербурге, в узком кругу, без той пышности, которой было отмечено бракосочетание князя. Екатерина родила Петру троих детей, затем четвертого и пятого, но некоторое время он держал свой брак в тайне не только от подданных, но и от некоторых своих министров и даже членов царской фамилии*.

Екатерина была довольна своим новым положением — ни на одном из этапов своего удивительного возвышения она не пыталась добиться большего: вынашивала его детей и все больше принашивалась к его привычкам и пристрастиям. Он же не переставал тревожиться о ее будущем. В марте 1711 года, перед тем как отправиться вместе с Екатериной в Прутский поход, Петр призвал к себе сестру Наталью, невестку Прасковью и двух ее дочерей. Представив им Екатерину, он объявил, что она его законная жена и должна почитаться в качестве русской царицы. Петр сказал, что намерен совершить публичную церемонию бракосочетания, как только позволит время, но коли суждено ему будет умереть прежде, они должны принять Екатерину как вдовствующую царицу.

В феврале 1712 года Петр сдержал слово и повторно сыграл свадьбу; на сей раз гремели трубы и барабаны, был приглашен дипломатический корпус и устроен грандиозный банкет с праздничным фейерверком. Перед свадебной церемонией объявили о принятии Екатерины

** Ни для двора, ни для царской семьи не было тайной, что Екатерина почти каждый год рождает детей. — Ред..*

142

в лоно православной церкви и она была крещена по православному обряду, причем крестным отцом был ее пасынок, царевич Алексей. Поэтому в официальных бумагах царицу стали называть Екатериной Алексеевной.

Новая жена обладала качествами, которых Петр не встречал у других женщин. Она была отзывчивой, веселой, способной к сопереживанию, добросердечной, неприхотливой, отменно здоровой и с большим запасом жизненной силы. Среди всех соратников Петра только Екатерина да Меншиков обладали почти такой же, как сам государь, феноменальной энергией и импульсивностью. Крестьянский здравый смысл Екатерины помогал ей мгновенно распознавать всякую лесть и обман. Как и сам Петр, высказывалась она прямо, просто и откровенно. В семейном кругу она любила веселую шутку и порой обращалась с Петром, как с большим ребенком. Но у нее хватало такта на людях держаться в тени. Она была достаточно проницательна и умела вникнуть в заботы Петра и понять его характер. Веселая по натуре, она не таила обиды на мужа, даже если тот бывал в мрачном настроении и вел себя несносно, Александр Гордон, зять Патрика Гордона, пояснял: «Главное, отчего царь был так к ней привязан, — это ее исключительно добрый нрав: ее никогда не видели брюзжащей или унылой, она всегда была услужлива и вежлива со всеми и никогда не позволяла себе забыть о своем прежнем положении».

Как никто другой, Екатерина умела справляться с болезненными припадками, которые сопровождалась у Петра страшными судорогами. При появлении первых грозных признаков приближенные бежали к Екатерине, которая тут же являлась, решительно укладывала мужа, брала его голову к себе на колени и ласково поглаживала ему виски и волосы, пока он не засыпал. Так она могла часами сидеть неподвижно, убаюкивая его, успокаивая, когда он начинал беспокойно ворочаться. Петр всегда просыпался бодрым и посвежев-

143

шим. Но, конечно же. Екатерина была для него не просто заботливой сиделкой. Душевные качества позволяли ей не только утешать, веселить и любить Петра, но и заглядывать в его сердце, говорить с ним о важных предметах, обсуждать его взгляды и планы, поддерживать его надежды и чаяния. Ее присутствие действовало на него благотворно, беседы с ней подбадривали и умиротворяли его.

Петр никогда не искал в женщинах загадочности и тайны. В отличие от Людовика XIV, у него не хватало времени на заигрывание с прелестными придворными насмешницами, и он был слишком поглощен военными и государственными делами, чтобы тешить себя долгими сердечными осадами или скоротечными амурными баталиями, коими славился Август Польский. После женитьбы на Екатерине у Петра бывали случайные любовницы, но они для него ничего не значили и он быстро выкидывал их из головы. В своей жизни Петр испытывал глубокое чувство только к четырем женщинам — к матери, сестре Наталье, Анне Монс и

Екатерине. Среди них следует выделить мать и Екатерину, и такое исключительное место Екатерина во многом заняла благодаря тому, что сумела стать ему второй матерью. Беззаветная, нерассуждающая любовь, которой одарила она Петра, была сродни всепрощающей материнской любви. Петр верил ей безгранично. Она — подобно Наталье Нарышкиной да еще, может быть, Лефорту, который тоже преданно любил Петра, — могла подойти и успокоить его даже в минуты буйного гнева. Он мирно засыпал в ее объятиях. Нередко, особенно в первые годы, он называл ее в письмах «мудер» или «матка». Позднее она стала для него «Катеринушкой». Так, постепенно, Екатерина завоевывала все большее место в жизни Петра. Порой он изменял ей с какой-нибудь молодой красавицей, но Екатерина только посмеивалась, спокойная и уверенная в том, что ей ничто не угрожает и никто не сможет занять ее место.

144

Екатерина родила двенадцать детей — шесть дочерей и шесть сыновей, что говорит о любви и близости супругов, как, впрочем, и о завидной выносливости Екатерины. Десять ее детей умерли во младенчестве или в первые годы жизни. Привкус какой-то особой горечи придает перечислению этих дат и имен то, что Петр и Екатерина использовали одни и те же имена в надежде, что очередному новорожденному Петру, Павлу и Наталье повезет больше, чем их почившим тезкам*. Лишь две их дочери достигли зрелого возраста. Анна, родившаяся в 1708 году, впоследствии вышла замуж за герцога Голштинского и стала матерью императора Петра III. Родившаяся в 1709 году Елизавета стала императрицей и правила с 1741 по 1761 год. Хотя для того времени частые смерти детей были обычным явлением, это не облегчало скорби матери, хоронившей свое дитя.

Во всех проявлениях Екатерина ничем не напоминала царевну из терема или будуарную принцессу. Крестьянская выносливость в сочетании с искренним желанием всегда быть подле государя, побуждала ее повсюду следовать за Петром — с ним она исколесила всю Россию и побывала в Польше, Германии, Копенгагене и Амстердаме. Она сопровождала его во время Прутского похода против турок и во время Каспийского похода против персов, стойко перенося все тяготы походной жизни и ужасы войны. Она могла скакать верхом по двое-трое суток, спать в палатке на голой земле под грохот канонады; даже увидев, как пуля поразила стоявшего рядом офицера, Екатерина не потеряла присутствия духа.

* Вот этот скорбный перечень: Петр (1704-1707), Павел (1705-1706), Екатерина (1707-1708), Анна (1708-1728), Елизавета (1709-1761), Наталья (1713-1715), Маргарита (1714-1715), Петр (1715-1719), Павел (род. и ум. 1717), Наталья (1718-1725), Петр (род. и ум. 1723), Павел (род. и ум. 1724).

145

Она не была ни чопорной, ни жеманной. Петр видел в ней товарища и хотел, чтобы она была рядом даже на пьяных пирушках. Екатерина никогда не сопротивлялась, но старалась отвлечь и утихомирить мужа, если это удавалось сделать, не разгневав его. Во время одного из таких кутежей Екатерина постучала в дверь комнаты, где Петр заперся со своими пьяными собутыльниками и сказала: «Пора, батюшка, домой воротиться». Дверь отворилась, и Петр послушно побрел за ней.

Вместе с тем Екатерина вовсе не была грубой и мужеподобной. Ее увлекало все, что увлекает женщин. Она научилась танцевать и самые сложные па выполняла с удивительной грацией (как и ее дочь Елизавета, которой передался талант матери). Любила Екатерина и наряды, и роскошь. Она могла спать в палатке как солдатская жена, но когда поход завершался, предпочитала жить во дворце и носить драгоценности. Вкусы самого Петра были просты: чем меньше был дом и ниже потолки — тем лучше он себя чувствовал. Но для Екатерины он строил дворцы и разбивал парки в Петербурге, Петергофе и Ревеле. При ее дворе простой суконный сюртук Петра, отделанный скромным галуном, казался неуместным. Придворные Екатерины были разодеты в шелк, бархат и парчу, шитые серебром и золотом, с изящными кружевными манжетами и алмазными или жемчужными пуговицами. Большинство ее портретов, написанных, когда ей было уже за тридцать и она была официально провозглашена царицей, изображают пышущую здоровьем белокурую даму с черными как смоль волосами, черными миндалевидными глазами, густыми бровями и выразительным, хорошо очерченным ртом. Обычно на ней диадема из жемчугов и рубинов, парчовое, отделанное кружевами платье, роскошная горностаевая мантия, словно невзначай упавшая с правого плеча и

открывающую алую ленту ордена Св. Екатерины, — ордена, который был учрежден в ее честь.

146

Но несмотря на любовь к парадной пышности, Екатерина не забывала о своем происхождении и, уже будучи супругой Петра и императрицей, всегда оказывала почтение иностранным царствующим особам. Германский дипломат, описывая Екатерину в 1717 году, коснулся и ее внешности, и манер:

Царица была в цвете лет, и ничто в ней не указывало на то, что она могла быть когда-нибудь красива. Она была высока ростом, дородна, очень смугла, и казалась бы еще смуглее, если бы слой румян и белил не скрадывал несколько темный цвет ее лица. В ее манерах не было ничего неприятного, и можно было бы даже назвать их хорошими, если принять во внимание происхождение этой государыни... Можно сказать, что если государыня не обладает всеми прелестями своего пола, то она обладает его кротостью... Во время своего пребывания в Берлине она выказала большое уважение королеве, давая понять, что ее высокое положение не заставило ее забыть о разнице между ней самой и

-8

королевой .

О том, что привязанность между Петром и Екатериной с годами только усиливалась, свидетельствуют их письма. Когда им доводилось разлучаться, Петр писал ей каждые три-четыре дня, сетуя на свое одиночество, беспокоясь о ее здоровье и уведомляя о своем, делясь с ней радостями и огорчениями. Если он и пенял жене, то лишь за то, что она отвечала не так скоро и не так часто, как ему хотелось. Ответы Екатерины, которые ей приходилось диктовать секретарю, полны бодрости, заботы о его здоровье и новостей о детях. Она никогда не упрекает мужа, не пытается давать ему советы — словом, не вмешивается ни в его дела, ни в отношения с другими людьми. Тон писем у обоих доброжелательный, заботливый и нежный, с игривыми интимными шутками и насмешливым подтруниванием по поводу якобы имевших место романов. «Я чаю, что ежели мой старик был

147

здесь, — писала ему Екатерина, — так и другая шишечка [шутливое прозвище одного из маленьких сыновей] на будущий год поспела» . Почти все письма, и с той, и с другой стороны, сопровождались маленькими «презентами» — фрукты, соленая рыба, новые халаты и рубашки для Петра или устрицы, которые так любила Екатерина.

Петр из Люблина, 31 августа 1709 года:

Мудер. Как я и отъехал от вас, ведомости не имею о вас, о чем желаю ведать, а особливо, как скоро можете быть в Вилню. Мне не без скуки без Вас, а вам, чаю, тоже... Мы здесь с господами поляки непрестанно на конференциях о делах Ивашки Хмельницкого бываем [т. е. пьянствуют].

Варшава, 24 сентября 1709 года:

... за присылку благодарю, и присылаю притом вам несколько цитронов свежих, А что шутите о забавах, то того нет у нас, понеже мы люди старые и не таковские... Поклон отдай'тетке [Дарье] от меня. А жених [Меншиков] и третьего дня виделся гораздо с Ивашкою, и упал на судне с кровли на дверь, а теперь лежит немощен, для чего побереги тетку, чтоб не сокрушалась.

Мариенвердер, 16 октября 1709 года:

... поклон отдай тетке от меня. А что ана полюбила чернца и я о том жениху объявил, о чем зело печалит-ца, и от той печали хочет сам взблудитца.

Карлсбад, 19 сентября 1711 года:

А мы, слава Богу, здоровы, только с воды брюхо одула, для того так поят как лошадей, и иного за нами дела здесь нет... Пишешь ты, яко для лекарства, чтоб я не скоро к тебе приехал, а делам знатно сыскала кого-нибудь вытнее [здоровее] меня. Пожалуй, отпиши, из

148

наших ли или из тарунчан? Я больше чаю, из тарунчан, что хочешь отомстить [за то], что я пред тем двумя леты занял. Так-то вы, Евины дочки, делаете над стариками!

Грейфсвальд, 8 августа 1712 года:

Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безскушно ж, аднако можешь разсудить, что дела на скуку менять не надобно. Я еще отселе ехать скоро себе к вам не чаю, и ежели лошади твои пришли, то поезжай с теми тремя баталионы, которым велено итить в Анклам. Только, для

Бога, бережно поезжай, и от баталионоф ни на ста сажень не отъезжай, ибо неприятельских судов зело много в гафе [заливе] и непрестано выходят в леса великим числом, а вам тех лесов миновать нельзя.

Берлин, 2 октября 1712 года:

Объявляю вам, что я третьею дни приехал сюды и был у кораля, а вчерась он поутру был у меня, а ввечеру я был у королевы. Посылаю тебе сколько мог сыскать устерсоф, а больше сыскать не мог, для того, что в Гамбурге сказывают явился пест [чума], для того тотчас заказали [запретили] оттоль возить.

Лейпциг, 6 октября 1712 года:

Я отсель сего момента отъезжаю в Карлсбат и чаю завтра худы поспеть. Платье и прочее вам куплено, а устерсоф достать не мог. За сим вручаю себя в сохранение Божие.

Пирмонт, 5 июня 1716 года. В 1716 году Петр получил от жены в подарок очки. В своем ответе ей он писал:

Катеринушка, друг мой сердешнишкой, здравствуй! Письмо твое получил и презент, но чаю, что дух пророческой в тебе есть, что одну бутылку прислала, ибо более одной рюмки не велят в день пить; итак сего

149

магазина будет с меня. А что пишешь, что за старова не признаваешь, и то только покрывает презент первый, дабы люди не догадались, а рассудить мочно, что молодая люди в ачки не смотрят. Впрочем дай Бог видеть вас вскоре: вода действует зело, только уже скучно стала.

Алтона, 23 ноября 1716 года:

... пишет Александр Данилович, что у Петрушки четвертой зубок вырезался, дай Боже, чтоб и все так благополучно вырезались, и чтобы Господь дал нам ево видеть в возрасте, награда сим прежнюю о братьях его печаль...

Минуло полтора года, и вот уже Екатерина пишет Петру о сынишке (24 июля 1718 года):

... О себе доношу, что я с детками, слава Богу, в добром здравии. И хотя перед возвращением моим в Петербурх Петрушка был в здоровье своем к последним зубам слабенец, однако ныне, при помощи Божий, в добром здоровий, и три зубка глазовых вырезались. И прошу, батюшка мой, обороны [от Петрушки], понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а именно за то, что когда я про вас помяну, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал, но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа!

Ревель, 1 августа 1718 года:

Благодарстую, друг мой, за фиги, довели в целости. Я здесь остригся и, хотя неприятно будет, однако же

обрезанные свои волосищи посылаю тебе

ю

18 июля 1723 года, всего за полтора года до смерти, Петр писал из Ревеля, где построил себе небольшой оштукатуренный домик и для Екатерины — пышный дворец:

...огород, который 2 года как посажен, так разросся, что веры нельзя нять; ибо одинакие деревья большия,

150

которые вы видели, уже в некоторых местах срослись ветвми через дороги... каштаны тоже все изрядны кроны имеют. Палаты только снаружи домазавают, а внутри готовы, и единым словом сказать, что едва ль где инде такой дом правильной имеем. При сем посылаю к вам клубники, которая еще до приезде нашего на грядах поспела, тако же и вишни; зело удивляюсь, что так рано здесь поспевают, а один градус с Питер-бурхом .

Отрадно читать эти письма. В жизни Петра немного было таких счастливых и безмятежных страниц, как те, что касались его отношений с Екатериной. Из их переписки явствует, что тот, чье детство было омрачено страхом, а жизнь исполнена борьбы, тот, кому довелось пережить ужасную личную трагедию — гибель царевича Алексея, — все же знал мгновения счастья. Екатерина стала для него тихой пристанью в бурном море.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ДЕСНИЦА САМОДЕРЖЦА

В начальный период войны — как, впрочем, и на протяжении всего царствования — Петр постоянно пребывал в движении. Девять лет пролегло между Нарвской и Полтавской баталиями, и за это время царь ни разу не провел больше трех месяцев на одном месте - то он

в Москве, то в Петербурге, то в Воронеже, а то едет в Польшу, Литву или Ливонию. Петр непрерывно разъезжал и повсюду проверял, организовывал, подталкивал, устраивал разносы и отдавал приказы. Даже в своем любимом Петербурге он беспрестанно мотался по всему городу. Если он оставался под одной крышей больше недели, то начинал ощущать беспокойство. Он приказывал подать карету — надо посмотреть, как идет строительство корабля, как продвигается рытье канала, что сделано в новых гаванях Петербурга и Кронштадта. Доселе в России не бывало, чтобы царь, к изумлению своих подданных, колесил по безграничным просторам империи. Освященный веками образ не покидающего белокаменного Кремля недоступного монарха, увенчанного шапкой Мономаха и восседающего на троне, не имел ничего общего с этим черноглазым, безбородым гигантом в зеленом немецком сюртуке, черной треуголке и высоких, заляпанных грязью сапогах, который мог выйти из кареты прямо в дорожную грязь какого-нибудь

152

заштатного городишки и потребовать пива, чтобы утолить жажду, постель на ночь и свежих лошадей поутру.

В те времена путешествие через всю страну было нелегким испытанием духа и сущим наказанием для тела. Российская дорога более всего напоминала протя-' нувшуюся через леса и луга разрезженную тележную колею. Средствами переправы через реки служили ветхие мосты, примитивные паромы или мелководные броды. Народ по пути попадался все больше оборванный, настороженный, а то и враждебный. Зимой близ дорог рыскали волки. Из-за непролазной грязи, рытвин и колдобин повозки двигались медленно и часто ломались: порой на некоторых участках за день удавалось одолеть не более пяти верст. Постоялые дворы встречались редко, и путникам приходилось искать ночлега в домах местных жителей. Даже если человек ехал по казенной надобности и ему обязаны были предоставлять лошадей, раздобыть их стоило немалых усилий, и то не больше чем на десяток верст, после чего их распрягали и отсылали владельцу, а путник с кучером пускались на поиски свежих лошадей. При таком положении дел неизбежны были долгие, непредвиденные задержки в пути. С основанием Петербурга Петр приказал проложить между новой столицей и первопрестольной Москвой дорогу длиной в семьсот миль. Чтобы добраться из одного города в другой, требовалось четыре-пять недель. Впоследствии Петр задумал спрямить дорогу (ныне по этой линии проходит железнодорожная колея), что сократило бы путь сразу на сто миль. Было построено восемьдесят миль новой дороги, но дело пришлось бросить — новгородские леса и болота оказались непреодолимой преградой.

По правде говоря, для начала XVIII века состояние российских дорог не было чем-то необычным. В 1703 году из Лондона в находившийся от него в двадцати пяти милях Виндзор добирались четырнадцать часов. Даниэль Дефо в 1724 году так отзывался о британских

153

дорогах: «язык не поворачивается назвать их дорогами», одна - «гнусная узкая тропа, изрытая колеями», другая — «отвратительно разбита рытвинами - того и гляди, растрясет все кости»¹. Хотя в Западной Европе уже использовали дилижансы и большие города славились уютными гостиницами, такими как «Золотой бык» в Вене, сухопутное путешествие оставалось нелегким делом. Так, чтобы зимой добраться через Альпы из Вены в Венецию, путешественникам приходилось вылезать из дилижанса и часть пути идти пешком по снегу.

Основное отличие России от Западной Европы заключалось не в разбитых, ухабистых дорогах, а скорее в безбрежных необжитых пространствах. В начале апреля 1718 года ганноверский посланник в России Вебер пустился в путь из Москвы в Санкт-Петербург. «Нам пришлось преодолеть более двадцати рек, на которых не было ни мостов, ни паромов, — писал он. — Мы были вынуждены сами, как умели, налаживать переправы. Местные жители не привыкли видеть путешественников. При нашем появлении они прятались по лесам вместе с детьми и скотом. За всю свою жизнь мне не случалось совершать столь многотрудного путешествия. Иным из моих попутчиков довелось объехать чуть ли не весь свет, но и они возроптали, говоря, что прежде никогда так не утомлялись» .

Трудность сухопутных сообщений побуждала искать другие способы передвижения — водным или санным путем. Издавна важнейшими торговыми путями служили великие

русские реки. Ладьи и баржи перевозили зерно, древесину и лен по широким руслам Волги, Днепра, Дона и Двины, а впоследствии и Невы. В Европу, как правило, добирались морским путем. Пока не было отвоевано балтийское побережье, русские посольства отплывали в Западную Европу из Архангельска, предпочитая штормы и айсберги невгодам сухопутного путешествия.

154

Но самым популярным способом передвижения в России петровского времени оставался зимний санный путь. Мороз намертво сковывал осеннюю грязь, а потом дороги покрывались снегом и по ровному снежному насту лошадь могла тянуть сани вдвое быстрее, чем телегу летом. Реки и озера, покрытые прочным надежным льдом, становились самыми доступными путями, связывавшими города и селения. «Путешествие на санях, безусловно, самый удобный и быстрый способ передвижения и для людей, и для грузов, — писал Джон Перри. — Сани легки и устроены так удобно, что плавно скользят по снегу и льду, не утруждая лошадей»³. Перевозка грузов санями обходилась вчетверо дешевле, чем подводами. Поэтому российские купцы всю осень накапливали товары в ожидании зимы, чтобы доставить их на рынок санным путем. С первым снежным покровом нагружались сани и каждый день тысячами прибывали в Москву — в клубах пара множество ездоков и коней вливались в городскую сутолоку.

Главные дорога страны обозначались высокими красными столбами, а по обеим сторонам дороги в ряд высаживались деревья. «Эти столбы и деревья очень нужны, — заметил один датский путешественник, — потому что зимой без них было бы трудно отыскать дорогу, заметенную снегом». По распоряжению Петра через каждые двенадцать-пятнадцать миль ставили постоялый двор, где путнику предоставлялся кров.

Знатные и именитые люди путешествовали в крытых санях, которые фактически представляли собой небольшие ярко окрашенные или вызолоченные экипажи, поставленные на полозья вместо колес и запряженные парой, четверкой, а то и шестеркой лошадей. Если дорога была долгой, путешественник укрывался в санном экипаже, как в коконе, и не высовывался оттуда до конца пути. Вот как описывает это Вебер:

Путешественнику было бы не под силу вынести жуткие русские морозы, когда бы не продуманное устройство

155

саней. Сверху они так плотно закупорены, что наружный воздух внутрь не проникает. По бокам имеются маленькие окошки и полочки для хранения провизии и книг, взятых дабы скоротать время в пути. Над головою подвешен светильник с восковыми свечами, которые зажигают с наступлением темноты. На полу лежит полость, в которую путешественник кутается и днем и ночью. В ногах он держит нагретые камни или оловянный сосуд с горячей водой, чтобы в санях сохранялось тепло. Рядом держат ларец с вином и водкою, которые берут в дорогу для обогрева. Несмотря на все предосторожности, и самые крепкие напитки нередко замерзают и портятся. В этой передвижной хормине человек день и ночь едет, не вылезая без крайней нужды⁵.

В таких санях, постоянно меняя лошадей, Петр порой покрывал за день до ста верст.

То в коляске, то верхом, то на лодке или барже, Петр разъезжал по России. «Он проехал в двадцать раз больше, ~ писал Перри, — чем любой другой государь до него в целом свете»⁶. Петр, хоть и был непоседлив, никогда не пускался в путь из одной любви к путешествиям — для него это был способ управлять страной. Он всегда хотел своими глазами видеть, что и где происходит и как выполняются его приказы. Он налетал, учинял разнос, отдавал распоряжения и спешил дальше. Час за часом, день за днем, неделя за неделей — он трясся в походной кибитке, подпрыгивая на скверных рессорах по разбитым дорогам: тело, как маятник, раскачивалось из стороны в сторону, голова ударялась о кожаную спинку, стоило ему прикорнуться, плечи и локти терлись о спутников, колеса скрипели, кучер покрикивал — и так проходила его жизнь. Не удивительно, что он предпочитал добираться до места по воде. То-то радость была спокойно стоять на палубе яхты или баржи и провожать взглядом проплывающие мимо селения, поля и леса.

156

Постоянные разъезды Петра делали нелегкой жизнь правительственных чиновников. Царь редко бывал в столице. Многие законы и указы писались им собственноручно на плохонькой бумаге прямо в кибитке, или на постоялом дворе, или в доме, где ему довелось остановиться на ночь. Поглощенный то войной, то строительством флота, он никак не мог всерьез заняться внутренними

делами государства. Тем не менее, в Москве, которая до Полтавской победы формально оставалась местом пребывания правительственных учреждений, постепенно был произведен ряд изменений в громоздкой бюрократической системе управления. Старые московские чины бояр, окольных и думных дворян утрачивали свою значимость. Самые близкие к Петру люди, например, Меншиков, вовсе не возводились в боярское звание. Меншиков стал князем Священной Римской империи и получил такой же российский титул. Другим соратникам Петра были пожалованы западно-европейские титулы графов и баронов: теперь бояре Шереметев и Головин предпочитали именоваться «граф Шереметев» и «граф Головин». Правительственные служащие получили чины по иноземному образцу — такие как канцлер, вице-канцлер, тайный советник. Вместе с новыми титулами приходили и новые люди. Когда в 1706 году в возрасте пятидесяти пяти лет скончался Федор Головин, который был преемником Лефорта в должности генерал-адмирала и кроме того служил канцлером (министром иностранных дел), царь разделил его чины и обязанности между тремя сановниками: Федором Апраксиным, который стал генерал-адмиралом, Гавриилом Головкиным, который принял иностранные дела и получил чин канцлера после Полтавы, и Петром Шафировым, который сделался вице-канцлером. Апраксин имел большие связи: он происходил из старинного боярского рода и доводился к тому же бра-

157

том царице Марфе, вдове царя Федора. Голубоглазый, грубовато-добродушный и чрезвычайно самолюбивый Апраксин не сносил оскорблений ни от кого, даже от самого паря. Ему привелось послужить Петру и генералом, и губернатором, и сенатором, но больше всего он любил военно-морское дело, что было в диковинку для петровской России. Апраксин стал первым русским адмиралом и командовал российским флотом, когда тот одержал первую большую морскую победу при Гангуте.

Головкин — человек более осмотрительный и расчетливый, тоже всю жизнь преданно служил Петру. Сын высокопоставленного приближенного царя Алексея, он с детства состоял при дворе и в семнадцать лет стал постельничим пятилетнего Петра. В битве под Нарвой он выказал большую храбрость и был удостоен Андреевского ордена. Переписка с русскими дипломатами за границей велась по большей части от его имени (хотя Петр нередко сам прочитывал и правил отсылаемые депеши). Если верить портрету, у Головкина было довольно красивое, умное лицо, глядя на которое не сразу догадаешься о свойственной ему язвительности.

Самым же примечательным из трех главных помощников государя был Петр Шафиров, возвысившийся из безвестности и ставший в 1710 году первым русским бароном. Шафиров родился в еврейской семье, некогда жившей под Смоленском у польской границы. Отец его крестился в православие и был принят толмачем в Посольский приказ*. Петр Шафиров пошел по стопам отца и служил толмачем при Федоре Головине, которого сопровождал в Великом посольстве. Он владел несколькими европейскими языками, включая латинский, и умело составлял дипломатические бумаги, что помогло ему быстро продвинуться: в 1704 году он получил чин тай-

* Иван Грозный запретил евреям селиться в пределах России. Однако те, кто принимал крещение, могли беспрепятственно продвигаться по социальной и служебной лестнице.

158

ного секретаря, в 1706 году стал ведать Посольским приказом «под рукою» Головкина, в 1709 году был сделан вице-канцлером, а в 1719 году получил титул барона и орден Св. Андрея Первозванного. Шафиров был мужчина дородный, с двойным подбородком, самодовольной улыбкой и умными, настороженными глазами. Со временем между ним и Головкиным возникла непримиримая вражда, однако Петру нужны были они оба, и им волей-неволей приходилось работать вместе. Иностранные дипломаты уважали Шафирова: «Верно, что нрав у него горячий, — говорил один из них, — но зато на его слово всегда можно положиться».

Менялись названия правительственных учреждений. Возникли новые приказы: Военный морской, Адмиралтейский, Артиллерии и Рудокопных дел. Начальники этих приказов теперь именовались министрами, на них возлагалось ведение повседневных государственных дел. Большинство прошений, прежде подававшихся на царское имя,

теперь надлежало направлять в соответствующий приказ или лично министру. Вскоре Петр узнал, что в его отсутствие многие члены Боярской думы (переименованной в «консилиум», то есть «совет») постоянно пропускали заседания. Когда же впоследствии царь выговаривал боярам за негодные решения, многие оправдывались тем, что, когда эти решения принимались, они были в отлучке. Тогда царь потребовал от всех обязательного присутствия на заседаниях и указал, что всякое принятое решение должно быть подписано всеми присутствовавшими. Решения Думы и протоколы всех ее заседаний курьеры доставляли Петру, где бы тот ни находился*.

Чтобы управляться с этими бумагами, Петр завел походную канцелярию и безотлучно держал при себе

* Речь идет уже не о Боярской думе, распущенной в 1704 г., а о боярской комиссии, заседавшей в помещении Ближней канцелярии в Кремле до образования Сената в 1711 г. — Ред.

159

кабинет-секретаря Андрея Макарова. Этот скромный и даровитый человек, родом с севера, прежде был мелким провинциальным чиновником, но благодаря своим способностям сумел занять ключевое положение в петровском государственном аппарате. По своей должности он не мог давать советов царю, но именно от него зависело, когда и как — раньше, позже и в благоприятный ли момент — будет доложено царю то или иное дело. В этой работе, которая требовала особой деликатности, но и предоставляла большие возможности, Макарову помогал молодой немец Андрей Остерман. Сын лютеранского пастора, Остерман переводил иностранную переписку царя, но со временем стал играть несравненно большую роль.

В те годы Петра более всего заботили дела военные и финансовые. Царские указы, также как и его поездки по стране, почти всегда имели своей целью либо набор рекрутов, либо выколачивание средств. Петр испытывал постоянные финансовые затруднения. Выискивать новые источники денежных поступлений Петру помогали так называемые «прибыльщики». По царскому указу им было велено «сидеть и чинить государю прибыли». Среди них выделялся знаменитый Алексей Курбатов, бывший холоп Бориса Шереметева, который привлек внимание Петра тем, что предложил для всех официальных документов использовать «орленую», то есть гербовую бумагу. Стараниями Курбатова и иных изобретательных и за то ненавистных прибыльщиков новыми налогами были обложены самые разнообразные виды деятельности и этапы жизненного пути россиян. Взимали сборы с рождений, браков, похорон, завещаний. Ввели налог на пшеницу и на свечи. Облагались поборами и кони, и конские шкуры, и конские хомуты и дуги. Появились шапочный и сапожный сборы. Была упорядочена и увеличена плата за ношение бороды, к ней добавился сбор за ношение усов. Каждый десятый поросенок в помете предназначался в казну. Были обложены налогами дома

160

в Москве и ульи по всей России. Существовал кроватный сбор, банный, мельничный — с постоянных дворов, трубный — с печей, а заодно и с дров, которые в них горели. Облагались налогами орехи, арбузы, огурцы и даже питьевая вода.

Другим источником денег было все увеличивавшееся число казенных монополий, посредством которых государство осуществляло контроль над производством и продажей товаров и устанавливало на них цену по своему усмотрению. В перечень этих товаров входили: алкоголь, смола, деготь, рыба, масло, мел, поташ, ревень, игральные кости, шахматы, карты и сибирские меха — лисица, горноста́й, соболь. Монополия на лен, ранее дарованная английским купцам, была отобрана царской казной; табачная монополия, предоставленная Петром лорду Кармартену в 1698 году, была упразднена. Дубовые гробы — последняя роскошь зажиточных москвитов — были отобраны у продавцов в казну и стали продаваться вчетверо дороже. Среди прочих монополий самой доходной для государства, но самой обременительной для населения оказалась монополия на соль. Указ 1705 года предписывал продавать соль только из казны, вдвое дороже подрядной цены. Крестьяне, которым не по силам было платить такие деньги, часто болели и умирали.

Чтобы усилить административный контроль и эффективность деятельности сборщиков налогов по вези необъятной империи, Петр в 1708 году поделил Россию на восемь огромных губерний, поручив управление каждой из них одному из своих ближайших сподвижников. Боярин Тихон Стрешнев стал губернатором Москвы, Меншиков — Санкт-Петербурга, князь

Дмитрий Голицын — Киева, князь Петр Голицын — Архангельска, боярин Петр Апраксин — Казани, адмирал Федор Апраксин — Азова, боярин Петр Салтыков — Смоленска, князь Матвей Гагарин — Сибири. Губернатор нес личную ответственность за состояние военных и граждан-

« Петр Ведший, т.
161

ских дел во вверенном ему округе, и особенно — за поступление доходов в казну. Однако некоторые губернаторы только числились таковыми, сами же постоянно пребывали в столице, вдалеке от своих губерний, или имели ряд труд но совместимых обязанностей (Меншиков, например, обычно находился при армии) и управляли своими губерниями лишь номинально. Тем не менее, усилия по изысканию средств продолжались. Губернаторы управляли, прибыльщики усердствовали в изобретении новых налогов, сборщики податей их выколачивали, народ работал, но с русской земли нельзя было получить больше денег, чем она могла дать. Дополнительный доход, таким образом, следовало искать в развитии промышленности и торговли. Наблюдая за успешной деятельностью английских и голландских торговых компаний в России, Петр указом предписал московским купцам торговать, как торгуют в иных государствах, компаниями. Голландцы перепугались было, почуяв в указе опасность для своего господства на московском рынке, но вскоре поняли, что тревожиться не о чем. «Что касается торговых компаний, — доносил на родину голландский посланник, — то эта затея провалилась сама собою. Русские понятия не имеют, как начать и поднять такое сложное и трудное дело».

Несмотря на все усилия, введенные Петром налоги и монополии все же не приносили достаточного дохода. Первый бюджет казначейства, опубликованный в 1710 году, указал доход в размере 3 026 128 рублей, а расход 3 834 418 и был сведен с дефицитом свыше 808 000 рублей. На нужды армии ушло 2 161 176 рублей, на флот 444 288, артиллерия и амунция потребовали 221 799 рублей, на рекрутов было истрачено 30 000, 84 104 рубля -на вооружение, 148 031 рубль на посольство, а на нужды двора, медицинского ведомства, содержание пленных и прочие расходы — еще 745 020 рублей.

Потребность в деньгах была колоссальной, но такова же была и потребность в людях. За девять лет от Нарвы

162

до Полтавы Петр призвал в армию свыше 300 000 человек. Некоторые были убиты или ранены, иные скончались от болезней, но больше всего потерь приходилось на дезертирство. Кроме того, все больше и больше крестьян отрывалось от земли и направлялось на строительные работы — для воплощения честолюбивых замыслов Петра. 30 000 работников требовалось каждый год для возведения укреплений в Азове и для строительства военно-морской базы в Таганроге. На воронежских верфях, на прокладке канала между Волгой и Доном людей было занято еще больше. Но все перекрывало строительство Петербурга, хотя в его будущем не было уверенности до самой Полтавской победы. Летом 1707 года Петр приказал Стрешневу только из Москвы и Подмоскovie нарядить в Петербург 30 000 человек.

И люди и деньги требовались в числе небывалом, и это вызывало ропот во всех слоях населения. Недовольных и жалобщиков на Руси хватало всегда, но прежде, когда дела шли худо, винили не царя, а бояр. При Петре положение изменилось. Люди стали понимать, что царь сам управляет страной, — именно этот верзила, наряженный в заморское платье, измышляет указы, из-за которых жить становится невмоготу. «Как Бог его нам на царство послал, — сокрушался крестьянин, — так мы и светлых дней не видали. Тягота на мир*, рубли да полтины да подводы; отдыху нашей братии крестьянину нет». Сын боярский с ним соглашался: «Какой он царь? Нашу братью всех выволол в службу, а людей наших и крестьян в рекруты побрал. Никуда от него не уйдешь, все распропали на плотях [на морских постройках], а сам он ходит в службу, и как это его не убьют? Как бы убили, так бы и служба минулась, и черни бы легче стало»⁸,

Но таким пересудам не давали ходу. Розыскной приказ в Преображенском повсюду имел своих доноси-

* Чдесь «мир» - община, крестьянский мир. — *Ред.*

телей, которые высматривали и вызнавали, не ведутся ли где «бунтовские или неподобающие речи». Прежде поддержание общественного порядка возлагалось на стрельцов; по упразднении стрелецкого войска функции уличных надзирателей одно время выполняли солдаты Преображенского полка, а когда гвардия отправилась на войну, их сменила новая полицейская служба. По указу 1702 года ей предписывалось чинить розыск по всем преступлениям, а в первую очередь по тем, что касались «слова и дела», то есть государственной измены. Неудивительно, что начальником этого Розыскного приказа стал сподвижник Петра, князь-кесарь Федор Ромодановский. Человек крутого, жестокого нрава, безгранично преданный Петру, он был безжалостен при малейшем намеке на измену или бунт. Федор Ромодановский и его подручные отменно знали свое черное дело: сеть согладатаев раскинулась повсюду, за доносами следовали пытки и казни. В результате этих мер, несмотря на нестерпимый гнет задавленного поборами населения, царский трон стоял непоколебимо.

Но не одной жестокостью отмечены свидетельства того времени. Петр всячески стремился преобразовать устаревшие нравы общества. Он повелел, чтобы женщины не сидели взаперти в теремах, а наряду с мужчинами присутствовали на обедах и ассамблеях. По старинному московскому обычаю, молодых женили по воле родителей, и они не только не имели права выбора, но зачастую впервые видели друг друга только в церкви, во время венчания. В апреле 1702 года царь запретил этот обычай и, к великой радости молодых людей, повелел, чтобы отныне все браки заключались лишь по доброму согласию, а жених и невеста чтобы были обручены не менее чем за шесть недель до венчания — в это время всякий был волен передумать. Прежде отец невесты вручал жениху плетъ, символ повиновения жены мужу. Теперь молодые просто стали обмениваться поцелуем.

164

Петр запретил убивать новорожденных, которые появлялись на свет с уродствами (прежде таких детей сразу после рождения потихоньку душили), и велел сообщать обо всех случаях рождения «монстров», чтобы впоследствии можно было наблюдать за их дальнейшим развитием. Он запретил уличным торговцам продавать лекарственные травы и снадобья и указал, чтобы торговали ими только в аптеках. В 1706 году в Москве на берегу Яузы была открыта большая общественная больница. Заботясь о безопасности подданных, Петр запретил носить кинжалы и вообще остроконечные ножи, чтобы пьяные потасовки не превращались в кровавые побоища. Дуэли — иноземный обычай — тоже были запрещены. Чтобы избавить прохожих на улицах от множества попрошайек, царь потребовал, чтобы все нищие были определены в богадельни. Помимо этого, он издал указ, в соответствии с которым каждый, кто подавал нищему на улице, подвергался штрафу.

Для привлечения иностранцев на службу в Россию Петр объявил утратившими силу все указы прежних государей, которыми иностранным подданным запрещался свободный въезд и выезд из страны. Всем иностранцам, поступившим на русскую службу, обещалось царское покровительство, и затрагивавшие их интересы споры должны были разрешаться не по русскому обычаю, а специально утвержденной тайной коллегией военного совета в соответствии с принципами Римского гражданского права. Помимо того, всем иностранцам предоставлялась возможность свободного отправления веры. Царь объявил, что не намерен чинить насилие над совестью людей и рад позволить каждому христианину самому позаботиться о своем спасении.

В тревожные первые годы шведской войны Петр заботился о распространении просвещения. В Математической и навигацкой школе в Москве, где преподавал Генри (Андрей) Фарварсон и два других шотландца в 1702 году училось 200 русских юношей — будущее

165

новой России. Их судьба стала причиной раздора между судьей Военного приказа и Курбатовым, который отстаивал учеников от рекрутского набора, заявляя, что их обучение обернется пустой тратой денег, если, уже выучившись, они пойдут служить простыми солдатами. Школа древних и новых языков была основана лютеранским пастором Глюком, бывшим опекуном Екатерины, который прибыл в Москву со своим семейством в 1703 году; будущих русских дипломатов надлежало обучать латинскому и современным языкам, географии, политике, верховой езде и танцам. Царь распорядился переслать древнерусские

летописи из монастырей Клева и Новгорода в Москву для сохранения. Он настаивал на том, чтобы иностранные книги, печатавшиеся в Амстердаме на русском языке братьями Тессинг, переводились бы без искажений, даже если в них содержится нечто нелестное для России. Петр подчеркивал: цель не в том, чтобы польстить россиянам, а в том, чтобы просветить их, показав, какого о них мнения другие народы. В 1707 году в Россию прибыли типографские мастера с азбуками «новоизобретенных русских литер», и вскоре Петр одобрил новый русский типографский шрифт, которым и стали печатать книги недуховного содержания. Первым был напечатан учебник геометрии, а вторым письмовник, содержащий образцы писем на разные случаи, поздравления, приглашения и предложения руки и сердца. Было напечатано немало учебников, технических книг, а помимо того, Петр заказал 2000 календарей, историю Троянской войны, жизнеописание Александра Македонского и историю России. Царь не только распоряжался, какие книги следует издавать, но находил досуг их читать и править. «Книгу о фортификации, которую вы перевели, мы прочли, — писал он одному из переводчиков, — разговоры зело хорошо и внятно переведены, но как учить фортификации делать, то зело темно и непонятно переведено»¹.

166

Петр указал выпускать в Москве газету, дабы его подданные знали, что делается в России и других землях. Велено было из всех приказов сообщать известия на печатный двор. В начале 1703 года вышла в свет первая российская газета под названием «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах». В качестве еще одного средства просвещения своих подданных и приобщения их к цивилизации Петр учредил общедоступный театр, для которого на Красной площади поставили деревянную «комедияль-ную хоромину». Немец Кунш с женой и труппой из семи актеров был выписан в Москву, чтобы ставить пьесы и обучать русских «комидиантским наукам». Поставили несколько комедий и трагедий, включая пьесу Мольера «Лекарь поневоле».

Все эти годы Петр старался изменить исконные русские представления, как следует воздавать честь государю. В конце 1701 года было запрещено становиться на колени и падать ниц перед царем, а зимой снимать шапку перед царским дворцом. «Какое же различие между Бога и царя, — говорил Петр, — когда воздавать будут равное обоим почтение? Менее низости, более усердия к службе и верности ко мне и государству — сия то почесть свойственна царю».

Не в силах вынести бремя непомерных налогов и принудительных работ, многие ударялись в бег. Число беглых, возможно, достигало сотен тысяч. Кто скрывался в лесах, кто пробирался на север к старообрядцам, которые к тому времени уже обустроились на новых местах. Большинство же стремилось в украинские и приволжские степи — казачьи земли, традиционное убежище беглых людей из России. Позади оставались покинутые деревни и растерянные помещики и воеводы, которые не знали, как объяснить, почему царские указы

167

о присылке работных людей не выполнены. Чтобы пресечь уклонения от службы и податей, царь повелел возвращать беглецов, но казаки отвечали отговорками, проволочками и в конечном счете царского указа не исполняли.

На протяжении всей российской истории великие народные восстания разгорались на юге: бунт Стеньки Разина против царя Алексея Михайловича и Емельяна Пугачева против Екатерины Великой стали легендой. И в годы правления Петра, в самое трудное военное время, на юге страны вспыхнуло три восстания — Астраханское восстание, волнения башкир и выступление донских казаков под руководством Булавина.

Расположенная у впадения великой русской реки Волги в Каспийское море, Астрахань бурлила от недовольства и возмущения. Туда были сосланы уцелевшие от расправы стрельцы со своими семьями, и горькая память о казнях 1698 года жгла сердца стрельецких вдов, сыновей и братьев. Волжские купцы ворчали по поводу новых налогов, крестьяне жаловались на мостовые сборы, рыбаки протестовали против ограничений на лов и решительно всем не по нраву были петровские чужеземные нововведения. Слухи подливали масла в огонь: царя в живых нет, иноземцы посадили его в бочку да кинули в море, а на московском троне ныне сидит самозванец, а то и сам Антихрист.

Летом 1705 года прошел слух, повергший в ужас весь город. Говорили, что царь запретит свадьбы на семь лет, с тем, чтобы выдать всех русских девушек за «немцев», которых понавезут на кораблях. Чтобы уберечь своих невест, астраханцы стали выдавать их замуж без разбору, пока не наехали иноземцы — и в один только день, 30 июля 1705 года, сыграли сто свадеб. Разгоряченные застольем, астраханцы бросились громить присутственные места и убили царского воеводу. Старую власть упразднили, и бунтовщики выбрали себе новых начальников. Новоизбранные старшины первым делом объявили, что

168

«воеводы и начальные люди болванам и кумирским богам поклонялись и нас кланяться заставляли... А мы у начальных людей в домах выкинули кумирских богов». В действительности, «болваны» и «кумирские боги» были ничем иным, как деревянными болванками, на которых одевавшиеся на заморский манер петровские офицеры держали свои парики. Бунтовщики направили посланцев по другим волжским городам, а в первую очередь к донским казакам, призывая всех постоять за православную веру.

Известие о бунте переполошило Москву. Когда Петр узнал об этом, он находился в Курляндии, осаждая Митаву (Елгаву). Чтобы не дать пожару распространиться, он тут же отрядил в Астрахань Шереметева с несколькими полками кавалерии и драгун. В качестве дополнительной предосторожности он наказал Шереметеву укрыть государственную казну и временно задерживать все письма из Москвы, чтобы о бунте не проведал Карл. Астраханских старшин Петр призвал направить челобитчиков в Москву, чтобы их жалобы выслушал Головин. Те прибыли, и их нешуточные обвинения в адрес убитого воеводы произвели впечатление на Головина. «Довольно говорил я с ними, все кажутся верны и мужики добры, — доносил Головин Петру. — Изволь, государь, хотя себя понудить, а показать им милость... Только и в нас не без воров бывало». Петр согласился, и депутаты возвратились в Астрахань, получив по пятьдесят рублей на каждого за издержки и обещание, что если город подаст покаянную челобитную, участники бунта будут прощены. Было обещано и послабление в податях. Полкам Шереметева приказали избегать кровопролития.

Но в те времена мягкость зачастую воспринималась как признак слабости, и возвращение депутатов с мирными предложениями Петра не потушило восстание, а скорее придало ему новый импульс. Астраханцы поздравляли себя: они бросили вызов царю и одержали победу. Когда Шереметев направил в Астрахань гонца с

169

известием, что его войска готовы вступить в город и сообщил, что амнистия не коснется зачинщиков бунта, пожар разгорелся с новой силой. Посланец фельдмаршала был встречен грубо и отослан назад с бранными словами в адрес Петра и угрозой по весне пойти на Москву и пожечь Немецкую слободу. Однако восставшие переоценили свои силы, а помощи от казаков не поступило. С Дона написали, что им от великого государя никакого утешения нет, истинную веру они исповедуют по-прежнему, а немецкого платья никто из них не носит, так как портные, которые могли бы шить немецкое платье, в казачьих городках не живут. Словом, астраханцев не поддержали. Но они все же попытались напасть на солдат Шереметева, как только те появились вблизи города. Регулярные войска без труда отбили бунтовщиков и вступили в Астрахань. Конники Шереметева еще ехали по улицам города, на которых тысячи людей лежали ниц, вымаливая пощаду, а сам фельдмаршал уже допрашивал зачинщиков. «Я такого многолюдства сумасбродного людю отроду не видал, — писал он Головину, — и надуты страшною злобою и весьма имеют нас за отпавших от благочестия». Общую амнистию отменили — сотни участников бунта были отправлены в Москву или колесованы. Петр, вздохнув с облегчением, увеличил Шереметеву жалованье и наградил его новыми поместьями.

В том же 1705 году начались волнения среди башкир, мусульманского народа, обитавшего в степях между Волгой и Уралом. По большей части они были кочевниками и пасли стада крупного рогатого скота, овец, коз и, порой, верблюдов. Они скакали на небольших крепких лошадках с луками и колчанами со стрелами за спиной. В семнадцатом веке русские колонисты, продвигаясь на восток, строили города на их земле и распахивали их пастбища. К этим притеснениям теперь добавились непомерные аппетиты сборщиков податей. В начале 1708 года башкиры подняли восстание.

Они сожгли ряд недавно основанных русских поселений по рекам Уфе и Каме и подошли к Казани, от которой их отделяло двадцать миль. Хотя с запада к русским границам приближался Карл XII, Петру пришлось выделить три полка, чтобы покончить с беспорядками. Западные башкиры попросили мира и, за исключением зачинщика мятежа, получили прощение. В отличие от них восточные башкиры продолжали опустошительные набеги, которые особенно участились, когда Петр был вынужден отозвать регулярные войска навстречу шведам. Но царю удалось поднять против мятежников 10000 калмыков, буддистов по вере, и, в конечном итоге, башкиры покорились.

Драгуны Шереметева успешно потушили астраханский пожар. Из-за отсутствия единства и сильного руководства башкиры потерпели поражение. Но самым опасным мятежом за время царствования Петра, произошедшим как раз тогда, когда вся его армия противостояла шведам, было восстание донских казаков под предводительством Кондратия Булавина.

Непосредственным поводом для казацкого выступления стали попытки Петра вернуть солдат и крестьян, бежавших на казацкие земли. Подобно американскому Западу, редконаселенные, а местами и вовсе пустынные степные окраины были магнитом для людей беспокойных, тех кто не хотел мириться с гнетом и искал вольной жизни. В России многие из них числились в розыске. Среди них были и крестьяне, прикрепленные к земле еще Иваном Грозным и вслед за ним Алексеем Михайловичем, и рекруты, насильно забранные в армию на двадцать пять лет, и работные люди с Воронежских верфей и укреплений Азова и Таганрога. Казаки принимали их радушно, а требования о возвращении беглых игнорировали. Наконец, чтобы претворить в жизнь царские указы, в сентябре 1707 года на Дон с отрядом в 1200 человек прибыл князь Юрий Долгорукий.

171

Появление Долгорукого напугало казаков и их старшин. Один из атаманов — Лукьян Максимов — принял Долгорукого с почетом и обещал помощь в поисках беглецов. Иначе повел себя Кондратий Булавин, своевольный атаман Бахмутского городка. Ночью 9 сентября 1707 года его казаки напали на лагерь Долгорукого у реки Айдар и вырезали солдат, всех до единого. Подобно другим предводителям народных восстаний, Булавин не имел определенной политической программы. Он заявлял, что поднялся не против царя, но против «тех, кто неправду делает — князей да воевод, бояр, прибыльщиков да немцев»¹⁵ Он призывал казаков постоять за «дом Пресвятой Богородицы и за истинную веру христианскую» против чужеземцев и «начальных людей, которые вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными». Поминая Стеньку Разина, он заявлял, что освободит всех ссыльных и каторжных в Азове и Таганроге, а следующей весной пойдет на Воронеж, а там — и на Москву.

Тем временем атаман Максимов, который понимал, что царь не оставит безнаказанным убийство Долгорукого, собрал верных казаков и разгромил мятежников. Максимов доносил Петру, что бунтовщики понесли наказание — иным отрезали носы, иных драли плетьюми, а наиболее виновных повесили за ноги или расстреляли. Петр успокоился и написал Меншикову 16 ноября 1707 года: «Сие дело милостию Божиею все окончилось»¹⁶. Но успокаиваться было рано. Булавин скрылся от Максимова, собрал новый отряд и по весне 1708 года опять пошел гулять по донским степям. Максимов, подкрепленный русскими регулярными частями, снова выступил против Булавина, но на сей раз многие из его казаков перебежали к мятежному атаману и 9 апреля 1708 года Максимов был разбит.

Теперь Булавинское восстание представляло уже не шуточную угрозу. На север до самой Тулы пылали се-

172

ленья, опасались уже за Воронеж и за все верховье Дона. Тревожась, что возмущение может распространиться дальше на север, Петр велел сыну, царевичу Алексею, установить дополнительные орудия на стенах московского Кремля. Но оборонительными приготовлениями царь не ограничился. 10-тысячное войско, в состав которого входили пехота и драгуны было отдано под начало майора гвардии князя Василия Долгорукого, брата убитого Булавиным прошлой осенью Юрия Долгорукого. Долгорукому было приказано «отправлять свое дело с помощью Божией, не мешкав, дабы сей огонь зараз утушить... ибо сия сарынь,

кроме жесточи, не может унята быть»¹⁷. Опасность того, что Булавин может осадить Азов и Таганрог, очень беспокоила Петра, и он сам собирался отправиться на Дон. На его удачу, подойдя под Минск, Карл XII остановил свою армию на отдых, и тем самым подарил царю три месяца как раз тогда, когда от Булавина исходила самая большая опасность.

Меж тем Булавин все сметал на своем пути. Он еще раз разбил Максимова, захватил его и казнил. Казаки Булавина приступили к Азову и даже заняли один из его пригородов, прежде чем были отбиты верным царю гарнизоном. Но затем окрыленный успехом Булавин неосмотрительно разделил своих людей на три отряда. 12 мая был рассеян один из них, а 1 июля и второй отступил под натиском регулярных частей Долгорукого. Почуввав куда дует ветер, большая часть казаков, поддерживавших Булавина, направила царю челобитную, моля о прощении. После того, как поредевший отряд Булавина был разгромлен, старшины решили арестовать своего предводителя и казнить его, дабы умиловить царя. Булавин, сопротивляясь, уложил на месте двоих казаков, посланных схватить его, но поняв, что все потеряно, застрелился.

Степной пожар мало-помалу угас. В ноябре уцелевшие силы бунтовщиков были загнаны в угол Долгору-

173

ким. В бою пало 3000 казаков, и с бунтом было покончено. Петр приказал Долгорукому «заводчиков пущих казнить, а иных в каторгу, а прочих выслать в старые места, а городки жечь по прежнему указу»¹⁸. Две сотни бунтовщиков были повешены на виселицах, установленных на плотях. Плоты были пущены вниз по течению Дона, и все, кто видел, как они молчаливо проплывали по реке мимо городков и станиц, понимали: десница самодержца достигает самых дальних пределов его царства.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ ПОЛЬСКАЯ ТРЯСИНА

Все эти годы главной заботой Петра оставался Карл XII и Северная война. Через год после основания города в устье Невы, в 1704 году, Петр вознамерился овладеть двумя ключевыми твердынями Эстонии — Дерптом и Нарвой. Это должно было окончательно закрепить завоевание Ингрии и перекрыть шведам возможность наступать с запада на Петербург. В обоих городах имелись сильные гарнизоны (в одной только Нарве число защитников достигало 4500), но главные силы Карла находились в Польше и, оказавшись в осаде, города не могли бы рассчитывать на выручку.

В мае 1704 года русское войско появилось под Нарвой и расположилось вокруг города на той же осадной позиции, что и четыре года назад, когда оно потерпело поражение. Петр сам наблюдал за тем, как осадная артиллерия доставлялась на баржах из Петербурга. Русские лодки близко прижимались к южному берегу залива, и крейсировавшие шведские суда не могли настичь их на мелководье. В лагере под Нарвой Петра дожидался фельд-маршал Георг Огильви — шестидесятилетний шотландец, который сорок лет прослужил в габсбургской армии, а теперь был приглашен Паткулем на российскую службу. Рекомендательные письма Огильви произвели на Петра такое впечатление, что он, не колеблясь, пору-

175

чил ему командовать армией под Нарвой. С началом осады русские несли заметные потери от огня шведских орудий и от неприятельских вылазок, но защитники быстро убедились, что русские солдаты на сей раз уже не те, что прежде. «Видно было, что они намерены добиться своего, невзирая ни на какие потери», — говорил впоследствии один из офицеров гарнизона¹. Оставив Огильви под Нарвой, Петр отправился на юг, к Дерпту, который с 23000 солдат и сорока шестью пушками с июня осаждал Шереметев. Он счел позицию Шереметева неудачной — русские орудия были нацелены на самые мощные шведские бастионы, и огонь не давал результатов. Петр приказал вести обстрел по самому уязвимому участку стены, и довольно скоро в ней была проломлена брешь. Русские войска ворвались в город, и 13 июля шведский гарнизон сдался — спустя пять недель с начала осады, но всего через десять дней после прибытия царя.

С падением Дерпта Нарва была обречена. Петр спешно возвратился к Нарве с солдатами

Шереметева: теперь объединенная русская армия достигла 45000 человек при 150 орудиях. 30 июля начался ураганный обстрел, продолжавшийся десять дней: на крепость обрушилось более 4600 ядер. Когда один из бастионов был превращен в груды обломков, Петр, как предписывалось правилами войны, предложил коменданту Горну сдать крепость на почетных условиях. Горн опрометчиво отказался, да еще сопровождал отказ оскорбительными выражениями в адрес царя. Штурм начался 9 августа и, несмотря на упорное сопротивление шведского гарнизона, гвардейцам Преображенского полка потребовался всего час, чтобы ворваться на главный бастион и захватить его. Вслед за этим волна русской пехоты перехлестнула через стены крепости и наводнила город. Теперь Горн понял, что сопротивление бесполезно и приказал бить в барабан, вызывая неприятеля на переговоры, но было слишком поздно — никто его не услышал. Русские солдаты заполо-

176

нили улицы, безжалостно истребляя всех без разбору, не щадя ни женщин, ни детей. Через два часа в сопровождении Огильви в город въехал Петр. Улицы были скользкими от крови, всюду валялись разрубленные тела шведских солдат. Из 4500 защитников гарнизона в живых осталось всего 1800. Петр послал в город трубачей трубить отбой, но разъяренные солдаты не прекращали резню. Взбешенный Петр собственноручно заколол шпагой одного солдата, отказавшегося повиноваться приказу. В городской ратуше царь положил окровавленную шпагу на стол перед перепуганными членами магистрата и сказал: «Не бойтесь! То не шведская, а русская кровь». Во время приступа погибла жена коменданта крепости, а сам он попал в плен. Когда Горна доставили к Петру, царь гневно обрушился на него за то, что тот не сдался, как только был разбит главный бастион и не предотвратил ненужное кровопролитие*. Победа под Нарвой была важна для России и в стратегическом и в психологическом отношении. Она не только обезопасила Петербург от возможного нападения с запада — она воспринималась как реванш за поражение, понесенное четыре года назад на том же самом месте. Она доказала, что новая армия Петра — это уже не прежняя толпа необученных крестьян. Огильви говорил, что находит русскую пехоту ничуть не хуже немецкой, и он же как-то заметил Уитворту, что «никогда не встречал нации, которая более умело обходилась бы с пушками и мортирами!». Радостное известие о победе Петр послал Августу, Ромодановскому и Апраксину. Через четыре месяца Петр вернулся в Москву, и ее мостовые вновь задрожали от тяжелой поступи победного парада.

* Петр ударил офицера и дворянина Горна по лицу. Между тем, комендант Нарвы исполнил свой воинский долг, как надлежало солдату, давшему присягу. Он вел себя не менее достойно, чем комендант Полтавы Келин, отказавшийся в 1709 году сдавать врагу крепость. — *Ред.*

177

Петр во главе своих войск проехал под семью триумфальными арками; замыкали шествие 160 пленных шведских офицеров и пятьдесят четыре трофейных знамени.

Победы, которые Петр одерживал на Балтике, не слишком тревожили Карла. Он не сомневался в том, что со временем без труда рассеет армию Петра и отвоюет захваченные Россией шведские земли. Гораздо больше его беспокоило то, что его победы в Польше не принесли решающего политического успеха. Август не признавал себя побежденным и не собирался отречься от польского трона, да и польский сейм не выказывал намерения принудить его к отречению. Вместо того, чтобы положить войне конец, победа над Августом под Клишовом стала лишь началом затянувшейся на долгие годы кампании, в которой шведские войска бесплодно преследовали саксонцев по широким польским просторам. Большая страна с населением в восемь миллионов человек попросту была слишком велика и для шведской и для саксонской армии, численность каждой из которых не превышала 20 000: они могли контролировать только ту территорию, где в данный момент находились сами.

Политически безрезультатные 1702—1706 годы, проведенные в Польше, стали для Карла временем величайшей военной славы и героических деяний, о которых слагались легенды. Рассказывали, например, что осенью 1702 года, после победы под Клишовом, Карл в сопровождении 300 всадников подъехал к воротам Кракова и громко вскричал: «Открыть ворота!» Командир гарнизона слегка приоткрыл створку и высунул голову, чтобы посмотреть, кто там кричит. Карл тут же ударил его по лицу рукоятью плети, шведы ворвались в ворота, и перепуганный гарнизон сдался без единого выстрела⁴.

178

Война несла с собой неизбежные тяготы для поляков. Вводя войска на территорию Польши, Карл обещал, что не потребует с населения больше, чем необходимо для содержания армии, но не прошло и трех месяцев, как он нарушил свое обязательство. После того, как польские войска приняли участие в битве под Клишовом на стороне Августа, Карл решил в отместку полностью обеспечивать шведскую армию за счет населения страны. Из одного только Кракова шведы всего за три недели выжали 130 000 талеров, 10 000 пар сапог, 10 000 фунтов табаку, 160000 фунтов мяса и 60000 фунтов хлеба. Все глубже увязая в войне, Карл отдавал своим генералам все более суровые приказы: «поляков должно или уничтожить, или принудить присоединиться к нам»⁵. Под Краковом с Карлом приключился несчастный случай, после которого он остался хромым до конца дней. Во время кавалерийских учений его конь зацепился ногой за веревку, закрепляющую палатку, и упал вместе со всадником. Карл сломал левую ногу выше колена, кость срослась не слишком удачно, и одна нога оказалась короче другой. Прошло несколько месяцев, прежде чем король смог снова сесть в седло, и поэтому когда в октябре армия выступила из Кракова на север, Карла несли на носилках.

Год проходил за годом, принося Карлу новые битвы и новые победы, но до победоносного завершения войны было все так же далеко. А в это самое время одерживались и другие победы: русские осадили и взяли Шлиссельбург, установили контроль над всем руслом Невы, основали на Финском заливе город и порт, разгромили шведский флот на Ладожском и Чудском озерах, вконец опустошили плодородную шведскую Ливонию, угнали в неволю множество шведских подданных, захватили Дерпт и Нарву. Успехи русских вызвали поток отчаянных жалоб: к королю обращались и жители балтийских провинций, и шведский риксдаг, и генералы, и даже его сестра Хедвига София. Все умоляли короля

179

покинуть Польшу, повернуть на север и спасти балтийские земли. «Для Швеции это гораздо важнее, чем решать вопрос, кому сидеть на польском престоле», — убеждал Карла его первый министр Пипер .

Всем им Карл отвечал одинаково: «Хотя бы мне пришлось оставаться здесь пятьдесят лет, я не покину эту страну, покуда Август не будет низложен». «Я бы немедленно помирился с Августом, если бы можно было положиться на его слово, — говорил Карл Пиперу, — но как только мы заключим мир и выступим на Москву, он возьмет у русских деньги и ударит нам в спину, и тогда мы окажемся еще в худшем положении, чем сейчас»⁷.

В 1704 году события в Польше стали разворачиваться в пользу Карла. Он овладел укрепленным городом Торном (Торунь), в котором находилось 5000 саксонских солдат. Видя полное бессилие Августа и понимая, что Польша останется полем боя, пока саксонский курфюрст занимает ее престол, сейм официально объявил короля низложенным. Первоначально Карл прочил на престол Якуба Собеского, сына прославленного польского короля Яна Собеского. Но тот был предусмотрительно похищен агентами Августа и содержался под арестом в одном из саксонских замков. Поэтому Карл остановил свой выбор на двадцатисемилетнем польском магнате Станиславе Лещинском, который не выделялся блестящими способностями, но зато поддерживал шведского короля.

Избрание Станислава проводилось поспешно и бесцеремонно. На избирательный сейм, который' должен был собраться 2 июля 1704 года на поле близ Варшавы, явилась жалкая горстка депутатов. На расстоянии мушкетного выстрела от места выборов стояли шведские солдаты, прибывшие под предлогом «защиты» выборщиков, а заодно и затем, чтобы те «не говорили, чего не следует». Предложенный Карлом кандидат был провозглашен польским королем⁸.

Низложение Августа было единственной целью вторжения Карла в Польшу, и теперь поляки и шведы на-

180

деялись, что король наконец обратится против России. Но Карл еще не был готов покинуть Польшу. Папа не признал Станислава королем, пригрозил отлучением всем, кто принимал участие в его избрании, за то, что действовали по указке короля-протестанта. Почти никто из влиятельных польских магнатов на избирательный сейм не явился, и поэтому положение Станислава было весьма шатким. Учитывая все это, Карл решил остаться со своим ставленником, пока тот не будет коронован. Станислав короновался более года спустя, 24

сентября 1705 года, но обстоятельства его коронации, как и избрания, только укрепили позиции тех, кто не желал признавать его монархом. По древнему обычаю польские короли всегда короновались в Кракове, а Станислав был коронован в Варшаве, поближе к Карлу и шведской армии. Историческая корона польских королей осталась у Августа, который не признавал себя низложенным, — пришлось изготовить новую корону, скипетр и другие регалии, причем уплачено за них было из шведской казны. Карл присутствовал на церемонии инкогнито, чтобы не затмевать своего нового союзника. Но коронование шведского ставленника не добавило ему сторонников. Даже новая королева, жена Станислава, не чувствовала себя в безопасности в беспокойном королевстве мужа и предпочла поселиться в шведской Померании.

Так или иначе, теперь польский престол занимал дружественный Швеции король. Вскоре после коронации Карл и Станислав заключили союз против России. Теперь у Карла, который чувствовал свою вину перед подданными, тщетно взывавшими к нему, были развязаны руки. И он нанес удар. 29 декабря 1705 года король снялся с лагеря под Варшавой и быстрым маршем через промерзшие реки и болота двинулся на восток, к Гродно, где за Неманом были сосредоточены основные силы Петра. Этот стремительный бросок не означал еще шведского вторжения в Россию. Для масштабного похода на Москву у Карла не было ни достаточного снаряжения и

LSI

провизии, ни разработанного плана кампании. Кроме того, пока у Августа оставалась армия и он не признавал себя низложенным, Карл не мог не тревожиться за безопасность своих тылов. Поэтому он не взял в поход всю армию на случай появления саксонцев; в тылу остался Реншильд с 10-тысячным войском. Сам Карл с 20000 солдат вознамерился посреди зимы вызвать русских на бой — царь наконец увидит блеск шведских штыков, а его солдаты на себе испытают, сколь остра шведская сталь.

После взятия Дерпта и Нарвы летом 1704 года, Петр провел зиму в Москве, а в марте уехал в Воронеж, где работал на верфях. В мае 1705 года он собрался было ехать к армии, но заболел и целый месяц, пока не оправился от болезни, оставался в доме Федора Головина. В июне он нагнал армию в Полоцке на Двине, откуда она, в зависимости от обстоятельств, могла двинуться в Ливонию, Литву или Польшу. К тому времени петровская армия уже становилась грозной боевой силой. Она насчитывала 40 000 пехотинцев, обмундированных и вооруженных мушкетами и гранатами. Кавалерия и драгуны, общей численностью в 20 000 человек, были полностью обеспечены мушкетами, пистолетами и холодным оружием. Русская артиллерия располагала внушительным количеством орудий, для которых был установлен единый калибр. Как и шведы, русские взяли на вооружение легкую полевую пушку, стрелявшую трехфунтовыми ядрами и способную сопровождать кавалерию или пехоту и оказывать им в бою огневую поддержку.

Основная же проблема армии коренилась в разногласиях и трениях между русскими и иноземными командирами. Превосходная подготовка и высокая дисциплина были заслугой Огильви, который принял командование во время повторной осады Нарвы и стал вторым (после Шереметева) фельдмаршалом в русской

182

армии. Он заботливо относился к солдатам и пользовался у них любовью, но офицеры его не слишком жаловали, тем более, что Огильви не знал русского языка и вынужден был общаться через переводчика. Особенно сильные конфликты возникали у него с Шереметевым, Меншиковым и Репниным. Двое последних числились его подчиненными и были ниже по званию, но Шереметев, фельдмаршал, как и Огильви, нередко чувствовал себя ущемленным. Петр, чтобы смягчить разногласия, хотел было поставить Шереметева во главе всей кавалерии, а Огильви поручить пехоту. Но Шереметев оскорбился и написал царю о своей обиде. Петр не хотел ранить чувства заслуженного полководца — в ответном послании он объяснил, что предпринял попытку реорганизации лишь «для пользы дела». Тем не менее, действие приказа царь приостановил до своего прибытия.

Чтобы покончить с этой проблемой, Петр принял решение разделить армию. Шереметев с восемью драгунскими и тремя пехотными полками общим числом в 10 000 человек был отправлен к балтийскому побережью, в то время как Огильви остался командовать основными

силами в Литве. 16 июля Шереметев атаковал войска командовавшего шведскими силами в Ливонии генерала Левенгаупта, но потерпел поражение. Узнав об этом, Петр сначала отправил Шереметеву гневное письмо, в котором упрекал его за плохую выучку драгун, «о чем не раз говорено было» и в чем Петр видел причину неудачи. Но три дня спустя царь пожалел об учиненном разное и написал новое письмо, уже совсем в иной тональности: «Не извольте о бывшем несчастье печальны быть, понеже всегдашняя удача многих людей ввела в пагубу, но [худое следует] забывать и паче людей ободрять».

Как раз в это время пришло известие об Астраханском бунте, и Шереметев с конницей был отправлен за тысячу миль — умирять восстание. Поскольку с его отбытием общие силы армии уменьшились, Петр на время отменил дальнейшие военные действия и прика-

183

зал основной армии расположиться на зимние квартиры в Гродно, на восточном берегу Немана. От Карла до весны сюрпризов не ждали.

К сожалению, с отъездом Шереметева трения между петровскими генералами не утихли. У Огильви, в подчинении оставались еще Меншиков с Репниным. Меншиков уже приобрел немалую известность благодаря успешным действиям на Неве и имел воинские заслуги, но главное — он был любимцем Петра и никому другому подчиняться не желал. Ссылаясь на свою особую близость к царю, он отменял распоряжения более опытного Огильви, говоря просто: «Сие бы государю не по нраву пришлось, он бы инако велел сие учинить, уж мне то ведомо». Затем Меншиков стал перехватывать письма Огильви к царю. Некоторые письма он попросту клал в карман, объясняя позднее Петру, что известия, содержащиеся в донесениях фельдмаршала, царь уже и так знал из его, Меншикова, докладов.

И без того непростое положение с командованием запуталось окончательно, когда в ноябре 1705 года к российской армии присоединился Август. Последнее время удача отвернулась от короля-курфюрста. Вся Польша была занята войсками Карла и новоиспеченного короля Станислава, и свергнутому Августу пришлось пробираться долгим кружным путем через Венгрию, изменив имя и внешность. Петр по-прежнему признавал его польским королем и из почтения к его сану передал ему командование армией в Гродно. Старшим после него оставался фельдмаршал Огильви. Меншиков командовал артиллерией, а Репнин и опытный кавалерийский офицер фон Карл Эвальд Ренне подчинялись обоим сразу. В такой ситуации того и гляди могла случиться беда.

Армия Карла совершила молниеносный бросок на восток. Двигаясь по замерзшим рекам и дорогам, Карл

184

преодолеl расстояние от Вислы до Немана — 180 миль - всего за две недели и 15 января 1706 года появился под Гродно во главе своего авангарда. Король переправился через Неман с отрядом в 600 гренадер, но увидел, что крепость слишком хорошо укреплена, чтобы взять ее с налету и приказал разбить временный лагерь в четырех милях от города. Когда подтянулись основные шведские силы, Карл передислоцировался на полсотни миль от Гродно вверх по течению Немана, где легче было обеспечить армию провиантом и фуражом. Там он устроил постоянный лагерь, выжидая, что предпримет неприятель. Карл полагал, что оставил ему две возможности: либо выйти из крепости и принять бой, либо отсиживаться за крепостными стенами в ожидании голодной смерти.

При появлении Карла в русском лагере был созван поенный совет, на котором председательствовал Август. Вопрос о нападении на шведов даже не ставился.. Хотя русские войска почти вдвое превосходили шведские по численности, Петр не был еще готов ржгнуть армией, на создание которой ушло так много усилий, и настрого запретил Огильви давать бой в открытом поле. Однако Огильви считал свои силы достаточными по крайней мере для того, чтобы выдержать осаду. Другие возражали: если шведы окружат крепость, армия окажется отрезанной от России и не сможет прикрывать русские границы; к тому же, хотя крепость хорошо укреплена и располагает многочисленной артиллерией, провизии едва ли хватит на длительную осаду. Они настаивали на отступлении. Огильви был ошеломлен — он решительно протестовал, указывая на превосходство русской армии в живой силе и артиллерии. Он говорил, что при отступлении им придется пожертвовать пушками, которые не удастся увезти по снегу при нехватке коней. Покинуть город в зимнюю стужу значило

обречь многих солдат на гибель в пути. Шведы могут пуститься в погоню и тогда сражение будет неизбежно, а ведь государь запретил

185

рисковать армией. Но больше всего Огильви страшился дурной славы. Неужели он, профессиональный солдат, имея в своем распоряжении вдвое сильнейшую чем у противника армию, обладая подавляющим превосходством в артиллерии, без боя оставит врагу мощную крепость? Что скажет Европа?

Август, оказавшийся меж двух противоположных мнений, счел за лучшее снять с себя всю ответственность и срочно отрядил гонца в Москву к Петру, умоляя царя о «немедленном, прямом и однозначном» решении. Сам же не дожидаясь ответа, улизнул из Гродно. Поскольку Карл ушел из Варшавы, Август увидел для себя возможность под шумок овладеть польской столицей. Он взял с собой четыре драгунских полка и пообещал Огильви, что вернется не позже чем через три недели и приведет с собой саксонскую армию. Тогда объединенные русско-польско-саксонские силы составят 60 000 человек против 20 000 шведов.

Петр находился в Москве, когда узнал о продвижении Карла в направлении Гродно. Сначала царь усомнился в этом известии и спрашивал Меншикова в письме, откуда такие сведения и можно ли им доверять: слухи о наступлении Карла распространялись и прежде. Тем не менее, Петр встревожился и на 24 января наметил отъезд из Москвы. В том же письме царь жаловался на неописуемые холода, на то, что у него страшно раздуло щеку, и сокрушался, как нехоти ему уезжать из Москвы именно сейчас, когда он поглощен делами по сбору податей и устранению беспорядков на Волге. Если же тревожные известия подтвердятся, ему, несмотря ни на что, придется тащиться за сотни миль. Петр просил Меншикова ежедневно докладывать ему о положении и обещал приехать при первой возможности.

Москву отделяет от Гродно 450 миль, и Петр успел преодолеть больше половины пути, когда на подъезде к Смоленску получил известие от Меншикова о том, что Карл уже под Гродно и царь не может воссоединиться со

186

своей армией. Обеспокоенный Петр послал ряд распоряжений Огильви. Петр писал, что не возражает против обороны Гродно, если на обещанную скорую помощь саксонцев действительно можно рассчитывать, но если нет, пусть Огильви отступает к русской границе самым коротким и быстрым путем.

Однако же, — заключал Петр в письме, адресованном Репнину, ~ все сие покладею на ваше тамошнее рассуждение, ибо нам так далеко будучи не возможно указ давать, понеже пока опишемся, уже время у вас пройдет, но что к лучшему безопасению и пользе, то и чините со всякою осторожностью. Тако ж не забывайте слов господина моего товарища [т.е. Меншикова], который приказывал вам... чтоб вы больше целост войска хранили, неже на иных смотрели. О пушках тяжелых не размышляйте; ежели за ними трудно отойти будет, то, оных разорвав, в Неметь [Неман] бросить¹².

Тем временем обстановка в Гродненской крепости ухудшалась. Продовольствие и фураж быстро подходили к концу. Затем русские, с нетерпением поджидавшие прибытия саксонских войск, получили ошеломляющее известие. *3 февраля 1706 года под Фрауштадтом, на силезской границе, саксонская армия, которая с учетом русских и польских вспомогательных сил насчитывала 30 000 человек, была разбита 8-тысячным шведским отрядом Реншильда. Это была самая блестящая победа Реншильда, и Карл, едва прослышав о ней, тут же произвел его в фельдмаршалы и пожаловал графский титул. С гневом и болью Петр сообщал об этом Головину.

Перед сим писал я к вам о некотором, никогда не чаемом случае, от посторонних ведомостей, ныне же подлинную ведомость о том имеем, что все саксонское войско от Рейншильдова разорено, и артиллерию всю потеряли. Ныне уже явная измена и робость саксонская [ибо 3 0000 побежали от 8 000] так, что конница ни единого залпа не дает, побежали пехоты более поло-

187

вины, киня ружье отдались, и только наших одних оставили [которых не чаю и половины в живых]. Бог весть, какую нам печаль сия ведомость принесла, и только дачею денег [Августу] беду себе купил... Выше-реченное несчастье, паче же измену своему королю, изволь объявить всем, но гораздо легче, ибо уже тайна быть не может, а подлинно не большим [т.е. немногим] персонам¹³.

Известие о победе под Фрауштадтом, ставшей еще одним подтверждением превосходства шведской армии, определило решение Петра как можно скорее отвести из Гродно свои войска. Он приказал Огильви начать отступление при первой возможности, но рекомендовал подождать, пока не вскроется лед на реке, чтобы шведы не могли пуститься в погоню. 4 апреля, по государеву повелению, русская армия, побросав пушки в Неман, начала отступление на юго-восток, к Киеву, огибая Припятские болота.

Узнав, что русские уходят из Гродно, Карл распорядился немедленно начать преследование. Но едва шведы навели через Неман понтонный мост, как он был разрушен ледоходом и унесен быстрым течением. Прошла неделя, прежде чем королю удалось переправиться, а русская армия к тому времени была уже далеко. Карл решил сократить путь, двинувшись наперерез русским через Припятские болота. «Невозможно описать, что пришлось вынести и людям и коням, — вспоминал очевидец. — Вся эта местность — сплошная топь, И когда лед растаял, кавалерия передвигалась с превеликим трудом, а подводы глубоко увязали в грязи и их нельзя было сдвинуть с места. Королевская карета так и осталась в этих топях. Что же до пропитания, оно было так скудно, что всякий, кто в этом пустынном краю мог достать из кармана корку черствого хлеба, почитался за счастливца»⁴

С трудом пробравшись через болота, шведы наконец вышли к городу Пинску, так и не сумев догнать русскую

188

армию. В Пинске Карл взобрался на самую высокую колокольню и оглядел окрестности — на юге и востоке до самого горизонта простиралась болотистая пустошь. Смирившись с тем, что русской армии удалось ускользнуть, Карл остановился возле Пинска и в течение двух месяцев разорял окрестные местечки и села. Но он не был готов к ведению крупной кампании, связанной с дальнейшим продвижением на восток, и опасался за безопасность тыла; поэтому в середине лета 1706 года решил вернуться в Европу.

Известие о том, что удалось сохранить армию, чрезвычайно обрадовало Петра. 29 апреля он писал Меншикову из Петербурга:

С неописанной радостью я господина Старика* от вас с письмами получил, будучи в флоте у Кроншлота на корабле [«Олифант»] вице-адмирала, и с той же минуты благодаря Бога со всего флота и крепости трижды стреляно. Дай Боже вас видеть в радости и со всеми [т.е. с армией, без потерь], а каковы были сами радостны, и потом шумно, донесет Старик вам сам... истинно сказать, что от сей ведомости вовсе стали здесь радостны, а до того, хоть и в раю жили, однако всегда на сердце скребло. Здесь, слава Богу, все добро, и новизн никаких нет. Мы в будущем месяце поедem отсель, извольте дать ведомость, где вас встретить.¹⁵

Отступление из Гродно стало концом карьеры Огильви на русской службе. Во время отхода его разногласия с Меншиковым обострились. «Командующий кавалерией [Меншиков] без моего на то ведома и от имени Вашего Величества приказал всей армии двигаться к Быхову и взял на себя верховное командование, — жаловался фельдмаршал. — Он окружил себя конной и пешей

* Под кличкой «Старик» («Дедушка») известен советник Адмиралтейства А. Кикин, казненный в 1718 году по делу царе-нича Алексея Петровича. — *Ред.*

189

стражей, которая ни во что меня не ставит... Сколько ни бывал я на войне, но такое к себе дурное отношение повстречал впервые». Ссылаясь на слабое здоровье, он попросил царя позволить ему сложить командование и покинуть Россию. Петр согласился, принял отставку Огильви и сполна уплатил ему жалованье. Огильви же уехал в Саксонию к Августу и служил у него фельдмаршалом четыре года, до самой смерти.

Когда Карл двинулся от Пинска на запад, Петр понял, что угроза вторжения, хотя бы на время, миновала. Но поход шведского короля на Гродно был суровым предостережением. Петр уразумел, что его армия, генералы и страна не готовы ко встрече со шведами.

Между тем Карл спешно двигался через Польшу, намереваясь положить конец затянувшейся войне против Августа. В августе 1706 года король уведомил Рен-ш и льда, что он принял решение вторгнуться в Саксонию, чтобы поразить Августа в его наследственных владениях. Четыре года блужданий по Польше в погоне за неприятелем показали, что покончить с Августом на польской земле не удастся. В случае поражения Август всегда мог отступить в

Саксонию, залечить там раны, собрать новые войска и, дождавшись удобного случая, снова объявиться в Польше.

К тому времени обстановка в Европе сложилась так, что Англия и Голландия не намеревались препятствовать вторжению Карла. После побед, одержанных Мальборо при Бленхейме в Баварии и при Рамийи в Испанских Нидерландах, Людовику XIV пришлось перейти к обороне. В этих условиях вторжение шведских войск в сердце Германии уже не могло повлиять на ход войны великих морских держав против Франции, а потому их оно и не беспокоило. Кроме того, Карл обещал не вводить войска в Саксонию, если великие морские державы сумеют убедить Августа отказаться от притязаний

190

на польский трон. Те попытались, но попытка не увенчалась успехом. И тогда, не видя другого пути принудить Августа к отречению, Карл решился действовать. 22 августа 1706 года шведская армия перешла в районе Равича сilesкую границу и двинулась на Саксонию. Сам Карл во главе гвардейской кавалерии первым переправился через Одер, по которому проходила граница.

Во время перехода через Силезию шведов восторженно приветствовали местные протестанты. К исходу пятого дня шведская армия достигла саксонской границы. Саксония была повержена в смятение. В памяти оживали рассказы о шведских набегах и грабежах времен Тридцатилетней войны. Семейство Августа спасалось бегством: жена поспешила под защиту своего отца, маркграфа Байрейтского, десятилетний сын был отправлен в Данию, а престарелая мать — в Гамбург. Государственная казна и драгоценности были укрыты в отдаленном замке. Государственный совет, которому принадлежала власть в отсутствие Августа, принял решение не сопротивляться шведской армии и уповать на милосердие Карла. Саксонские министры были по горло сыты польскими амбициями своего курфюрста: в попытке сохранить польский престол для своего государя Саксония уже потеряла 30-тысячную армию, 800 орудий и 8 миллионов ливров. Саксонцы устали от борьбы и твердо решили не приносить государство в жертву честолюбию государя.

Вот почему шведские войска беспрепятственно вошли в Саксонию и заняли важнейшие города — Лейпциг и столицу курфюршества, Дрезден. 14 сентября Карл остановился в замке Альтранштадт вблизи Лейпцига и вступил в переговоры об условиях мира с двумя саксонскими полномочными министрами. Карл требовал, чтобы Август навсегда отказался от польской короны, признал избрание Лещинского, разорвал союз с Россией и выдал Карлу всех шведских подданных, находившихся на службе у Августа, в том числе и сражавшихся в рядах саксонской армии. Взамен Августу позволялось сохра-

191

нить титул короля, правда, именовать себя королем Польши он отныне не мог. И наконец, саксонское правительство должно было оплатить все расходы по содержанию шведской армии в предстоящую зиму. В отсутствие Августа саксонские уполномоченные приняли эти условия, и 24 сентября 1706 года был подписан Альтран-штадтский мирный договор.

Не только условия мира, но и время его заключения были неблагоприятны для Августа. Пока Карл вел переговоры об отречении Августа с саксонскими сановниками, сам Август, объединившись с многочисленным конным корпусом Меншикова, двигался через Польшу против уступавших в числе войск генерала Арвида Акселя Мардефельда. Август жаловался, что ему уже нечего есть, до того он обеднел, и Меншиков выдал королю 10 000 ефимков* из собственного кармана. Царь, которому незадачливый союзник стоил уже многих тысяч солдат и рублей, был раздосадован, услышав об этом: «Писал ваша милость, что король скучает о деньгах. Сам ты известен, что от короля всегда то: „дай, дай, деньги, деньги!“ — в чем сам можешь знать, каковы деньги, и как их у нас мало; однако ж ежели при таком злом случае постоянно король будет, то, чаю, надлежит его в оных крепко обнадежить при моем приезде, который я потщусь самым скорым путем исправить».

В это самое время, когда Август находился под защитой русских войск и только что воспользовался великодушием Меншикова, он получил тайное сообщение об итогах саксонских переговоров. От Меншикова он это известие скрыл, но все же его положение все равно оказалось чрезвычайно затруднительным. По условиям мирного соглашения, ему надлежало разорвать союз с Россией и прекратить войну, а он находился при русской армии,

готовой со дня на день атаковать шведов.

* Ефимок — русское название талера, большой серебряной монеты. — *Ред.*

192

Август попытался предотвратить сражение и отправил секретное послание Мардефельду, в котором сообщал о 'заключенном мире и упрасивал генерала отступить, являясь в сражение. Но тут-то Август стал жертвой собственной репутации: двуличность и интриганство короля были слишком хорошо известны, поэтому Мар-дефсльд воспринял послание как хитрую уловку и оставил его без внимания. 18 октября 1706 года произошло сражение при Калише. В продолжавшейся три часа битве русские войска — недавние союзники Августа — нанесли тяжкое поражение шведам, с которыми его послы только что подписали мирный договор. Для Петра эта победа имела большое значение. Хотя русские по количеству почти вдвое превосходили шведов, до сих пор шведским солдатам удавалось справляться и с более многочисленным противником. К тому же это была первая победа, одержанная Меншиковым самостоятельно в качестве командующего армией. Радости царя не было предела.

Август, которого победа русских повергла в замешательство, отчаянно лавировал между Карлом и Петром. Он написал Карлу письмо, в котором сожалел о произошедшем сражении и приносил извинения за то, что не смог его предотвратить. Более того, Август убедил ни в чем не подозревавшего Меншикова передать ему всех захваченных в плен шведов — 1800 человек — и отпустил их под честное слово в шведскую Померанию, так что следующей весной они могли снова встать в строй.

Но в то же время Август старался не разгневать Петра. В беседе с князем Василием Долгоруким, царским послом в Польше, он объяснял, что у него не было выбора: не мог же он допустить, чтобы Саксония была разорена войсками Карла, а другого способа спасти свою родину, кроме как отказаться от польского трона, Август не видел. Однако он заверил Долгорукого, что это всего лишь временная уловка и, чуть только шведская армия

⁷ Петр Великий, т. 2

193

оставит Саксонию, он разорвет договор, наберет новое войско и снова выступит на стороне Петра.

30 ноября Август прибыл в Саксонию и встретился с Карлом в Альтранштадте. Он принес личные извинения за то, что случилось при Калише, и Карл их принял, но настоял, чтобы Август подтвердил свое отречение, отправив Станиславу собственноручное поздравление с восшествием на польский престол. Август теперь полностью зависел от Карла и был вынужден проглотить и эту горькую пилюлю. А Карл без ложной скромности писал в Стокгольм: «В настоящее время курфюрст Сак-

¹⁰ сонии — я» .

Короли, приходившиеся друг другу двоюродными братьями (их матери, датские принцессы, были родные сестры) отлично ладили. «Он жизнерадостный весельчак, — писал Карл сестре о своем кузене. — Ростом не слишком высок, но крепко сложен, даже несколько тяжеловат. Парика он обычно не носит, а свои волосы у него очень темные» . Но зимой 1706 года стало ясно, что Август не торопится претворять условия договора в жизнь. Особенно это касалось статьи 11, которая была внесена специально, чтобы заполучить ливонского поджигателя войны — Иоганна Рейнгольда Паткуля.

Он, а не Август, больше всех и пострадал от Аль-транштадтского мира. Ливонский дворянин и непримиримый враг Швеции, всеми силами содействующий разжиганию Северной войны, вызывал особую ненависть Карла. Поэтому в Альтранштадтском договоре и появилась статья 11, которая предусматривала выдачу Августом Карлу всех шведских «изменников», нашедших прибежище в Саксонии. Имя Паткуля стояло в списке первым. То, что произошло потом с Паткулем, вероломство Августа и мстительность Карла, ужаснули всю Европу.

Паткуль был человек незаурядный, одаренный и своенравный. В начале войны он служил генералом в армии Августа, был ранен и во время лечения подал прошение

194

об отставке, так как его не устраивало отношение Августа к своим союзникам. Петр, который высоко оценил способности Паткуля, немедленно пригласил неприкаянного лифляндца в

Москву и убедил его поступить на российскую службу в чине тайного советника и генерал-лейтенанта. Пять лет Паткуль усердно служил Петру, но его высокомерная манера держаться доставила ему немало недругов. Он поссорился с Матвеевым в Гааге и с Голицыным в Вене. Долгорукий в "Варшаве в конце концов отказался даже от переписки с ним и сообщил Федору Головину: «Я чаю, ведом вам Паткуль. Не токмо словесы его, но и всякую буквицу в оных надлежит глядети со тщанием. Ежели он в дурном гуморе [настроении] пишет, то и Господа Бога не пощадит»²⁰.

По иронии судьбы, в последующих событиях, которые привели Паткуля к гибели, сыграли роль не худшие свойства его натуры — главным образом, сочувствие к жалкому положению русских войск, посланных Петром на помощь Августу. Летом 1704 года под командованием князя Дмитрия Голицына из Киева выступили одиннадцать русских полков общей численностью 9000 человек и трехтысячный казачий отряд, чтобы соединиться с Августом в Польше. По их прибытии, Паткуль как тайный советник и генерал-лейтенант русской службы, бывший выше Голицына чином, принял у него командование. После скоротечной осенней кампании 1704 года Паткуль получил предписание Августа отступить в Саксонию. Но в Саксонии никому не было дела до его солдат. Здешние министры знать ничего не хотели о русских войсках, присланных в помощь Августу, и отказывались размещать их на постой и кормить. Солдаты месяцами не получали жалованье, а если и получали, то саксонские торговцы отказывались принимать русские деньги. В прохудившихся, оборванных мундирах, босоногие русские солдаты представляли собой столь нелепое зрелище, что собирали толпы зевак. Похоже было, что зимой им предстоит голодная смерть. Но о солдатах

195

неустанно хлопотал Паткуль. Он обвинил саксонских министров в том, что, отказывая ему в провианте и зимних квартирах, они нарушают волю курфюрста. Он беспрестанно писал Петру, Головину и Меншикову, до какой степени бедственное положение армии позорит российского государя. Ему отвечали, что вернуть войска домой невозможно, поскольку дорога через Польшу блокирована шведами. В конце концов, чтобы хоть как-то поддержать солдат, Паткуль под свою ответственность взял в кредит большую сумму денег. Весной он одел солдат в новые мундиры, и к лету их внешний вид изменился настолько, что они, по признанию саксонских обывателей, стали выглядеть ничуть не хуже немцев. Но денег из России по-прежнему не поступало, а кредит Паткуля подходил к концу.

В качестве крайнего средства Паткуль предложил отдать русских солдат внаем в австрийскую службу — это по крайней мере обеспечило бы их деньгами и провиантом. Головин ответил, что если другого выхода нет, государь не будет возражать. В декабре 1705 года, заручившись согласием подчиненных ему русских офицеров, Паткуль подписал контракт, по которому русские войска нанимались на службу к австрийскому императору на срок в один год.

Саксонские министры переполошились: они опасались, как бы на них не обрушился гнев обоих государей — и саксонского, и русского, когда те узнают, что русские солдаты потеряны для общего дела из-за нежелания Саксонии прийти им на помощь. В Дрездене Паткуля ненавидели давно. (Он никогда не проявлял осторожности в переписке, резко обличая саксонских сановников в неспособности и продажности, что, благодаря разным добродетелям, не было для них тайной.) Да и сам Август не слишком ему доверял. «Я хорошо знаю Паткуля, — жаловался он Долгорукому, — и его Царское Величество тоже скоро поймет, что Паткуль бросил службу у своего государя [Карла] лишь для корысти и своих умыслов»²¹.

196

В итоге, продиктованная лишь милосердием передача русских войск Австрии навлекла на Паткуля несправедливое обвинение в измене. Хотя саксонские министры хорошо знали все обстоятельства дела, они вменили Паткулю в вину то, что, выведя тысячи русских солдат из подчинения Августу, он нанес ущерб его интересам. Паткуля было приказано арестовать. А Паткуль, уставший все время находиться между молотом и наковальней в большой политической игре, потерявший всякую надежду на осуществление своих планов относительно Ливонии, задумал жениться на богатой вдове и мирно жить с ней в Швейцарии, где он, кстати, уже и поместье купил.

Но едва Паткуль вернулся от своей невесты, к которой он ездил обручиться, как его схватили, отвезли в замок Зонненштейн и бросили в камеру, где первые пять дней он не имел ни еды, ни

постели. Арест Паткуля вызвал возмущение в Европе — иностранный посланник суверенного государя арестован за то, что выполнял свои прямые обязанности! Датский и имперский послы в Дрездене заявили протест и покинули столицу Саксонии, мотивировав свои действия тем, что оставаться там небезопасно. Имперский посол отверг обвинение в измене, заявив, что лично видел данное Паткулю из Москвы разрешение на передачу войск. Князь Голицын, к которому теперь вновь перешло командование русским корпусом, хотя и не любил Паткуля, потребовал его немедленного освобождения, считая этот арест оскорблением своего государя. Саксонские министры испугались, что зашли слишком далеко, и обо всем доложили Августу в Польшу. Август ответил им, что одобряет их действия, а Петру кратко написал, что саксонский тайный совет был вынужден отдать приказ об аресте Паткуля и что эта мера — в их общих интересах. Составить обвинительный акт было поручено генерал-адъютанту короля Арнштед-ту. Он взялся за это с большой неохотой и тайно писал

197

Шафирову в Москву: «Я предпринимаю все, что в моих силах, чтобы спасти его. Необходимо, чтобы вы делали то же. Нельзя допустить, чтобы погиб такой прекрасный человек».

Петр был согласен, с Августом лишь в том, что Паткулю следовало дожидаться более определенного приказа, прежде чем передавать Австрии вверенные ему войска. Царь потребовал, чтобы пленника немедленно отослали в Россию, где будут расследованы все выдвинутые против него обвинения. В конце концов, Паткуль состоял на русской службе и речь шла о российских солдатах. Август отвечал отговорками и проволочками. В феврале 1706 года Петр снова потребовал возвращения Паткуля. Но в это время шведы стояли лагерем под Гродно, и саксонские министры понимали, что царь не в силах вмешаться в ход событий. Паткуль остался в заточении.

Затем последовало стремительное возвращение Карла из-под Гродно, вторжение шведской армии в Саксонию, капитуляция Августа и Альтранштадтский мир. Выдача Швеции Паткуля и других «изменников* была одним из условий мирного договора*. Август попал в ловушку. Не освободив Паткуля своевременно, он был вынужден теперь выдать его Карлу. Август изворачивался как мог. Он послал к Петру генерал-майора Гольца, уверяя царя, что Паткуль ни в коем случае не будет выдан шведскому королю. Петр не верил этим обещаниям и, опасаясь за жизнь Паткуля, обратился за поддержкой к императору, к королям Пруссии и Дании и к Нидерландским Генеральным штатам. Каждого из них он просил убедить короля Швеции снискать себе славу великодушного монарха и отказаться от безбожной и варварской расправы.

* Формально шведы имели право так действовать - Паткуль был подданным шведского короля и присягал ему в верности как подданный и дворянин. — *Ред.*

198

Как ни затягивал Август выполнение 11 статьи договора, Карл был непреклонен, и в ночь на 27 марта 1707 года Паткуль был передан в руки шведов. Три месяца его содержали в каземате Альтранштадтского замка, заковав для пущей надежности в тяжелые цепи. В октябре 1707 года он предстал перед шведским военным трибуналом. Карл настоял на том, чтобы судьи отнеслись к обвиняемому «с особой строгостью». Шведский суд приговорил Паткуля к колесованию, обезглавливанию и последующему четвертованию. Палач — местный крестьянин — нанес пятнадцать ударов кувалдой, переломав ему руки и ноги, а затем грудную клетку. Не в силах выносить мучения, Паткуль громко стонал и кричал от боли, а затем, уже лишившись голоса, хрипло взмолился: «Отруби мне голову!» Неопытному палачу пришлось нанести крестьянским топором четыре удара, прежде чем голова отделилась от туловища. Тело было четвертовано и выставлено на колесе на всеобщее обозрение, а голова насажена на кол у дороги²⁴.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ КАРЛ В САКСОНИИ

Неожиданное вторжение Карла XII во главе шведской армии в самое сердце Германии потрясло западные страны. Здесь, в Саксонии, молодой монарх оказался на виду у всей Европы, притягивая к себе любопытные взоры. Все его поступки, привычки и склонности стали предметом пристального внимания. Многие специально старались проехать мимо Альтранштадтского замка в надежде хоть краем глаза увидеть молодого короля. Однако европейские монархи, их министры и военачальники испытывали не столько любопытство,

сколько озабоченность. Все понимали, что Карл явился в Саксонию затем, чтобы завершить эпопею с лишением Августа польского трона. Теперь цель эта была достигнута, и все терялись в догадках, что же будет дальше. Закаленная в боях, не знавшая поражений шведская армия стояла лагерем в центре Европы, всего в 200 милях от Рейна. Куда повернет молодой монарх свои непобедимые штыки? Всю весну и лето 1707 года иностранные эмиссары следовали по пятам за шведским королем в поисках ответа на этот вопрос.

У некоторых из них были свои пожелания и предложения. Посол Людовика XIV предложил объединить шведскую армию с армией французского маршала Вил-лара для поддержания равновесия в Германии; впослед-

200

ствии Франция и Швеция могли бы разделить немецкие княжества между собой. Силезские протестанты упрашивали Карла остаться в Германии, чтобы защитить их от католического императора. (Пригрозив походом на Вену, Карл добился для силезцев права вновь открыть лютеранские кирхи; как признавался император Иосиф, он был рад хотя бы тому, что шведский король от него самого не потребовал перейти в лютеранство.) Но самым знаменитым среди тех, кто посетил замок Карла в Саксонии, был Джон Черчилль, герцог Мальборо, фигура и в военном, и в политическом отношении самая яркая во всей антифранцузской коалиции.

Едва Карл вступил в Саксонию, герцог выразил опасение по поводу того, что король, известный своей враждебностью по отношению к империи Габсбургов, в запальчивости может подорвать хрупкий союз католических и протестантских держав, противостоявший посягательствам Людовика XIV на гегемонию в Европе. Английский посланник при дворе Карла Джон Робинсон отправил в Лондон мрачное послание, пытаясь предсказать, как поведет себя победоносный шведский король в роли европейского арбитра. «То, что он преисполнится расположения к союзникам, маловероятно, — писал Робинсон, — то, что он будет принуждать их заключить невыгодный мир, не столь уж невероятно; то, что он будет действовать против них, вполне возможно; а если так... нам придется терпеть все, что ему придет в голову. Ибо, полагая, что война в Польше и Московии идет к концу, ни император, ни Дания, ни Пруссия, и ни один немецкий князь или государство не осмелятся выступить против него. Все будут покорны его воле, и Англии с Голландией придется последовать их примеру или остаться в одиночестве»¹.

Мальборо понимал, что в отношениях со взбалмошным Карлом следует проявлять особую осмотрительность. Сразу же после вторжения шведской армии в Саксонию герцог писал союзникам в Голландию: «Когда

201

бы [Генеральные] штаты или Англия ни обратились с посланием к королю Швеции, следует позаботиться о том, чтобы в письмах не содержалось даже намек на угрозу, поскольку у шведского короля своеобразное чувство юмора». При общении с Карлом требовался особый подход — благоразумие, взвешенность и дипломатическое чутье, и поэтому Мальборо вызвался лично посетить короля. Предложение герцога было принято благожелательно, и 20 апреля 1707 года Мальборо выехал из Гааги и через всю Германию отправился в Альтранштадт. Хотя герцог был прославленным полководцем, он все же не был монархом, и в Альтранштадте его встречал не Карл, а его старший советник и фактический премьер-министр, граф Пипер. Когда англичанин прибыл, Пипер, сославшись на занятость, заставил Мальборо дожидаться в карете полчаса, прежде чем соизволил спуститься с крыльца, чтобы наконец принять посла королевы Анны. Но в этой игре Мальборо ему не уступил. Увидев, что швед направляется к нему, Мальборо вышел из кареты, надел шляпу и прошел мимо Пипера, словно не замечая его. Отойдя на несколько футов и повернувшись к графу спиной, герцог невозмутимо стал мочиться на стену, и теперь ждать пришлось Пиперу. Затем герцог привел в порядок свой туалет и приветствовал Пипера со всей подобающей учтивостью. Теперь они были квиты и вместе вошли в замок, где в течение часа вели беседу.

На следующее утро, чуть позднее десяти часов, герцога пригласили к королю. Так встретились два крупнейших военачальника того времени. Пятидесятилетний розовощекий герцог был в парадном облачении — на великолепном алом мундире выделялась голубая лента и звезда ордена Подвязки. Перед ним стоял двадцатипятилетний король, лицо

его обветрилось и загорело, одет он был в свой неизменный синий мундир и высокие ботфорты, на боку висела его любимая длинная шпага. Беседа продолжалась около двух часов, «пока не протру-

202

би ли полдень и короля призвали к вечерней молитве» Мальборо говорил по-английски — этот язык Карл понимал, но говорить на нем не мог, и Робинсон, тридцать лет прослуживший английским посланником в Швеции, переводил, когда в этом возникала нужда. Мальборо представил королю письмо от королевы Анны, написанное, по ее собственному выражению, «от чистого сердца». Мальборо постарался как мог усилить благожелательную тональность послания: «Когда бы королеву не удерживал обычай ее пола, она не остановилась бы перед тем, чтобы пересечь море, дабы узреть государя, коим восхищается целый свет. Мне в этом повезло несравненно более, нежели королеве, и я мечтал бы послужить в какой-нибудь кампании под началом столь великого полководца, чтобы пополнить свои познания в

военном искусстве». Но эта лесть не вскружила головы Карлу, который впоследствии заметил, что для солдата герцог чересчур разряжен, а речь его слишком цветиста. За время своего двухдневного визита в шведский лагерь Мальборо не сделал никаких официальных предложений. Он лишь старался уяснить намерения короля и настроение армии. Зная о том, что Карл неравнодушен к судьбе германских протестантов, герцог демонстрировал всяческое понимание и сочувствие со стороны Англии в этом вопросе. При этом он, однако, от имени Англии убеждал Карла, что нельзя оказывать чрезмерн>-го давления на католического императора, пока не завершится война с более опасным противником, тоже католиком, — королем Франции Людовиком XIV. Мальборо осторожно разведал состояние шведской армии и отметил, что орудий у шведов совсем немного, а полевая медицинская служба, которая в английской армии стала нормой, просто отсутствует. Из разговоров он понял, что вопрос о русской кампании решен: по мнению шведских офицеров, им предстояла тяжелая работа года на два, не меньше. Мальборо оставил Альтранштадт со спокойным сердцем, довольный результатами своей мис-

203

сии: «Я думаю, после этого визита мы можем считать.

что все надежды, которые французский двор возлагал на короля Швеции, напрасны» .

В 1707 году, на пороге своей величайшей авантюры, король-триумфатор был уже не тем восемнадцатилетним юношей, который семь лет назад вышел в море навстречу своему противнику. Телосложением Карл по-прежнему походил на юношу — пяти футов девяти дюймов ростом, узкий в бедрах, но широкий в плечах. Однако годы наложили заметный отпечаток на его лицо. Узкое, продолговатое, с оспинами лицо короля было теперь всегда темное от загара, и на нем выделялись тонкие, светлые морщинки от привычки щуриться на солнце. Его синие глаза смотрели спокойно и насмешливо; на полных губах играла всепонимающая улыбка человека, повидавшего мир. Карл не носил ни бороды, ни усов, ни парика; он зачесывал вверх свои рыжеватые волосы, прикрывая уже заметную лысину.

Карл так же мало заботился о своем платье, как и о своей персоне; простой синий кафтан с медными пуговицами и высоким воротником, под ним желтый камзол, желтые брюки, высокие кавалерийские ботфорты из грубой кожи на высоких каблуках с поднятыми отворотами, доходившими ему до середины бедра. Шею он повязывал платком из черной тафты, на руках были грубые перчатки из оленьей кожи с широкими раструбами, и на боку висела непомерно тяжелая, длинная шведская шпага. Треуголку король надевал нечасто: летом его волосы выгорали на солнце, осенью и зимой голова была открыта снегу и дождю. В холодную погоду Карл накидывал на плечи обычный кавалерийский плащ. Даже в разгар битвы он не облачался в кирасу, чтобы защитить грудь и спину от пули, пики или сабельного удара. На войне Карл порой по несколько дней не снимал этого платья и в нем же спал — когда на походном матраце, когда на копне

204

соломы, а когда и на голых досках. Стянув сапоги, положив сбоку шпагу, чтобы ее можно было без труда найти в темноте, завернувшись в плащ, он устраивался на ночь и перед тем как отойти ко сну немного читал из Библии в кожаном, с золотым тиснением переплете, которую

повсюду возил с собой, пока она не была утеряна под Полтавой. Спал он не более пяти-шести часов.

Стол короля тоже был прост — на завтрак ему подавали хлеб и, при возможности, масло, которое он намазывал на хлеб большим пальцем. На обед он ел жирное мясо, сырые овощи и хлеб, запивая все водой. Ел он всегда руками и молча. На обед у него редко уходило больше пятнадцати минут, а во время долгих переходов он ел, не слезая с седла.

Даже когда армия останавливалась на отдых, Карл не прекращал напряженных физических упражнений. Во дворе Альтранштадтского замка короля всегда ждал оседланный конь; почувствовав потребность размяться, король вскакивал в седло и мчался во весь опор, предпочитая дождливую и ветреную погоду. В помещении он не находил себе места и беспрестанно шагал из угла в угол. Стиль его писем был незатейлив, да и сами письма сплошь покрыты чернильными пятнами и следами подчисток. Свои послания Карл чаще диктовал, расхаживая по комнате и заложив руки в перчатках за спину. За перо он брался лишь затем, чтобы поставить неразборчивый росчерк — «Карл».

При всей своей непоседливости, король умел терпеливо выслушать собеседника. Во время беседы Карл сидел, опершись ладонью на рукоять шпаги, и слегка улыбался. Если кто-то обращался к королю, когда тот был в седле, он снимал шляпу и держал ее под мышкой до конца разговора. С подчиненными (а всю жизнь, за крайне редкими исключениями, Карлу приходилось общаться только с подчиненными) он держался ровно, приветливо и дружелюбно, но избегал фамильярности, сохраняя дистанцию между подданным и государем.

Он

205

почти никогда не выходил из себя и, как бы ни был занят, никогда не оставлял без внимания прошения своих офицеров. Ему нравилось, когда вокруг него царили бодрость и оживление, — тогда он садился поудобнее, наблюдал и слушал со спокойной улыбкой. В подданных Карл ценил прямоту, энергию и оптимизм и позволял тем, кто был с ним не согласен, свободно отстаивать свое мнение.

Превратности судьбы лишь подхлестывали короля. Опасность раскрывала негибкую твердость — порой жестокость его натуры. Когда приближалась битва, он всегда выступал вперед, и от всей его фигуры веяло решимостью и силой. Наступал момент, когда прекращались споры и приказы короля исполнялись беспрекословно. Он вел за собой не только властью, дарованной ему королевским саном, но и личным примером. Офицеры и солдаты видели его самообладание, бесстрашие, готовность не просто разделить с ними тяготы, но и взять на себя большую их часть. Карла почитали не только как государя, им восхищались как человеком и солдатом. Он мог не сомневаться в том, что любой его приказ будет выполнен. Мановением шпаги он двигал войска в атаку. Сказано — сделано: никто в его окружении не мыслил иначе. Победы следовали одна за другой, и вместе с ними крепло взаимное доверие между воинами и военачальником, росла уверенность в победе. Это помогало Карлу поддерживать в армии высочайшую дисциплину, он не нуждался в показной строгости и мог быть уверен в том, что непринужденность и веселье не нарушат дистанцию между ним и его людьми.

В прямолинейной целеустремленности Карла заключалась и его сила, и его слабость. Он всегда шел прямо к своей цели, отбросив все иные соображения. Была ли то охота на зайцев, или шахматная атака, или намерение свергнуть с престола враждебного монарха, он сосредоточивался на одной единственной задаче и ничто не

206

могло остановить его, пока он не добивался своего. Подобно другому монарху-полководцу своего времени, Вильгельму III, Карл верил в то, что Господь избрал его своим орудием, дабы покарать тех, кто развязывает несправедливые войны. Повседневная жизнь короля, как и всей шведской армии, не мыслилась без молитвы. Когда армия стояла лагерем, солдат созывали на богослужение дважды в день. Даже в походе по сигналу горнистов в семь утра и четыре часа пополудни армия останавливалась, и каждый солдат, обнажив голову, становился на колени прямо посреди дороги и читал молитву.

Вера сделала Карла фаталистом. Он бестрепетно соглашался с тем, что судьба будет милостива к нему лишь до тех пор, пока он нужен для исполнения Божьего промысла. Хотя

Карл из-за своей неугомонности нередко попадал в переделки, он упрямо лез в гущу боя, презирая опасность и смерть. «Меня не поразит ни одна пуля, кроме той, что предназначена мне свыше, но когда настанет ее черед, никакая осторожность мне не поможет», — говорил он. Мысль о смерти не пугала Карла, и он безбоязненно брал на себя ответственность за смерть других, посылая свою пехоту навстречу вражескому огню, но двигало им отнюдь не презрение к смерти, а воля к победе. В душе Карл сокрушался о гибели своих воинов. Как-то раз он сказал Пиперу, что, чем продолжать эту непрекращающуюся кровавую резню на бранном поле, было бы неплохо вызвать Петра на поединок. Но Пипер отговорил его. Даже в тот относительно спокойный год в Саксонии, когда шведские солдаты отъедались на зимних квартирах, Карл продолжал вести суровую походную жизнь. В Альтранштадтском замке он жил так же, как в бивуаке накануне сражения. Он отказал сестрам в просьбе навес- тить его в Германии и остался глух к мольбам бабушки, которая слезно просила его хоть ненадолго заехать в Швецию, так как счел, что это было бы дурным примером для армии.

207

Карл оставался целомудренным, решив, что пока война не кончится, у него не будет любовных связей, «Пока идет война — я обручен с армией», — говорил он⁷. Карл считал аскетизм и самоограничение необходимыми качествами полководца, хотя это послужило поводом для предположения о его гомосексуальных наклонностях. Всю жизнь Карл очень мало общался с женщинами. В шесть лет он был оторван от матери и воспитывался в мужском окружении. Подростком он был не прочь поглазеть на красивых девушек и даже флиртовал с женой придворного концертмейстера, но не знал, что такое настоящая страсть. Семнадцать лет он провел на войне и все эти годы постоянно писал сестрам и бабушке, но так и не удосужился повидаться с ними. Когда наконец Карл вернулся в Швецию, и бабушка, и старшая сестра были уже в могиле. Вообще же с дамами король был учтив, но холоден. Он не только не искал женского общества, но, по мере возможности, старался его избегать — казалось, женщины его смущают.

Каким Карл был сам, такой он хотел видеть и шведскую армию. Он задумал создать элитарный корпус из молодых неженатых воинов: королю хотелось, чтобы они думали не о доме, а о службе, и сберегали силы для боя, а не растрачивали их, волочась за женщинами. Ему казалось, что женатый и обремененный детьми солдат не очень-то годится для того, чтобы под смертоносным огнем бесстрашно идти на стену вражеских штыков. Отец Карла воздерживался от плотских удовольствий, когда Швеция воевала, а Карл восхищался отцом и стремился во всем ему подражать.

Шли годы, и отсутствие у Карла интереса к женщинам становилось все заметнее. Немало младенцев было зачато от шведов за то время, пока шведская армия квартировала в Саксонии, но никто из приближенных не судачил насчет двадцатипятилетнего короля. Впоследствии Карлу пришлось провести пять лет у турок на поло-

208

жнии то ли гостя, то ли пленника, но и там никто не слышал, чтобы женщины скрашивали долгие вечера, которые король коротал за пьесами Мольера и концертами камерной музыки. Он так долго отказывал себе в женщинах и любви, что, вероятно, в конце концов, все это попросту перестало его интересовать.

Но если король не интересовался женщинами, то может быть, он проявлял интерес к мужчинам? Тому нет никаких свидетельств. В первые годы войны Карл проводил ночи в одиночестве, впоследствии при нем ночевал дежурный паж; точно такой же порядок был введен и у Петра, и царь порой засыпал, положив голову на грудь спальнику, но это не дает основания считать Петра или Карла гомосексуалистами.

Можно сказать, что в душе Карла было место лишь для одной пламенной страсти, и ее огонь выжег дотла все остальное: он был воином. Тому, кто посвятил себя Швеции и армии, необходима твердость, а женщины размягчают и отвлекают. У Карла не было сексуального опыта; быть может, он смутно ощущал, какую власть имеет над человеком любовь, и сознательно сдерживал себя. В этом отношении он был человек не вполне обычный. Но мы уже знаем, что король Швеции во многом не походил на других.

Первое, что сделал Петр, узнав о низложении Августа и избрании Станислава, — приказал короновать своего придворного шута королем Швеции; однако царь прекрасно понимал, что

события в Польше чреватые смертельной опасностью для России. За прошедшие годы Петр уразумел, что имеет дело с фанатиком, который настроен скинуть Августа с трона, и его вторжение в Россию откладывается лишь до тех пор, пока он добивается этой цели. Поэтому Петр и был заинтересован в том, чтобы Август как можно дольше оставался у власти. Стремясь продлить пребывание саксонского курфюрста

209

на польском троне, он щедро тратил русские деньги и жертвовал русскими солдатами. Пока война шла в Польше, она не велась в России.

Когда же Август был принужден отречься, Петр стал искать ему замену. На польском троне он хотел видеть не марионетку, а сильного, самостоятельного государя, который сумел бы и править страной, и командовать войсками на поле боя. Поначалу его выбор пал на принца Евгения Савойского - одного из величайших полководцев того времени, который был в зените славы. Евгений отвечал, что благодарен царю за оказанную честь, но ответ будет зависеть от воли его государя ~ императора Иосифа; императору же Евгений написал, что, как верный вассал, прослуживший своему государю двадцать лет, он и ныне целиком полагается на его решение. Императора терзали сомнения: он сознавал все преимущества того, чтобы на польском троне оказался его преданный, энергичный слуга, но побаивался задевать Карла, а провозглашение Евгения королем неминуемо привело бы к войне со Станиславом, на стороне которого выступил бы шведский король. Поэтому он отложил принятие окончательного решения и написал Петру, что, поскольку принцу Евгению предстоит новая кампания, необходимо подождать до следующей зимы.

Но Петр ждать не мог. Коль скоро армия Карла готовилась выступить из Саксонии, ему был необходим, причем немедленно, дружественный к России польский король. Он обратился к Якубу Собескому, сыну бывшего польского короля Яна, но тот отказался, сочтя эту честь чересчур опасной. Петр начал переговоры с Ференцем Ракоци, венгерским патриотом, поднявшим восстание венгров против имперского владычества, и тот согласился принять корону, если она будет официально предложена ему польским сеймом. Дальнейших шагов не последовало: Карл выступил из Саксонии и двинулся к границам России.

210

С отречением Августа Петр лишился и второго союзника. Из первоначального тройственного альянса Саксонии, Дании и России осталась только Россия. Теперь «сия война над одними нами осталась», — говорил он⁸. Оказавшись со шведами один на один, Петр прилагал усилия к тому, чтобы склонить Карла к мирному соглашению или, если не получится, найти новых союзников, которые помогли бы ему избежать разгрома, представлявшегося всей Европе неминуемым.

В то время война расколола Европу на две коалиции, в каждой из которых Петр, пытаясь найти посредника или союзника. В 1706 году Андрей Матвеев предложил предоставить Генеральным штатам 30000 лучших русских солдат для ведения войны с Францией, если великие морские державы убедят Карла согласиться на мир с Россией. Ответа от Голландии не последовало, и Петр обратился с просьбой о помощи и посредничестве к нейтральным державам — Пруссии и Дании. Но и эти попытки не увенчались успехом. Тогда в марте 1707 года Петр попросил выступить посредником между ним и Швецией Людовика XIV, обещая ему в случае успеха прислать русские войска для ведения войны против Англии, Голландии и Австрии. Петр предлагал безоговорочно вернуть шведам Дерпт и выплатить большую контрибуцию за право оставить за собой Нарву. Он настаивал лишь на том, чтобы сохранить Петербург и устье Невы. Людовик обещал содействие.

Обращался Петр и к Англии. Еще в 1705 году, когда в Москву прибыл Чарльз Уитворт, новый дипломатический представитель королевы Анны, Петр надеялся, что тот сможет убедить свою государыню посодействовать разрешению конфликта на Балтике. Уитворт был не прочь оказать Петру услугу и ходатайствовал в Лондон о дипломатическом вмешательстве в пользу царя, но безуспешно. В конце 1706 года Петр велел Матвееву из

211

Гааги отправляться в Англию и просить королеву, чтобы та пригрозила Швеции войной, если Карл не заключит мира с Россией. Условия мира царь оставлял на усмотрение королевы и желал сохранить за Россией только ее «исконные вотчины», то есть Ижорскую землю и, разу-

меется, Неву на всем ее протяжении. Если бы официальные переговоры ни к чему не привели, Матвеев должен был попытаться негласно склонить на свою сторону самых влиятельных британских министров — Мальборо и Сиднея Годольфина. Петр не особо обольщался на этот счет и говорил: «Не чаю, чтоб Малбурка [Мальборо] до чего склонил, понеже чрез меру богат, однако ж обещать тысяч около двух сот или больше».

Перед тем как отправиться из Голландии в Англию, Матвеев встретился с Мальборо в Гааге. Вот что писал герцог об этой беседе Годольфину в Лондон:

Московский посол побывал у меня и от имени своего государя рассыпался в уверениях в глубочайшем почтении к Ее Величеству... в знак чего он решил отправить в Англию своего единственного сына [на обучение]. ...Я надеюсь, что Ее Величество позволит это, ибо очевидно, что иные его пожелания по части переговоров Вы вряд ли сможете удовлетворить¹⁰. Таким образом, с самого начала у миссии Матвеева было немного шансов на успех, поскольку мнение Мальборо имело большой вес. Но сущность дипломатии в том и состоит, чтобы каждому дать сыграть отведенную ему роль, и поэтому Мальборо не только не отговорил Матвеева от поездки в Лондон, но даже предоставил ему для переправы через Ла-Манш свою личную яхту «Перегрин».

Матвеев прибыл в британскую столицу в мае 1707 года и был принят дружелюбно, но довольно скоро понял, что на быстрый результат надеяться не приходится. Он писал Головкину, преемнику Головина на посту канцлера, высказывая опасение, что дело может затя-

212

нуться, поскольку власть здесь не самодержавная и король не может ничего решить без согласия парламента. Наконец королева Анна приняла русского посла. Она дала ему понять, что Англия готова вступить в союз с Россией, но прежде должна заручиться одобрением своих нынешних союзников — Голландии и империи Габсбургов. Затем снова начались проволочки, но надеждам Матвеева не давал угаснуть Мальборо, который писал ему из Голландии, что употребляет все свое влияние, дабы убедить Генеральные штаты согласиться принять

Россию в союз.

Но времени для политических игр уже не оставалось — в августе Карл выступил из Саксонии в поход на Россию, которого давно и со страхом ждали. Матвеев начал терять терпение. «Здесьнее министерство, — писал он царю, — в тонкостях и пронырствах subtilнее [изощреннее] самих французов, от слов гладких и бесплодных происходит одна трата времени для нас»¹¹. В ноябре в Лондон приехал Мальборо. На другой день вечером Матвеев встретился с ним и попросил его, как честного человека, сказать прямо, без сладких обещаний, может ли царь надеяться на Англию или нет. Но Мальборо от определенного ответа снова уклонился.

Подходы к Мальборо пытались найти и через царского дипломатического агента в Европе — Гейсена. Если верить Гюйссену, герцог обмолвился, что готов содействовать России в получении помощи от Англии, но просит за это пожизненную денежную ренту и земельные владения в России. Когда Головкин сообщил об этом Петру, тот заявил: «Ответствовать Геезену, и на его вопрошание, что дук Малбурк [герцог Мальборо] желает княжества из русских: на что отписать к Геезену, и если так и вышереченный дук к тому склонен, то обещать ему из трех, которые похочет — Киевское, Владимирское или Сибирское, и притом склонять его, чтоб оный помогал у королевны о добром миру с шведом, обещать ему, ежели он то учинит, то с одного княжества

213

но все годы жизни его непременно дано оудет по 50000 ефимков битых, тако ж камень-рубин, какого или нет,

или зело мало такого величества в Европе, тако ж и

у) орден Св. Андрея прислан будет».

Но ни у Матвеева, ни у Гюйсена дело дальше не пошло. В феврале 1708 года, когда Карл, устремляясь к Москве, уже перешел Вислу, Матвеев в последний раз обратился к Англии с просьбой о союзе. Просьба осталась без ответа. В апреле Петр написал Головкину: «Об Андрее Матвееве, как уже давно говорено, то ему время отъехать, ибо все [что творится в Лондоне] рассказы и

стыд»

Карл наотрез отказывался вести с Россией какие бы то ни было переговоры о мире. Он отверг предложение Франции о посредничестве, заявив, что не верит царю: о каких мирных переговорах могла идти речь, если Петр пожаловал Меншикову титул герцога Ижорского и, следовательно, не намеревался возвращать эту провинцию. Петр предложил Швеции компенсацию за право удержать небольшой отвоеванный участок балтийского побережья, но Карл ответил, что не продаст своих подданных за русские деньги. Когда Петр предложил вернуть всю Ливонию, Эстонию и Ингрию, за исключением Невы от Шлиссельбурга (Нотебурга) до Петербурга, Карл с негодованием отвечал, что скорее пожертвует последним шведским солдатом, чем уступит Нотебург.

В период, предшествовавший вторжению, когда Петр выдвигал мирные предложения, а Карл их отвергал, стало очевидным одно существенное различие между ними: Петр был готов пожертвовать всем ради сохранения выхода к морю, а Карл не желал поступиться ничем, не сразившись сперва с русской армией. Таким образом, война продолжалась за обладание Петербургом, представлявшим собой не что иное, как кучку бревенчатых домишек с земляной крепостью и простенькой верфью.

214

По существу, Карл не видел смысла в переговорах. Он находился на гребне успеха, и вся Европа искала его расположения. Он имел великолепную, обученную, привыкшую побеждать и готовую сражаться армию и выработал превосходную стратегию, которая доселе с успехом себя оправдывала. С какой стати ему уступать неприятелю шведскую землю? Эти провинции принадлежали Швеции на законных основаниях — по нерушимому договору его деда, Карла X, с царем Алексеем; сейчас они оказались вероломно захваченными за спиной короля, и отказаться от них было бы для Карла бесчестием и унижением. Да и сам характер кампании обещал быть таким, о каком Карл мог только мечтать. Вес эти годы в Польше он не был свободен от хитросплетений европейской политики — теперь же все решал удар меча. И пусть велик риск вести армию на тысячу миль вглубь России, но велика будет и награда — в стенах покоренного Кремля шведский король продиктует условия мира, который переживет века. А возможно, риск не так уж велик. В Швеции, как и вообще в Западной Европе, по-прежнему были невысокого мнения о русских воинах. Поражение под Нарвой не было забыто, и, несмотря на последующие победы Петра на Балтике, русскую армию продолжали считать неуправляемой толпой, неспособной противостоять обученным европейским войскам.

Наконец, нельзя не учитывать и присущий Карлу мессианизм — непоколебимую уверенность в собственном предназначении. Он был убежден в том, что Петр должен быть наказан точно так же, как был наказан Август: надлежит лишить его трона. Станислав, ж^алая облегчить тяготы польского народа, убеждал Карла заключить мир, но тот отвечал: «Царь еще не настолько принижен, чтобы принять условия, которые я ему продиктую». Несколько позднее он вновь отказал Станиславу под тем предлогом, что «Польша никогда не обретет покоя, покуда ее соседом будет этот бесчестный царь,

215

способный начать войну без малейшего на то повода. Прежде мне придется пойти и низложить его». Карл был настроен восстановить старые московские порядки, отменить все реформы и главное — распустить новую петровскую армию. «Надлежит сломить и уничтожить мощь Московии, непомерно возросшую с введением иноземного военного строя», — заявил король. Карл рассчитывал на успех и, отправляясь в поход на Москву, шутливо говорил Станиславу: «Я надеюсь, что принц Соболевский останется нам верен. Не правда ли, Ваше Величество, из него выйдет превосходный московский царь?»

14

С самого начала Карл предвидел, что русская кампания будет не из легких. Предстояло пересекать безбрежные равнины, продираться сквозь протянувшиеся на многие мили дремучие леса, переправляться через полноводные реки. Природа как будто сама позаботилась о том, чтобы защитить Москву — сердце России. По пути на восток нужно было преодолеть несколько могучих речных преград — Вислу, Неман, Днепр, Березину. Карл и его советники разрабатывали маршрут, пользуясь картами Польши и доставшейся в подарок от

Августа новейшей картой России. Окончательный маршрут держался в такой глубокой тайне, что даже ответственный за картографическое обеспечение генерал-квартирмейстер Гилленкронк не был уверен, какой из вариантов выбран.

Большинство офицеров шведского штаба в Саксонии считали наиболее вероятным, что король двинется на Балтику — освобождать шведские провинции от русских захватчиков. Этот поход позволил бы отплатить русским за нанесенное оскорбление, прибрать к рукам их новый строящийся порт, а их самих отогнать подальше от моря. Для царя, известного своим пристрастием к соленой воде и Санкт-Петербургу, это было бы тяжелым

216

ударом. В военном отношении массированное наступление на балтийское побережье давало то преимущество, что армия Карла могла продвигаться левым флангом вдоль берега моря и беспрепятственно получать припасы и подкрепления из Швеции. Кроме того, это позволяло бы существенно пополнить армию за счет сил, дислоцированных в тех краях — 12-тысячного корпуса Левенгаупта в Риге и 14-тысячного корпуса Любеккера, угрожавшего Петербургу со стороны Финляндии. Правда, этот план имел и слабые стороны. За семь лет войны шведским провинциям изрядно досталось. Хутора были выжжены, поля поросли бурьяном, города почти обезлюдели из-за войны и повальных болезней. Если эти истощенные земли снова стали бы ареной сражений, им грозило окончательное опустошение. Но не сострадание определило решение Карла. Просто он понимал, что даже если все побережье будет возвращено Швеции, а над Петропавловской крепостью взвьется шведское знамя, эта победа не станет окончательной, пока в Московии правит Петр. Русские войска будут отброшены, не лишь на время. Рано или поздно неугомонный царь непременно вернется к морю.

Балтийскому походу король предпочел более дерзкий план — удар по сердцу России, Москве. Карл рассудил, что только заняв Кремль, он гарантирует Швеции надежный мир.

Разумеется, Карл не мог допустить, чтобы русские прознали о его плане. Необходимо было убедить их, что шведы выступят к Балтике. С этой целью были запланированы отвлекающие маневры. Как только король двинется на восток через Польшу, и русские войска станут оттягиваться с Балтики в Польшу и Литву, финская армия Любеккера направится по Карельскому перешейку к Шлиссельбургу, Неве и Петербургу. Удар основных шведских сил неминуемо отвлечет и те русские войска, которые противостоят Левенгаупту под Ригой. И тогда под эскортом полков Левенгаупта из Риги на юг высту-

217

пит огромный обоз, который соединится с основными шведскими силами и пополнит их людьми и припасами на завершающей стадии похода на столицу России.

Тем временем во всех городах и селениях Саксонии, где были расквартированы шведские войска, полным ходом шли военные приготовления. Солдаты покидали дома и казармы, где почти год наслаждались льготным житьем, и собирались в эскадроны и взводы. Ряды армии пополнились тысячами новых рекрутов, зачастую из числа немецких протестантов. Протестанты Силезии, в стремлении послужить монарху, который поддержал их дело против католиков, стекались на вербовочные пункты в таких количествах, что шведским сержантам оставалось лишь отбирать самых лучших.

Шведская армия, которая во время вторжения в Саксонию насчитывала 19 000 человек, пополнилась волонтерами и выросла до 32 000. К тому же в шведской Померании обучалось 9 000 свежих рекрутов из Швеции, которые должны были присоединиться к главной армии, как только она вступит в Польшу. Тогда общая численность сил Карла достигла бы 41 700 человек, включая 17 200 человек пехоты, 8 500 кавалерии и 16 000 драгун. Среди драгун числилось много новобранцев из Германии, хотя далеко не все они были новичками в военном деле. По сути они (как и вообще любые драгуны) представляли собой посаженную на коней пехоту, готовую, в зависимости от обстоятельств, сражаться как в конном, так и пешем строю. Кроме того, при армии состояли хирурги, капелланы, офицерская прислуга и всякого рода гражданские чиновники. За армией тянулось множество никем не считанных повозок, нанимаемых у местного населения для подвоза военных припасов и продовольствия на определенное расстояние.

С учетом 26 000 солдат Левенгаупта и Любеккера, ожидавших своей очереди в Ливонии и Финляндии,

общая численность войск, готовых обрушиться на Россию, достигала почти 70 000 человек. Вся эта сила представляла собой слаженный и притертый грозный боевой механизм. В соответствии со шведскими боевыми уставами, иностранных рекрутов учили различать сигналы шведских барабанов и владеть оружием шведского образца. Было проведено перевооружение армии. На смену тяжелому клинку, доставшемуся Карлу в наследство от отцовского царствования, пришла более легкая и удобная «шпага Карла XII». Большая часть батальонов и прежде была вооружена современными кремневыми мушкетами, а теперь и шведская кавалерия получила пистолеты с кремневыми замками. Для предстоящей кампании были заготовлены большие запасы пороха, но, в соответствии с традицией шведской армии, особое внимание уделялось подготовке к ведению боя холодным оружием.

Саксонским портным прибавилось работы — надо было одеть этих самодовольных, отъезжавших солдат в новые мундиры. Когда армия вступала в Саксонию, ветераны Карла в изношенных, оборванных мундирах напоминали цыган. Теперь они облачились в новые сине-желтые мундиры, получили темно-синие или серые плащи и новые сапоги. В некоторых кавалерийских полках на смену матерчатым штанам пришли лосины, больше подходившие для того, чтобы проводить долгие дни в седле. Из Швеции были доставлены новые Библии и молитвенники, накапливались медикаменты. Обильные запасы продовольствия распределялись по полковым подводам. Шведским солдатам полагался плотный рацион; почти два фунта хлеба и два фунта мяса на день, а к ним еще две с половиной кварты слабого пива, горох или каша, соль, масло и еженедельная порция табаку.

К середине августа все было готово. Карл распорядился очистить лагерь от всех прибывших к нему женщин и собрал армию на общую молитву. В четыре часа утра 27 августа 1707 года король Швеции Карл XII

выехал из Альтранштадта навстречу своей величайшей авантюре. За ним могучим потоком следовали brave воины, резвые скакуны — огромная, сильная армия, какую никогда еще, за всю историю Швеции, не доводилось возглавлять шведскому королю. Нескончаемые колонны сине-желтых мундиров, тянувшиеся по пыльным дорогам Саксонии в те дни на исходе августа, представляли собой незабываемое зрелище. «Каждый, кто видел этих храбрых, крепких, прекрасно обученных и экипированных ребят, думал, что они непобедимы», — с восхищением вспоминал какой-то швед. «Словами не опишешь, до чего великолепно смотрелись эти шведы — здоровенные, откормленные, крепкие парни в сине-желтых мундирах, — вторил ему саксонец. — Во всей Германии не сыщешь таких молодцов. То-то печалились женщины Лейпцига! И не только горько рыдали при расставании, но даже лишались чувств... то же творилось и в других городах, повсюду... ибо трудно поверить, какие вольности позволяли себе шведы в подобных делах. Едва ли не все избалованы вниманием. Если им и доведется вернуться к родным очагам, я не завидую их женам; молодой девице, будь она моим злейшим врагом, я бы не пожелал выйти замуж за одного из этих офицеров, будь он даже полковник»¹⁵.

Первый этап марша, проходивший через земли протестантской Силезии, более напоминал триумфальное шествие, чем начало нелегкой кампании. Здешние жители почитали Карла своим благодетелем, ведь благодаря ему были вновь открыты их кирхи. Множество народу стекалось к армейским бивуакам на ежедневные богослужения под открытым небом, мечтая хоть краешком глаза увидеть своего героя. На зрителей оказывал глубокое воздействие вид Карла, стоявшего на коленях среди своих солдат, и немало юношей, никогда раньше не бравших в руки оружия, мечтали последовать за армией, будто та отправлялась в крестовый поход. Карл не без удовольствия принимал всеобщее поклонение и даже

велел своим капелланам исполнять лишь гимны, переведенные с немецкого, чтобы местные жители, услышав знакомую мелодию, могли присоединиться к молитве.

Предстоящая кампания должна была стать главным испытанием созданной королем военной машины. С самого начала было ясно, что задуман грандиозный поход. Чтобы провести армию из центра Германии более чем на тысячу миль на восток, к Москве, требовалась отвага, равная отваге Ганнибала или Александра Македонского. За три года до этого, когда состоялся знаме-

нитый поход Мальборо, завершившийся битвой при Гох-штедте (Бленхейме), англичане преодолели 250 миль от Нидерландов до Баварии. Но солдаты Мальборо двигались по густонаселенной местности, держась вблизи Рейна, по которому плыли суда с припасами. При необходимости полки могли погрузиться на эти суда, спуститься вниз по течению и вернуться на исходные позиции. Карлу предстоял вчетверо более долгий путь, пролежавший через долины, болота, леса и реки, где дорог было мало, да и людей немного. И случись неудача, отступить пришлось бы тем же путем.

Тем не менее, Карл был уверен в себе и на сердце у него было легко. Пока колонны шведской пехоты и кавалерии в сопровождении артиллерии и подвод тянулись по дорогам Саксонии, Карл с эскортом из семи офицеров инкогнито завернул в Дрезден, чтобы провести вечер в обществе своего бывшего неприятеля, курфюрста Августа. Он нагрянул так неожиданно, что застал курфюрста в халате. Монархи обнялись, Август накинул кафтан, и они вдвоем отправились на верховую прогулку по берегам Эльбы. Ничто не омрачало встречу двоюродных братьев, и Карл уже не испытывал неприязни к Августу, который шесть лет назад напал на него и которого он так упорно стремился свергнуть с трона, не один год гоняясь за ним по польским равнинам. Теперь, когда Август был наказан, Карл относился к нему безо всякого предубеждения. Король осмотрел зна-

221

менитые коллекции Зеленого Свода, девятью годами раньше вызывавшими восхищение Петра, и нанес визит своей тетушке, сестре матери, — вдовствующей курфюрстине Саксонии. Это была последняя встреча Карла с тетушкой и кузеном*.

В Дрездене царила безоблачная атмосфера, но приближенные Карла тревожились за государя, отправившегося в столицу бывшего врага под охраной всего семи человек. Карл, вернувшись, посмеялся над их страхами и сказал: «Мне ничто не угрожало. Моя армия была на марше»¹⁶.

* На протяжении всех тридцати шести лет жизни Карла **XII** Август II оставался единственным монархом, с которым он был знаком лично.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ ВЕЛИКИЙ ПОХОД НА МОСКВУ

То, что Карл вознамерился покинуть пределы Польши и вторгнуться в Россию, не было для Петра большой неожиданностью. Карл расправился с Данией и Польшей — теперь настал черед России. Еще в январе 1707 года царь издал приказ о создании заградительной зоны опустошения, с тем чтобы армия неприятеля не могла пополнять в дороге припасы. Для начала посланные Петром казаки и калмыки принялись опустошать Западную Польшу, которой предстояло первой встретить шведскую армию. Горели польские местечки, разрушались мосты. Равич, где в 1705 году находился штаб Карла, был стерт с лица земли, а колодцы завалены телами защитников-поляков.

Укрываясь за выжженной пустыней, Петр неустанно заботился об усилении своей армии. Царские агенты рыскали в поисках новобранцев. Рекрутов было не так-то просто сыскать, и тут Петру помогали прибыльщики. Так, брянский дворянин Безобразов донес, что в их округе в последнее время умножилось число молодых подьячих и церковных служителей, из которых вполне могут получиться драгуны. Петр в ответ послал указ: «Разобрать и годных в службу написать*». Петр сумел обратить себе на пользу и проявленную шведами жестокость. Шведы отрубили по два пальца на правой руке

223

сорока шести пленным русским солдатам и отослали их обратно в Россию. Петр был возмущен тем, что содеяли шведы, которые и его самого и его народ почитали за варваров и отказывались признавать христианами. По словам Уитворта, чтобы обратить зверство шведов против них самих, «царь разослал этих [увечных] солдат по полкам, дабы они служили живым примером для своих товарищей и те знали, чего им следует ожидать, если они попадут в руки безжалостного неприятеля»¹.

Готовясь к самому худшему, царь приказал возвести укрепления и в самой Москве. В середине июня в столицу был прислан военный инженер Василий Корчмин с приказом укрепить Кремль и другие защитные сооружения. Несмотря на предпринятые усилия, в городе со страхом ожидали приближения шведов. «Здесь все говорят только о войне и о смерти, — писал австрийский представитель в Москве Плейер. — Многие купцы, собираясь будто бы в Архангельск на ярмарку, куда всегда ездили одни, берут с собой жен и детей. Богатые ино-

земные торговцы, захватив семьи и имущество, спешно отправляются в Гамбург, тогда как механики и мастеровые идут в услужение к русским. Иностранцы в Москве и пригородах ищут защиты у своих послов, опасаясь не столько насилия со стороны шведов, сколько всеобщего бунта и резни, поскольку¹ на Москве все озлоблены непомерными налогами².

В начале лета 1707 года — в то время как в Москве укрепляли Кремль, а Карл готовился выступить из Саксонии — Петр находился в Варшаве. В Польше он провел два месяца, и не по своей воле — почти все время пролежал в лихорадке. К концу августа он получил донесение, что шведский король наконец двинулся на восток. Вскоре после этого царь покинул Варшаву и, не торопясь, пустился в путь по Литве и Польше, часто останавливаясь по дороге, осматривая местные укрепления, беседуя с войсковыми командирами.

Военный совет с участием Петра и Меншикова одоб-

224

рил предложенный царем оборонительный план. Решено было не рисковать и не вступать в сражение на территории Польши, во всяком случае избегать крупномасштабных батальи в открытом поле. Петр по-прежнему полагал, что русская пехота не готова к бою и не желал подвергать опасности армию, потеряв которую, Россия осталась бы беззащитной. Поэтому значительные силы пехоты были выведены из Польши и сосредоточены в окрестностях Минска под началом Шереметева. Командовать русской армией в Польше было поручено Меншикову — лучшему из русских кавалерийских командиров Петра. Драгунские полки Меншикова должны были задерживать неприятеля на переправах через Вислу (Варшава), Нарев (Пултуск) и Неман (Гродно).

23 октября 1707 года Петр добрался до Петербурга и тут же принялся за дело. Он осмотрел укрепления самого города и подступов к нему — с моря у Кронштадта и с Ладоги у Шлиссельбурга. Петр дневал и ночевал в Адмиралтействе, где разработал программу строительства судов на следующий год. Царь продолжал отдавать распоряжения по подготовке приближавшейся кампании и издал несчетное количество указов, касающихся набора новобранцев, снабжения войск, обеспечения их обмундированием. При всей своей занятости, он нашел время и на то, чтобы отправить соболезнование отцу погибшего в бою князя Ивана Троекурова, и на то, чтобы написать дружеское письмо Дарье Меншиковой с шутиливой просьбой лучше присматривать за мужем: «Дай Боже, чтобы у вас так все было хорошо, как здесь. Так же откормите Данилыча, чтоб я не так его паки видел, как в Меречах»³. Петр велел перевести на русский язык латинские книги, посылаемые Апраксину, и не забыл распорядиться о дрессировке щенков своих любимых собак.

Но как бы ни занимал царь себя работой, всю осень и начало зимы его одолевала гнетущая тревога. Причин для беспокойства было предостаточно, Мало того, что

8 Петр Великий, т. 2

225

приходилось думать о шведском вторжении, в Петербурге Петра поджидали вести одна хуже другой — тут и бунт башкир и донских казаков, и резня, учиненная Булавиным на реке Айдар над отрядом Юрия Долгорукого. Эта беда грозила сократить его пребывание в Петербурге, поскольку он был необходим в Москве, а то и в донских степях, и Петр уже собрался было ехать, когда пришло известие, что казаки Булавина разбиты.

Вдобавок ко всему в эти тревожные месяцы Петр часто хворал. Лихорадка надолго приковывала его к постели, он раздражался и частенько терял самообладание. Как-то раз он разгневался на Апраксина за то, что тот не наказал воевод, приславших меньше новобранцев, чем им было предписано: «Что вы ничево не зделали тем воеводам, которые к вам не по указу довели людей, а отваливаете сие на московские приказы, которое в добро не может причтено быть но точию двум делам; или лености, или не хотите остудиться». Апраксин был уязвлен, и Петр, остыв и осознав свою неправоту, написал: «Что же скорбите о том, что я о воеводах написал, и в том, для Бога, печали не имейте, ибо я истинно не со злобы к вам, но в здешнем житье хотя что малая противность покажется, то приводит в сердце».

Может быть, именно в эти нелегкие дни Петр острее всего понял, как нуждается он в единственном человеке, который умел утешить его в минуты отчаяния. Историки предполагают, что в ноябре 1707 года сразу по возвращении в Петербург, царь тайно обвенчался с Екатериной.

Затем Петр отбыл на Рождество в Москву, решив навестить столицу, в которой не был почти два года. Там прежде всего требовалось осмотреть укрепления, которые день и ночь возводили 20 000 рабочих людей под началом Корчмина. Земля промерзла, и для того, чтобы насыпать валы, приходилось отогревать ее, разводя большие костры. В Москве Петр пробыл месяц. Он издал указ о чеканке новой серебряной монеты, а на печатном дворе осмотрел только что прибывший из Голландии

226

новый русский шрифт. Вышли указы о единой оплате для посольских служащих, о посылке молодых людей на обучение за границу, о том, чтобы священники знали грамоту, а портные на Москве шили платье и головные уборы строго по иноземному образцу. Словом, дел у царя хватало, и он не любил, когда его отвлекали по пустякам. Однажды Уитворт неосторожно обратился к царю с мелким ходатайством о нуждах английских купцов. Петр раздраженно ответил, что разберется, но многого не обещает, ибо Всевышний, взвалив на плечи царей в двадцать раз больше трудов, не позаботился дать им в двадцать раз больше способностей и сил, чем всем другим⁵.

6 января 1708 года Петр снова уехал из Москвы к армии. По дороге в Минск, узнав от Меншикова, что Карл быстро продвигается через Польшу, он поспешил дальше на запад, к Гродно. То, что шведская армия и среди зимы способна совершать стремительные маневры и вообще действует непредсказуемо, усугубило беспокойство Петра. Спустя четыре дня он написал Апраксину: «Как возможно поспешай в Вильню, и буде в Виль-ню уже приехал, далее не езд, понеже неприятель уже у нас»¹.

Шестью параллельными колоннами шведская армия пересекла границу Силезии с Польшей в районе Равича. Здесь, на польской земле, шведские солдаты впервые увидели, что их ждет впереди. Город Равич был выжжен дотла, колодцы и ручьи завалены мертвыми телами. Казаки и калмыки Меншикова сеяли смерть и опустошение перед надвигавшимися шведскими войсками. По всей Польше тянуло гарью пожарищ от хуторов и селений, выжженных кавалерией Меншикова. Русская конница избегала столкновений с неприятелем, отступая на восток, в сторону Варшавы, где за Вислой укреплялся Меншиков.

227

Выслав вперед заслон кавалерии и драгун, шведская армия неспешно двигалась прямо на Варшаву. Но затем Карл вдруг повернул на север и встал лагерем у Познани, где в течение двух месяцев ожидал прибытия подкреплений и подходящей погоды. Здесь он принял решение оставить в Польше генерал-майора Крассова с 5000 драгун и 3000 пехоты, чтобы обеспечить поддержку шаткому трону Станислава.

Осень кончалась, приближалась зима. Шведская армия пребывала в бездействии — похоже, что у короля начался длительный период апатии, и русские солдаты под Варшавой стали чувствовать себя увереннее: зима на носу, и придется шведам до весны отсиживаться в своем лагере. Но Карл думал иначе — не затем он ушел из гостеприимной Саксонии, чтобы, слегка продвинувшись на восток, зимовать в чистом поле. Он муштровал своих новобранцев и изгуждал конца осенних дождей, которые превращали дороги в трясину, намереваясь выступить, как только ударит мороз.

Но выступить не на Варшаву. Еще в самом начале кампании Карл твердо решил избегать стремительных фронтальных атак, которыми он так славился. Он не хотел, чтобы серьезное столкновение случилось так далеко от основной цели похода. Его стратегический замысел заключался в том, чтобы не мешать русским возводить укрепления за той или иной рекой, а самому затем сместиться к северу, переправиться через реку, зайти с фланга русских позиций и принудить их защитников отступить без боя.

В первый раз именно так и получилось. В конце ноября, после двухмесячных приготовлений, шведы снялись с лагеря у Познани и совершили пятидесятимильный бросок на северо-восток, выйдя к берегу Вислы, которая в этом месте делает петлю на запад. Перед ними лежала широкая река и замеченная снегом пустынная равнина. Не было видно ни конного, ни пешего. Вместо неприятеля шведам пришлось бороться с природой. Хотя

228

уже выпал глубокий снег, река еще не замерзла. Из-за плывущих по воде льдин невозможно

было навести мост, и Карлу ничего не оставалось, кроме как с нетерпением дожидаться ледостава. На Рождество ударил сильный мороз и река наконец замерзла. 28 декабря толщина льда достигала уже трех дюймов. Поливая водой солому и доски и вмораживая их в лед, шведы добились того, что переправа стала достаточно надежной и могла выдержать вес артиллерийских орудий и провиантских подвод. С 28 по 31 декабря вся армия переправилась через Вислу. «Они осуществили свой замысел, — писал капитан Джеймс Джеффрис, молодой англичанин, состоявший при шведской армии, — без малейшего урона, если не считать двух или трех подвод, которые провалились и пошли на дно»⁷ *.

Новый 1708 год шведская армия встретила уже на восточном берегу Вислы. Варшавская оборонительная линия оказалась обойденной с фланга, и Меншиков вывел войска из города и отступил за реку Нарев на новые позиции под Пултуском. Разведчики донесли Карлу, что позиции Меншикова хорошо укреплены, и

* Джеффрис был военным дипломатом, тесно связанным со Швецией. Сам он родился в Стокгольме: его отец на протяжении многих лет служил Карлу XI. Его старший брат вступил в ряды шведской армии и погиб под Нарвой, Сам Джеймс состоял секретарем при английском посланнике в Швеции. В 1707 году он записался в шведскую армию «волонтером»: с помощью такой уловки ему удалось обойти запрет Карла XII на пребывание иностранных дипломатов в действующей армии. Хотя симпатии Джеффриса были всецело на стороне шведов, его истинная задача заключалась в том, чтобы внимательно за всем наблюдать и докладывать англичанам о ходе шведского наступления на Россию. Под Полтавой Джеффрис попал в плен, был отпущен домой, но вскоре снова появился в России, на сей раз в роли английского посланника в Петербурге. Последние двадцать лет своей жизни он провел в Ирландии, в родовом замке Бларни в графстве Корк.

229

король вновь двинулся на север, чтобы повторить свой обходной маневр.

Однако во второй раз это оказалось не так просто. Путь на север пролегал через Мазурское Поозерье, преодолеть которое было труднее, чем любую другую местность в Восточной Европе. Край изобиловал болотами, топями и непроходимыми дебрями, а редкое население было враждебно настроено к чужакам. Здешние дороги напоминали скорее звериные тропы, в лучшем случае по ним едва могла проехать крестьянская телега. Но Карла это не остановило. И начался изнурительный поход. На ночь король велел каждой роте разводить большие костры; для поддержания духа исполнялись военные марши. Но лесные чащобы брали свое. Кони надрывались и падали замертво, пытаясь протащить подводы с пушками по разбитым проселкам. Из набранных в Германии драгун кое-кто уже дезертировал, посчитав жалование за службу в таких условиях недостаточным. Фуража не хватало. Шведы нашли простой и жестокий способ заставить крестьян расстаться с добытыми нелегким трудом припасами. На глазах у матери на шею ребенку накидывали петлю и спрашивали у нее, где укрыто продовольствие. Если мать молчала, ребенка вешали. Но обычно крестьяне не выдерживали и признавались, хоть это и обрекало их на голодную смерть.

Неудивительно, что порой местные жители сопротивлялись. В большинстве своем они были охотниками, жили в местах, где водились волки и медведи, и умели обращаться с огнестрельным оружием. Скрываясь за деревьями и кустами, они обстреливали проходившие колонны или устраивали засады. Партизанская война быстро вырабатывает свои жестокие правила. Когда заночевавших в амбаре шведов кто-то запер, а потом запалил крышу у них над головой, король приказал повесить для устрашения десятерых жителей деревни. Когда же через деревню прошел последний шведский отряд, ее

230

сожгли дотла. В другой раз генерал Крейц захватил шайку из пятидесяти мародеров, местных жителей: он приказал им самим вешать друг друга, и лишь последних нескольких человек повесили шведы.

Преодолев все трудности перехода, Карл 22 января вышел из леса в районе Кольно. Прискакавший с юга русский конный дозор обнаружил значительные силы шведов и счел за лучшее отступить и известить об этом Меншикова.

Добившись немалого успеха этим отважным броском, Карл решил еще более дерзким ударом прорвать третий защитный рубеж русских войск, проходивший по Неману. Перед ним лежал пограничный литовский город Гродно - ключевой пункт неманской оборонительной линии; два года назад здесь провела зиму армия Огильви. И Петр, и Карл понимали: пойдет ли король

на север, к Балтике, или на восток, к Москве, - Гродно ему не миновать. Шведам нужна была дорога: армия не могла бесконечно пробираться лесами и болотами. Поэтому русские войска подтягивались к Гродно, и, зная это, Карл решил нанести удар немедленно, рассчитывая захватить город прежде, чем русские успеют его надежно укрепить. Оставив армию позади, Карл с Реншильдом и Крейцем, во главе 600 конных гвардейцев, поскакали вперед. По пути к ним присоединился возвращавшийся из-за линии фронта разведывательный отряд из пятидесяти человек. Подъехав поутру к Гродно, Карл увидел, что мост через Неман цел. Его защищал 2-тысячный кавалерийский отряд под командой бригадира Мюлен-фельса, немца, принятого на службу Петром. Шведы немедля бросились штурмовать мост. Одни поскакали по льду реки, чтобы обойти русских с тыла, другие устремились прямо на мост. Завязалась сумбурная потасовка — стреляли из пистолетов, рубились клинками. Среди сумятицы и криков Карл лично уложил двоих — одного из пистолета, другого заколол шпагой. Темнело рано, и в сгущающихся сумерках русские не видели.

231

много ли наступает шведов; они бросили мост и укрылись в городе. Карл преследовал их до ворот, на ночь разбил лагерь у городских стен и послал гонцов с приказом армии поспешить к нему. Он и не подозревал, что всего в нескольких сотнях ярдов, за крепостной стеной, находится сам царь Петр.

Петр прибыл в Гродно, чтобы поддержать Меншикова, которого непредсказуемые обходные маневры и внезапные неожиданные броски Карла повергали в полное смятение и растерянность. Меншиков уже собирался отводить из Гродно войска, так как опасался, что противник снова обойдет его с фланга. Но царь прекрасно понимал, как важен неманский рубеж, и не хотел, чтобы неприятель преодолел его также легко, как Вислу и Нарев. Но ни Петр, ни Меншиков и представить себе не могли, что Карл уже совсем близко и вот-вот вихрем промчится через Неман по мосту, который так и не удосужились разрушить.

Когда в городе услышали стрельбу и увидели, что кавалерия атакует мост, никто не смог верно оценить численность наступавших шведов. Петр решил, что мост захватили подошедшие основные силы противника, а если так — удержать Гродно невозможно. В ту ночь русские войска покидали город. Царская повозка стояла наготове у восточных ворот. Еще не рассвело, когда Петр вместе с Меншиковым сели в повозку и покатали в сторону Вильно и Петербурга. Если бы Карл знал, что Петр в Гродно, он, несомненно, предпринял бы все возможное, чтобы захватить этот бесценный трофей и одним ударом изменить ход войны. Но вышло иначе и, когда поутру шведские конники подступили к стенам, их встретил пустой город, и Карл беспрепятственно вошел в него. Но этим дело не кончилось. По дороге в Вильно Петр узнал, что неожиданный шведский натиск был предпринят лишь горсткой смельчаков, которые и захватили город до подхода основных сил, и что среди них находился и сам Карл. Царь решил немедленно

232

нанести контрудар: этой же ночью атаковать город и отбить его, а если повезет, то захватить и самого шведского короля. Проштрафившийся Мюленфельс получил под начало 3000 всадников и приказ атаковать город под покровом темноты.

Карл, ни в грош не ставивший русских, в ту ночь разрешил своим кавалеристам расседлать коней, раздеться и отдохнуть. На дорогу, по которой отступили русские, был выслан заслон из пятидесяти драгун с приказом разместиться на ночь в придорожных избах, не расседлывая коней. Из их числа был выделен караул — пятнадцать человек, чтобы перекрыть дорогу, но январская стужа заставила тринадцать солдат спешиться и сгрудиться вокруг костра. Фактически, покой шведского короля и его измученных воинов охраняли всего-навсего два конных драгуна.

Глубокой ночью, стараясь не производить шума, приближались сотни русских конников. Однако они были услышаны: часовые криками подняли своих товарищей у костра — как раз вовремя, чтобы встретить русских у рогатки, преграждавшей дорогу. Услышав шум, из домов выбежали и остальные драгуны, вскочили на нерасседланных коней и тут же бросились в схватку. Русские многократно превосходили шведов числом, но в кромешной тьме не было видно ни зги, и они посчитали, что дорога перекрыта крупными силами. Вскоре к месту стычки прискакали Карл с Реншильдом, причем король не успел даже надеть сапоги. Они

рвались вступить в рукопашную, но в темноте не могли отличить своих от чужих⁹. Следом за ними подоспели и другие, полуодетые, на неоседланных конях. Русские даже во тьме, ощутили, что натиск шведов усиливается и, не видя смысла продолжать схватку, развернулись и усаkali прочь. Не прошло и часа, как в Гродно вновь воцарилась тишина. Карл радовался своему везению и без конца спрашивал себя, что бы случилось, если бы Мюленфельс воспользовался его собственной тактикой, и 3000 русских кон-

233

ников, минуя часовых и караульных у костра, на полном скаку ворвались бы в город?

Карл с небольшим отрядом конной гвардии пробыл в Гродно три дня, но русские больше не пытались отбить город. Мюленфельс, дважды потерпевший неудачу, был арестован: официально его обвинили в том, что он не позаботился своевременно разрушить мост через Неман. Когда подошли главные шведские силы, Карл взял несколько отборных полков и пустился было в погоню за Петром, но скоро пришлось от преследования отказаться. Его войска были слишком малочисленны, солдаты устали, £ применявшаяся русскими тактика выжженной земли превратила окрестности в снежную пустыню.

Затем и вся русская армия отступила от Немана, оставив укрепленные позиции и готовые зимние квартиры противнику, и заняла новый рубеж на Березине. Карл неотступно следовал по пятам русских войск. Как всегда, он со своей конной гвардией, двигался впереди основных сил. Но шведы были измотаны, им требовался отдых. Армия преодолела 500 миль, и уже почти три месяца вела кампанию в зимних условиях. Особенно тяжело сказывалась нехватка коней и фуража. Все, что оставалось от урожая, пожгли русские солдаты или попрятали крестьяне. Чтобы сохранить лошадей, необходимо было отложить наступление до весны и дожидаться, пока пробьется свежая трава. 8 февраля Карл остановился и, дождавшись основных сил, разрешил разбить лагерь и отдыхать. 17 марта он перенес лагерь к Радошковичам, к северо-западу от Минска. Если соединить на карте Вильно, Минск и Гродно, получится треугольник — в нем-то и разместил наконец Карл свою армию на зимние квартиры.

Польская кампания завершилась. Перейдя Неман у Гродно, шведская армия вступила на литовскую землю — политически аморфную территорию Великого княжества Литовского, раскинувшегося между Польшей,

234

Россией и балтийским побережьем. Шведам удалось пройти всю Польшу и пересечь три считавшиеся непреодолимыми речных рубежа без единого серьезного сражения, не считая стычки на гродненском мосту. За военными успехами последовали и дипломатические. Прежде правительство королевы Анны не было расположено считать Станислава польским королем, но стоило известиям о триумфальном походе Карла через Польшу достигнуть Лондона, как шведский ставленник был признан законным преемником Августа. Многие влиятельные польские магнаты, ранее не спешившие поддержать Станислава, также пересмотрели свою позицию. При европейских дворах уже никто не верил, что у Петра есть шансы на победу. А сами шведы преисполнились еще большей уверенностью в себе и презрением к неприятелю. И впрямь — что можно сказать об армии, которая с самим царем во главе пустилась наутек, бросив укрепленный водный рубеж и крепость, едва к ней приблизилось всего шесть сотен шведских всадников?

Пребывание на зимних квартирах оказалось для шведской армии тяжелее зимней кампании. Скученность в тесных нетопленных помещениях и скудность питания повлекли за собой дизентерию, от которой в первую очередь страдали прибывшие из Швеции новобранцы, люди стали умирать. Несколько недель промаялся и сам Карл. А за наблюдательными постами лагеря не было ничего, кроме завывающего ветра, снегов, пронизывающего холода, выжженных дотла селений да вмерзших в речной лед обгорелых бревен от разрушенных мостов. Каждый день шведские фуражные отряды рыскали по опустошенным окрестностям в поисках провианта. Они вызнали обыкновение литовских крестьян прятать припасы в земляных ямах и научились обнаруживать эти укрытия по пятнам подтаявшего снега. Частенько фуражиры сталкивались с разездами русской конницы, и стычки следовали одна

235

за одной. Бывало, десяток-другой шведских кавалеристов только направляются к крестьянской

хибаре, как вдруг, откуда ни возьмись, налетят казаки или калмыки. Морозный воздух оглашается криками, мчатся припороженные кони, гремят выстрелы, сверкают клинки — и вот уж кто-то удирает восвояси. Это была война без пощады: и шведы, и русские из нерегулярных войск ненавидели друг друга. И те и другие, захватив пленных, запирали их в избе и сжигали живьем.

В служившей шведским штабом избе Карл и его генералы корпели над картами. Однажды король подошел к склонившемуся над картой генерал-квартирмейстеру Гилленкроку и, взглянув на его работу, среди прочих рассуждений заметил: «Теперь перед нами открылся великий путь на Москву». Гилленкрок возразил, что пока до Москвы еще далеко. «Не тревожьтесь, стоит нам вы-

10 2

ступить вновь, и мы непременно дойдем до цели». Гилленкрок молча вернулся к своей работе — прокладывать по карте маршрут до Могилева на Днепре, имея в виду общее направление на Смоленск и Москву. Карл вызвал в Радошковичи командующего шведскими войсками к Риге графа Адама Левенгаупта и приказал ему разорить хоть всю Ливонию, но собрать как можно больше провизии, пороха и боеприпасов, вместе с лошадьми и подводами для их доставки. Левенгаупту надлежало сформировать огромный обоз и со всем своим отрядом эскортировать его к назначенному пункту для соединения с королевской армией. Встреча намечалась на середину лета. :

С начала мая шведский лагерь заметно оживился. Вновь налегли на муштру, армия приводилась в боевую готовность. Собранной провизии должно было хватить на шесть недель пути. Повеял теплый ветерок, прояснилось небо, и армия ощутила прилив бодрости. О неприятеле думали с пренебрежением. Генерал-майор Лагер-крона заявил: «Противник не осмелится преградить его величеству путь на Москву»¹¹.

236

едаю

После стычки под Гродно Петр в походной кибитке помчался на север, к Вильно. Беспрепятственное продвижение могучего противника по польским равнинам едва не повергло его в отчаяние, но неожиданно и необъяснимо шведская колесница прекратила свой бег и замерла почти на три месяца. В Вильно Петр и его генералы терялись в догадках, куда направится Карл. Из Гродно шведы могли двинуться разными путями. Если они последуют за Петром на север, к Вильно, станет ясно, что они вознамерились освободить балтийские провинции и нанести удар по Петербургу. Если неприятель повернет на восток, к Минску, — значит, нацелился на Москву. Карл мог и дальше тянуть с решением, а то и совместить обе задачи — пойти на северо-восток мимо Чудского озера на Псков и Новгород. Откуда он мог бы угрожать в равной мере и Петербургу, и Москве.

Петр не мог упускать из виду ни одну из этих возможностей. Он отвел свои основные силы за Днепр, оставив фельдмаршала Гольца с восьмьютысячным отрядом драгун у Борисова на Березине, чтобы помешать противнику переправиться через реку. Меншикову было велено рубить деревья и преградить засеками все дороги, ведущие от Гродно. Спустя несколько недель Петр принял еще более жесткие меры. На военном совете он распорядился создать зону полного опустошения и лишить шведов пропитания, в какую бы сторону они не двинулись. Эта зона глубиной в 120 миль должна была простираться от Пскова до Смоленска, перекрывая все дороги из шведского лагеря на север, восток и юг. Как только Карл выступит в поход, все - от строений до последнего зернышка — надлежало сжечь. Под угрозой смерти, крестьянам было приказано либо спалить все хранившиеся в амбарах припасы, либо запрятать их в лесной глуши. Там же, в глухомани, им было велено

237

приготовить убежища для себя и скотины. Врагу предстояло идти по безлюдной пустыне.

Хуже всего пришлось Дергпу, который Петр захватил еще в 1704 году. Если бы Карл вздумал пойти на Балтику, он не миновал бы этот город, и поэтому Петр приказал выгнать оттуда всех жителей и разрушить город до основания. По иронии судьбы, эта жестокая мера оказалась совершенно напрасной — на север Карл не пошел.

Когда Карл встал на зимние квартиры у Радошкови-чей, Петр решил воспользоваться

временным затишьем и на Пасху вернулся в Петербург. Перед самым отъездом он опять подхватил лихорадку, но поехал, несмотря ни на что. В конце марта Петр прибыл в Петербург, но болезнь одолевала его, и 6 апреля он писал Головину:

Хотя я всегда здесь, яко в райском месте здоров был, но ныне не знаю, как с собою привез лихорадку из Польши, хотя и гораздо осматривал у себя [следил за собой] и в санях, и в платье, ибо всю страстную седмицу мучим от нее был, и самой праздник, кроме начала заутрени и Евангелия по болезни не слышал, ныне, слава Богу, прихожу в здоровье, и еще никуда из избы. Сия лихорадка купно с гортанною и грудною болезнью, кашлем сама кончилась, а не удержана, и материи зело много худой вышло.

Два дня спустя Петр написал снова:

Прошу, какие дела возможно без меня делать, чтобы делали; как я был здоров, ничего не пропускал, а ныне Бог видит, каков после сия болезни, которая и здешнее место Польшею сочинила, и ежели в сих неделях не будет к лечению и отдохновению времени, Бог знает, что будет¹².

Когда Мсншиков прислал известие, что шведы наводят мосты на реках и явно собираются выступить, Петр встревожился и отвечал ему 14 апреля, что пони-

238

мает всю тяжесть положения, но нуждается в отдыхе и уходе, а потому просит не звать его к войскам, пока в этом не будет крайней нужды. И в заключении добавил:

А сам, ваша милость, ведаешь, что николи я так не писывал, но Бог видит, когда мочи нет, ибо без здоровья и силы служить невозможно, но ежели б недель пять или шесть с того времени здесь побыть и лекарства употреблять, то б надеялся, с помощью Божию, здоров к вам быть

¹³

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОЛОВЧИН И ЛЕСНАЯ

Все было готово к началу новой кампании. Лагеря противоборствующих сторон рассредоточились на огромных пространствах. Основные силы шведов с Карлом во главе располагались между Гродно-Вильно—Минском. Здесь король разместил двенадцать пехотных полков и шестнадцать полков кавалерии и драгун — всего около 35 000 человек. Кроме того, в его распоряжении имелись силы на Балтике. 12-тысячный корпус Левенгаупта в Риге уже получил приказ выступить на соединение с главными силами, а 14-тысячный корпус Любеккера в Финляндии — начать движение по Карельскому перешейку на Петербург. Если бы даже не удалось захватить новую столицу Петра, что было бы величайшим успехом, этот маневр по крайней мере отвлек бы его внимание и силы. Наконец, если в Польше все будет;спокой-но, то и оставшиеся там 8 000 солдат Крассова смогут выступить на восток, на подкрепление Карлу. Общая численность шведских войск на всем театре военных действий достигала 70 000 человек.

Петр располагал существенно большими силами. Главная русская армия Шереметева и Меншикова, преграждавшая путь на Псков и Москву, широкой дугой обхватила треугольник шведского лагеря, от Полоцка и Витебска на севере до Могилева и Быхова на юге. Пехо-

240

та была отведена вглубь и сосредоточена между Двиной и Днепром. Передовые позиции занимали крупные кавалерийские силы под командованием Гольца, перекрывавшие главную Минске-Смоленскую дорогу и патрулировавшие вдоль Березины — на них должен был прийти первый удар шведов. Южнее, на дороге Минск—Могилев, дополнительный отряд охранял переправу через Березину. Всего вдоль оборонительной дуги было дислоцировано двадцать шесть пехотных и тридцать три драгунских полка общей численностью 57 500 человек. У Апраксина, ведавшего обороной Петербурга, находилось в подчинении еще 24 500 человек. Третьей группой русских войск (16 000 человек), расположенной в района Дерпта — между балтийским побережьем и позициями основных сил, - командовал генерал Боур; перед ней ставилась задача нейтрализовать действия рижского корпуса Левенгаупта.

Все эти силы были готовы отреагировать, куда бы ни двинулись шведы. Если на Псков и Петербург, Мен-шиков и Шереметев выступят навстречу им, на север, а если прямо на Москву, — русские встретят их на Березине и Днепре. Действия Боура зависели от маневров Левенгаупта: двинется Левенгаупт на север к Петербургу — туда же, на подмогу Апраксину, должен идти и Боур; пойдет Левенгаупт на юг, на соединение с королем, — и Боур повернет к

югу, чтобы поддержать Шереметева. Отдельный 12-тысячный корпус князя Михаила Голицына стоял под Киевом, закрывая подступы к Украине. Из всех направлений, по которым могли двинуться шведы, это тогда представлялось наименее вероятным.

Соотношение сил составляло 110 000 русских против 70000 шведов (точнее, против 62000, поскольку отряд Крассова находился слишком далеко, чтобы принять участие в боевых действиях). Численный перевес русских стоил бы немного, но в затяжной кампании восполнять потери им было гораздо легче, чем шведам. Под

241

Нарвой русские превосходили шведов в четыре раза. Сейчас соотношение сил было пять против трех.

СЖО

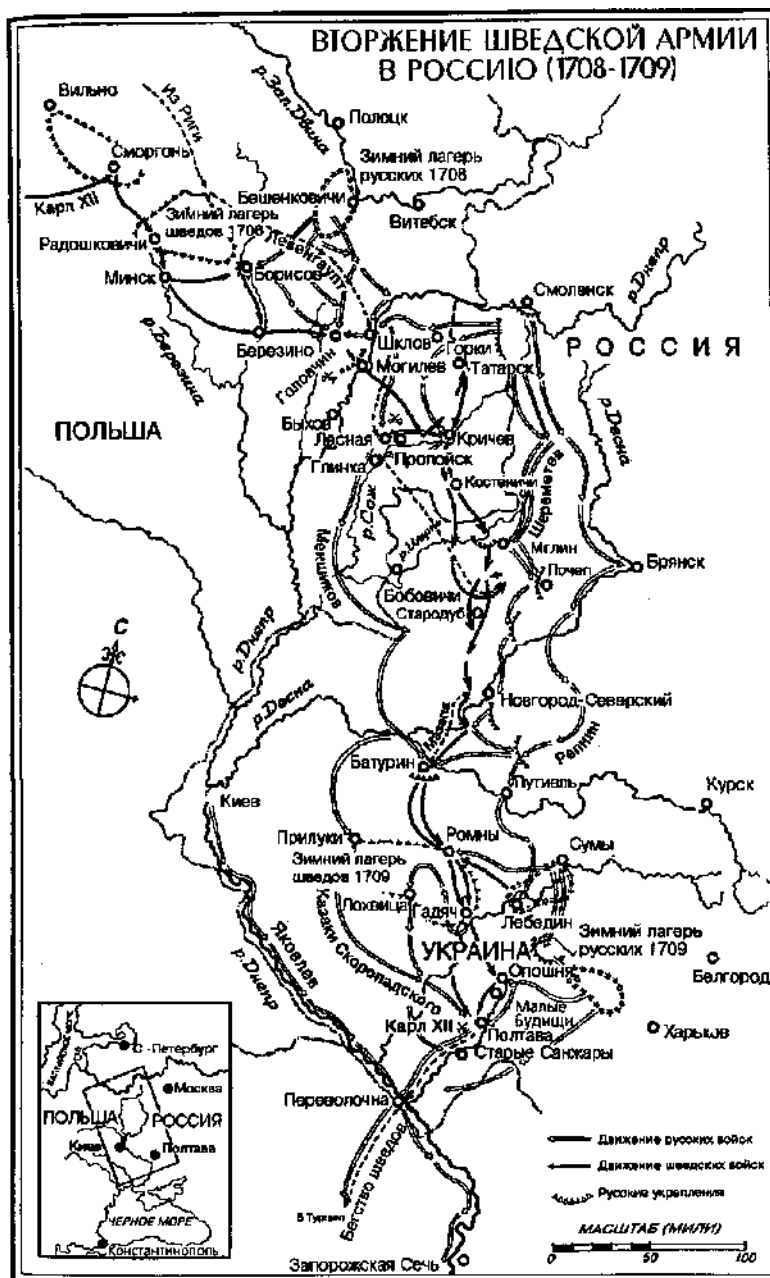
6 июня, когда уже пробились свежая травка. Карл принял решение выступить. Полки снялись с лагеря в Радомежовых, где пробыли три месяца, и повернули к Минску — ключевому пункту на варшавско-смоленско-московской дороге. От Минска дорога вела к Борисову на Березине — там была переправа, которую русские собрались оборонять.

26 апреля и 13 июня состоялись два военных совета, на которых Шереметев и Меншиков пришли к решению дать шведам первый бой у переправы через Березину. Петр на этих советах не был, но намерение оборонять водный рубеж полностью поддержал. В мае русская армия была разделена на корпуса под командованием Меншикова, Шереметева, Галларта, Репнина, и Гольца, которые покинули зимние квартиры и заняли позиции вдоль восточного берега реки, протянувшиеся на сорок четыре мили. Не зная, в каком месте король нанесет удар, русские расположили войска так, чтобы их можно было перебрасывать вдоль линии обороны; но скорее всего шведов следовало ожидать на переправе у Борисова, и там основательно укрепились 8000 солдат Гольца.

Карл знал об этом и решил снова обойти противника с фланга — на сей раз с юга. 16 июня, после девятидневного перехода, шведы вышли на берег Березины. Русский заслон, состоявший из казаков и драгун, отступил без боя; шведские инженеры навели два моста, и армия переправилась через реку. В результате этого успешного маневра шведы оставили Минск в глубоком тылу, и это значило, что король наконец покинул пределы Речи Посполитой, где жил и воевал последние восемь лет.

Меншиков и Шереметев были страшно раздосадованы тем, с какой легкостью переиграли их шведы, и не

242

обманывались насчет реакции государя, когда тот узнает об их оплошности. На военном совете, состоявшемся 23 июня в Могилеве, они решили держать оборону на участке западнее Днепра и отстаивать города Могилев и Шклов. По армии был разослан приказ всем корпусам выступить к месту сбора на западном берегу реки Вабиц, притока Друти, где намечалось дать шведам сражение - не решающий бой, а такой, чтобы только задержать неприятеля и нанести ему ощутимый урон.

Тем временем Карл подумывал повернуть на север и, обойдя с тыла, взять в клещи охранявшие переправу у Борисова силы Гольца, но разведка донесла ему, что вся русская армия движется к югу, на левый берег реки Вабиц, и сосредотачивается у села под названием Головчин. Король решил больше не избегать неприятеля, и шведская армия выступила на Головчин. Погода ухудшилась. Шли непрерывные дожди, дороги развезло, да к тому же через каждые несколько ярдов их перекрывали завалы из деревьев, порубленных русскими. Джеффрис писал в Лондон: «По этому случаю, я не могу не воздать должное шведским солдатам, ибо, думаю ли я о величайших трудностях, которые им пришлось испытать, прокладывая путь по пояс в непролазной грязи, или о том, сколь терпеливо сносили они голод и жажду, не имея в достатке даже воды и хлеба, я прихожу к заключению, что такими подданными вправе был бы гордиться любой государь в Европе»¹.

30 июня к Головчину, на берег глубокой, болотистой речки Вабич, прибыл сам король. Он увидел, что русская армия заняла за рекой сильные позиции, протянувшиеся на шесть миль вдоль размытых дождем болотистых берегов Вабича. Прошло несколько дней, прежде чем подтянулись основные силы шведской армии. Тем временем и русские войска пополнялись постоянно прибывавшей пехотой и кавалерией. Пока Карл изучал местность и разрабатывал план сражения, среди его ветеранов росло нетерпение — речушка мелкая, ее ничего не стоит перей-

244

ти вброд: почему бы просто не пойти и не разогнать эту толпу? Но Карл понимал, что это не так легко, как кажется. Русские возвели сильные укрепления, укрылись за рвами и траншеями, отгородились бревенчатыми надолбами (*chevaux de frise*). Их армия разделена на два основных корпуса: северным, из тринадцати пехотных и девяти кавалерийских полков, командовали Меншиков и Шереметев, а южным, насчитывавшим девять полков пехоты и три драгун, — Репнин. Между ними лежал заболоченный перелесок, по которому протекал ручей, впадавший в Вабич. По обоим флангам были размещены дополнительные силы — к северу от Шереметева, за большим и топким болотом, стояла пехота и кавалерия Галларта, а к югу от Репнина расположился Гольц с десятью полками драгун (10 000 человек), казаками и калмыками.

Русские, наученные горьким опытом неоднократных обходов с флангов, вытянулись в очень длинную, но неглубокую полосу, и Карл решил воспользоваться чрезмерной растянутостью неприятельских позиций. Пока подтягивались его основные силы, он посылал вниз и вверх по реке отряды, которые совершали ложные вылазки, отвлекая на фланги значительные силы противника. Поэтому Галларт, выдвинутый далеко на севере, даже не сумел принять участие в последующей битве.

Вопреки предположениям русских, Карл не замыслил флангового обхода. В растянутых русских позициях самым уязвимым местом был центр — между корпусами Шереметева и Репнина, где протекал ручей и лежало болото. Если нанести удар здесь, болото помешает одному корпусу прийти на помощь другому. Карл решил обрушиться на стоявшие южнее болота войска Репнина и лично повести в атаку пехоту. Реншильду во главе кавалерии предстояло схватиться с конницей Гольца.

К 3 июля подошло более половины всех сил Карла — около 20 000 человек, и в полночь он поднял полки по тревоге и отдал приказ подготовиться к бою. В ту ночь

245

над рекой поднялся густой туман, и за этим естественным прикрытием Карлу удалось незаметно подтянуть артиллерию и выкатить орудия на заранее намеченные позиции. К двум часам ночи восемь самых тяжелых орудий было установлено на позиции, позволявшей с близкой дистанции вести через реку огонь прямой наводкой. На рассвете, как только первые лучи солнца пробились сквозь завесу тумана, шведская артиллерия открыла огонь, и Карл во главе 7-тысячного отряда устремился через реку на ошеломленных русских.

Вода доходила до груди, а то и до плеч, с русского берега поливали огнем, но шведы, держа оружие над водой, двигались вперед невозмутимо и неуклонно, будто на учениях. Взобравшись на противоположный берег, они остановились для перегруппировки. Карл прошелся вдоль строя, спокойно выравнивая шеренги, а затем повел солдат вперед, через болото. Идти было нелегко, да и русские, к удивлению Карла, не растерялись и не побежали. Они приняли бой и повели огонь по шведам с 30-40 шагов, а затем стали отходить в относительном порядке, перезаряжая ружья и не переставая стрелять по наступающим шеренгам. Однако желания схватиться со шведами врукопашную у них не было, и хотя их огонь достигал цели, закаленные воины Карла упорно продвигались вперед.

Когда шведы распознали тактику русских, они стали использовать ее сами — останавливались перезарядить оружие и отвечали противнику огнем. Такого еще не случалось в сражениях, которые давал Карл XII. Джефф-рис писал: «Бой был столь ожесточенным, что на протяжении часа не было слышно ничего, кроме непрерывной мушкетной стрельбы с обеих сторон*».

К 7 часам утра Репнин понял, что основной удар шведов обрушился на него. По просьбе Репнина, на помощь его теснимой шведами пехоте было брошено 1200 драгун Гольца, которые налетели на пехотинцев Карла с правого фланга. Карла выручил Реншильд: швед-

екая кавалерия еще не вступала в бой и находилась на другом берегу реки, когда он заметил приближение русской конницы. С четырьмя эскадронами конной гвардии численностью в 600 человек, он поскакал через реку и столкнулся с русской конницей прежде, чем та успела смять шведскую пехоту. Сеча была кровавой, и шведы с трудом отражали натиск вдвое превосходящего противника. Но из-за реки им на подмогу подходили свежие эскадроны; атака русских захлебнулась, и они отступили в леса.

Таким образом, попытка русской кавалерии прорваться и атаковать шведскую пехоту не удалась, и русские пехотинцы остались один на один с наступающими шведами. Через реку переправлялась свежая шведская пехота и наступление не останавливалось ни на миг. Как и замыслил Карл, противник не выдержал яростного напора, сосредоточенного на одном участке обороны. Солдаты Репнина дрогнули, подались назад, шеренги потеряли равнение, а потом распались, и войска, оставив лагерь и артиллерию, рассыпались на подразделения и отступили в леса.

Было 8 часов утра. Неожиданной, стремительной атакой Карл добился победы над корпусом Репнина, но стоявший на севере, за болотом, корпус Шереметева в деле не участвовал. Поначалу, заслышав стрельбу и увидев, что шведы атакуют Репнина через реку, Шереметев послал ему подмогу, но, как и предвидел Карл, помешало болото. Когда Карл развернул войска, чтобы встретить Шереметева, в этом уже не было необходимости. Помятуя о наказе Петра не рисковать всей армией, русский фельдмаршал стал отходить к Могилеву и Днепру. Битва под Головчиным была первым серьезным столкновением русских и шведских войск с тех пор, как, почти год назад, Карл выступил из Саксонии в свой долгий поход. Формально, шведы одержали победу. Они атаковали и захватили сильную позицию противника.

247

Шведская кавалерия дралась превосходно и сумела отразить заметно превосходящие русские силы. Король был в гуще сражения, выказал большое личное мужество и не получил даже царапины. Русские снова отступили, и дорога на Днепр была открыта. Легенда о непобедимости шведов осталась непоколебимой.

Однако прибывший позднее Петр, узнав о ходе сражения от Меншикова, остался в общем доволен. Безусловно, его тревожило то, что войскам пришлось оставить еще один водный рубеж, но, во-первых, в деле участвовала только треть дислоцированной здесь армии; а во-вторых, на нее обрушилась вся мощь прославленной шведской пехоты во главе с самим королем. Солдаты Петра ожесточенно бились четыре часа и не были разбиты наголову, а отступили, отстреливаясь и сохраняя порядок, и когда, в конце концов, оставили поле боя, то не бежали беспорядочной толпой, а рассыпались на подразделения, которые могли соединиться и снова вступить в бой. Потери русских составили 997 человек убитыми и 675 ранеными, у шведов было убито 267 человек и ранено более тысячи. При подсчетах, однако, следует учитывать то обстоятельство, что Петр мог возместить свой урон, тогда как шведская армия таяла с потерей каждого солдата.

Петр приказал провести дознание: какие полки стояли твердо, а какие не исполнили свой долг. Некоторые командиры в полной мере испытали на себе царский гнев. Репнин был предан военному суду и временно отстранен от командования. На четвертый день после баталии, в Шклове, состоялся общий военный совет, который пришел к решению не пытаться оборонять Могилев на Днепре, а отступить по Смоленской дороге к Горкам. Но прежде казакам и калмыкам велено было исполнить свое дело. Царским приказом весь край был обречен на опустошение — чтобы шведы-победители шли по выжженной земле.

Удовлетворен был и Карл, известивший о новой

248

победе Стокгольм и все, европейские дворы, однако его не могла не беспокоить перемена в поведении русских войск. Битва под Головчиным открыла ему глаза на то, что русская армия уже не та беспорядочная толпа, которая бежала от него под Нарвой. В этой баталии силы противников были почти равны, и русские сражались достойно. Джеффрис признал, что «московиты хорошо усвоили преподанный им урок и произвели немалые усовершенствования в делах военных, и когда бы их солдаты выказали хотя бы половину той храбрости, какую явили офицеры (по большей части иностранцы), неизвестно, чем бы закончилась для нас

последняя схватка»¹.

Вдоль дороги на Могилев, по которой двигалась шведская армия, дымились избы и амбары. 8 июля войска подошли к городу. Могилев стоял на Днепре, по которому в то время проходила граница России. Посланные королем отряды переправились через реку без единого выстрела, тогда как основные силы остались на западном берегу. Было очевидно, что предстоит лишь недолгая передышка — на время, пока будут собираться припасы для завершающей стадии похода. Кампания практически подходила к концу. Все великие речные преграды остались позади. В 100 милях к северо-востоку находился Смоленск, а в 200 милях за ним — Москва.

Находясь в Могилеве, Карл посылал отряды на противоположный берег наводить мосты через реку, но переправлять основные силы не стал — к полному недоумению как собственной армии, так и наблюдательных русских разъездов. Целый месяц — с 9 июля по 5 августа — 35-тысячная шведская армия на западном берегу ждала подхода из Риги корпуса Левенгаупта. Граф Адам Людвиг Левенгаупт, генерал от инфантерии, которого Карл за педантичную ученость прозвал «маленьким латинским полковником», был человек меланхолический, до-

249

тошный, чрезмерно чувствительный к мнению окружающих — он повсюду видел заговоры и козни соперников, но при этом оставался смелым и знающим офицером, исполнявшим приказы с редкостным рвением. Для него не имело значения, сколь малочисленна пехота, которой он командовал, и, напротив, сколь велики силы противника и грозны его укрепления. Получив четкий приказ, Левенгаупт строил солдат в шеренги и шел вперед, демонстрируя полное пренебрежение к смертоносному вражескому огню. Его трагедия и просчет Карла состояли в том, что Левенгаупт получил задание, которое требовало личной инициативы и способности к смелой импровизации.

Левенгаупт был военным губернатором Курляндии и управлял шведскими балтийскими провинциями, вернее тем, что к этому времени от них осталось. На их территории и близ Риги он располагал армией численностью 12 500 человек. В марте Левенгаупт побывал у Карла в Радосковичах и получил от короля простой и ясный приказ: силами своей армии собрать большой обоз, загрузить его таким количеством военных и съестных припасов, чтобы его людям хватило их на три месяца, а главной армии — на шесть недель, и сопровождать обоз по литовской территории до соединения с основными силами. Перед завершающим броском на Москву обоз Левенгаупта должен был пополнить армию припасами, а его солдаты — существенно увеличить ее боевую мощь. По предварительным подсчетам, 400 миль, отделявших Могилев от Риги, предстояло пройти за два месяца.

Но эти подсчеты оказались ошибочными. Вернувшись в начале мая после свидания с королем в Ригу, Левенгаупт тут же принялся за дело, но перед ним стояла задача собрать 2000 подвод и 8000 лошадей, не говоря уже об огромных количествах самих припасов, и он не успел уложиться в срок. 3 июня, когда армия Карла готовилась сняться с лагеря у Радосковичей, Левенгаупт получил приказ выступить из Риги к Берези-

250

не, но ответил, что до конца месяца двинуться не сможет. И действительно, длинный обоз и эскорт из 7500 пехотинцев и 5000 кавалеристов пустился в путь лишь в конце июня. Сам Левенгаупт задержался в Риге еще на месяц и прибыл к своим войскам только 29 июля, когда по первоначальному плану уже намечалось соединение с основными силами. На самом же деле, его обоз прошел всего 150 миль и находился севернее Вильно — более чем в 250 милях от двигавшихся к Могилеву основных сил Карла.

Узнав о том, что войска Левенгаупта покидают Ливонию и Курляндию и движутся на юг, удаляясь от балтийского побережья, Петр вздохнул с облегчением. Это со всей определенностью показало, что целью Карла не является Петербург, а значит, Левенгаупт с юга и Любеккер с севера из Финляндии, не возьмут город в клещи, обрушив на него двойной удар. Апраксин имел в своем распоряжении достаточно сил для того, чтобы потягаться с одним Любеккером, что бы тот ни предпринял. Поэтому части генерала Боура, насчитывавшие 16 000 и державшие под наблюдением Левенгаупта, теперь получили приказ выступить на юг.

Итак, осуществление планов Карла зависело от Левенгаупта. Многие ставили в вину Левенгаупту медлительность и проволочки, но не в его власти было управлять погодой.

Огромные колеса тяжело груженных подвод проваливались в грязи, и, даже подкладывая ветки, сучья и бревна, их с трудом удавалось сдвинуть с места. Левенгаупт вез с собой и переносный мост — гордость военных инженеров, — звенья которого соединялись между собой гибкими кожаными ремнями. Мост так намок, что каждую его секцию приходилось нести тридцати двум солдатам, да и то с передышками через двадцать шагов. За месяц обоз прошел всего 143 мили, в среднем менее пяти миль в день. Кончился июль, наступил август, а там и сентябрь, а корпус Левенгаупта все еще месил дорожную грязь.

251

Лучшие для ведения кампании драгоценные летние месяцы — с 8 июля по 15 сентября — Карл потратил на ожидание. Дело было даже не столько в том, что он остро нуждался в этих припасах, — он опасался оставлять Левенгаупта далеко позади. Если бы русские вклинились в разрыв между шведскими армиями, Левенгаупт остался бы без поддержки. Вначале Карл рассчитывал дождаться Левенгаупта в Могилеве на Днепре, прежде чем основные силы переправятся через реку. Из донесений о медленном продвижении обоза следовало, что он должен прибыть к 15 августа, и Карл сгорал от нетерпения. Но этот день наступил и прошел, а Левенгаупт так и не появился. Тем временем армия томила и бездействовала. Раненые под Головчинным успели подлечиться и встать в строй, но зато тысячи лошадей подчистую выели всю траву в окрестностях Могилева.

Карл решил возобновить наступательные операции. Конечно, сейчас он не замышлял глубокого стремительного прорыва к Москве, как планировал ранее. Король намеревался действовать поблизости от Днепра в надежде навязать русским сражение и тем самым прикрыть Левенгаупта. Он предпринял ряд маневров, совершая каждый день короткие переходы — то на юг, то на север, — рассчитанные на то, чтобы сбить с толку царя и заставить врасплох кого-нибудь из его генералов.

Между 5 и 9 августа шведская армия наконец переправилась через Днепр и двинулась на юго-восток, к южному флангу позиции, которую занял Петр на Смоленской дороге. 21 августа армия Карла подошла к Черикову на реке Сож; тут выяснилось, что кавалерия Меншикова уже стоит на противоположном берегу и к ней на подмогу движутся крупные силы пехоты. Две большие армии оказались в непосредственной близости друг от друга, и между их патрулями и разъездами случались беспрестанные стычки. 30 августа произошло

252

сражение. Но не такое, на какое надеялся и какого ожидал Карл. Король расположил свою армию вдоль речки, протекавшей по краю болота. У дальнего края болота, в трех милях от короля, стоял лагерь командующий тыловым охранением Росс. Перейти болото было трудно, но все-таки возможно: урок Головчина научил царя и его генералов не считать болото непреодолимой преградой. На рассвете 30 августа 9000 русской пехоты и 4000 драгун под командой князя Михаила Голицына в густом утреннем тумане перешли болото и обрушились на лагерь Росса возле села Доброе. Шведы, которые никогда до того не подвергались атаке русской пехоты, были захвачены врасплох. Последовала яростная двухчасовая рукопашная схватка, прежде чем со стороны основных шведских сил подошло подкрепление и русские отступили назад, через болото. Заслышав стрельбу, Карл подумал было, что царь хочет дать генеральное сражение, и на следующий день построил свою армию в боевой порядок. Но атаки русских не последовало, и когда кавалерия Реншильда провела разведку русских позиций, обнаружилось, что они пусты и отходящий арьергард сжигает за собой поля и селения.

Хотя сражение при Добром не было крупным, и русские потеряли вдвое больше, чем шведы (убито 700 и ранено 2000 человек) против 300 убитых и 500 раненых у шведов, Петр ликовал. В первый раз русская пехота перехватила инициативу, отрезав и атаковав часть шведской армии. Солдаты храбро сражались, а затем успешно вышли из боя, отступив в полном порядке. Голицын получил орден Св. Андрея Первозванного. Царь с восторгом писал Апраксину: «Надежно вашей милости пишу, что я, как и почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал (дай Боже и впредь так) и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал. Боже! Не отними милость свою от нас впредь» .

253

Карл снова неспешно двинулся на север, и к 11 сентября шведская армия подошла к пограничному городку Татарску - самой северо-восточной точке России, до которой суждено было дойти шведскому королю. Отсюда шла дорога на Смоленск, но вид с дороги открывался зловещий: день и ночь над горизонтом полыхало багровое зарево. Карл видел, какому опустошению подверг царь соседние с Россией польские и литовские земли, но он и помыслить не мог, что ту же тактику Петр применит и в своей стране. Эта картина заставила Карла задуматься. Как бы упорно ни наседал он на неприятеля, тот постоянно ускользал. Шведские солдаты строились в боевые порядки, а оказывались лицом к лицу с безлюдной пустыней. Собранные под Могилевом припасы таяли с каждым днем. Пища была скверной, и хотя сам король ел из солдатского котла, роптали не только немецкие наемники, но даже иные шведские ветераны. Все время приходилось идти по выжженной земле, и густые облака дыма от сожженных полей и селений порой затмевали солнце на горизонте; стоило кому-нибудь отстать, как тут же налетали отряды казаков и калмыков. Джеффрис мрачно заметил: «Сейчас мы принуждены питаться лишь тем, что удастся найти и выкопать из земли [крестьянские запасы], но если нежданный мороз лишит нас этого средства, боюсь, что Его- Величество вместо грозной армии приведет в Россию кучу голодранцев»⁵.

Выручить мог только Левенгаупт. Получи шведская армия припасы из его обоза, ей удалось бы спокойно миновать опустошенные земли и пробиться к изобильным окрестностям Москвы. Напряженно всматриваясь в завесу дыма на востоке, Карл и его командиры то и дело оглядывались назад, с нетерпением повторяя: где же Левенгаупт?

С каждым днем положение ухудшалось. Армия изготавилась к могучему завершающему удару, который положил бы конец войне, но идти вперед без Левенгаупта

254

поиска не могли — земля впереди была выжжена дотла. Но и стоять на месте они тоже не могли из-за нехватки провианта. Оставалось два выхода. Первый — отступить к Днепру и дожидаться Левенгаупта. Карл тут же отбросил эту мысль: ему невыносимо было думать о возвращении. Для него это означало признать провал всей летней кампании. Хотя король и не знал точно, где находится Левенгаупт, он надеялся, что тот уже на подходе и, несмотря на все задержки, они вскоре соединятся. Второй выход был не лишен риска и оттого гораздо больше импонировал Карлу: отклониться от курса на Смоленск и Москву и повернуть на юг в Северскую землю*. Это позволило бы сохранить наступательный порыв шведов, и в то же время дало бы армии возможность оказаться в богатых, не тронутых разорением землях, где на полях как раз убирали урожай. На Северщине, пополнив припасы, Карл мог бы дожидаться подкрепления от Левенгаупта, а уж затем идти на Москву.

Карл долго совещался в Татарске с Реншильдом и Пипером, и в конце концов склонился к этому маршруту. Решение было принято, и следовало двигаться без промедления и скрытно, ибо только так можно было надеяться прибыть в Северскую землю раньше русских. У шведов было преимущество — к Северной земле они находились ближе и могли воспользоваться более коротким путем. Значит, нужно было повернуться спиной к русским и быстрым маршем уходить на юг, чтобы оставить противника позади и первыми дойти до цели. Итак, в Татарске шведская армия получила новые приказы. Особый мобильный авангард из 2000 пехотинцев и 1000 кавалеристов, отобранных среди гвардейцев и других лучших частей, получил двухнедельный запас провизии,

* Северские земли (города) — русские территории на границе с Литвой в бассейне Сейма и Десны (Брянск, Чернигов, Новго-род-Сеперский, Рыльск, Путивль, Стародуб). Названы по имени посточно-славянского племени северян. - *Ред.*

255

чтобы не тратить время на ее поиски в пути. Командиру авангарда — генералу Андерсу Лагеркроне — было приказано идти форсированным маршем, занимая по дороге населенные пункты и речные переправы, что открыло бы шведам путь на Северскую землю и перекрыло бы его для русских. Лагеркроне был посвящен в общий план действий и знал, что целью операции является захват главного города Северной земли — Стародуба. Расстояние от Татарска до Стародуба по прямой составляло 125 миль. В ту же ночь к Левенгаупту были посланы курьеры с донесением об изменении маршрута и приказом идти к Стародубу. В течение ночи отбыли поодиночке в разное время три гонца: хотя бы один из них должен был

добраться до Левенгаупта.

Ранним утром 15 сентября начался поход на юг — роковой для Карла поход, во многом определивший судьбы России и Петра. Наступление на Москву было отложено — как оказалось, навсегда. С решением, принятым в Татарске, удача отвернулась от шведов. Минувшей осенью и зимой Карл прошел едва ли не половину Европы и, совершив ряд блистательных маневров, одолел несколько грозных речных рубежей. Но летом 1708 года стратегическое чутье изменило Карлу: он попал в зависимость от Левенгаупта с обозом. Левенгаупт не поспел к сроку, и было потеряно все лето, а вместе с ним и возможность броска на Москву. Но все же в сентябре 1708 года, когда Карл принимал в Татарске решение повернуть на юг, он еще владел инициативой и его армия была цела. Он двинулся в Северскую землю с верой в то, что провал Московской кампании — лишь временная неудача. В действительности же он вступил в полосу бедствий, которой суждено было завершиться крахом. Первой жертвой решения Карла оказался Левенгаупт. 15 сентября, в тот день, когда Карл снялся с

256

лагеря в Татарске и направился на юг, Левенгаупт находился в тридцати милях западнее Днепра. Карл в это время был в шестидесяти милях к востоку от реки. Петр тотчас усмотрел открывшуюся перед ним возможность: расстояние в девяносто миль оставляло обоз без защиты. Шереметева с главными силами царь отправил на юг, чтобы отрезать Карла от обоза Левенгаупта. Но десять батальонов отборной пехоты, включая преображенцев и семеновцев, были оставлены и посажены на коней; вместе с десятью полками кавалерии и драгун, они составили «корволант» — «летучий корпус» численностью в 11 625 человек, во главе которого встал сам царь. С этими силами Петр и Меншиков отправились на запад, чтобы перехватить Левенгаупта. Царь не располагал точными сведениями о численности корпуса Левенгаупта. Доносили, что у него около 8 000 человек, тогда как на самом деле было 12 500. На всякий случай Боуру с 3-тысячным отрядом драгун тоже было велено выступить на запад и соединиться с царем. Таким образом, наперехват 12 500 шведам двигалось 14 625 русских.

Между тем измученный трехмесячным нелегким путем обоз Левенгаупта 18 сентября подошел наконец к Днепру. Здесь Левенгаупта перехватили три королевских гонца с приказом перейти через реку и поворачивать на юг, к новому месту встречи — Стародубу. В течение трех дней усталые солдаты переправляли подводы через Днепр, 23 сентября, когда на восточный берег высаживались последние роты, Левенгаупта встревожило приближение значительных групп русских войск — то тут, то там на опушке леса замаячили кавалеристы в красных мундирах. Тогда он поспешил к городу Пропойску на реке Сож. Если бы он успел вовремя переправиться через Сож, у него были бы неплохие шансы настичь королевскую армию целым и невредимым.

Началась упорная гонка. Левенгаупт отчаянно рвался к Пропойску, но его тяжело груженные фуры вязли в дорожной грязи. Утром 27 сентября передовые отряды

9 Петр Великий, т. 2

257

русской конницы настигли его и сцепились с тыловым охранением. Левенгаупт понял, что серьезного столкновения не избежать и, значит, нужно сделать выбор: то ли оставить арьергард сдерживать противника сколько возможно и в крайнем случае пожертвовать им, а самому со всеми войсками и обозом попытаться как можно скорее достичь Сожа или же остановиться и принять бой. Левенгаупт был верен себе — он выбрал второе. Отослав подводы вперед, он вывел пехоту и конницу на дорогу и построил в боевой порядок, ожидая нападения русских. Так они и простояли все утро и первую половину дня 27 сентября. Ближе к вечеру стало ясно, что русские пока нападать не собираются. Левенгаупт, свернув боевой порядок, отошел по дороге на несколько миль и снова приготовился к бою. Солдаты простояли в строю всю ночь.

На следующее утро, 28 сентября, так и не дождавшись атаки, шведы снова отступили, отбиваясь на марше от вившихся вокруг них русских конников, и дошли до деревни Лесная, лежавшей в дневном переходе от Пропойска. Тут-то и сказалась потеря почти целого дня. Не будь этого бесплодного ожидания, Левенгаупт мог бы переправиться через Сож и быть в безопасности.

Теперь же, осаждаемый русскими, Левенгаупт понял, что до реки ему не добраться и придется принимать сражение. Он выслал 3 000 кавалеристов вперед к Про-пойску - занять переправу, а сам с оставшимися 9 500 солдат изготовился к бою. Он приказал частично распределить обоз между офицерами: полковник мог оставить за собой четыре подводы, майор — три, и так далее.

Петр, со своей стороны, приказал спешиться драгунам и посаженной на коней пехоте и расположил их на опушке леса, поручив Меншикову командовать восемью полками на левом крыле, а на себя взял правое крыло с семеновцами, преображенцами и тремя драгунскими полками. В час дня 28 сентября началось сражение. Оно бушевало целый день, и, по словам Петра, «виктории

258

нельзя было во весь день видеть, куда будет» . Когда войска Меншикова дрогнули, Петр послал им на подмогу семеновцев, которые отчаянной контратакой восстановили смешавшиеся было ряды. Когда минуло четыре часа пополудни, на помощь русским явился Боур с тремя тысячами драгун, но шведы уравнили численность, отозвав к месту схватки 3000 кавалеристов, посланных ранее на защиту переправы. Бой не унимался до ночи, но внезапно налетела невиданная для ранней осени пурга, слепившая глаза, и заставила прекратить битву. Хотя шведы сохраняли строй, Левенгаупт приказал отступить и поджечь подводы. Полыхали в ночи, рассыпая бесчисленные искры, фуры с припасами, которые с таким невероятным трудом дотащились сюда из Риги — под проливными дождями, по разбитым лесным дорогам. Медные и чугунные пушки, чтобы они не достались русским, сняли с лафетов и зарыли в землю. Зловещее зарево горящих подвод освещало картину всеобщей сумятицы: не устояла и шведская дисциплина. Солдаты бросились хватать с офицерских ПОДЕОД пожитки и водку. Подразделения потеряли связь друг с другом, и многие солдаты заблудились в лесу. Некоторые пехотинцы вскочили на выпяженных из подвод коней и пустились вскачь к Пропойску, чтобы найти спасение за рекой. Когда уцелевшие полки подошли на рассвете к Пропой-ску, оказалось, что все мосты сожжены. Поэтому переправить немногие оставшиеся подводы было уже невозможно, и их сожгли на берегу. Вдобавок, на беспорядочно отступавших шведов налетели казаки с калмыками и порубили на берегу еще 500 человек.

Лишь поутру стало ясно, какое бедствие постигло шведов. Дневная битва и ночной хаос стоили Левенгауп-ту половины его сил: из 2000 кавалеристов осталось 1393, из 2500 драгун - 1749, а из 8000 пехотинцев уцелело всего 3451. Общие потери составили 6307 человек, из них более 3000 попали в плен. Немало шведов -поодиночке или сбившись в кучки — блуждали по лесам,

259

пока не были перебиты или взяты в плен. Тысяче человек удалось добраться через Литву обратно в Ригу. Обмундирование, провиант, боеприпасы и медикаменты — все, в чем так отчаянно нуждался Карл, — пропало. Русские потеряли убитыми 1111 человек и ранеными 2856. С обеих сторон в бою участвовало примерно по 12000 человек, русские потери составили одну треть, а шведские — половину личного состава.

Остатки своей потрепанной армии — около 6000 человек — верхом на распряженных обозных конях Ле-венгаупт повел к Северной земле. Довольствуясь тем, что поле боя осталось за ним, Петр не преследовал шведов, и наконец, десять дней спустя, Ле-венгаупт добрался до королевского лагеря. Но каково было разочарование Карла, когда вместо огромного обоза с провиантом для армии и 12 500 солдат свежего пополнения, Левенгаупт привел в лагерь 6 000 измученных, изголодавшихся людей — и ни артиллерии, ни провианта! Кавалерийские подразделения еще можно было как-то сохранить, но пехотные поределели настолько, что были расформированы, а уцелевшие солдаты распределены по другим полкам для восполнения потерь.

При виде вновь прибывших королевской армией овладело уныние. Битва у Лесной продемонстрировала, что у русской армии появились новые боевые качества. Обе стороны имели почти равную численность, а шведы потерпели поражение. Однако Карл держался хладнокровно. Он не бранил Левенгаупта ни за медлительность, ни за поражение. Король понимал, что тут есть и его доля вины: он слишком долго ждал Левенгаупта, но все же ему не

хватило терпения его дожидаться.

Тем временем русские торжествовали. Они считали, что неприятель превосходил их числом, и были уверены, что не просто победили, но одолели более многочисленного противника. Позднее Петр так писал об этой побе-

260

де, оценивая ее значение для боевого духа своих солдат: «Сия у нас победа может первую назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, и к тому же, еще гораздо меньшим числом будучи перед неприятелем, и поистине она виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и мать Полтавской баталии»^{7*}.

Для Петра каждое сражение было еще и этапом в деле становления боеспособной русской армии. Даже когда его войска терпели поражение, он непременно интересовался тем, как они вели себя под огнем, и если отступали, то сохраняли ли должный порядок. После битвы у Лесной Петр разослал письма соратникам и даже Августу. Подробное описание и схемы сражения он отправил царевичу в Москву, чтобы тот распорядился напечатать их по-русски и по-голландски. Известия о победе над якобы непобедимыми шведами надлежало распространить не только в России, но и по всей Европе. После битвы Петр повел <яетучий корпус> в Смоленск, где было устроено триумфальное шествие, гремел орудийный салют, вели шведских пленников и несли захваченные знамена.

Петр еще находился в Смоленске, когда в середине октября хорошие вести пришли и с севера. Общий замысел Карла предусматривал нападение 14-тысячного корпуса Любеккера на Петербург. Хотя прежде всего эта акция должна была отвлечь внимание и силы царя от шведского наступления на Москву, Карл все же надеялся, что Любеккеру удастся овладеть новым городом в дельте Невы.

Любеккер выступил в поход по Карельскому перешейку и 29 августа переправился через Неву выше Петербурга. Однако слух о неприступности городских укреплений, пущенный Апраксиным, возымел действие:

* Полтавское сражение произошло ровно через 9 месяцев после сражения под Лесной. — *Ред.*

261

Любеккер не решился напасть на Петербург и продолжил свой поход по Ингрии, обходя город с юго-запада. Безжалостный петровский приказ опустошать всю местность на пути врага, вновь принес свои плоды. Вскоре шведы истощили собственные запасы провизии и, не находя пропитания в окрестностях, были вынуждены есть собственных лошадей. Не располагая артиллерией, Любеккер не мог штурмовать ни один укрепленный город и блуждал по Ингрии, пока, наконец, не вышел к балтийскому берегу недалеко от Нарвы, где его солдат взяла на борт шведская эскадра. Но коней не могли погрузить на суда и, чтобы они не достались русским, пришлось погубить 6000 животных, убив их или перерезав им сухожилия. После этого шведская эскадра вернулась в Выборг, в Финляндию. Таким образом, Любеккер сделал полный круг вокруг города Петра, ровным счетом ничего не добившись и потеряв 3000 солдат. Даже в качестве отвлекающего маневра эта экспедиция не достигла цели: ни один солдат основных русских сил, противостоявших Карлу, не был отправлен на север.

Пробыв в Смоленске еще три недели, Петр выехал к армии Шереметева. Боевой дух в русском лагере был высок как никогда, ибо вести о победе у Лесной и успехах Апраксина в Ингрии вселили в офицеров и солдат воодушевление и уверенность в себе.

В этот момент фортуна, не благоволившая России в первые годы войны, но ныне будто бы улыбнувшаяся Петру, вновь отвернулась от него и нанесла ликующему царю, казалось, сокрушительный удар. 27 октября, когда армия Карла углубилась в Северскую землю и спешно двигалась на Украину, Петр получил срочное донесение от Меншикова: Мазепа — гетман украинских казаков, двадцать один год верно служивший Москве, — изменил царю и перешел на сторону Карла.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ МАЗЕПА

Измену Мазепы легче понять в свете принятого Карлом в середине сентября решения повернуть на юг. Трехтысячный авангард генерала Андерса Лагеркроны с шестью пушками был выслан вперед, чтобы занять переправы через реки Сож и Ипуть и двигаться на укрепленные города Мглин и Почеп. Оба этих пункта имели для Карла жизненно важное значение:

если он вознамерился овладеть не тронутой разорением Северской землей и ее главным городом Стародубом до прибытия русских войск, необходимо было прибрать к рукам эти два города — по существу, ворота провинции, и захлопнуть их перед носом Петра.

Мобильный отряд Лагеркрона ориентировался по карте, составленной службой шведского квартирмейстера. Однако, не доходя до Ипути, Лагеркрона неожиданно наткнулся на не отмеченные на карте дороги, которые показались ему удобнее и короче тех, что были на шведских картах, и предпочел одну из них. Но вместо того, чтобы привести его к Мглину и Почепу, на юго-восток, дорога повела на юг — прямо к самому Стародубу. В результате Лагеркрона миновал оба ключевых пункта, которые должен был занять, и «ворота» провинции так и остались открытыми.

Карл с основными силами следовал за ним. 19 сен-

263

тября его войска переправились у Кричева через Сож по мостам, наведенным авангардом Лагеркрона, и двинулись на юг — сквозь раскинувшийся между Сожем и Ипутью густой лес. Ослабевшие от голода люди и кони едва плелись, некоторые падали и уже не могли подняться. Дизентерия нещадно косила шведские ряды. «Думается, в этих скитаниях мы потеряли больше, чем если бы дали неприятелю сражение», — писал Джеф-фрис. Выбравшись из леса, армия направилась было к Мглину, но тут королю стало известно, что Лагеркрона пошел прямо на юг, а стало быть, Мглин и Почеп не заняты. Мгновенно оценив всю опасность положения, Карл, отобрав наиболее пригодных из своих измученных людей, спешно сформировал еще один авангард, лично возглавил его и повел на Мглин и Почеп. Когда же, ценой немалых усилий, король добрался до лежавшего в шести милях от Мглина села Костеничи, выяснилось, что в городе уже полно русских войск.

Когда Петр устраивал оборонительный рубеж на Смоленской дороге для защиты Северской земли, он оставил здесь генерала Николая Инфлянта, и тот не преминул занять и Мглин, и Почеп. Конечно, небольшой отряд Карла мог бы напасть на Мглин, но для того, чтобы выбить противника из укрепленного города, требовались орудия, а они остались далеко позади. Правда, у Лагеркрона было шесть пушек, да только его самого нигде не было видно. Карл, проигравший таким образом гонку и не поспевший первым к воротам провинции, остановил свой отряд, который все равно был слишком измотан, чтобы идти вперед. К тому же король сообразил, что ошибка Лагеркрона может обернуться на пользу шведам, поскольку двинувшись на юг, генерал пошел прямо к сердцу Северской земли и перекрестку ее важнейших дорог — Стародубу. Если Лагеркрону удалось бы занять Стародуб, это, безусловно, перевесило бы неудачу с захватом Почепа и Мглина. Вдогонку Лагеркрону были посланы гонцы с приказом овладеть городом.

264

Между тем Лагеркрона уже добрался до Стародуба, но не занял его. Он был до того смущен и раздосадован, что выбрал неверную дорогу и пришел не к тому городу, что отказался штурмовать Стародуб, как ни уговаривали его другие офицеры. Он получил приказ сначала овладеть Мглином и Почепом, а лишь затем Стародубом, и считал необходимым действовать именно в такой последовательности. Встав лагерем под стенами Стародуба, Лагеркрона запретил своим людям входить в город даже в поисках пропитания и крова, а на следующий день прибыли солдаты Инфлянта и взяли город под свою защиту. Когда Карл узнал о случившемся, он взорвался: «Лагеркрона, верно, сошел с ума!»

Карл понимал, что оказался в очень сложном положении. Стародуб, так же как Мглин и Почеп, находились в руках неприятеля. Когда под Мглином собрались последние выбравшиеся из леса отряды, король провел смотр войск и убедился в том, что солдаты не готовы к схватке с силами Инфлянта. Люди голодали и, пытаясь пополнить свой скудный паек, собирали ягоды и коренья. Здесь, 7 октября, Карла настигла весть о поражении Левенгаупта. Русские в Мглине узнали об этом первыми и отметили царскую победу пушечной пальбой, которую слышали в шведском лагере. 11 октября в королевский лагерь стали прибывать остатки разбитых войск Левенгаупта. Конечно же, все припасы погибли, и вместо 12500 солдат Левенгаупт привел лишь половину — изголодавшихся, измученных и павших духом.

Северская земля была для шведов потеряна. Через Почеп хлынула армия Шереметева.

Повсюду рыскали калмыки, предавая окрестности разорению и огню. У короля не было выбора: он мог двигаться только на юг. 11 октября Карл снялся с лагеря и выступил к Десне - реке, разделявшей Северскую землю и Украину.

Плодородная Украина, богатая хлебом и скотом, сулила Карлу то, в чем он так нуждался, - кров, отдых, а возможно, и пополнение. Если бы удалось переманить

265

на сторону шведов казачьего гетмана Мазепу, королевская армия прожила бы зиму в полной безопасности. Тысячи конных казаков восполнили бы понесенные за год потери. К тому же в столице Мазепы Батурине можно было разжиться и порохом. Поэтому, получив известие о поражении Левенгаупта, Карл на следующий же день послал Мазепе срочного гонца с просьбой предоставить зимние квартиры. В положительном ответе он не сомневался: уже не первый месяц Мазепа тайно хлопотал о союзе со шведами.

Чтобы обеспечить скорейшую переправу через Десну на украинские земли, Карл отправил авангард под командованием Крейца захватить мост в Новгороде-Се-верском. Крейц не останавливался ни днем, ни ночью и прибыл 22 октября, но было уже поздно. Русские поспели раньше и разрушили мост. Вообще впервые за все время русские явно овладели инициативой. Разведка у них была поставлена так, что, казалось, они заранее знали, куда направятся шведы, и опережали их. Но как бы тревожно и даже зловеще это ни выглядело, вера и надежда не оставляли шведов. Ведь впереди лежала страна, по выражению Джеффриса, «текущая молоком и медом» край, где правил гетман украинских казаков — Иван Мазепа.

Всю весну и лето 1708 года гетмана терзали сомнения. Он был подданным царя Петра, а казацкие земли со всех сторон окружали более сильные соседи: на севере — русские, на западе — поляки, на юге — татары. Но исконная мечта казаков о независимой Украине не покидала Мазепу. Ему хотелось избежать малейшего риска и в то же время не упустить ни малейшей возможности. С вторжением шведской армии и почти предрешенным поражением Петра, возможности определенно перевешивали риск. Казацкому вождю, который славился как своими подвигами на бранном поле, так и амурными

266

похождениями, и который на протяжении двадцати одного года оставался предводителем беспокойного казачьего племени, настало время сделать окончательный выбор. Мазепе было шестьдесят три года, он страдал подагрой, но, как и прежде, слыл проницательным, расчетливым и неотразимо обаятельным. Жизнь его составила целую эпоху в истории казачества. Иван Степанович Мазепа родился в 1645 году в семье мелкого шляхтича с Подолии, одной из порубежных земель той части обширной Украины, что лежала к западу от Днепра и находилась под властью Польши. В Подолии господствовали католики, а Мазепа происходил из православного рода; один из его родичей, за полвека до появления Мазепы на свет, погиб от руки поляков на костре. Однако путь к карьере в те времена пролегал через католические школы и двор польского короля, и Мазепа поступил в иезуитскую академию, но, выучившись свободно говорить на латыни, остался верен православной религии. Привлекательный и сметливый юноша был взят ко двору польского короля Яна Казимира, но его происхождение и вера сделали его объектом постоянных нападок со стороны поляков-католиков. Однажды, доведенный до бешенства, Мазепа выхватил саблю. Всякий, обнаживший оружие-во дворце, подлежал смертной казни, но король учел обстоятельства дела и смягчил наказание. Мазепе пришлось уехать на Волыньщину в имение матери. Рассказывали, что там он приглянулся жене соседнего помещика и что оскорбленный супруг поймал виновных с поличным. Мазепу раздели донага, обмазали дегтем, обсыпали пухом и привязали к коню, которого пустили вскачь сквозь заросли. Когда конь донес Мазепу до ворот дома, молодой человек был так истерзан, что собственная челядь едва его признала. Претерпевшему подобное унижение Мазепе не было места в обществе польской шляхты, и он нашел прибежище там, где всегда искали его изгои общества — среди казаков.

267

Тогдашний гетман сразу обратил внимание на молодого человека, который был умен и храбр, бегло говорил по-польски, по-русски, по-немецки и по-латыни. Мазепа быстро делал карьеру — стал ротмистром гетманской стражи, а затем генеральным писарем. В эти годы он ездил на левый, русский, берег Днепра с поручениями от правобережного гетмана к тамошним

казакам, а также побывал с дипломатической миссией в Стамбуле. Возвращаясь из Турции, он был захвачен запорожцами, в то время приверженными царю Алексею, и отправлен в Москву для розыска. Допрашивал его не кто иной, как друг и сановник царя — Артамон Матвеев, которого Мазепа сумел расположить к себе и убедить в своей преданности интересам России. Мазепа был обласкан, удостоен аудиенции у царя и отправлен обратно на Украину. В годы правления царевны Софьи образованность Мазепы и его умение держаться очаровали князя Василия Голицына, как прежде Матвеева. В 1687 году гетман Самойлович был отрешен от должности, став козлом отпущения за неудачу крымского похода Голицына, и любимец царевны посодействовал Мазепе сделаться его преемником.

В целом правление Мазепы протекало безоблачно. Он хорошо усвоил самое главное правило — всегда стоять на той стороне, которая взяла взрх в Москве. По прошествии двух лет после провозглашения гетманом, Мазепа ухитрился удивительно точно и своевременно выбрать верную линию поведения на завершающем этапе противоборства между Софьей и Петром. В июне 1689: года он отправился в Москву в намерении выказать свою верность Софье и Голицыну, но по прибытии быстро смекнул, что Петр несомненно одолевает, и тут же поспешил в Троицу — заявить о своей приверженности юному царю. Среди заметных персон государства Мазепа перешел на сторону Петра одним из последних, но вскоре сумел добиться расположения и доверия государя, очаровав его живостью манер и занятностью разговора. Против гетмана выдвигались обвинения, распускались порочившие его

268

слухи, но ничто не могло поколебать его положения, и он оставался среди высочайших сановников государства. Одним из первых он был удостоен ордена Св. Андрея Первозванного, и по просьбе Петра Август наградил его польским орденом Белого Орла.

Но, несмотря на полное доверие со стороны царя, гетман находился в весьма непрестом положении. Зависимость от Москвы вызывала негодование многих казаков, которые к тому же сами раскололись на новую местную шляхту, завладевшую бывшими именьями польских помещиков, и рядовых казаков, вовсе не обрадованных появлением новых панов. Они мечтали о вольной казацкой жизни на манер Запорожской Сечи. Там, за днепровскими порогами, казаки жили по обычаю отцов и дедов, и их пример не давал покоя мятежным душам. С другой стороны, украинских землевладельцев и горожан не прельщала казацкая вольница — они стремились к мирной жизни, спокойной торговле и процветанию. В итоге, простые казаки поносили гетмана, утверждая, что он стал царским холопом^ тогда как зажиточные землевладельцы и горожане требовали, чтобы он навел порядок и утихомирил смутьянов.

Мазепа, шляхтич по происхождению, с польским образованием и светскими манерами, естественно, склонялся к интересам землевладельцев и в течение ряда лет умудрялся успешно сочетать их с интересами Москвд, конечно же, не забывая и о своих собственных. За годы правления Мазепа приобрел огромные богатства и власть и даже возмечтал, чтобы выборный гетманский пост сделать наследственным. Верноподданность царю и Москве стала краеугольным камнем политики Мазепы, но в глубине души он желал того же, что и его народ — независимости Украины. Уния с Россией лежала на Украине нелегким бременем, многократно усиливавшимся за долгие годы войны. Росли поборы, на казацких землях возводились крепости, и в них размещались московские гарнизоны. Царь беспрестанно требовал продо-

269

вольствия и подвод, и нескончаемые обозы тянулись по украинским степям к опорным пунктам российских войск. Царские офицеры набирали в украинских селах рекрутов — кого волей, а кого и неволей. Казаки жаловались, что русские грабят их дома, забирают припасы, насилюют их жен и дочерей. Во всех этих бесчинствах, так же как и в непомерно возросших аппетитах Москвы, народ винил гетмана. А тому и самому опостылело во всем угождать царю и опасаться зависти и ревности его ближних людей, пуще всего Меншикова, который был не прочь унизить Мазепу и, по слухам, сам хотел сделаться гетманом. Да и прозападная политика Петра смущала и тревожила гетмана, консервативного до мозга костей, когда речь шла о религии и традициях.

Но в водовороте политических течений, окруженный действительными и мнимыми врагами,

Мазепа удерживал власть благодаря покровительству Петра. В конце концов, пока он поддерживал Петра, тот, в свою очередь, поддерживал его самого, а от этого зависело быть или не быть казацкому гетману. За годы правления Украиной Мазепа явил Петру немало доказательств своей верности — в частности, сумел удержать запорожцев от выступления на помощь Булавину, чем заслужил полное и безоговорочное доверие Петра. Время от времени царю доносили, что гетман плетет заговоры, состоит в переписке со Станиславом и даже с самим Карлом, но Петр и слышать ни о чем не желал, считая все эти наветы происками врагов Мазепы, верного ему гетмана.

В действительности же, эти обвинения были небезосновательны. Мазепа всегда стремился оставаться на стороне победителя. Каково придется казакам и ему самому, размышлял Мазепа, если Карл пойдет на Москву и низложит Петра, а гетман не успеет вовремя отречься от царя? Если Карл посадит на русский трон нового царя, как он уже посадил Станислава на польский престол, не захочет ли он подыскать и нового гетмана для Украины? Зато, если Мазепа вовремя заявит

270

о своей лояльности шведскому королю, победа Карла может открыть путь к созданию самостоятельной казацкой державы с наследственным гетманом во главе.

Чтобы не упустить случай, Мазепа почти три года поддерживал тайные сношения с врагами Петра. Правда, поначалу он отклонил было все предложения искавшего подходы к нему Станислава. В 1705 году он отослал к Петру закованного в кандалы посланца польского короля и с негодованием писал:

И я, гетман, верный Вашего Царского Величества, подданный по должности обещанию моему, на Божественном Евангелии утвержденному, как отцу и брату Вашему служил, так ныне и Вам истинно работаю, и как до сего времени аки столп непоколебимый и ахи адамант несокрушимый пребывал, так и сию малую службинку повергаю под монаршеские стопы⁴.

Пока Карл был далеко, верность Мазепы Петру была тверда. Но по мере приближения слышавшего непобедимым войска Карла, в душе Мазепы нарастало возбуждение и беспокойство. Подобно почти всей Европе, он не сомневался в том, что, коль скоро шведский король замыслил разбить царя, крах Петра неминуем. Но выразить поддержку Карлу раньше времени значило для Мазепы навлечь на Украину вторжение русских войск, что могло бы закончиться крахом для него самого.

Весной 1708 года колоритная натура гетмана едва не довела его до беды. Мазепа умел завоевывать расположение женщин так же легко, как и дружбу мужчин. Всю жизнь за ним следовала слава сердцееда. Он и в шестьдесят три года оставался пылким и влюбчивым и завел роман с собственной крестницей, прекрасной казачкой Матреной Кочубей, которая тоже самозабвенно полюбила его. Мазепа предложил жениться на ней, но родители с негодованием отказали, и отчаявшаяся девушка убежала из дому к гетману. Мазепа отослал Матрену к родителям со словами: «Сама знаешь, як я сердечно шалене люблю:

271

еще никого на свете не любил так. Мое б то щастье и радость, чтоб нехай ехала, да жила у мене», — но церковь не позволяла жениться на крестнице, да и удерживать девушку у себя против воли ее родителей Мазепа не хотел. Отец Матрены, генеральный судья Кочубей, пришел в ужас и ярость, считая, что дочь его была похищена и опозорена. Он задумал отомстить гетману и, прослышав о том, что Мазепа плетет интриги с поляками и шведами, в начале марта 1708 года донес об этом Петру. Но царь продолжал верить своему гетману, и попытка Кочубея бросить тень на Мазепу лишь разгневала государя, который усмотрел в ней стремление перед лицом иноземного нашествия возмутить спокойствие на Украине. Мазепе царь написал, что никаким наговорам не верит и твердо решил положить им конец. Кочубей был арестован, подвергнут допросу и, поскольку не смог подтвердить свои обвинения неопровержимыми доказательствами, выдан Мазепе. К облегчению гетмана и к ужасу Матрены, 14 июля 1708 года Кочубей был обезглавлен.

Именно в это время Мазепа окончательно решил связать свою судьбу со шведами. Карл обещал ему, что, по мере возможности, будет держаться за пределами Украины и не превратит казацкие земли в поля сражений, но гарантировать независимость Украины, чего так жаждал Мазепа, не спешил. Карл не хотел задевать ни казаков, ни поляков. Польща по-

прежнему претендовала на восточную Украину, и Карл вовсе не собирался охлаждать энтузиазм одного союзника, отдавая предпочтение интересам другого.

С казнью Кочубея слухи о сношениях гетмана с неприятелем не прекратились, и, чтобы разобраться во всем, царь призвал Мазепу к себе. Гетман ехать не боялся — он был убежден в том, что сумеет уверить царя в своей невиновности, — но предпочитал выжидать, пока не станет ясен исход войны. Если окажется, что одолевает Петр, соглашение со шведами можно без шума предать забвению. Поэтому Мазепа тянул время, отгова-

272

риваясь тяжелым недугом. Для пушей убедительности, он принял царского гонца, лежа на «смертном одре», и даже призвал священника, чтобы получить последнее причастие. Одновременно Мазепа отправил послания и Петру, и Карлу, уверяя обоих в своей преданности и каждого прося о помощи.

Принятое Карлом в сентябре решение идти на Украину обрушилось на Мазепу как гром среди ясного неба. Гетман ожидал похода шведов на Москву и свержения Петра, как и обещал ему король. Узнав, что Карл приближается к Украине, Мазепа оказался перед неизбежностью открытого выступления на стороне одного из противников. Стало ясно, что украинским землям не избежать ужасов опустошительной войны. Страх охватил его: два могущественных монарха вели на Украину свои войска. Мазепа клялся в верности обоим, и понимал, что если в роковой час ошибется и сделает неправильный выбор, гибель его неминуема.

Еще раньше, летом, царь велел гетману сажать казаков на коней и вести за Днепр - тревожить тылы шведской армии. Мазепа отвечал, что он слишком хвор для похода, да и нужен на Украине, дабы сохранять край в верности государю. Петра устроило это объяснение: кто знает, куда повернутся при появлении шведов буйные казацкие головы.

13 октября Петр снова велел гетману явиться к нему, на сей раз в Стародубе. Мазепа опять сослался на немочи, и Петр позволил ему остаться в Батурине, гетманской резиденции, написав Меншикову, что «гетмана отволакивать ненадобно, понеже большая польза от него в удержании своих, нежели в войне».

Но теперь тысячи солдат в потрепанных и грязных мундирах - русские в зеленых и красных, шведы в сине-желтых - с мушкетами, вскинутыми на плечо или притороченными к седлу, колоннами тянулись по дорогам на

273

юг, Шереметев с основными русскими силами двигался параллельно армии Карла, готовый перерезать королю путь, если шведы повернут на восток; к западу от шведских колонн двигался к югу отдельный кавалерийский корпус Меншикова, и путь его пролегал близ Батурина. Петр искренне верил, что гетман так плох, что стоит на краю могилы и поручил Меншикову проводить его и даже собрать казацких старшин для выборов возможного преемника. Исполняя царскую волю, Меншиков известил Мазепу о своем намерении посетить Батурин. Гетман решил, что царь проведет о его замыслах, и Меншиков, которого Мазепа опасался и ненавидел, едет затем, чтобы арестовать его, а то и убить. И Мазепа потерял голову. Оглядываясь назад, понимаешь, что разумнее для Мазепы, коль скоро он склонился на сторону Карла, было бы отсидеться в Батурине до прихода шведов. Даже появившись Меншиков раньше Карла — с одной конницей, без пушек, он не мог угрожать укрепленному городу. Мазепа не знал, как велики силы Меншикова, зато самого Меншикова он знал очень хорошо и боялся его, а еще больше боялся того, что будет, когда о его измене узнает Петр. Решив, что настало время играть в открытую, Мазепа оставил в Батурине 3000 казаков с приказом не впускать русских, а сам вскочил в седло и во главе 2-тысячного отряда поскакал на север, чтобы вверить свою судьбу королю Швеции. Обстановка складывалась не в пользу Петра, но Меншиков спас положение решительными и быстрыми действиями. Князь -прибыл в Батурин 26 октября и обнаружил, что Мазепы и след простыл, а казаки заперлись в городе и не открывают ворота. Меншиков почуял недоброе — он опросил окрестных жителей и выяснил, что Мазепа в сопровождении большого отряда ускакал по направлению к переправе через Десну. Понять, что это значило, было нетрудно; к тому же нашлись казацкие старшины, которые явились к князю просить его покровительства и донесли, что гетман изменил и перебежал к шведам.

274

Сознавая необходимость обсудить случившееся с Петром, Меншиков выделил для прикрытия Батурина кавалерийский заслон во главе с князем Голицыным, а сам без промедления отправился к царю, который находился при армии Шереметева. Известие о вероломстве Мазепы ошеломило Петра, но самообладания он не потерял. Сейчас главным для него было во что бы то ни стало не дать измене обрести новых сторонников.

Чтобы не допустить цепной реакции, царь принял энергичные меры. Еще ночью, едва прослышав о бегстве гетмана, Петр тут же приказал Меншикову разослать по окрестностям драгунские полки с тем, чтобы пресекать любые попытки украинских и запорожских казаков прорваться в шведский лагерь и соединиться с Мазепой. На следующий день, 28 октября, Петр издал манифест ко всем жителям Украины. Объявляя об измене Мазепы, царь взывал к их религиозным чувствам. Утверждая, что Гетман предался шведам затем, «чтобы малороссийскую землю поработить по-прежнему во владение польское, и церкви Божия и святые монастыри отдать в унию (католикам)»⁷. Манифест зачитывали по городам и селам Украины и в низовьях Волги. Царь призывал казаков поддержать нового гетмана и выступить против шведских захватчиков, союзников извечного казацкого недруга — ляхов. Помимо патетических призывов, Петр не преминул использовать и всем известную склонность казаков поживиться разбоем. За взятых в плен шведов назначались награды: от 2000 рублей за генерала и 1000 за полковника до 5 рублей за рядового солдата. Убитого шведа оценили в три рубля.

Не теряя времени, Петр обратился и к текущим военным вопросам. Представлялось очевидным, что Карл непременно устремится к Батурину — укрепленной столице Мазепы, где имелись большие запасы провианта и пороха. Спешно собранный военный совет порешил, что Меншикову с немалыми силами и артиллерией надлежит вернуться к Батурину и захватить город прежде, чем

275

к нему поспеют Карл с Мазепой. Петр был неспокоен, зная, что шведы вот-вот переправятся через Десну, и твердил Меншикову, чтобы тот выступал, не мешкая, и действовал решительно и сурово.

Началась гонка — кто раньше попадет в Батурин.

Когда в последние дни октября к армии Карла, почти достигшей берега Десны, прибыл Мазепа, вид его пестрого воинства заметно ободрил шведских солдат. Правда, шведы надеялись, что казаков будет побольше, но их заверили, что в Батуристине к ним присоединится подкрепление. И офицеров, и солдат воодушевляла близкая возможность добраться до дружественного города — укрепленного, с удобными квартирами и с изрядными запасами провианта и пороха. Хотя русские заняли переправу у Новгорода-Северского и переправляться шведам пришлось на виду у армии Галларта, это не убавило их бодрости. Переправа оказалась нелегкой: Десна в этом месте широкая, с быстрым течением и высокими берегами, и после первых морозов на воде появилось множество плавучих льдин. 3 ноября Карл при поддержке Мазепы применил свою излюбленную тактику. Имитируя переправу выше по течению, он сумел ввести русских в заблуждение, а затем нанес мощный удар прямо через реку, в центр неприятельских позиций. К вечеру, преодолев отчаянное сопротивление уступавших в числе русских войск, король вступил на землю Украины. Ближайшая цель была ясна: на юг, к Батуристину! Дорога открыта. Но Карл не ведал о том, что в тот самый день, когда он, перейдя через реку, ступил на украинскую землю, Батурин перестал существовать.

Меншиков выиграл гонку. 2 ноября он появился у стен Батуристана во главе кавалерии и посаженной в седла пехоты, и казакам пришлось выбирать между гетманом

276

и царем. Меншиков требовал открыть ворота, но казаки поначалу отвечали, что не могут впустить солдат в город, пока не получат приказа от нового гетмана, которого еще предстояло избрать. Князь, зная, что неприятель на подходе, настаивал. Казаки по-прежнему упорствовали, но клялись в верности царю и просили дать им три дня, чтобы беспрепятственно вывести из города гарнизон. Меншиков на эту отсрочку не согласился и требовал, чтобы казаки немедленно покинули крепость, обещая им в этом случае безопасность. Вынужденные дать быстрый и определенный ответ, казаки отбросили колебания и послали назад к Меншикову его гонца с дерзким отказом: «Все здесь помрем, а царского войска не

пустим»⁸.

На следующий день, 3 ноября, едва занялось утро, войска Меншикова пошли на приступ, и батурицы, после двухчасового сопротивления, наконец сдались. (По слухам, ворота открыл казак, надумавший переметнуться к русским.) Петр предоставил Меншикову решать судьбу города, но выбора у того уже не оставалось. К Батурину быстро приближалась основная шведская армия вместе с Мазепой, а на подготовку к осаде у Меншикова не хватало ни времени, ни сил. Однако он не мог допустить и того, чтобы шведы овладели крепостью вместе со всеми запасами продовольствия и снаряжения. И он отдал приказ уничтожить город. Солдаты Меншикова истребили все население Батурина — и казаков, и мирных обывателей. Пало 7 000 человек и только 1000 уда-лось скрыться. Все, что можно было унести, раздали солдатам, а сам город вместе со столь необходимыми шведам припасами был предан огню. Батурин — старинная казацкая твердыня — исчез с лица земли.

Петр считал, что судьба Батурина должна послужить уроком для всякого, кто замыслит измену. И он не ошибся; удар был жесток, возмездие наступило мгновенно, и казаки уразумели, что существует могучая сила, карающая немилосердно. Дабы еще более ограничить возможное влияние изменника, Петр срочно созвал казацких

277

начальников и старшин, и предложенный им кандидат — стародубский полковник Скоропадский — был избран гетманом вместо Мазепы. На другой день прибыл митрополит Киевский с двумя другими архиереями, и Мазепа был торжественно отлучен от церкви и предан анафеме. Для пущей наглядности, куклу, изображавшую Мазепу, пронесли по улицам, а затем вздернули на виселицу ~ лицом к лицу с повешенными защитниками Батурина. Анафему бывшему гетману провозглашали в церквях в Москве и по всей России, а царский манифест сулил подобную участь всем государевым изменникам.

Таким образом, Петру удалось притушить пламя Ма-зеповой крамолы прежде, чем пожар успел распространиться. Украина раскололась, и сколь ни созывал Мазепа казаков в шведский лагерь, откликнулись немногие, большинство же предпочло сохранить верность царю. Не больше проку было и от обещания Карла взять казаков под свою защиту. Народ украинский держался царя и нового гетмана, коней и провизию укрывали, а отбившихся шведов захватывали в плен и доставляли к русским войскам в расчете на вознаграждение. Довольный Петр писал Апраксину: «Малороссийский народ так твердо с помощью Божией стоит, как больше нельзя от них требовать; король посылает прелестные [подстрекательские] письма, но сей народ неизменно пребывает в верности и письма королевские приносит»⁹.

С потерей, вслед за обозом Левенгаупта, армейских и продовольственных складов Батурина запасы провианта и пороха у шведов уменьшились до опасной черты, а пополнить их здесь, в глубине России, было неоткуда. Обманулся Карл и в надежде на массовое выступление казаков на Украине. Вместо того, чтобы найти убежище в безопасном краю, шведы вновь попали в окружение конных разъездов, которые жгли и разоряли все вокруг, и силы их таяли с каждым днем.

Для Мазепы все произошедшее обернулось катастрофой. Он мечтал разделить блистательный триумф с

278

победителем, а выбрал свою гибель. Столица его была стерта с лица земли, сан достался другому, сторонники его покидали. Поначалу он убеждал Карла, что жестокость Меншикова только разъярит казаков, но и это оказалось иллюзией, и в одну ночь горделивый казацкий гетман превратился в сломленного старика, жалкого беглеца, искавшего защиты у шведской армии. У Мазепы оставалось теперь единственная надежда — шведский король. Если бы он одержал решительную победу и одолел царя, Мазепа сумел бы вернуть все, что утратил. До конца дней Мазепе суждено было оставаться в лагере Карла. Он уже не был могущественным союзником, но Карл помнил, на какой риск он шел из-за него, и чтит его по-прежнему. К тому же король ценил острый ум и живой нрав этого невысокого жилистого старика, который несмотря на свои годы, был полон жизни и огня, а на латыни говорил так же свободно, как и сам король. В ходе русской кампании проницательность Мазепы и хорошее знание местности делали его ценным советником и проводником. Мазепа и приставшие к нему несколько тысяч казаков сохранили верность Карлу, чему немало способствовало отсутствие каких бы то ни

было заблуждений насчет того, что случится с ними, попади они в руки русских. Однако, по некоторым данным, Мазепа продолжал и дальше плести интриги. Казацкий полковник, из числа бежавших с Мазепой к шведам, явился к Петру с устным посланием, уверяя, что старый гетман обещает передать Карла в руки Петра, если царь простит его и восстановит в гетманском сане. Петр отослал к Мазепе гонца с извещением о согласии, но на этом все дело и заглохло.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ СУРОВАЯ ЗИМА 1709 ГОДА

11 ноября Карл с передовыми полками подошел к Батуруну. Руины города еще дымились, и в воздухе стоял смрад от полуобгорелых трупов. Следуя совету потрясенного этим зрелищем Мазепы, шведы продолжили путь на юг, к Ромнам — в раскинувшийся между Киевом и Харьковом край, богатый щедрыми нивами и сочными пастбищами, на которых паслись тучные стада. В преддверии зимы урожай табака и зерна уже собрали в амбары, коровы и овцы вернулись с летних выпасов, и всего было в достатке — хлеба, пива, меда, сена и овса. Наконец-то люди и кони смогут есть и пить вволю. Довольные шведы расположились на территории между Ромнами, Гадячем, Лохвицей и Прилуками, рассредоточив полки поротно и повзводно и занимая под постройкам всякое пригодное жилье. Здесь, в украинской глуши, «чуть ли не на краю света», отрезанные от Швеции и от Европы, они все же надеялись, что нашли наконец безопасное пристанище.

В то же самое время, параллельно шведам, но на несколько миль восточнее, Петр и Шереметев с основными русскими силами тоже двигались к югу, стараясь заслонить от шведов лежавшую более чем в 400 милях к северо-востоку Москву. Стоило шведам устроиться на зимние квартиры, как Петр и сам встал на постой в

280

местечке Лебедин, перекрыв Курско-Орловскую дорогу к Москве. Чтобы шведам не удалось прорваться ни на восток к Харькову, ни на запад к Киеву, царь разместил гарнизоны во многих городах и селах к востоку, югу и западу от мест расположения королевской армии. Одним из этих городов была Полтава.

Стычки между шведами и русскими не прекращались, но, казалось, противники поменялись ролями. Всегда предпочитавший наступательные зимние кампании Карл ныне занял глухую оборону, тогда как русские разъезды беспрестанно тревожили растянутые позиции шведов. Петр не хотел давать генерального сражения, но стремился к тому, чтобы не знавшая ни минуты покоя, непрестанно терявшая людей — без надежды на пополнение — шведская армия к весне оказалась истощенной, павшей духом и деморализованной. Он знал, что время на его стороне.

Таким образом, инициатива перешла к царю, и тактика его сводилась к тому, чтобы на всю зиму лишить неприятеля сна и отдыха. Морозы в том году ударили необычно рано, реки покрылись льдом, и ничто не препятствовало набегам русской конницы. В этих условиях шведам стало куда труднее оберегать свои лагеря, к тому же русские постоянно устраивали ложные вылазки и отвлекающие маневры: скажем, крупные силы русских собирались поблизости от шведского лагеря, чтобы выманить короля, а стоило Карлу подняться и вывести им навстречу свои полки, тут же отступали. Так случилось 24 ноября у Смелого, когда войска Карла, полностью изготовившись к бою, обнаружили, что русских и след простыл. Карл пришел в ярость и позволил своим солдатам сорвать досаду на городке; после методичного грабежа, когда на долю каждого полка был выделен отдельный участок, городок сожгли дотла.

Русские упорно наседали, раздражение Карла росло, и, мечтая о генеральном сражении, которое могло бы одним ударом покончить с изнурительным противосто-

281

янием, король угодил в западню, устроенную Петром. 7 декабря Петр двинул значительные силы на юго-восток, выказывая явное намерение напасть на Гадяч, где примерно в тридцати пяти милях к востоку от Ромен, были расквартированы три шведских полка и часть казаков Мазепы. В то же время к самим Ромнам был послан Галларт, чтобы занять их, как только шведская армия выступит на помощь Гадячу. Замысел состоял в том, чтобы выманить шведов из обжитых квартир в морозную пустошь и прибрать Ромны к рукам.

Прослышав о скоплении русских войск на подступе к Гадячу, Карл не смог сдержать свой

воинственный пыл. Генералы тщетно просили его остаться в Ромнах и предоставить гарнизону Гадяча самому отбиваться от русских. Не слушая советов, невзирая на трескучий мороз, 19 декабря король приказал армии выступать и с передовым отрядом гвардейцев устремился вперед в надежде застать неприятеля врасплох, как это было под Нарвой. Узнав, что армия Карла выступила в поход, Петр приказал своим войскам оставаться под Гадячем до подхода шведов, а с их приближением отступить. В полном соответствии с замыслом, как только шведский авангард приблизился, русские силы растаяли, отступив в Лебедин, где размещалась царская ставка. Между тем, едва только шведы ушли, Галлард, как и предвидел Петр, без всяких затруднений занял Ромны.

Теперь шведская армия была растянута по дороге между Гадячем и Ромнами, где ее подстерегал более грозный враг, чем русские солдаты. В 1709 году во всей Европе выдалась такая суровая зима, какой и припомнить не могли. В лесах Швеции и Норвегии замерзли насмерть лоси и олени, все Балтийское море стояло покрытое льдом, и тяжело груженные подводы переправлялись из Дании в Швецию прямо по льду через пролив. В Венеции замерзли каналы, в Португалии — устье Тахо, и даже Рона покрылась льдом. В Париже по замерзшей Сене можно было ездить верхом и в экипа-

282

жах. Ледовый панцирь сковал заливы и фьорды атлантического побережья. Кролики замерзли в норах, белки и птицы замертво падали с деревьев, скот коченел на полях. Вино в подвалах Версаля превращалось в лед. Придворные, позабыв о моде, кутались в тяжелые одежды и собирались вокруг очагов, где день и ночь пылали дрова, чтобы хоть немного отогреть выстуженные комнаты. «От холода люди мрут как мухи. Крылья ветряных мельниц замерзают в своих гнездах и нельзя размолоть зерно, и оттого многие умирают с голода», — писала невестка Людовика XIV. Но еще страшнее морозы были в пустынных, открытых всем ветрам просторах украинских степей. Сквозь этот ледяной ад оборванная, едва живая от холода шведская армия шла на выручку гарнизону, которому уже никто не угрожал.

Мало того, что усилия их были напрасны, так еще в Гадяче армию ждало жестокое испытание. Шведы изо всех сил стремились к Гадячу в надежде хотя бы к вечеру обрести кров и тепло. Но в город вели единственные узкие ворота, которые скоро оказались запруженными массой людей, коней и подвод. Многим шведам пришлось провести ночь, а то и две-три в открытом поле. На их долю выпали невероятные страдания. Порой часовые на постах замерзли насмерть, не говоря уже о том, что многие отморозили уши, носы или пальцы на руках и ногах. Сквозь узкие ворота в город нестерпимо медленно тянулась длинная вереница подвод и саней с обмороженными людьми, иные уже окоченели. «Стояла такая лютая стужа, что и описать невозможно. Около сотни солдат нашего полка отморозило себе срамные части или лишилось рук, ног и носов, а еще девяносто замерзли насмерть, — вспоминал молодой шведский офицер, участник этих событий. — Собственными глазами я видел кавалеристов и драгун, окоченевших в своих седлах, их нельзя было снять с коней, не отрезав пальцев, ибо застывшие руки мертвой хваткой сжимали поводья»².

283

Город Гадяч почти весь обратился в лазарет. Больные и обмороженные теснились на скамьях поближе к огню, лежали бок о бок на покрытом соломой полу. В воздухе стоял зловонный запах гангрены, а хирурги без устали делали свое дело. На полу вырастали груды отпиленных рук, ног и пальцев. Никакая битва не смогла бы причинить шведской армии такой страшный урон, какой понесла она, проведя несколько ночей под открытым небом. Более 3000 шведов умерли от холода, и мало кому удалось избежать обморожения. По неведению большинство не решалось, по примеру казаков, растирать снегом обмороженные части тела. Сам король отморозил щеки и нос, лицо его побелело, но, по совету Мазепы, он не мешкая растер лицо снегом и кровообращение восстановилось.

Холода достигли своего пика к Рождеству — главному празднику в шведском церковном календаре. Карл целыми днями разъезжал от полка к полку, инспектируя солдат, набившихся в хаты по двадцать-тридцать человек. Все церковные службы, не исключая рождественской, пришлось отменить, чтобы люди не выходили на холод. Довольствовались простыми молебнами, утром и вечером, которые в каждом доме проводил кто-то из расквартированных там солдат. Самые свирепые морозы ударили сразу после Рождества и держались два дня; на

третий день слегка потеплело, а к 30 декабря уже можно было снова выходить на улицу. Карл успокаивал себя тем, что русским, должно быть, приходится не легче. Но на деле, хотя стужа не щадила и русских, те были одеты теплее и понесли гораздо меньший урон.

Как ни странно, наступательный порыв короля, уже позволивший заманить шведов в Гадяч, не умерили ни выпавшие на долю армии бедствия, ни понесенные ею потери. «Пусть против нас ополчились Земля, Небо и Воздух, — писал молодой принц Макс Вюртембергский, — король не отступит от своих замыслов»³. Карл был раздосадован потерей захваченных Галлартом Ромен и

284

хотел перехватить инициативу. Всего в восьми милях от Гадяча, на вершине холма находилось укрепленное местечко Веприк. Король, не желая мириться с близостью русских укреплений, решил овладеть им. Но в Веприке стоял сильный гарнизон - 1100 русских и несколько сотен верных Петру казаков под общим командованием служившего царю английского офицера. Вступив в должность, этот деятельный комендант приказал втащить на гребень валов землю в корзинах и таким образом нарастить их сверху. Скаты валов были политы водой и на морозе превратились в ледяные горы. Ворота забаррикадировали телегами со смерзшимся навозом. И когда 7 января у стен Веприка появился Карл и потребовал немедленной сдачи, готовый к осаде англичанин ничуть не испугался. Напрасно король грозил повесить и его самого, и всех защитников крепости; комендант невозмутимо отклонил требование Карла и продолжал подготовку к отражению неприятеля. Он знал, что во главе наступающих колонн на штурм ледяных валов пойдут офицеры, и приказал своим стрелкам хорошенько целиться, в идущих впереди.

На Веприк Карл повел 3000 человек - шесть поредевших пехотных батальонов и два драгунских полка; операция представлялась несложной, а силы достаточными. Защитники будут сметены со стен артиллерийским огнем, а затем пехота тремя колоннами хлынет через валы и прорвется в местечко. Испытанные шведские солдаты решительно пошли на приступ. Под грохот орудий три атакующие колонны со штурмовыми лестницами приближались к валам. Но подвела артиллерия: пушек было слишком мало и огонь был слишком редок. Защитники сумели удержаться и обстреливали наступающие колонны, не давая приставить лестницы. Когда же шведам все-таки удалось поднести несколько лестниц к валам, выяснилось, что они чересчур короткие и соскальзывают с обледенелых скатов. Лучшие стрелки из русских солдат и казаков целились и стреляли, как им

285

было приказано, - в первую очередь, в офицеров. На головы нападавшим швыряли бревна, лили кипяток и даже горячую кашу.

Хотя у подножия обледенелых стен Веприка росла гряда тел, Карл не мог допустить, чтобы его армию остановила столь «жалкая крепостишка». Он возобновил атаку, и вновь она была отбита. Реншильда, находившегося в гуще боя, ранило в грудь осколком гранаты — от этой раны он не оправился до конца жизни. Когда стусившаяся тьма принудила шведов прекратить приступ, Веприк по-прежнему держался. К счастью для Карла, комендант не знал, какие тяжелые потери понесли шведы, и опасался, что осажденные не выдержат третьего приступа; с наступлением темноты он послал к шведам парламентаря, чтобы договориться о почетной капитуляции. Карл согласился, и гарнизон в 1500 человек с четырьмя пушками оставил крепость и сдался в плен. Но потери Карла были велики: всего за два часа короткого зимнего дня он потерял убитыми 400 человек и 800 было ранено — это составляло более трети участников штурма и серьезно подорвало силы и без того таявшей шведской армии.

Крепость была взята, но никаких существенных преимуществ достигнуть не удалось.

С середины января до середины февраля шведская армия вновь пребывала в движении. Карл двинулся на восток, переправляясь через замерзшие реки, пробираясь заснеженными тропами. Петра это не могло не тревожить: шведский авангард находился всего в ста милях от Харькова — главного города восточной Украины. Еще больше царь опасался, как бы Карл не пошел на Воронеж, к Дону. Воронежский флот и верфи стоили Петру огромных усилий, и, чтобы обезопасить их, он был готов пожертвовать многим, даже отважиться на генеральное сражение. Поэтому, как только шведы вознамерились

286

обогнуть южный фланг армии Шереметева, тот тоже начал сдвигать свои войска к югу, стараясь держаться параллельно курсу шведской армии, чтобы постоянно находиться между нею и верфями. Еще южнее, с многочисленной конницей и драгунами вклинился Меншиков, который перекрыл путь шведам со стороны Ворсклы и приготовился воспрепятствовать любой их попытке переправиться через реку.

Однако 29 января Карл нанес Меншикову удар. Князь как раз заканчивал обед в городище Опошня близ Ворсклы, когда поднялась тревога и неожиданно объявился Карл с пятью кавалерийскими полками. Такая атака, напоминая прошлогодний стремительный налет на гродненский мост, была по душе шведскому королю, который со шпагой в руке скакал во главе своих драбантов. Меншиков обратился в бегство, а семь его драгунских полков шведы выбили из городка и гнали до тех пор, пока не были вынуждены остановиться из-за глубокого снега. Вся операция стоила шведам двоих убитых, а потери русских составили 400 человек.

Во время этого наступления Карл воспользовался методом Петра, и шведская армия опустошала все на своем пути, чтобы затруднить действия неприятеля. К середине февраля Карл повернул на юго-восток, к Харькову, и 13 числа подошел к местечку Коломак на маленькой речушке с тем же названием. Это была самая восточная точка на русской земле, которой достигли шведы за время войны. Но тут в планы Карла снова вмешались силы природы, не дав ему развить наступление. На смену холодам пришла весенняя распутица. Ударил грозы, разразились ливни, обильный снег стал быстро таять, реки и ручьи разлились мутными потоками, в которых шведские солдаты утонули по колена, так что вода, заливаясь за голенища, хлюпала в сапогах. С трудом вытащив подводы и пушки, 19 февраля шведы вернулись в Опошню. В середине марта земля немного подсохла. Воспользовавшись моментом, шведы со всем

своим обозом и большинством примкнувших к ним казаков переместились еще южнее и стали лагерем между притоками Днепра Ворсклой и Пселом, растянувшись сорокамильной цепью в направлении север—юг. Неподалеку от южного фланга шведов находился город Полтава с сильным русским гарнизоном. Здесь, в еще не совсем разоренном войной краю, шведская армия пробыла остаток марта и весь апрель. Позади на севере осталась земля «молока и меда», ставшая землей разграбленных городов и сожженных селений.

Здесь Карл смог подвести итоги зимней кампании. Ситуация сложилась тревожная. Сказались морозы, болезни и потери, понесенные в боях; износились сапоги, протерлись, изорвались мундиры. Провизии хватало, но от всей шведской артиллерии осталось всего тридцать четыре пушки, а порох отсырел и испортился. «Кампания эта столь тяжела, а положение наше столь плачевно, — писал своей жене граф Пипер, — что великие бедствия, которые мы терпим, невозможно описать, и тем более трудно в них поверить». Позднее он вновь писал, что «армия пребывает в неопишимо жалком состоянии».

Однако Карл, казалось, не желал ничего замечать. И апреля он писал Станиславу Лешинскому: «И я, и вся армия чувствуем себя прекрасно. Неприятель бывал бит и обращен в бегство всякий раз, когда мы имели с ним дело». О неуклонном стремлении короля поддерживать в войсках уверенность, бодрость и высокий боевой дух свидетельствует его беседа с молодым раненым офицером, гвардейским прапорщиком Густавом Пипером. Пипер не позволил хирургу ампутировать ему обе ноги, но все же лишился нескольких пальцев и обеих пяток. Искалеченного юношу везли на обозной подводе, когда поблизости появился король.

Я увидел Его Величество короля Карла XII издалека; со свитой примерно в пятьдесят всадников он скакал вдоль вереницы подвод. Я лежал раздетый, в одной белой

288

нижней рубашке на артиллерийской фуре; наполовину откинутый тент укрывал меня от лучей палящего солнца, оставляя доступ свежему ветерку. Решив, что не пристало смотреть на короля в таком виде, я отвернулся и прикинулся спящим. Но Его Величество, продолжая ехать вдоль цепи подвод, наконец поравнялся и с моей и спросил, кто я такой. Полковник ответил: «Это несчастный гвардейский прапорщик Пипер, у него отморожены ноги». Тогда Его Величество подъехал ближе и спросил возницу. «Он спит?» Тот отвечал: «Не знаю. Только что не спал». Поскольку король задержался рядом с подводой, я подумал, что не подобает лежать к нему спиной, и повернулся. Он спросил меня: «Как ваши дела?» «Скверно, Ваше

Величество, я не могу встать на ноги», — ответил я. «Вы ведь не полностью лишились ног?» — спросил он. Я сказал, что мне ампутировали пятки и пальцы. «Пустяки, пустяки, — возразил король и, перекинув ногу через луку седла, сказал, указывая на середину подошвы: — Я встречал людей, которым отрезали стопу вот досюда, но, поднабив сапог [чтобы не оставалось пустого места], они ходили не хуже, чем прежде». Затем Его Величество обернулся к полковнику и спросил: «А что говорит хирург?» Полковник ответил: «Надеется, что ему удастся что-нибудь сделать с его ногами». «Может, еще будет бегать?» — спросил Его Величество и услышал в ответ: «Пусть благодарит Бога, если сможет ходить; о том, чтобы бегать, мечтать не приходится». Когда Ею Величество отъезжал, он сказал полковнику, который потом передал мне его слова: «Жаль беднягу, ведь он так молод!»

Самому Карлу в ту пору было двадцать шесть.

Незавидное состояние шведской армии и ее уязвимое положение посреди открытой степи заставило графа Пипера и некоторых офицеров Карла прийти к выводу

10 Петр Великий, т. 2

289

о необходимости немедленно покинуть Украину и отступить за Днепр в Польшу, чтобы получить подкрепление от Крассова и Станислава. Пополнив свои силы, король мог бы снова вторгнуться в Россию, хотя многие уже сомневались в том, что нескончаемое преследование неуловимого и опасного противника в конце концов приведет к тому блистательному триумфу, с мечтой о котором Карл не в силах был расстаться.

Отступать король отказался наотрез, говоря, что отступление слишком походило бы на бегство и лишь придало бы духу Петру. Недовольным советникам он твердо заявил, что не намерен покидать Украину и продолжит противоборство с царем. Но и он признавал, что в нынешнем состоянии поредевшая шведская армия, даже и с казаками Мазепы, слишком мала, чтобы без поддержки дойти до Москвы. Поэтому надлежит искать подкрепления, не уступая достигнутых позиций. Еще в декабре Карл послал Крассову приказ соединиться с польской королевской армией Станислава и идти из Польши к Киеву, а затем двигаться на восток и присоединиться к основным шведским силам. В дальнейшем он рассчитывал пополнить союзников среди украинских казаков. Мазепа уверял его, что многие из них не прочь будут примкнуть к шведам, как только убедятся, что король и его армия смогут защитить их от царского возмездия. И, наконец, у Карла была грандиозная идея; склонить к союзу крымских татар, а возможно и властвовавшую над ними Османскую Порту, чтобы те разорвали перемирие, заключенное с Россией в 1700 году и объединились с ним в могучую коалицию. И тогда никакая сила не помешала бы огромной союзной армии под общим командованием Карла, сплотившейся вокруг стального ядра закаленных шведских солдат, пройти с юга до самой Москвы. А уж когда король окажется в Кремле, всем союзникам — и шведам, и казакам, и туркам, и татарам — достанется своя доля добычи и никто не будет в обиде. Но, утверждал король, этот план

290

может осуществиться только при одном условии: если шведская армия, опора и вдохновительница предстоящего великого похода, останется на Украине.

По уверениям Мазепы, союзников можно было найти быстро и неподалеку — за днепровскими порогами на тринадцати островах укрепились своевольные запорожцы. Это братство речных разбойников не признавало никого, кроме своего кошевого атамана Константина Гордиенко. Среди казаков они слыли отчаянными рубаками и славно бились с татарами и турками, когда те посягали на их выпасы и ставили крепости на Днестре, чтобы не пропускать в море запорожские челны. Теперь угроза запорожской вольнице исходила от России, и запорожцы были настроены биться с москалями. Мазепа, который вел переговоры с Гордиенко, знал о настроениях запорожцев, и шведская армия передвинулась к югу в окрестности Полтавы отчасти и для того, чтобы на Сечи не опасались выступить против царя. 28 марта к шведам прибыл Гордиенко с 8000 казаков. Заключенный союз был подкреплен нападением сечевиков на небольшой отряд русских драгун, стоявший в местечке Переволочна — узлом впадения Ворсклы в полноводный Днепр. Овладев местечком, запорожцы перегнали вверх по Днепру, на север, все свои суда и поставили их на якорь рядами вдоль берега. Эти лодки, на которые разом можно было посадить 3000 человек, имели

для Карла гораздо большую ценность, чем вся запорожская конница. Мостов через Днепр не было, и если бы подошли войска Крассова и Станислава, то только на лодках они могли бы переправиться через быструю и широкую реку.

30 марта Гордиенко предстал перед королем с тем, чтобы заключить соглашение со шведами. Договор подписали Карл, Мазепа и Гордиенко. Король Швеции обещал не заключать мира с царем иначе как при условии, что Украина и Запорожье навеки освободятся от русского владычества. Помимо того, Карл обещал вся-

291

чески избегать разорения Украины и, как только позволит ход войны, вывести шведскую армию с украинской земли. Гетман и кошевой обязались воевать на стороне Карла и поднимать против царя казаков и всех украинских обывателей. По их призыву в шведский лагерь набежало около 15000 добровольцев, но большинство оказалось невооруженными крестьянами. Лишних мушкетов ни у Карла, ни у гетмана не было, и это пополнение не слишком усилило королевскую армию. Зато пуританской натуре Карла пришлось немало претерпеть от их присутствия, поскольку новобранцы навезли с собой женщин и вскоре «распутные потаскухи» заполнили шведский лагерь.

Однако, гораздо губительнее для Карла оказались итоги операции, которую Петр успешно провел спустя всего две недели после подписания договора шведов с запорожцами. В результате было сведено на нет главное преимущество, какое мог получить король от этого соглашения. Петр никогда не полагался на верность Гордиенко и всегда ожидал от него крамолы. Дабы пресечь ее, царь приказал полковнику Яковлеву погрузить в Киеве на суда 2000 солдат и спуститься по Днепру до Переволочны и далее до Запорожской Сечи. Пока Гордиенко и его сотоварищи гуляли в лагере Карла и вели переговоры с королем, Яковлев доплыл до Переволочны и разогнал бывших там казаков. Через несколько недель он добрался и до Сечи. Русские высадились на остров, который тогда был главным оплотом запорожцев, и разрушили до основания укрепленный городок (сечь). Множество сече-вой братии перебили, а взятых в плен казнили как изменников. Этот успех был значительным в нескольких отношениях. Во-первых, удалось нанести большой урон недавно еще грозному казачьему воинству; во-вторых, как и в случае с Батуриным, Петр показал, во что может обойтись союз с неприятелем. Это заставило многих казаков и вообще окраинных жителей призадуматься и присмиреть. Наконец, удачная операция на Днепре имела

292

и чисто военное значение. Захватив Переволочну и Сечь, солдаты Яковлева пожгли все казацкие лодки. Плавучий мост Карла через Днепр был разрушен одним ударом.

Хотя неприятель спалил средства переправы и запугал казаков, все это мало бы значило для Карла, сумей он достичь соглашения с куда более сильным союзником, ярим ненавистником Москвы, крымским ханом Девлет-Гиреем. Уже девять лет воинственный хан был связан перемирием, которое заключил с Петром в 1700 году его государь, турецкий султан. Но враждебность Девлет-Гирея к России нисколько не ослабла, и в то время, когда казалось, что армия Карла устремляется к Москве, хан настойчиво пытался склонить Оттоманскую Порту не упустить выгодный момент. Весной 1709 года хан получил приглашение от графа Пипера и направил в шведский лагерь двух мурз для ведения переговоров, результаты которых, однако, подлежали утверждению в Стамбуле. Хан выдвигал условие, чтобы Карл не заключал мира с Петром, пока тот не удовлетворит все требования Крыма равно, как и шведов. В других обстоятельствах Карл не стал бы даже обсуждать подобное обязательство. Однако армия его теряла силы, а желание покончить с Петром стало навязчивой идеей, и начало переговорам было положено. Но тут спелась весть о разорении Сечи и обеспокоенные татары поспешили в Крым, чтобы получить указания от хана.

В это же самое время и Карл, и Станислав обращались с предложениями о союзе непосредственно в Стамбул, к султану. Доводы их, по сути, повторяли доводы Девлет-Гирея: можно ли найти более благоприятный момент, чем ныне, когда закаленная

шведская армия находится в глубине России, чтобы свести на нет итоги Азовских походов Петра, вернуть Азов, сжечь причалы и флот в Таганроге, прогнать обратно за степи самонаде-

293

янного царя и восстановить «чистоту» Черного моря, которое вновь и навеки станет только турецким.

Петр не сомневался с том, что султана будут искушать подобными предложениями как дипломатического, так и военного свойства, и принял свои меры. В 1708 году Головкин направил царскому послу в Турции, хитроумному Петру Толстому, предписание всеми возможными средствами удерживать султана от союза со шведами. В начале 1709 года Толстой доносил, что великий визирь обещал: турки и сами будут соблюдать перемирие и не позволят выступить татарам. Но прошло немного времени, и в апреле из Крыма прибыли новые ханские посланцы, чтобы убедить турок поддержать шведского короля. Толстой пускался на всевозможные хитрости, лишь бы не дать этой миссии увенчаться успехом, повсюду заводил разговоры о крайне плачевном состоянии шведской армии, с одной стороны, и о том, что царский флот в Таганроге значительно усилен, с другой. Золото, всегда бывшее в чести при османском дворе, щедро раздавалось турецким сановникам и придворным. Мало того, Толстой пустил слух, конечно же ложный, будто Петр с Карлом вот-вот подпишут мир, а то даже что мир уже заключен и на днях будет оглашен, а сестра Петра, царевна Наталья, якобы выходит замуж за Карла и теперь будет королевой Швеции. По части хитросплетений Толстому не было равных, и его деятельность принесла плоды. В середине мая султан направил хану приказ, запрещающий татарам выступать на стороне шведов. Копия этой грамоты была вручена Толстому.

Несмотря на то, что, по оценкам Толстого, турки, во всяком случае в ближайшее время, не собирались нарушать перемирие, а изрядно потрепанная армия Карла оказалась в изоляции посреди степи, Петр не верил, что король откажется от мысли о наступлении. Но царь понимал и то, что теперь силы шведов слишком малы, чтобы нанести России сокрушительный удар, а следовательно, главной задачей Петра зимой и весной 1709 года

294

было помешать Карлу получить подкрепление. Еще в декабре царь выделил из состава основной армии немалые силы под командованием Гольца для ведения операций к западу от Киева вдоль польской границы. Их целью было пресекать любые попытки войск Крассова или Станислава соединиться с Карлом. Угроза, что шведов поддержат турки и татары, все-таки тоже продолжала существовать. Многочисленная татарская конница и турецкая пехота вместе с многоопытными шведскими батальонами представляли бы грозную силу. Поэтому требовалось убедить султана и великого визиря, что война с Россией не сулит им выгод. Более всего султана и Порту тревожил призрак русского флота. Чтобы продемонстрировать туркам свои возможности, а если те все же решатся развязать войну, то и нанести им удар, Петр решил подготовить корабли и к лету вывести их в Черное море.

Всю зиму Петр занимался своим флотом. В январе, когда Карл начал сдвигать армию на восток, Петр беспокоился, как бы король не прорвался к Воронежу и не сжег там — на радость султану — причалы и верфи. В феврале царь отправил в Воронеж Апраксину приказ готовить суда к отплытию вниз по Дону на соединение с флотом в Таганроге. Затем, рассылая по пути бесчисленные указы и наставления, он и сам поспешил в Воронеж. Заметим, однако, что Петр находил время и для совершенно иных дел. Так, он велел Апраксину прислать в Таганрог хорошего садовника с запасом семян и саженцев. Прослышав, что 11 марта ожидается солнечное затмение, он запросил у иноземных математиков в Москве расчеты точного времени и продолжительности затмения в Воронеже. Он успел даже прочесть переведенный на русский язык учебник по фортификации и отослал рукопись для переделки. В Белгороде он задержался на крестины новорожденного сына Меншикова, где был крестным отцом.

В Воронеже Петр убедился, что многие из старых судов уже прогнили и пришли в негодность, и приказал

295

разобрать их с тем, чтобы по возможности сохранить оснастку и материал. Царь снова

взял в руки инструмент и, вспомнив плотническое ремесло, сам работал на верфи. Тяжелый физический труд помогал Петру отвлечься от выпавших на его долю за последний год забот и тревог. Чтобы поддержать его, в Воронеж прибыли Екатерина, его сестра Наталья и сын Алексей. Дважды отлучаясь из армии, его навещал Меншиков. В апреле, когда сошел лед, Петр поплыл вниз по Дону к Азову и Таганрогу, где стоял готовый к выходу в море флот. Но маневры были отложены из-за лихорадки, продержавшей Петра в постели с конца апреля до конца мая. К тому времени Толстой добился от султана заверения в том, что ни турки, ни татары не выступят против царя. Флот оставался в готовности, чтобы у турок не было повода нарушить это обещание, но Петр уже стремился вернуться к армии. 27 мая он наконец поправился настолько, чтобы тронуться в путь. В степи наступало лето, а вместе с ним и решающий час его противостояния с Карлом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

В первые дни апреля зима на Украине подошла к концу. Снег стоял, земля подсыхала, на холмистых лугах и по берегам рек зацвели дикие крокусы, гиацинты и тюльпаны. Под стать весенней атмосфере было и расположение духа Карла. В ожидании свежих шведских полков и польской королевской армии он вел переговоры с крымскими татарами и султаном. Король чувствовал себя настолько уверенно, что оставил без внимания попытку русских договориться о мире. Когда Петр прислал к нему плененного под Лесной шведского офицера сообщить, что «царь склонен заключить мир, хотя и не может поступиться Петербургом», Карл ему даже не ответил¹.

Дожидаюсь результатов переговоров с турками и татарами, Карл решил отвести армию южнее, куда скорее могли бы поспеть подкрепления как из Польши, так и из Крыма. В 200 милях к юго-востоку от Киева на Харьковской дороге находилась Полтава — небольшой, но оживленный торговый городок, расположившийся на гребне двух крутых обрывов, нависших над широкой, болотистой поймой Ворсклы, притока Днепра. По европейским понятиям, Полтава была не слишком надежно укреплена — ее окружал десятифутовый земляной вал с тыном по верху, рассчитанный на защиту от грабитель-

297

ских набегов казаков и татар, но никак не от атак регулярной европейской армии, располагавшей артиллерией и опытными военными инженерами. Если бы Карл пошел на Полтаву минувшей осенью, он легко овладел бы ею, но в то время король считал, что Полтава великовата для зимних квартир. А с осени русские успели укрепить город, установить на валах девять пушек и усилить гарнизон. В распоряжении энергичного коменданта, полковника Келина было теперь 4182 солдата и 2600 ополченцев.

Карл все это знал и тем не менее решил осадить город. Инженерная подготовка осады была возложена на генерал-квартирмейстера Гилленкрока, который слыл специалистом по подкопам и другим осадным приемам. Король требовал, чтобы тот действовал по рецептам знаменитого французского мастера, и в шутку величал его «наш Маленький Вобан». Гилленкрок приступил к работе, хотя сразу предупредил короля, что у них наблюдается явная нехватка едва ли не самого главного компонента всякой успешной осады — артиллерии, способной обеспечить эффективный обстрел. Гилленкрок понимал, что в конце концов Карлу придется бросить на штурм пехотинцев, и потому сказал королю: «Приступ может погубить пехоту вашего величества, а все будут считать, что эту осаду присоветовал вам я. Посему прошу не винить меня в случае неудачи». «Не бойтесь, — уверенно отозвался Карл, — всю ответственность я беру на себя»².

Шведы начали рыть трашеи и 1 мая приступили к обстрелу крепости. Постепенно линия окопов приближалась к стенам Полтавы. Однако в шведском лагере многим, включая самого Гилленкрока, казалось, что не все имеющиеся у них возможности используются в полной мере. В первый день осады пушки палили непрерывно, обрушивая на защитников города лавину огня, но в 11 часов вечера король неожиданно приказал прекратить обстрел. Гилленкрок возражал. Он доказывал,

298

что если вести обстрел хотя бы еще шесть часов, Полтава непременно сдастся на милость

короля. Но Карл был непреклонен, и орудия смолкли. В дальнейшем интенсивность огня ограничили пятью залпами в день, что могло в лучшем случае потревожить противника. Шведам, конечно, нужно было экономить порох, но не в такой же степени!

И Гилленкрок, и многие другие офицеры не понимали не только странной тактики короля, но и того, зачем вообще предпринята эта осада. Почему впервые за всю русскую кампанию Карл вдруг изменил своей приверженности бою в открытом поле и предпочел осаду? Но уж если он все-таки начал ее, почему ведет в такой вялой манере? Обеспокоенный и растерянный Гилленкрок как-то поинтересовался, что думает об этом Рен-шильд. «Видимо, король желает немного развлечься, пока не подойдут поляки», — отвечал фельдмаршал. «Дорогое удовольствие, — заметил Гилленкрок. — За него придется платить многими человеческими жизнями». «Коль скоро такова воля его величества, нам надлежит удовлетвориться этим», — заявил Реншильд и, не желая продолжать разговор, поскакал прочь.

Многие шведские офицеры, как и Гилленкрок сбитые с толку, полагали, что осада представляет собой хитроумную уловку и затеяна для того, чтобы выманить на бой основные силы Петра. Если замысел Карла и впрямь был таков, гарнизон Полтавы невольно способствовал его осуществлению тем, что упорно оборонялся. Защитники отбивали приступы, устраивали вылазки и разрушали ходы подкопов, которые тянул к стенам Гилленкрок. Сам Карл был поражен столь ожесточенным сопротивлением. «Ну и ну! — говорил король, — Не иначе как русские сошли с ума — похоже они вздумали защищаться по-настоящему».

За шесть недель затянувшейся осады весну сменило знойное украинское лето. Король всегда находился в самом опасном месте. Чтобы воодушевить своих во-

299

инов, он перебрался в домик, стоявший так близко от городских валов, что стены его были изрешечены неприятельскими пулями. Хотя защитники Полтавы прицельным огнем поражали шведских саперов и инженеров, траншеи и окопы подводились все ближе. Однако время работало против шведов. Наступила жара, среди раненых распространилась гангрена и многие стали умирать. Добывать съестные припасы становилось все труднее; отряды фуражиров рыскали по окрестностям, вновь и вновь обирая хутора и селения, пытаясь выколотить последнее из людей, которых сами же за неделю до того обчистили до нитки. Вскоре нельзя было раздобыть иной пищи, кроме конины и черствого хлеба. Пороху оставалось мало, да и тот был сильно подпорчен талыми снегами и весенними дождями. Пушечный выстрел звучал не громче хлопка в ладоши. Мушкеты стреляли едва ли дальше, чем на двадцать ярдов. Да и свинца тоже недоставало, так что приходилось высылать из окопов солдат — подбирать на поле стреляные неприятельские пули.

А в это время на противоположном, восточном берегу Ворсклы стягивались силы русских. В деревне Крутой Берег расположилась ставка Меншикова — самого напористого из русских генералов. С северо-востока подходила армия Шереметева. Меншикову было поручено наблюдать за действиями шведов и по возможности стараться облегчить положение полтавского гарнизона. Последняя задача была не из легких. Между низким восточным берегом, где стояли русские войска, и крутым, обрывистым западным, поднимавшимся более чем на 200 футов к стенам Полтавы, пролегла широкая заболоченная пойма реки, которую не могли преодолеть не только крупные силы, но и небольшие отряды. Русские не раз пытались послать через реку подкрепления в Полтаву. Они пробовали даже заваливать топи мешка-

300

ми с песком, но все было тщетно. С Полтавой в конце концов удалось наладить связь: Меншиков и Келин «перестреливались» через реку посланиями, помещенными в полые пушечные ядра.

Не прекращались военные действия и вдоль реки. По обоим берегам беспрестанно патрулировали отряды русской и шведской конницы, стараясь не упустить из виду малейшего передвижения в стане противника, а заодно и захватить языков, от которых можно было бы выведать ценные сведения. В конце мая в Крутой Берег во главе многочисленной пехоты прибыл Шереметев, но, несмотря на численное превосходство, русские военачальники не могли решить, что им следует предпринять. Полковник Келин извещал, что запасы пороха у него на исходе, что шведские подкопы доведены почти до самых стен и он едва ли продержится дольше конца июня. Ни Меншиков, ни Шереметев не желали допустить падения

Полтавы, но и дать неприятелю генеральное сражение тоже не были готовы. Вопрос о том, чтобы попытаться нанести массированный удар и форсировать Ворсклу под огнем шведов, даже не поднимался. Сознывая, что близится решающий момент, Меншиков просил государя, уже выехавшего из Азова, поскорее присоединиться к армии. 31 мая царь ответил: «Я сего часу сюды прибыл и как возможно поспешать буду, однако понеже в нужном деле и час потерять нужной бывает худо, для того, ежели что надлежит нужно и не дожидаясь меня с помощью Божией делайте»⁵. Но Полтава пока держалась, и царские полководцы решили подождать.

4 июня прибыл Петр. Обычно он назначал командующим кого-нибудь из своих военачальников, отводя себе подчиненную роль, но на сей раз принял командование сам. С царем прибыло еще 8000 новобранцев. Приезд государя очень воодушевил войска, которые беспрестанно схватывались с неприятелем вдоль речного рубежа. 15 июня русские неожиданно обрушились на занятое шведа-

301

ми местечко Старые Санжары и отбили у противника 1000 соотечественников, взятых в плен под Веприком прошлой зимой, а верные царю казаки сумели захватить часть шведского обоза. Теперь уже вырисовывались очертания предстоящей великой баталии. Две армии сошлись в непосредственной близости, и каждую из них возглавлял монарх. Оба государя понимали, что наступает решающий момент. Оказавшийся в изоляции, терявший оперативный простор Карл должен был в конце концов предпринять попытку прорыва. Петр понимал это и считал неизбежным. Прежде царь не хотел рисковать судьбой армии в открытом бою, но теперь он решился. Его стратегия принесла свои плоды. Неприятель был обложен со всех сторон. Многочисленный корпус Гольца не только не позволил бы Карлу получить подкрепление из Польши, но и ему самому закрывал путь к отступлению. А на Ворскле у Петра было вдвое больше сил. В письме, которое Петр отправил Апраксину 7 июня, по прибытии к армии, чувствуется уверенность и решимость: «Получили мы от вас еще письмо и пункты, но ныне вскоре ответствовать не можем, понеже сошлись близко с со-седьми и, с помощью Божиею, будем конечно в сем месяце главное дело с оным иметь»⁶.

Через несколько дней после приезда Петр, собрав в палатке своих генералов, тщательно изучил обстановку. Всем было ясно, что падение Полтавы - это только вопрос времени. Если шведы овладеют городом, он превратится в их опорный пункт, где они смогут дожидаться подкреплений, на которые возлагал надежды Карл и которых опасался Петр. Тогда может случиться, что дорога на Москву будет вновь открыта для неприятеля. Ставка была настолько высока, что царь и его генералы приняли нелегкое решение: дабы ослабить натиск шведов на Полтаву и удержать город, ввести в действие основные силы. Не позднее 29 июня предстояло дать крупное, а

302

может быть и решающее, сражение — иначе Полтава достанется шведам. К этому времени должны были собраться все царские силы: ожидали еще казаков Скоро-падского и 5000 калмыков под водительством хана Акжи. Но армия не могла вступить в бой, оставаясь на восточном берегу Ворсклы: ее следовало переправить. Оказавшись на западном берегу, русские смогли бы нанести фланговый удар по позициям шведов, осаждавших Полтаву. На худой конец, даже если бы крупное сражение не состоялось, присутствие русских войск так или иначе отвлекло бы значительную часть шведских сил и ослабило их натиск на город. Вдобавок, царь смог бы пустить в ход свою многочисленную полевую артиллерию, которая вместо того, чтобы стрелять по врагу, бесполезно молчала за рекой.

Царю предстояло выбрать место и время для переправы. У него не возникало и мысли о том, чтобы бросить армию прямо через болотистое русло навстречу яростному неприятельскому огню, как нередко поступал Карл. Желая сбить шведов с толку, Петр распорядился провести ряд отвлекающих вылазок вдоль всего речного фронта — и к югу, и к северу от Полтавы. Было решено переправить основные силы в восьми милях к северу от города, у Петровки, где конница могла переехать реку вброд. Вслед за Ренне с его десятью полками кавалерии и драгун предстояло переправиться десяти пехотным полкам Галларта. Этим силам надлежало расчистить плацдарм за переправой и встать укрепленным лагерем у Семеновки, одной милей ниже брода, после чего через реку перейдет и Петр с основной армией. Ренне и Гал-лард без

промедления вывели свои войска к Петровке и 14 июня попытались форсировать реку, но были отброшены шведами. Однако Петр своего намерения не оставил и, поскольку Келин сообщал из Полтавы, что силы его на исходе, решил, не откладывая, предпринять новую попытку.

303

Намерение Петра перейти Ворсклу у Петровки не было секретом для шведов. 15 и 16 июня шведская армия оставалась в боевой готовности. Десять кавалерийских полков и шестнадцать пехотных батальонов под командованием Реншильда должны были встретить русских, когда те двинутся через реку. Реншильд намеревался позволить неприятелю переправить часть свежих сил, но лишь столько, чтобы численное превосходство на западном берегу оставалось за шведами, а затем атаковать и сбросить авангард противника в Ворсклу. Сам Карл собирался остаться с войсками, часть из которых осаждала Полтаву, а другая стояла вдоль реки южнее города, — до тех пор пока не завяжется битва и не станет очевидным, что на южном фланге русские переправляться не будут. Убедившись в этом, король тут же выступит на север, на поддержку Реншильда. Этот логически выверенный план должен был обеспечить шведам победу, но прежде чем он мог бы сработать, стряслась беда.

17 июня 1709 года Карлу исполнилось двадцать семь лет. Девять из них он провел в боевых кампаниях, но судьба щадила его, и король всегда оставался невредим. Хотя под Нарвой в него на излете попала пуля, а в Польше он сломал ногу, Карл ни разу не был серьезно ранен. И вот сейчас, в самый критический момент его полководческой карьеры, удача неожиданно изменила шведскому королю.

Тем утром Карл направился к селу Нижние Млины осмотреть позиции на Ворскле, занятые казаками и шведами. Ожидалось, что битва, которая должна была развернуться к северу от Полтавы, отвлечет туда большую часть шведских войск. Однако король желал убедиться в том, что южный фланг охраняется надежно, и противник здесь не прорвется. Между тем, в соответствии с замыслом Петра, русская конница непрерывно тревожила шведов, отвлекая их внимание. Одна такая отвле-

304

кающая атака - попытка переправиться через реку — была только что отбита.

Около 8 часов утра с эскадроном драбантов появился Карл и стал осматривать позиции, разъезжая у самой кромки воды. Русские, из числа участников недавно отбитой шведами вылазки, укрылись на одном из многочисленных островков и, завидев группу всадников, судя по всему офицеров, открыли огонь, благо расстояние было невелико. Один из драбантов был сражен насмерть. Однако Карл, ничуть не тревожась о своей безопасности, неторопливо ехал вдоль берега. Лишь закончив осмотр позиций, король повернул коня и стал удаляться от реки — и в этот момент пуля русского стрелка попала ему в левую ногу.

Пуля пробила сапог, ударила в пятку, прошла вдоль ступни, раздробила кость и вышла возле большого пальца. Скакавший рядом польский аристократ, граф Станислав Понятовский, представитель короля Станислава при шведской армии, заметил, что король ранен, но тот приказал ему молчать. Должно быть, рана причиняла нестерпимую боль, но Карл продолжал инспекционную поездку, как будто ничего не случилось. Когда он вернулся в ставку, было около одиннадцати часов — он был ранен почти три часа назад. К тому времени многие офицеры и солдаты заметили необычную бледность короля и кровь, сочившуюся из пробитого левого сашга. Карл попытался слезть с седла, но от невыносимой боли лишился чувств.

Раненая нога так распухла, что нельзя было снять сапог, не разрезав его. Врачи осмотрели рану. Пуля . прошила стопу насквозь и осталась в чулке у большого пальца. Кости были раздроблены, и в ране застряли осколки. Чтобы удалить их, требовалось сделать глубокий и болезненный надрез, и хирурги заколебались. Однако пришедший в сознание Карл был тверд: «Ну же, давайте! Режьте смелее!» — обратился он к хирургам и собственными руками поддерживал раненую ногу, пока

305

проводилась операция. Он даже не отвернулся и ничем не показывал, что ему больно. Более того, когда хирург не решался обрезать распухшие и воспаленные края раны, король взял ножницы и удалил пораженную плоть собственноручно .

Известие о том, что король ранен, мигом облетело шведский лагерь и потрясло всех — от солдата до генерала. Краеугольным камнем, на котором зиждился боевой дух шведской армии, была вера в то, что их король не только непобедим, но и неуязвим. Карл всегда первым бросался в гущу сражения и ни разу не был даже задет, будто Госгтодь прикрывал его невидимым щитом. Эта вера давала солдатам силы без страха следовать за ним повсюду. Карл мгновенно понял, какая возникла угроза для боевого духа армии. Когда в крайнем волнении к постели короля явились генералы и Пипер, Карл без тени тревоги на лице заверил их, что рана не опасна, быстро заживет и скоро он снова будет в седле. Однако рана не только не заживала, но стала гноиться. У Карла начался жар, воспаление пошло вверх и достигло колена. Врачи полагали, что ногу придется отнять, но не решались сказать об этом королю. Двое суток, между 19 и 21 июня, казалось, что и ампутировать ногу уже поздно, и Карл пребывал между жизнью и смертью. 21-го хирурги опасались, что смерть наступит с часу на час. Пока король лежал в горячке, от его постели не отходил старый слуга и, как ребенку, рассказывал ему сказки и старинные северные саги об отважных принцах, одолевавших злых врагов и получавших в награду прекрасных принцесс.

Немочь короля немедленно сказала на тактической ситуации вокруг Полтавы. 17 июня уже раненый, но не впавший в беспамятство Карл, предоставил Рен-шильду самостоятельно решать, стоит ли оборонять брод у Петровки. Войска фельдмаршала были готовы к встрече собиравшихся за рекой русских эскадронов и батальонов и только ждали, когда противник начнет

306

форсировать реку. Но, прослышав о ранении Карла, Реншильд оставил войска и помчался в ставку, чтобы поточнее узнать о состоянии Карла и о том, не будет ли изменен генеральный план баталии. Король приказал ему принять командование. Посоветовавшись со своими офицерами, фельдмаршал решил отказаться от первоначально задуманной атаки на северном фланге, — слишком ощутимо ранение Карла выбило из колеи солдат и офицеров.

Петр узнал о том, что король ранен, к вечеру 17 июня. До сих пор его решение переправить армию через реку не было окончательным; он собирался лишь ступить на западный берег и посмотреть, что из этого выйдет. Теперь же, прослышав о ранении Карла, царь приказал армии выступать без промедления. 19 июня кавалерия Ренне и пехота Галларта беспрепятственно пересекли Ворсклу и быстро окопались в Семеновке. В тот же день основная армия снялась с лагеря в Крутом Берегу и двинулась на север, к броду у Петровки. Впереди шла гвардейская бригада, за ней корпус Меншикова, следом артиллерия и обоз, и, наконец, корпус Репнина. С 19 по 21 июня, в те дни, когда Карл лежал при смерти, река была запружена людьми, лошадьми, орудиями и подводами: русская армия переправлялась с восточного берега. Когда вся она оказалась на западном берегу, сражение стало неизбежным. Противник лицом к лицу сошлись на тесном, ограниченном реками плацдарме, и ни один из них уже не мог отойти — отступить в непосредственной близости от сильного неприятеля весьма небезопасно. На западном берегу, воспользовавшись тем, что шведы не пытались сразу ввязаться в сражение, русские заняли позиции тылом к реке и стали усердно их укреплять. Они не сомневались, что очень скоро неприятель пойдет в атаку. Но этого не случилось.

К 22 июня шведы преодолели растерянность. Состояние короля оставалось тяжелым, но смерть ему

307

более не грозила. Реншильд вывел армию в поле северо-западнее Полтавы и построил боевые порядки, вызывая Петра на битву. Дабы воодушевить войска, в носилках, подвешенных между конями, перед строем появился Карл. Но Петр не обнаружил желания принять вызов, а продолжал деловито укреплять свой лагерь. Он и так уже почти достиг своей цели — отвлек шведские силы от осады Полтавы. Видя, что русские не

намерены вступить в бой, Карл приказал Реншильдусу не держать попусту людей в строю. Именно в этот миг, когда король на носилках находился среди солдат, из Крыма и Польши прибыли наконец долгожданные гонцы, от которых он с нетерпением ждал известий о подкреплении.

Из Польши Карлу сообщили, что ни Крассов, ни Станислав на помощь не придут. Поляки были в своем репертуаре — вечные интриги, зависть, метание из стороны в сторону. Станислав неуверенно чувствовал себя на шатком польском троне и вовсе не желал идти на восток и оставлять ненадежное королевство без присмотра. С Крассовым у него вышла размолвка, и генерал отвел свой корпус в шведскую Померанию, где занимался обучением прибывавших из Швеции новобранцев, намереваясь в дальнейшем выступить с ними на Украину, к королю. Но прибыть он мог только к концу лета. Второй гонец был от Девлет-Гирея. Хан заверял Карла в неизменной дружбе и сожалел, что не может прислать войска ему на подмогу, поскольку султан ему этого не позволил. Прикованному к носилкам шведскому королю пришлось проглотить горькую пилюлю. Он понял, что его надежды на подкрепление были тщетными, как и мечта о великом походе союзников с юга на Москву. Король сообщил эти безрадостные новости своим советникам, и те впали в уныние. Практичный Пипер рекомендовал немедленно прервать кампанию, снять осаду с Полтавы и отступить с войсками за Днепр, в

308

Польшу, чтобы спасти короля и армию для будущего. Граф советовал также не пренебрегать возможностью дипломатических переговоров с царем. Пипер напомнил, что недавно получил письмо от Меншикова, в котором князь предлагал лично явиться для переговоров в шведский лагерь, если Карл гарантирует ему неприкосновенность. Даже если его величество и подпишет мир с Россией, убеждал Пипер, войну можно будет возобновить потом, при более благоприятных обстоятельствах. Но Карл отверг и отступление и переговоры.

А тем временем положение шведской армии медленно, но неуклонно ухудшалось. Армия таяла на глазах: в мелких стычках каждый день гибли или получали ранения люди, а заменить их было нечем. Съестного не хватало, поскольку весь край обчистили до последнего зернышка; порох никуда не годился, свинец был на исходе, изнашивались мундиры, из прохудившихся сапог торчали пальцы. Ощущение, что русских никогда не удастся выманить из лагеря и заставить принять бой, действовало угнетающе, а к нему добавлялись апатия и вялость, вызванные изнуряющим зноем. Самого Карла, вот уже сколько дней прикованного к постели, одолевало беспокойство, смешанное с усталостью. Он остро ощущал необходимость что-то предпринять и оттого еще больше страдал от своей беспомощности. И по мере того, как одна за другой терпели крах все его надежды, а позиции шведов под Полтавой становились все более уязвимыми, у него росло желание покончить со всеми тревогами одним решительным ударом. Карлу был ведом один выход — баталия. Баталия может не принести победы, но по крайней мере сохранит честь. Если король победит, это возродит к жизни почти погребенные ныне надежды. Тогда-то турки и татары не преминут примкнуть к победоносной шведской армии, чтобы принять участие в триумфальном походе на Москву. Но пусть даже обстоятельства не позволят одержать реши-

309

тельную победу. Что ж, ничейный исход, подобный результату битвы у Головчина, все равно откроет путь к почетным переговорам и позволит вернуться в Польшу, не теряя достоинства, Карл решил дать бой во что бы то ни стало. Он должен обрушить на врага все оставшиеся силы - без промедления и по возможности неожиданно.

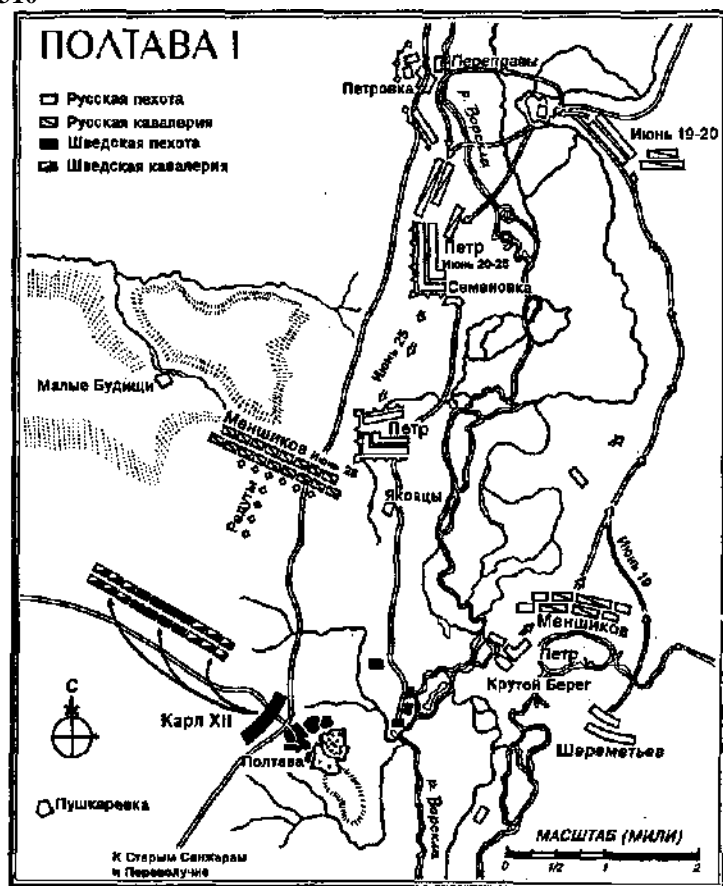
У Петра оснований стремиться к сражению было гораздо меньше. Шведский король мог спасти положение, только навязав бой неприятелю и одержав в нем хотя бы неполную победу. Иное дело Петр: он и без того достиг чего желал. За Полтаву можно было теперь не опасаться, как и за то, что шведы получают подкрепление. Царь не стремился к бою - другое дело, если бы удалось заставить шведов штурмовать укрепленные русские позиции: тогда преимущество

русских было бы бесспорно. Исходя из этого Петр и вел всю подготовку.

В ночь на 27 июня русская армия вышла из лагеря у Семеновки, переместилась на юг и разбила лагерь у деревни Яковцы, всего в четырех милях севернее Полтавы. Работая всю ночь, русские солдаты возвели четырехугольное земляное укрепление. Противник по-прежнему внушал Петру уважение и атаковать царь по-прежнему не решался, но, подводя войска все ближе, он как-будто приглашал, заманивал, чуть ли не вынуждал шведов штурмовать земляные валы. Тылом русские позиции были обращены к обрывистому берегу Ворсклы. В этом месте он был так крут, а заболоченная пойма так широка, что о переправе сколь бы то ни было значительных сил не могло быть и речи. Следовательно, отступить отсюда армия могла бы только на север, назад к броду у Петровки.

Однако место для лагеря было выбрано удачно. К югу, до самой Полтавы тянулись леса, перемежающиеся оврагами и лощинами, так что крупные силы подойти с

310

этой стороны не могли, как, впрочем, и с севера, где тоже рос густой лес. Приблизиться к лагерю можно было только с запада, где раскинулась широкая равнина с редкими кучами деревьев. Лагерь был укреплен со всех четырех сторон, но наиболее тщательно, разумеется, с запада. Здесь вдоль вала тянулся ров глубиной шесть футов, а на его гребне было установлено семьдесят пушек. Позади него, ожидая своего часа, раскинула свои палатки пехота — пятьдесят восемь батальонов общим числом 32 000 человек. А снаружи за валом стала лагерем кавалерия — 10 000 всадников в составе семнадцати собственно кавалерийских и драгунских полков.

Укрепления были надежны, численное превосходство неоспоримо, но Петру все казалось мало. Он воевал со шведами вот уже девять лет и хорошо знал, какие это мастера наносить неожиданные удары. Поэтому он принял дополнительные меры предосторожности, исходя из того, что когда бы шведы ни вздумали напасть на русский лагерь, у них только один путь — по Полтавской дороге. Примерно в миле к югу от лагеря открытая равнина сужалась. С востока она была ограничена лесом и оврагами, а с запада болотистым перс-леском. Оставался узкий проход, по которому и шла дорога. Петр перекрыл эту горловину цепью из шести земляных редутов, расположив их на расстоянии мушкетного выстрела (около 300 ярдов) друг

от друга. Каждый редут — четырехугольник земляных стен длиной около 100 футов с любой стороны — вмещал несколько сот солдат и одну-две пушки. В них засели солдаты двух батальонов Белгородского полка и отдельные подразделения из полков Неклюдова и Нечаева. За линией редутов разместились уже упомянутые семнадцать драгунских и кавалерийских полков, поддержанные тринадцатью орудиями конной артиллерии. Командовали этими силами Меншиков, Ренне и Боур. Полевые укрепления в сочетании с многочисленной конницей должны были стать передовым заграждением, первой

312

линией противодействия любой попытке шведов прорваться сквозь горловину.

26 июня в армии был зачитан приказ Петра: «Ведало бы Российское воинство, что оный час пришел, который всего Отечества состояние положил на руках их. Или пропасть весьма, или же в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство Петру врученное, за род свой, за народ Всероссийский...» Приказ завершали слова: «А о Петре ведайте, что ему житие свое недорого, только б жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ПОЛТАВА

В воскресенье, 27 июня, после вечерней молитвы Карл собрал у своей постели генералов и командиров полков и объявил, что на следующий день он наметил дать сражение. Безусловно, войск у Петра больше, но, заверял король, стремительность и напор могут свести на нет это преимущество. Кроме того, расположение русских войск казалось весьма благоприятным для наступления шведов. Армия Петра сама лишила себя свободы маневра: с тыла у нее был обрывистый берег реки, и единственным путем к отступлению оставался брод у Петровки. Стоит шведам перерезать к нему дорогу, и русская армия окажется в западне. Победа, к которой так долго стремился Карл, представлялась вполне возможной. Русскую армию возглавил сам царь, и шведы могли заполучить, если повезет, бесценную добычу.

Шведская армия, которая сейчас готовилась к выступлению, составляла по численности чуть больше половины тех сил, что вышли из Саксонии два года назад. Ныне в ней насчитывалось двадцать четыре пехотных батальона и семнадцать кавалерийских полков — в общей сложности 25000 человек, причем многие из них так и не оправились от ран и обморожений, полученных минувшей зимой. Левенгаупт, на которого воз-

314

ложили командование пехотой, предлагал бросить в бой всех способных держать оружие. Но Карл решил иначе. 2000 пехотинцев было оставлено в траншеях у стен Полтавы на случай вылазки гарнизона, а 2500 конницы выделено для охраны обоза. Еще 1500 человек — кавалеристы и пехотинцы — рассредоточились вдоль Ворсклы: они должны были поддерживать казаков Мазепы, которые патрулировали вдоль берега, чтобы не дать русским переправиться южнее Полтавы. 6000 казаков Мазепы и Гордиенко вообще не были учтены в диспозиции Карла. Во время битвы им было велено держаться в стороне от основных шведских сил. Король полагал, что эти недисциплинированные вояки способны лишь внести сумятицу в тщательно отработанные действия его испытанных солдат. Всего со шведской стороны участвовать в битве должно было 19000 против 42 000 русских.

Сам Карл намеревался быть в бою с армией, правда, скорее в качестве символа и вдохновителя. Король решил остаться при пехоте на своих подвешенных между конями носилках. На случай если кони вдруг испугаются и понесут или одного из них подстрелят, короля сопровождал взвод из двадцати четырех гвардейцев, которые, если потребуется, могли бы нести носилки на плечах. Присутствие Карла на поле боя имело немаловажное значение: солдаты, которым предстояло идти в атаку на превосходящие силы противника, должны были знать, что король с ними. Но фактически Карл не мог управлять движением войск на поле великой битвы - * он лежал на спине и видел лишь небо да верхушки ближайших деревьев.

Коль скоро король был неспособен сидеть в седле, верховное командование надлежало передать кому-то другому. Его принял Реншильд, первый по старшинству среди шведских генералов. По сути он был наставником Карла в военном деле и, несомненно, самым опытным и авторитетным из его полководцев. Рен-

315

шильд и впрямь был превосходным командиром: ему принадлежала честь победы под

Фрауштадтом, он блестяще командовал конницей под Клишовом и Головчи-ным. Но теперь ему предстояло возглавить армию короля в присутствии самого короля. Это была нелегкая задача, и ее еще более усложняло то, что в ближайшем окружении Карла подобрались люди с непростыми характерами.

Прежде всего это относилось к самому Реншильду. В ту пору ему было пятьдесят восемь лет (на тридцать лет больше, чем Карлу), но он по-прежнему оставался человеком сильным, темпераментным и внешне импозантным. Его отличали огромная трудоспособность и безграничная преданность и любовь к Карлу. Подчиненные жаловались, что фельдмаршал высокомерен и груб. Он и правда не стеснялся в выражениях, и это можно было понять. В том возрасте, когда большинство генералов уже выходит в отставку, Реншильд вел походную жизнь без отдыха на протяжении девяти лет. Как и сам король, он проводил в кампаниях каждую весну, лето и осень, а на зиму оставался с войсками в лагерях, даже не помышляя об отпуске. Он плохо питался, не досыпал, пребывал в бесконечном напряжении и потому был издерган и раздражителен. И у него, в отличие от Карла, никогда не находилось улыбки или двух-трех ободряющих слов, какими король обычно сопровождал даже заслуженные упреки, так что провинившийся был после этого готов броситься в огонь и в воду, лишь бы искупить вину и заслужить благосклонность короля.

Более всего Реншильда раздражали два самых близких к нему по положению человека. Во-первых, он терпеть не мог Пипера -^ министра, отвечавшего за полевую канцелярию. Реншильда прямо-таки бесило, что этот штатский присутствует на всех военных советах и повсюду встречается с предложениями дипломатического и тому подобного, вовсе не военного, свойства. К тому же Реншильд знал: случись что с королем, во главе

316

правительства окажется Пипер, и тогда фельдмаршал попадет к нему в подчинение.

Но особую, ни с чем не сравнимую неприязнь Реншильд испытывал к Левенгаупту. Командир злополучного обоза был несговорчив и мнителен, и несдержанность Реншильда, который сплошь и рядом повышал на него голос, доводила его до иступления. Левенгаупт славился стойкостью на поле боя — мужество никогда не изменяло ему; и он заслуженно считался лучшим после самого короля пехотным генералом шведской армии, подобно тому, как Реншильд слыл лучшим командиром кавалерии. То, что им обоим Карл доверил командовать под Полтавой, было в общем естественно. Просчет состоял в другом - Карл совершенно не принял во внимание их личную неприязнь. Когда король обсуждал с Реншильдом план баталии, он считал само собой разумеющимся, что фельдмаршал ознакомит с ним Левенгаупта — командира пехоты и заместителя главнокомандующего, — которому просто необходимо было знать общий замысел боя, чтобы точно следовать ему и правильно реагировать в случае изменения боевой обстановки. Но Реншильд решил ничего не говорить Левенгаупту — не любил он с ним разговаривать. Да оно и понятно: Левенгаупт имел обыкновение выслушивать приказы Реншильда с таким высокомерным и презрительным видом, будто давал понять, что только верность его величеству заставляет его терпеть этого болвана. Реншильда это всякий раз приводило в ярость. В результате, накануне Полтавской баталии он предпочел не посвящать Левенгаупта в план действий.

Возникшая из-за этого неразбериха на поле боя оказалась фатальной. Беда шведов заключалась в том, что на этот раз у них не было командира, который стоял бы выше зависти и раздоров, командира, которому бы все беспрекословно повиновались. Сам Левенгаупт признавал после битвы: «Когда бы Господь даровал нам свою

317

милость, и король не был бы ранен, никогда бы не случилось того, что случилось» .

Суть выработанного Карлом и Реншильдом плана заключалась в том, чтобы перед самым рассветом стремительно атаковать русских, постараться застать их врасплох и быстро миновать линию редутов, даже если защитники успеют открыть огонь. Прорвавшись за редуты, шведские колонны сместятся влево и выйдут на широкую равнину перед лагерем Петра. Тогда шведская пехота двинется к западной оконечности равнины и сосредоточится к северо-востоку от укрепленных позиций русских войск. Тем временем кавалерия выметет с равнины царскую конницу. Пехота, оказавшись между русским лагерем и бродом в Петровке,

развернется вправо и построится в боевые порядки. Если этот маневр удастся, русские будут загнаны в угол. Позади у них будет крутой обрыв, а впереди, преграждая путь к переправе возле Петровки, готовые к бою шведы. И если царские войска захотят уклониться от боя, пусть остаются за своими валами, пока их не добьет голод.

Пехота Левенгаупта численностью всего 7000 человек, была построена в четыре колонны — две левых из десяти батальонов и две правых из восьми. Король на носилках находился при первой колонне левого крыла, которая была сформирована из одних гвардейцев. Вторую колонну левого крыла поручено было вести генерал-майору Карлу Густаву Россу, а две правые колонны

— генералам Берндту Штакельбергу и Акселю Спарре. Кавалерийские эскадроны под командованием Крейца выстроились шестью колоннами. Из тридцати еще пригодных к бою орудий большая часть была оставлена на осадных позициях и в обозе. Тут не обошлось без Реншильда. Как и все кавалеристы, он не жаловал артиллерию и считал, что тащить пушки мимо редутов

— значит только замедлить движение армии. Да и вооб-

318

те не будет времени выкатывать орудия на позиции для обстрела, не говоря уже о том, что отсыревший за зиму порох по большей части подпорчен. Поэтому шведы взяли с собой всего четыре пушки. Реншильд рассчитывал, что судьбу сражения решит сталь клинков и багнетов.

Наступала короткая летняя ночь. В 11 часов окончательно стемнело и шведская пехота спешно выступила из лагеря, направляясь к намеченным сборным пунктам. Карлу сменили повязку на ноге. Он облачился в мундир по всей форме и натянул на здоровую ногу высокий ботфорт. Рядом с ним в носилках лежала обнаженная шпага. Вдоль длинных марширующих колонн короля пронесли к месту сбора гвардейских батальонов. Там уже ждали, кутаясь в плащи и негромко переговариваясь, Реншильд, Левенгаупт, Пипер и другие генералы. Луна светила неярко, ночь была довольно темная.

К полуночи, когда темнота сгустилась еще больше, солдатам, которые отдыхали, сидя или лежа на земле, приказали становиться в строй. Во мраке не обошлось без путаницы: разобраться, где чей батальон, смогли не сразу. Да и немудрено — за два года кампании мундиры так износились, что порой и при свете дня трудно было узнать, какого полка солдат. Чтобы в бою отличать своих от неприятеля, шведам было велено прикрепить к головным уборам пучок соломы. Кроме того, войскам сообщили пароль — в случае возможной путаницы следовало кричать по-шведски: «С помощью Божией». Когда четыре колонны наконец удалось сформировать, солдатам снова разрешили сесть и отдыхать до прибытия кавалерии. Но ждать ее пришлось дольше, чем предполагали. Обычно кавалерийские эскадроны возглавлял Реншильд, но теперь он командовал всей армией, и без него конница в Пушаревке не сумела в отведенное время оседлать коней и построиться в шесть колонн.

319

Шведы томились в ожидании, когда со стороны русских позиций донеслись звуки, напоминавшие стук топора. Стучали неподалеку, видимо, работы велись впереди линии редутов. Очевидно, русские, полагая, что окрестности безлюдны, выслали отряд, который что-то сооружал. Но что? Чтобы выяснить это, Реншильд сам отправился на разведку.

То, что фельдмаршал увидел при неясном свете луны, не могло не встревожить его. Под покровом ночи русские не покладая рук копали землю и строили новую линию из четырех редутов перпендикулярно шести, уже возведенным. Эгч редуты должны были протянуться вдоль Полтавской дороги к шведскому лагерю и расколоть надвое поток наступающих шведов, чтобы те, обтекая редуты с двух сторон, попали под фланговый огонь. Напряженно всматриваясь, Реншильд сумел разглядеть, что ближайšie к нему два редута уже почти закончены. Но тут работавшие на строительстве солдаты заметили группу всадников. Раздался крик, пистолетный выстрел, еще один, а затем в глубине русских позиций барабан забил тревогу. Реншильд поспешил вернуться, и у носилок короля собрался военный совет. Между тем быстро светало, кавалерия наконец подошла, но шансов на внезапную атаку с каждой минутой становилось все меньше. Время поджимало, и Реншильд отдал приказ о наступлении — в противном случае пришлось бы отказаться и от атаки, и от всего плана.

Карл не мог лично проверить обстановку, но он всегда был сторонником наступательных действий и поддержал Реншильда. Посыпались приказы, пехотные батальоны стали спешно перестраиваться в пять колонн. Командирам четырех из них было предписано как можно быстрее, не обращая внимания на огонь, провести войска мимо редутов, а затем, согласно первоначальному плану, развернуться на равнине в боевые порядки. Пятая колонна, из четырех батальонов, должна была окружить и атаковать новые редуты. Подобно тому, как

320

скалистый утес рассекает надвое бурный поток, цепь русских укреплений должна будет разделить наступающих шведов на две волны, но те стремительно прокатятся мимо, а третья, центральная волна, хлынет на эту преграду и, может статься, захлестнет ее.

Пока шведские генералы торопливо отдавали новые распоряжения, ночную тьму сменили предрассветные сумерки. Шведская пехота еще не закончила перестраиваться, когда с русских редутов начали стрелять пушки. Ядра посыпались в гущу неподвижно стоявших шведских солдат. Снесло голову капитану, погибло два grenадера и четыре мушкетера. Необходимо было срочно начинать двигаться. В четыре часа утра, когда на востоке над кронами деревьев появилось солнце, шведы наконец перестроились, и Реншильд отдал приказ к наступлению. Началась Полтавская битва.

Семь тысяч шведских солдат, сбившись в прямоугольные колонны синих мундиров, со штыками наперевес, двинулись через поле к русским редутам. Позади и чуть левее пехоты наступала шведская кавалерия: кто в желтых кафтанах с синей отделкой, кто в синих с желтой. Кавалеристы придерживали коней, чтобы не обогнать пехоту; первые лучи солнца уже играли на обнаженных клинках передовых эскадронов. Большая часть пехоты, огибая редуты, устремилась мимо них, но когда передового редута достигла центральная колонна, на незавершенные укрепления обрушились шведские grenадеры и сошлись с его защитниками в яростной рукопашной схватке. Редут продержался недолго. Та же судьба постигла и второй — шведская пехота, стреляя и коля штыками, прорвалась за его насыпь. Некоторые роты из числа участвовавших в захвате редутов влились в проходившие мимо колонны, другие же задержались для штурма третьего редута, на который уже наседали два батальона Росса.

¹¹ Петр Великий, т. 2

321

Но на третьем и четвертом редутах шведы споткнулись. Третий редут упорно защищался, и первый приступ шведов был отбит. К атакующим стали подходить подкрепления, и в конце концов перед этой преградой застопорились шесть шведских батальонов. Иными словами, шведская пехота зацепилась за вражеский редут, как за надоедливый репейник, и тщетно пыталась освободиться. А это означало, что действия шведов все более шли вразрез с первоначальным планом.

Виновником этого сбоя был Реншильд, который предпочел сохранить общий план наступления в тайне от своих подчиненных. Росс попросту не знал, что, согласно замыслу, его силы должны были только блокировать русские редуты, чтобы дать возможность основной массе пехоты побыстрее проскочить мимо. После того, как его атаку отбили, Россу стоило бы оставить редут в покое и идти дальше к сборному пункту. Вместо этого он перестроил своих солдат и снова повел их на приступ. Его снова отбили, но он упорствовал, и в результате 2600 пехотинцев, из которых каждый был на счету, застряли у преграды, не имевшей стратегического значения. Все свои помыслы Росс сосредоточил на захвате редутов; он понятия не имел о том, что делает остальная армия, и даже не знал, где она находится. Так, в самом начале наступления шведы допустили серьезный промах. Впоследствии, оценивая случившееся, Левенгаупт говорил, что лучше было бы всей армии, не исключая и Росса, просто пройти мимо редутов. Реншильд, уже будучи в плену у русских, сказал: «Одна ошибка может затмить всю прежнюю славу». Даже Карл, который не был склонен обвинять своих полководцев после боя, заметил печально: «Рекогносцировка была проведена не лучшим образом»².

В разгар схватки вокруг редутов, из-за линии укреплений на шведов устремились двумя сплоченными шеренгами драгуны Меншикова. Из рядов шведской пехоты послышались крики: «Кавалерия, кавалерия!»

322

Построившись сомкнутым клином, шведские кавалеристы рысью поскакали навстречу наступавшим русским драгунам. 20000 обнаженных клинков блеснуло на солнце, и две лавины всадников столкнулись на тесном пространстве возле русских редутов. В облаках пыли слышен был лишь грохот орудий, звон стали и треск пистолетных выстрелов. Схватка продолжалась почти час — ни шведы, ни русские не уступали. Мен-шикову удалось захватить четырнадцать шведских знамен. Окрыленный успехом, он отослал трофеи в лагерь и просил государя без промедления вывести армию из-за валов и вступить в бой на линии редутов. Но Петр не очень верил в прочность достигнутого Мен-шиковым успеха и пока еще очень высоко ставил воинскую славу шведов. Поэтому он дважды приказывал своему упрямому наперснику выйти из боя и отступить, и в конце концов князь неохотно повиновался. Русские эскадроны были отведены на север. Крупные силы под началом Боура (Ренне к тому времени был тяжело ранен) Меншиков отправил к северной оконечности лагеря, а сам с меньшим отрядом отступил к южной. Отступление русской конницы прикрывали установленные на валах орудия, заградительный огонь которых отбил у шведской кавалерии всякую охоту к преследованию.

Из-за того, что Реншильд не ознакомил командиров с общим планом сражения, постоянно происходила путаница. На правом крыле шведской армии наступало шесть пехотных батальонов, которые вел сам Левенгаупт. Они должны были миновать линию редутов и, выйдя на равнину, соединиться с главными силами. Но пехота терялась в поднятых всадниками облаках пыли, а русские вели с редутов жестокий пушечный и ружейный огонь. Чтобы вывести своих людей из-под обстрела, Левенгаупт стал сдвигать колонны правее. Отклоняясь все дальше к востоку, батальоны Левенгаупта в конце концов оторвались от остальных шведских сил, и в ли-

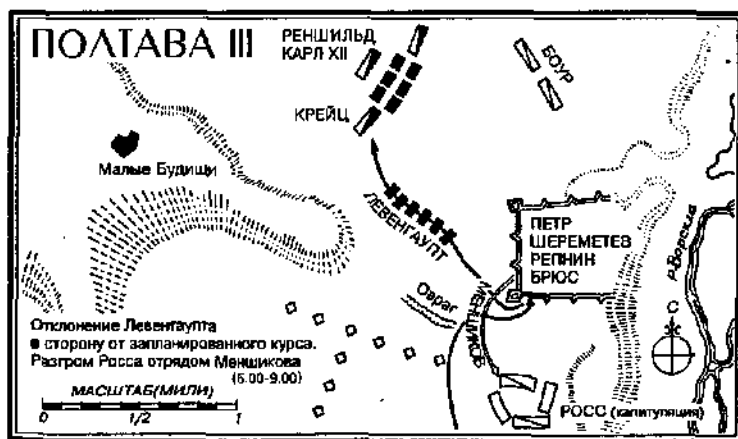
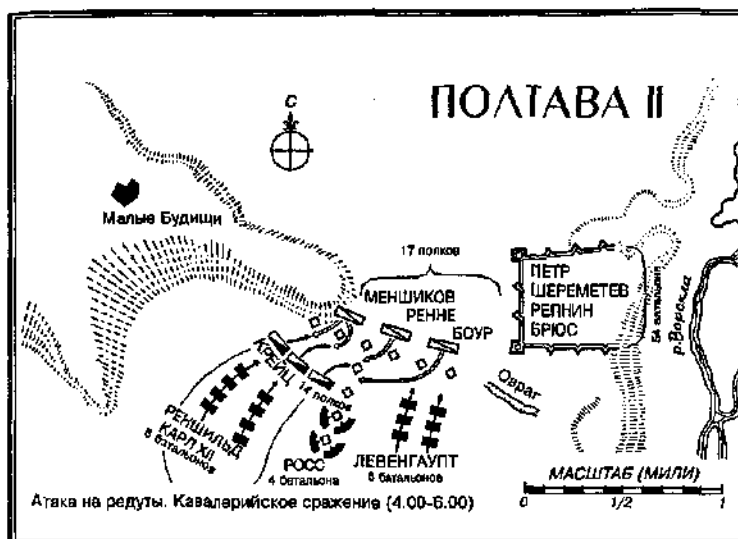
323

нии наступления открылась широкая брешь. Общего замысла Реншильда Левенгаупт не знал и об исполнении его, естественно, не заботился. Он просто вел свою пехоту в атаку на неприятельскую армию. При этом он то ли забыл, то ли не хотел вспомнить основные указания фельдмаршала - всем пехотным колоннам идти параллельно друг другу. Выйдя за линию редутов, он еще круче повернул вправо, где характер местности позволял двигаться быстрее. В результате, с каждым шагом солдаты Левенгаупта все больше удалялись от остальных шведских войск. А Левенгаупта это ничуть не огорчало: он всегда старался держаться подальше от Реншильда, который с ним, Левенгауптом, позволял себе обращаться «как с лакеем».

Все это привело к тому, что Левенгаупт шел прямо на русские укрепления. Лагерь к тому времени уже был поднят по тревоге, и при появлении шведской пехоты русские пушки открыли огонь. Но Левенгаупт, довольный тем, что избавился от опеки, неуклонно вел свои шесть батальонов навстречу всей русской армии. Солдаты маршировали как на учении и уже подошли на мушкетный выстрел к валам, когда путь им преградил овраг. Но ничто не могло остановить Левенгаупта в его стремлении бросить 2400 шведов на штурм укреплений, в которых засело 30000 русских, и неустрашимый генерал повел солдат в обход преграды.

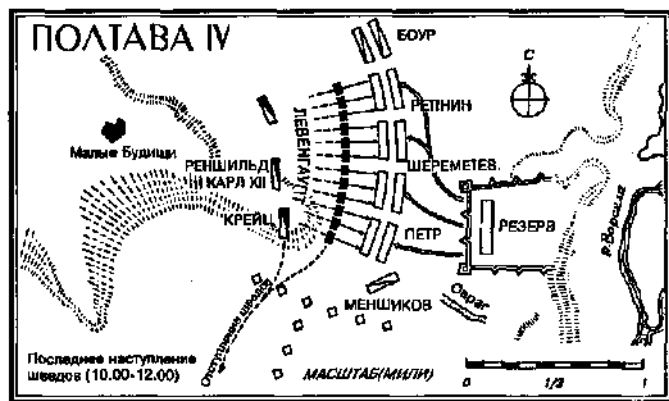
Между тем, на другом краю поля, по левую сторону от линии редутов, где должны были собраться все шведские силы, находилась всего одна из трех войсковых групп - та, которая неукоснительно следовала первоначальному плану, поскольку командовал ею сам Рен-шильд. Две составлявшие ее пехотные колонны поспешно миновали редуты, как только русская конница отступила с поля. Хотя они и понесли потери от флангового огня, но сумели довольно быстро выйти на равнину за редутами. По плану, именно здесь должны были собраться восемнадцать пехотных батальонов, чтобы уже

324

отсюда развивать наступление. Поначалу офицерам Рен-шильда казалось, что все идет как задумано. Когда шесть батальонов левого крыла своевременно заняли отведенные им позиции, офицеры наперебой поздравляли короля с удачей. Самого Карла пронесли на носилках в гуще пехоты, и сейчас он потягивал воду, пока ему накладывали на ногу свежую повязку.

Но, увы, когда Реншильд огляделся в поисках остальной пехоты, он никого не увидел. Двенадцать батальонов Левенгаупта и Росса как сквозь землю провалились. Правда, Левенгаупт с его шестью батальонами сыскался довольно скоро. Далеко впереди с правого фланга слышалась стрельба: это солдаты Левенгаупта пытались обогнуть овраг с юго-запада от русского лагеря. Реншильд тут же послал к Левенгаупту гонца с приказом немедленно прекратить наступление на лагерь и отойти к западному краю равнины, где его дожидались основные силы. Получив этот приказ, Левенгаупт взъярился. С одной только пехотой, без единой пушки, он одолел два русских редута и уже занял позиции, чтобы клинком и багинетом штурмовать южную линию русских укреплений. Здесь вал был защищен не слишком сильно: еще чуть-чуть и он, Левенгаупт, примерный ученик шведской военной науки, бросил бы своих 2400 воинов на слабый участок вражеской обороны, прорвал его и сокрушил бы противника, посеяв панику в его рядах. Трудно сказать, могли ли его малочисленные войска, прорвавшись за вал, повергнуть неприятельский лагерь в смятение. В лагере его поджидали не бестолковые новобранцы, как это было под Нарвой, а прошедшие суровую школу бывалые воины. Скорее всего, если бы шведы все же прорвались за линию укреплений и столкнулись с готовым к бою десятикратно превосходящим противником, они поначалу могли бы добиться определенного успеха, но, не получив поддержки, были бы неминуемо смяты неприятелем. Так или иначе, но к

немалой досаде Левенгаупта, ему было приказано отступить — и он отступил.

Было шесть часов утра. Шведской армии требовалось время для маневра, и в битве наступило затишье. Основные силы, с которыми находились король и Рен-шильд, включавшие третью часть всей шведской пехоты, двинулись вдоль фронта русских укреплений к северо-западу. Там находились заранее намеченные позиции, заняв которые, шведы могли нанести удар как по лагерю, так и по броду в Петровке. Шесть батальонов Левенгаупта отступили от южного вала русского лагеря и направились на соединение с Реншильдом. Когда они придут и займут отведенное им место, под рукой Рен-шильда соберутся двенадцать батальонов из восемнадцати. Но где же остальные шесть?

А эти шесть батальонов под командованием Росса находились с южной стороны поперечной линии шести русских редутов и усердно штурмовали все те же третий и четвертый редуты. Действовали они столь же доблестно, сколь и бесполезно. Весь смысл атаки на редуты состоял в том, чтобы прикрыть движение наступающих колонн. Теперь, когда пехота вышла равнину, генерал-майору Россу следовало бы оставить редуты и поспешить вдогонку основным силам. Но никто не сказал Россу, чего от него ждали на самом деле, и он, как и подобало шведскому офицеру, мужественно пытался захватить укрепления противника.

Впрочем, схватка у редутов вскоре закончилась, Три раза Росс шел на штурм и три раза был отбит. Наконец, потеряв сорок процентов своих людей, он все же решил отступить. Теперь Росс был бы не против соединиться с главной армией, но понятия не имел, где она находится. Кроме того, ему нужно было время, чтобы привести в порядок свои потрепанные силы, и он стал отходить в лес, к востоку от редутов. Раненые пытались ползком следовать за товарищами.

328

В это время на западном валу лагеря, обзревая поле сражения, стоял Петр. Он видел, как прошедшая линию редутов шведская армия теперь группировалась справа на северо-западе. И тут, наблюдая за отходом Левенгаупта, царь заметил, что путь из лагеря к редутам, сопротивлявшимся Россу, теперь свободен. Петр тотчас приказал Меншикову взять в дополнение к его драгунским полкам пять батальонов пехоты из лагеря — всего 6000 человек, — настичь Росса в лесу, атаковать и уничтожить. Заодно отряд мог помочь и гарнизону Полтавы, дорога к которой теперь была открыта. Солдаты Росса вначале приняли передовые эскадроны Мен-шикова за своих, а когда поняли, в чем дело, противник уже был перед ними. Не успевшие перестроиться шведские батальоны были смяты и рассеяны огнем русской пехоты и кавалерии. В ожесточенной рукопашной схватке большинство шведов было убито или попало в плен. Россу удалось прорваться: собрав четыре сотни солдат он стал отступать на юг; но Меншиков преследовал его по пятам. Неподалеку от Полтавы шведы заняли покинутую траншею и попытались обороняться, но русские снова схватились с ними в ближнем бою. В конце концов, окруженный и потерявший большинство людей Росс был вынужден сдаться превосходящим силам неприятеля. И как раз тогда, когда плененного Росса уводили с поля, с северо-запада донеслась чешу-точная канонада. Загремели первые залпы решающего этапа сражения, но ни Россу, ни его солдатам, не суждено было в нем участвовать. Еще до начала сражения как такового было бессмысленно загублено шесть

батальонов — третья часть шведской пехоты. Можно винить в этом Росса — за его излишнее упорство у редутов или Реншильда за то, что он не ознакомил своих офицеров с планом сражения. Но все это не главное. Несчастье заключалось в том, что шведская армия лишилась своего мозга — тот, кто мыслил ясно,

329

четко и без суеты, чьим командам повиновались беспрекословно, был выведен из строя и в Полтавской баталии не участвовал.

Реншильд с королем и всем штабом дожидались Росса. Того все не было, и фельдмаршал послал выяснить, в чем дело. Когда гонец вернулся, он доложил, что Росс продолжает штурмовать редуты и ему приходится туго. Реншильд тут же послал на помощь Россу два кавалерийских полка и два пехотных батальона. Тем временем основным силам шведов оставалось только ждать.

Шведская армия стояла на открытой равнине — примерно в миле от северо-западной оконечности русского лагеря, в пределах досягаемости орудийного выстрела. Естественно, что русская артиллерия повела по шведам массированный огонь. Ядра убивали и калечили солдат. Одним ядром были убиты двое стоявших подле короля гвардейцев. Другое ядро повредило носилки короля. Мало было шведским офицерам забот и тревог — теперь им приходилось беспокоиться еще и о безопасности короля. Чтобы укрыть людей от огня русских орудий, часть пехоты отвели южнее, к лесу у местечка Малые Будищи. Вот когда Левенгаупт, как и многие, горько пожалел о том, что большая часть артиллерии осталась позади. На залпы семидесяти русских орудий шведы могли отвечать выстрелами всего-навсего четырех полевых пушек.

Примерно через час явился Спарре, который был послан с двумя пехотными батальонами на помощь Россу. Он доложил, что Росса окружили многочисленные русские войска и пробиться к нему невозможно. В подобном случае ему было приказано возвращаться назад, и он поступил согласно приказу.

Теперь положение Реншильда непрерывно ухудшалось. Вначале, как и было задумано, он прорвался за

330

линию редутов. В яростной кавалерийской схватке его эскадроны одолели противника и сумели вытеснить его с поля боя. Но теперь фактор внезапности был утрачен, наступательная инерция погашена затянувшимся ожиданием. Инициатива постепенно ускользала из рук шведов. Целых два часа Реншильду пришлось держать армию под жестоким неприятельским огнем, дожидаясь подхода заплутавшей пехоты. Правда, Левенгаупт наконец явился, но на Росса, похоже, рассчитывать больше не приходилось. Пытаясь восполнить эту потерю, Реншильд отправил в осадный лагерь под Полтавой приказ: резервным батальонам, охранявшим обоз, срочно выступить на подмогу армии и доставить на поле боя всю артиллерию.

Но гонцам Реншильда прорваться в шведский лагерь не удалось. Истекавшая кровью шведская пехота осталась без подкрепления, и огонь по русским по-прежнему вели только четыре пушки. К 9 утра Реншильд понял, что тянуть больше нельзя. Вот уже два часа он ждал подмоги, но теперь стало ясно, что ее не будет. Промедление было смерти подобно. Перед фельдмаршалом открывались три возможности. Можно было выступить на север, попытаться прорваться сквозь русский кавалерийский заслон, занять брод у Петровки и удерживать его в расчете уморить голодом царский лагерь. Но такой план таил в себе немалую опасность: и без того сильно уст/павшие русским в числе шведы оказались бы разделены между Петровкой и Полтавой. Пожелай Петр напасть на любую из этих группировок, другая не только не смогла бы прийти своим на выручку, но, возможно, даже не узнала бы, что им грозит беда. Был и другой выход: согласно первоначальному замыслу, идти в атаку на русскую армию, которая все еще отсиживалась за земляными валами лагеря. Но это значило, что поредевшей шведской пехоте придется наступать по открытой равнине, под обстрелом множества неприятельских пушек, которые уже нанесли шведам невосполнимый урон. Аза

331

рвом, на валах, его солдат будут поджидать 30000 русских.

Был и третий вариант, и именно его предпочел Реншильд. Он решил отступить. Силы его были слишком малы, а препоны велики непомерно. Но если откатиться назад, к линии

редутов, то, минуя их, можно и Росса поддержать, и пополнить силы за счет его солдат. Затем, вернувшись на исходные позиции минувшей ночи, он сможет собрать и тех, кто сидел в траншеях вокруг Полтавы, и тех, кто патрулировал вдоль берега, и тех, кто охранял обоз. Тогда вместо двенадцати пехотных батальонов, которыми сейчас располагал Реншильд, у него будет двадцать четыре. С таким войском уже можно думать о новом сражении.

Но едва солдаты Реншильда начали перестраиваться из боевых порядков в маршевые колонны, произошло то, чего шведы никак не ждали. Наблюдавшие за русским лагерем офицеры вдруг заметили, что вся царская армия пришла в движение. Были открыты проходы, опущены мосты через рвы, и по этим мостам из лагеря хлынула многочисленная русская пехота и тут же начала строиться в боевые порядки. В первый раз за всю эту войну русская армия готовилась дать сражение армии шведов, причем оба монарха, Петр и Карл, находились на поле боя.

Все перемещения русских войск производились быстро и слаженно. По всему было видно, что теперь армия Петра имеет внятное понятие о дисциплине и строе. Многие тысячи людей и коней выстроились длинным плотным полумесяцем, обращенным фронтом к западу, навстречу шведам. На правом фланге стояла кавалерия Боура — восемнадцать полков драгун в красных и зеленых мундирах. На противоположном конце полумесяца, как всегда выделявшийся белым мундиром, занял позиции Меншиков. У него было на шесть полков драгун больше. Центр составили пехотные батальоны в зеленых мундирах под началом Шереметева и Репнина. Коман-

332

дующий артиллерией генерал Брюс приказал оставить часть орудий на валах, чтобы стрелять по шведам через голову русских войск. Остальные пушки артиллеристы в красных мундирах выкатили на передовую позицию, чтобы встретить шведов смертоносным огнем прямой наводкой.

Петр был в седле на левом фланге, с Новгородским пехотным полком. Царь сидел на любимом коне, мышастом арабском скакуне, подаренном ему султаном. В этот день под ним было седло, обитое поверх кожи зеленым бархатом с серебряным узором. Уздечка черной кожи была отделана золотом. Одеждой царь не отличался от своих офицеров: черная треуголка, высокие черные сапоги и Преображенский мундир бутылочно-зеленого цвета с красными отворотами. Только голубая андреевская лента выделяла государя. Вокруг Петра стояли прошедшие огонь и воду три батальона Новгородского полка в серых кафтанах и черных шляпах. Здесь скрывалась небольшая задуманная Петром военная хитрость. Как правило, в серые кафтаны обряжали необстрелянных новобранцев, а в этот раз Петр одел таким образом отборные батальоны и рассчитывал, что шведы клюнут на эту приманку и ударят по новгородцам в надежде на легкий успех.

Выйдя из лагеря и построившись, русская армия поставила перед Реншильдом новую задачу. Шведская пехота из боевых порядков уже перестраивалась в маршевые колонны, чтобы отступить на юг, в поисках Росса. Но стоило бы шведам двинуться в походном строю, русские немедленно атаковали бы их на марше, и это было бы уже не сражение, а резня. Поэтому Реншильд решил отказаться от отступления, развернуться и принять бой. Шведские солдаты стали снова перестраиваться в шеренги.

Обсудив обстановку с Левенгауптом, Реншильд доложил королю, что русская пехота вышла на поле. «Не лучше ли начать с атаки по неприятельской кавале-

333

рии?» — спросил Карл. «Нет, — покачал головой фельдмаршал, — мы должны ударить в центр, по пехоте». Король совсем обессилел и не мог оценить боевую ситуацию. Он с трудом открыл глаза и промолвил: «Что ж, поступайте как знаете».

К 10 часам утра шведская армия изготавилась к бою. В отличие от конницы Петра, стоявшей по флангам, шведская кавалерия разместилась позади пехотного строя. Пехота Левенгаупта состояла всего из двенадцати батальонов и едва насчитывала 5000 человек. Против них двумя плотными шеренгами построились русские пехотинцы, причем каждая из них была намного длиннее единственной линии шведов. В первой линии русской пехоты стояло двадцать четыре батальона — 14000 человек, а во второй — восемнадцать батальонов, или 10000 человек (девять пехотных батальонов осталось в лагере в качестве резерва). Казалось, что при таком

соотношении живой силы и огневой мощи сама мысль о сражении абсурдна: 5000 изголодавшихся, усталых пехотинцев без артиллерии готовились ударить по 24-тысячному войску, поддержанному семьюдесятью орудиями. Все свои надежды шведы возлагали на испытанную тактику. Собрал силы в кулак, мощным ударом на каком-то одном участке прорвать русские цепи и, воспользовавшись замешательством неприятеля, развить наступление и смять пусть даже превосходящего числом противника.

Этот день положил конец старым раздорам между первейшими шведскими полководцами — Реншильдом и Левенгауптом. Реншильд подъехал к Левенгаупту, которому предстояло возглавить почти безнадежную атаку, взял его за руку и сказал: «Граф Левенгаупт, вам надлежит пойти в атаку на неприятеля. Послужите с честью его величеству!» Левенгаупт спросил, не угодно ли Реншильду отдать приказ о немедленном выступлении. «Атакуйте без промедления», — ответил командующий. «В таком случае, вперед! — скомандовал Левен-

334

гаупт. — Во имя Господа, да пребудет с нами милость Его». Под рокот барабанов прославленная шведская пехота пошла в свою последнюю битву. Силы шведов были ничтожно малы, и чтобы линия атаки была как можно длиннее, пришлось растянуть по фронту двенадцать батальонов так, что между ними образовались разрывы.

Презирая очевидное неравенство сил, шведская пехота в синих мундирах быстро пересекала равнину. Когда шведские цепи подошли достаточно близко, русские бомбардиры удвоили интенсивность огня. Свистящие ядра прокладывали в рядах наступающих кровавые борозды. Но шведы неколебимо шли вперед под сине-желтыми знаменами. Они приблизились на ружейный выстрел, и залп русской пехоты ударил по их истерзанному строю. Но шведы продолжали наступать, не отвечая на выстрелы. Наконец, шедшие впереди на правом фланге гвардейские батальоны достигли строя русской пехоты и яростно обрушились на первую линию. Орудуя клинком и багинетом, шведы прорвали строй неприятеля, погнали русских перед собой и захватили первую пушку из числа тех, которые только что поливали их огнем. Потребовалось всего несколько минут, чтобы повернуть орудия и открыть огонь по русской пехоте, смешавшейся, потерявшей равнение — и уже отступающей.

Вражеский строй был прорван, первая цель достигнута, и теперь Левенгаупт ожидал, что в прорыв, развивая его успех, устремится шведская кавалерия. Но, увы, кавалерии не было. Зато сквозь клубы окутавшего поле сражения порохового дыма Левенгаупт увидел, что его левый фланг попал в беду. Русские еще раньше сосредоточили на этом участке артиллерию: ее задачей было прикрывать конницу на северном фланге. И вот теперь жерла этих орудий были наведены на наступающую шведскую пехоту. Их жестоким, смертоносным огнем шведские шеренги разметало в клочья. Половина

335

солдат полегла, прежде чем шведы успели вплотную сойтись с русской пехотой. И теперь, когда левое крыло шведов дрогнуло, а правое продолжало рваться вперед, готовясь обрушиться на вторую линию русской пехоты, между ними образовался разрыв. Он становился тем шире, чем успешнее наступали шведы на правом фланге.

Петр с Новгородским полком стоял неподалеку от этого участка и видел все, что происходило. От него не укрылось, что фронт шведского наступления раскололся надвое: левое крыло шведов, жестоко пострадавшее от огня русской артиллерии, было в отчаянном положении и едва ли представляло угрозу для правого фланга русской армии. Зато правое крыло развивало наступление вглубь русских позиций и почти достигло второй линии пехоты. Разрыв между ними рос на глазах. И вот в этот разрыв Петр бросил своих солдат.

Случилось то, чего опасался Левенгаупт и на что надеялся царь. Разорванным оказался не русский, а шведский фронт, и не шведская, а русская пехота, устремляясь в разрыв, расширяла его, готовясь смять противника мощной контратакой. А поскольку шведской кавалерии на поле не было, русские стали окружать углубившееся в их позиции правое крыло шведов. Огромная инерция шведского удара даже помогла Петру в осуществлении его замысла. Шведы неудержимо стремились вперед, все глубже внедряясь в русские позиции, а батальоны русских, тем временем, вливаясь в открывшийся в шведском фронте разрыв, обхватывали наступающих сбоку и с тыла. Шведы так яростно рвались вперед, что в результате оказались крохотным островком, затерявшимся в море неприятельских солдат. И в конце концов,

огромная масса русской армии попросту задавила наступательную энергию шведов. Только сейчас на поле объявилась шведская кавалерия, но вместо вышколенных эскадронов Реншильда на врага скакали всего пятьдесят конных гвардейцев из

336

полка личной королевской охраны. Обнажив клинки, они на всем скаку врезались в центр неприятельского строя, но вскоре всех их перестреляли, закололи штыками или стащили с седел. Шведская пехота, окруженная подавляющими силами противника, стала отступать. Сначала шведы пытались удержать ряды, но затем дрогнули, сломались и пустились в беспорядочное бегство. Большинство офицеров было убито или ранено, и только Левенгаупт метался вдоль распадавшегося на глазах строя, пытаясь остановить бегущих. Позднее он вспоминал: «Тщетно я просил, угрожал, проклинал и раздавал тумаки. Они как будто не видели и не слышали меня!»

Все это время в гуще русских войск маячила долговязая фигура Петра. Высокий рост делал его заметной мишенью, но царь, презирая опасность, всю свою энергию посвятил руководству боем. За время сражения он трижды был на волосок от гибели, и просто удивительно, что не был ранен. Одна пуля сшибла с него шляпу, другая пробила седло, а треть попала з крест на груди.

Через несколько минут только что наступавшие шведы были смяты, хотя некоторые подразделения еще продолжали сражаться. С обычным для них упорством дрались шведские гвардейцы. Гвардия умирала, не отступая ни на шаг, и волны русской пехоты прокатывались над телами павших. Русские войска брали в кольцо целые роты, и многие из них погибли до последнего солдата под ударами пик, сабель и багинетов.

Но где же была шведская кавалерия?! Сейчас, когда Реншильд пытался направлять действия всей армии, коннице, видимо, снова не хватало опытной руки своего старого командира. Сначала кавалерия задержалась с построением на правом фланге, и когда пехота Левенгаупта пошла в атаку, кавалерия не была готова оказать ей поддержку. Когда эскадроны смогли наконец выступить, их продвижение было затруднено сложным рельефом местности. Кроме того, внимание шведской кавалерии

337

было отвлечено и на левый фланг, ведь на севере равнины расположилась многочисленная русская конница, и надо было прикрывать от нее поле боя. И когда несколько конных полков появилось наконец на поле, чтобы поддержать пехоту, выяснилось, что помощь, чего доброго, может понадобиться им самим, ибо фронт наступавших шведских полков был буквально растерзан чудовищной силой орудийного и мушкетного огня противника.

Схватка продолжалась еще около получаса — на гибель Карлу и к вящей славе Петра. Шведская пехота, которая пересекла равнину и атаковала русскую армию, была по большей части попросту уничтожена. «Все пропало!» — в отчаянии крикнул Пиперу Реншильд, бросился в самую гущу боя и тотчас был взят в плен.

Опасность угрожала и самому Карлу. Среди всеобщего смятения король пытался привести в чувство своих охваченных паникой воинов. «Шведы, шведы!» — кричал он, но его отчаянный призыв терялся в суматохе. Огонь неприятеля был так жесток, что «косил людей, коней, м даже сшибал сучья с деревьев». Из двадцати четырех королевских носильщиков двадцать один пал, и сами носилки были пробиты пулями. Их некому было нести, и казалось, что еще миг, и король попадет в руки неприятеля. Однако один офицер спешился, и Карла подняли в седло. Повязка развязалась, из открытой раны сочилась кровь. Коня под ним подстрелили, но ему раздобыли другого. Припав к шее лошади, с кровоточащей раной, король во всю прыть поскакал с поля боя. По дороге ему попался Левенгаупт. «Что теперь делать?» — спросил его Карл. «Ничего, кроме как попытаться собрать оставшихся людей», — отвечал генерал⁷. Ему это отчасти удалось, и остатки пехоты под прикрытием относительно мало пострадавшей в бою кавалерии, отступили на юг, за линию редутов. Лагерь в Пушкаревке сулил им хотя бы временную безопасность. Разбитая армия отступала, а резервные

338

шведские полки с артиллерией, вместе с казаками Мазепы и Гордиенко, заняли оборонительные позиции вокруг шведского лагеря на случай преследования. К полудню до

лагеря добралась большая часть уцелевших шведов; измученные люди смогли наконец перевести дух. Левенгаупт, изнывавший от голода и жажды, проглотил кусок хлеба и запил его кружкой пива.

На севере еще некоторое время раздавались отдельные выстрелы. Потом все стихло. Воодушевленный победой Петр повелел отслужить благодарственный молебен на поле боя, а затем отправился на пир. Полтавская баталия завершилась.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ У РЕКИ

Поле боя было усеяно телами павших. Из 19000 вступивших в битву шведов 10000 не вернулось, убитых и раненых насчитывалось 6901, а 2760 попало в плен, среди них фельдмаршал Реншильд, принц Макс Вюр-тембергский, шесть генерал-майоров и пять полковников. Граф Пипер, который весь день держался подле короля, потерял его, когда армия обратилась в беспорядочное бегство. Ища спасения, граф и два секретаря королевской канцелярии метались по полю, пока не оказались у стен Полтавы. Там они и сдались в плен.

Потери русских были сравнительно невелики, и не удивительно, ведь большую часть боя они вели со своих укрепленных позиций за земляными валами, окружающими их лагерь, или в редутах, в то время как их пушки сеяли смерть среди наступавших шведов. Из 42000 воинов, принимавших участие в сражении, Петр потерял 1345 убитыми и 3290 ранеными. Итог этой битвы и соотношение потерь так отличались от всех предыдущих столкновений русских и шведских войск, словно противники поменялись местами.

Когда шведы отступали к Пушкаревке, русские их не преследовали. Рукопашная схватка, которая решила исход битвы, смешала не только шведские, но и русские боевые порядки. Кроме того, русские еще не зна-

340

ли, что неприятель разгромлен наголову, и продвигались вперед осторожно. К тому же Петру не терпелось отпраздновать одержанную победу. Сразу после молебна он отправился в лагерь, где в его шатре уже был накрыт пиршественный стол. Царь и его проголодавшиеся, усталые, но возбужденные генералы принялись за трапезу. После изрядного количества тостов в шатер привели пленных шведских генералов и полковников и пригласили сесть за стол вместе с победителями. Это был звездный час русского царя. Девять лет он с отчаянием наблюдал за неумолимым продвижением грозного соперника к российским пределам. И вот теперь он мог наконец сбросить тяжкое бремя тревоги. Счастливый победитель был снисходителен и заботлив к пленным шведам. Особенное внимание он оказывал Рен-шильду. Когда из Полтавы доставили Пипера, его тоже пригласили к царскому столу. Петр все время оглядывался по сторонам, ожидая, что вот-вот приведут короля, и постоянно спрашивал: «А где же брат мой, Карл?» За столом Петр со всем почтением спросил Реншильда, как могли шведы со столь малым числом людей отважиться на вторжение в столь великую державу. Реншильд отвечал, что таков был приказ короля, а долг подданных повиноваться своему государю. «Вы честный солдат, - сказал Петр, — и за вашу верность я возвращаю вам шпагу». Когда с валов в очередной раз грянул салют, Петр встал и, с кубком в руке, провозгласил тост за здоровье своих учителей в военном деле. «Кто же эти учителя?» - спросил Реншильд. «Вы, господа!» — ответил Петр. «Хорошо же ученики отблагодарили своих учителей», — заметил фельдмаршал с горькой усмешкой¹. Петр оживленно беседовал с пленниками; празднование растянулось на весь день, и о необходимости преследовать побитых шведов вспомнили лишь к пяти часам вечера. Тогда Петр приказал князю Михаилу Голицыну с гвардией и генералу Боуру с драгунами поспешить на юг, вдогонку Карлу. А на

341

следующее утро Меншиков повел в погоню еще один отряд русской конницы.

Вечером, когда кончился пир, Петр уединился в своем шатре, чтобы описать события этого дня. Екатерине он писал:

Матка, здравствуй!

Объявляю вам, что всемилостливый Господь неописанную победу над неприятелем нам сего дня даровать изволил, и единым словом сказать, что вся неприятельская сила наголову побиты, о чем сами от нас услышите, и для поздравления приезжайте сами сюда².

Более пространные письма, общим числом четырнадцать, «из лагеря под Полтавой» были посланы Ромо-дановскому, Бутурлину, Борису, Петру и Дмитрию Голицыным, Апраксину,

Петру Толстому, Александру Кикину, местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому, царевне Наталье, царевичу Алексею и другим. Во всех письмах говорилось в сущности одно и то же:

Доносим вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую Господь Бог нам через неописанную храбрость наших солдат даровать изволил с малою войск наших кровию таковым образом: сегодня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею конною и пешею атаковал, которая хотя по достоинству держалась, однако ж принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю; потом неприятель стал во фронт против нашего лагерю, против которого тотчас всю пехоту из транжаментов вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница на обеих фланках, что неприятель увидя, тотчас пошел атаковать нас, против которого наши встречу пошли и такс оного встретили, что тотчас с поля сбили, знамен, пушек множество взяли, також генерал-фельдмаршал господин Рейншельд купно с четырьмя генералами, також первой министр граф Пипер с секретарями в по-

342

лон взяты, при которых несколько тысяч офицеров и рядовых взято, и, единым словом сказать, вся неприятельская армия фаэтонов конец восприяла; а о короле еще не можем ведать, с нами ль или со отцы нашими обретается; а за разбитым неприятелем посланы господа генералы порутчики князь Голицын и Боур с конницею, и сею у нас неслыханною новиною вашему величеству поздравляю.

Петр³.

К письму Апраксину была сделана приписка, в которой Петр лаконично определил значение Полтавской победы: «Ныне уже совершенно камень во основание С.-Петербурга положен с помощью Божию»⁴.

Таким образом, Полтавская победа в одно утро положила конец вторжению шведов в Россию и в корне изменила политическую ситуацию в Европе. До сего дня при всех европейских дворах ждали известия о новой триумфальной победе Карла, о том, что прославленная шведская армия вступила в Москву, а царь лишился престола, если не головы, ибо в поверженной России непременно воцарился бы кровавый хаос. Ожидали, что на трон будет посажен новый царь, во всем зависимый от шведов, как это случилось в Польше. И тогда Швеция, которую почитали Владычицей Севера, по праву станет именоваться повелительницей Востока и воле ее будет покорно все на просторах от Эльбы до Амура. Побежденная Россия, безусловно, уменьшится в своих пределах: немало русских земель отойдет шведам, полякам, казакам, а возможно также туркам, татарам и китайцам. Петербург навеки исчезнет с карты России, выход к Балтийскому морю для нее будет закрыт, и пробужденному было Петром народу придется остановиться, развернуться и послушно шагать назад, в сонное московское царство. Но, все воздушные замки рассея-

343

лись как дым. Времени, прошедшего от рассвета до полудня, хватило для того, чтобы завоеватель превратился в беглеца.

Орудийный гром на поле под Полтавой возвестил миру о рождении новой России. До сих пор государственные мужи в Европе уделяли царю едва ли больше внимания, чем персидскому шаху или Великому Моголу. Полтава научила их считаться с Россией и учитывать ее интересы. В то утро — и сам царь был тому свидетель — пехота Шереметева, кавалерия Меншикова и артиллерия Брюса установили новое соотношение сил, которое с течением времени - в XVIII, XIX и XX столетиях - сохранилось и упрочилось.

Шведская армия была разбита, но не сдалась. Весь день, пока Петр потчевал в шатре пленных шведских полководцев, остатки рассеянного шведского войска стекались по капле в лагерь у Пушкаревки. Здесь они соединились с теми, кто оставался в траншеях у стен Полтавы, с отрядами, охранявшими обоз и переправы на Ворскле. Всего в лагере собралось 15000 шведов; к тому же под ружьем, ожидая приказов Карла и его генералов, оставалось 6000 казаков. Среди уцелевших многие были ранены в недавнем бою, другие покалечены в прошлых сражениях или обморожены минувшей зимой. Пехотинцев почти не было, большую часть спасшихся составляли кавалеристы.

Карл добрался до Пушкаревки одним из последних. Ему перевязали ногу, и он, наспех проглотив кусок холодного мяса, велел позвать Реншильда и Пипера. Только тут король узнал, что они пропали. Первым по старшинству генералом остался Левенгаупт, и теперь

Карлу пришлось во всем полагаться на «маленького латинского полковника».

О том, что делать, вопроса не стояло. Было ясно, что шведам необходимо уходить, пока русские еще не впол-

344

не осознали масштаб своего успеха и не пустились в погоню. Не стоял вопрос и о том, каким путем идти. На севере, востоке и западе находились дивизии победоносной армии Петра. Открытой оставалась только дорога на юг. Это был кратчайший путь в земли татар, где шведы могли найти убежище у Девлет-Гирея. Карл трезво оценивал обстановку и понимал, что теперь, с жалкими остатками армии, он не будет для хана таким же желанным гостем, каким мог бы быть прежде. Но он все же надеялся, что Девлет-Гирей приютит его разбитое войско, и оно сможет оправиться и собраться с силами, перед тем как двинуться через турецкие и татарские владения в Польшу.

Итак, было решено незамедлительно выступать на юг и двигаться вдоль западного берега Ворсклы к Перево-лочне, лежавшей у впадения Ворсклы в Днепр, в восьми милях от Пушкаревки. Переправившись на восточный берег с помощью казаков, которые могли указать броды, шведы вышли бы на дорогу, ведущую из Харькова в Крым. Она оставалась свободной от неприятеля и проходила через несколько украинских местечек, где можно было бы передохнуть и разжиться съестным.

В тот же день был отдан приказ выступать. Из Пушкаревки шведы отходили в порядке, выслав вперед подводы и артиллерию. Самые тяжелые фуры командовавший тыловым охранением Крейц приказал сжечь, я обозных коней распрягли и раздали пехотинцам. Наспех сформированные маршевые колонны двинулись в путь, но их движение совсем не походило на бегство. Потерпевшая поражение, однако дисциплинированная армия сохраняла при отступлении надлежащий порядок. В строю оставалось еще несколько тысяч закаленных солдат, способных выдержать самую жестокую битву.

Все шведы - от командиров до рядовых - были неимоверно измотаны. Минувшей ночью никто из них не сомкнул глаз. Тогда, всего каких-то восемнадцать часов назад, перед рассветом, армия готовилась к атаке

345

на редуты. Сейчас, ближе к вечеру, солдаты едва плелись за своими офицерами, и только желание убраться подальше поддерживало в них последние силы. Состояние короля ухудшилось. Долгие часы без сна, открывшаяся рана, горечь поражения, мрачные предчувствия, да еще и удушающая жара совсем доконали его. Король лежал без движения на подводе, потом впал в забытие. Когда он пришел в себя, сознание его было затуманено и он едва понимал, что происходит. Карл снова просил позвать Реншильда и Пипера. Ему объяснили, что их здесь нет, и Карл откинулся навзничь и промолвил: «Да, да, делайте, что хотите!»⁵

На следующий день, 29 июня, шведы под палящим солнцем продолжали свой путь на юг. Их подгонял страх перед возможной погоней, и они без остановки прошли мимо одного брода через Ворсклу, затем другого и третьего, так и не предприняв попытки переправиться. Куда легче было просто идти вдоль берега, чем терять время на переправу. Однако к четырем часам утра подгонявший шведов призрак русской армии воплотился в реальность. Командир тылового охранения Крейц догнал основные силы и доложил, что русские начали погоню, причем участвуют в ней не только казаки, но и регулярные части.

До места впадения Ворсклы в Днепр шведские колонны добирались два дня, и к вечеру 29 июня Перево-лочна стала заполняться массой людей, пушками и подводами. Но брода здесь не было, и при виде широкого Днепра солдат охватил настоящий страх. Само местечко и сотни лодок, припасенных запорожцами, были преданы огню солдатами Петра еще во время апрельского рейда. Для того, чтобы переправляться на немногих оставшихся лодках армия была слишком велика — только малая ее часть успела бы переплыть Днепр до появления русских. Приходилось думать о возвращении на север, к бродам, но оттуда подступал неприятель. А Ворскла и Днепр отрезали путь на юг, на восток и запад. Шведская армия попала в западню.

346

Предстояло принять нелегкое решение: кому предоставить возможность переправиться через

Днепр? Ле-вснгаупт и Крейц, пав на колени, молили короля использовать шанс на спасение. Поначалу Карл не хотел и слышать об этом: он желал остаться с армией и разделить ее судьбу. Но затем боль и усталость взяли верх, и он уступил. Впоследствии его нередко осуждали за это. Дескать, ради собственного спасения король бросил на произвол судьбы — на смерть или плен — своих солдат, которые так преданно ему служили. Однако решение Карла не лишено здравого смысла и дальновидности. Король был ранен. Армии предстоял долгий путь на юг, и, вероятнее всего, окрыленный победой противник будет неотступно преследовать отступающих. Большинство солдат теперь ехали верхом и могли двигаться быстро, а лежавший на повозке Карл был бы в пути только обузой. И, главное, Карл — король Швеции. Попади он в плен, кто мог поручиться, что царь не захотел бы его унижить и провести в триумфальном шествии по улицам Мисквы. Совершенно очевидно также, что в переговорах о мире Карл стал бы главным козырем в руках неприятеля. Свобода короля стоила бы Швеции многих владений.

Были у Карла и другие причины. Если бы он остался со своей армией и даже благополучно добрался до Крыма, он был бы отрезан от родины и, находясь на задворках Европы, не мог бы влиять на ход событий. Зная, что Петр повсюду будет трубить о своей победе, он хотел иметь возможность распространить и шведскую версию случившегося. Карл полагал также, что если он достигнет османских владений, то, возможно, сумеет убедить турок вступить с ним в союз и дать ему армию, чтобы он смог продолжить войну. И наконец, Карл не мог забыть о доверившихся ему казаках Мазепы и Гордиенко. Сейчас он отвечал за этих людей. И Карлу, и его солдатам грозил только плен, казаки же в глазах царя были изменниками - их ждали пытки и виселицы. Было бы недо-

347

стойно чести шведского короля допустить, чтобы его союзников постигла такая участь.

Все эти соображения подвели Карла к тому, что он решил взять с собой сколько возможно раненых шведов, личную охрану и казаков, переправиться через Днепр и двинуться степью прямо к Бугу — границе Османской империи. Там они попросят убежища и, залечивая раны, будут ждать, когда к ним присоединятся остальные. А те двинутся на север к бродам, переберутся через Ворсклу, повернут к югу во владения хана и соединятся с королем в Очакове, на берегу Черного моря. Собравшись вместе, они смогут возвратиться в Польшу.

В ту же ночь Карла перевезли через Днепр. Походную коляску короля пришлось переправлять на двух скрепленных вместе лодках. Всю ночь маленькие рыбацкие лодчонки сновали туда-сюда, перевоза раненых солдат и офицеров. Король взял с собой уцелевших драбантов — их осталось в строю всего восемьдесят человек, 700 кавалеристов, около 200 пехотинцев, канцеляристов и прислугу. Многие казаки Мазепы переплывали Днепр, держась за хвосты своих лошадей. Кроме того, перевезли часть шведской армейской казны и два бочонка с золотыми монетами, которые Мазепа прихватил из Батурина. Всего через реку переправилось около 900 шведов и 2000 казаков. На рассвете, прежде чем тронуться в путь, Карл с тяжелым чувством посмотрел на покинутый берег — в шведском стане не было видно никакого движения. Однако на горизонте появились облака, и многим подумалось, что это клубится пыль из-под копыт приближающейся конницы.

Командование армией принял Левенгаупт. Таково было собственное его желание — угрюмый генерал сам настоял на том, чтобы остаться с войсками и разделить их судьбу. Он и Крейц обсудили с королем маршрут следования армии к месту встречи в Очакове. Левенгаупт обещал королю, что, если его настигнет неприятель, армия примет бой. Последующие события пока-

348

зал и, что король и его генерал не вполне поняли друг друга. Карл счел, что Левенгаупт обещал сражаться в любых обстоятельствах, а Левенгаупт решил, что ему надлежит драться, только когда он уведет армию от Переволочны. «Если, по милости Господней, этой ночью и завтра на нас не навалится сильный неприятель, да еще и с пехотой, то можно будет надеяться спасти армию». Так или иначе, истолковать приказ Карла и обещание Левенгаупта не смог бы никто, кроме них самих. Свидетелей этого разговора не было. Вину за то, что случилось впоследствии, Карл отчасти признавал и за собой. «Я виноват... Я забыл ознакомить всех генералов и командиров полков с приказами, о которых знали только Левенгаупт и Крейц»⁷.

Вновь, как и во время злосчастной атаки Росса на редуты, неведение офицеров относительно общего замысла обернулось бедой.

Прежде всего Левенгаупт стремился поскорее уйти из Переволочны и, следовательно, вынужден был возвращаться по собственным следам на север, к одному из бродов через Ворсклу. Но войска были обессилены, многие не спали всю ночь, помогая переправлять короля и его сопровождение, и Левенгаупт распорядился, чтобы солдаты отдыхали. На рассвете предстояло тронуться в путь.

Оставшееся время употребили на то, чтобы подготовиться идти быстро и налегке. Деньги из полковых касс, были розданы людям под личную ответственность. Таким же образом распределили провиант и боеприпасы — каждый взял столько, сколько мог навьючить на коня. Остальное пришлось бросить, в том числе все подводы и фуры, которые могли замедлить движение войск. Артиллерию собирались взять с собой, но как только она станет обузой, ее тоже надлежало бросить.

Предоставленная солдатам для отдыха ночь не лучшим образом сказалась на дисциплине в шведском лагере. Все понимали, что спасение — на том берегу Днепра, и приказ поутру шагать назад, на север, был воспринят без энтузиазма. Сам Левенгаупт едва держался на ногах:

349

его ко всему еще измучил тяжелый понос. В конце концов усталость одолела генерала и он погрузился в сон, продолжавшийся несколько часов.

Левенгаупт и Крейц проснулись на рассвете следующего дня, 1 июля: армия уже зашевелилась, солдаты седлали коней и готовились к выступлению. Но в 8 утра, когда шведы строились в колонны, на холмах замаячили фигуры всадников. С каждой минутой их становилось все больше, и скоро склоны холмов сплошь покрылись конницей. Это был Меншиков с 6000 драгун и 2000 верных царю казаков. Князь послал к шведам горниста и адъютанта, вызывая их на переговоры. Левенгаупт приказал Крейцу ехать к Меншикову и выслушать его предложения. Меншиков объявил, что шведы должны сдаться на обычных условиях, о чем Крейц и доложил Левенгаупту. Тот собрал на совет командиров полков. Командиры стали допытываться, каковы последние распоряжения короля. Но Левенгаупт умолчал о предполагаемом походе в Крым и воссоединении с Карлом и ограничился заявлением, что король просил армию держаться, сколько хватит сил. Тогда полковники разошлись по своим частям — выяснить настроение солдат. Но во всей армии никто не хотел брать на себя ответственность. Солдаты твердили одно: «Мы - как все: все будут драться — и мы будем»⁸.

По мере того, как шли переговоры, мысль о капитуляции представлялась все более заманчивой. Хотя шведы с казаками втрое превосходили преследователей числом, это были остатки разбитой армии. Король их бежал, и они ощущали себя обреченными на долгие скитания по неведомым землям. Многие стали подумывать, что было бы неплохо разом покончить с затянувшейся на девять лет войной. Шведские офицеры рассчитывали, что их обменяют на пленных русских офицеров, и надеялись скоро вернуться в Швецию. Дух пораженчества витал над лагерем; возможно, этому чисто психологически способствовало и то, что русские, заняв холмы,

350

угрожающе нависли над шведами. Но главное — это Полтава: разбитая после Полтавы армия вконец пала духом. Миф о ее непобедимости был развеян, и она превратилась в сборище растерянных, напуганных и смертельно усталых людей.

1 июля в 11 часов утра Левенгаупт сдался без боя. В армии, которая капитулировала по его приказу, насчитывалось 14 299 человек, 34 орудия и 264 боевых знамени. Вместе с 2871 шведом, взятым в плен под Полтавой, у Петра теперь было более 17 000 шведских пленников. Шведы стали военнопленными, но 5000 казаков, оставшихся с Левенгауптом, не приходилось рассчитывать на снисхождение. Им Меншиков не обещал ничего. Правда, многие казаки, не долго думая, вскочили на коней и ускакали в степь, но часть из них настигли, пытали, а потом вздернули на виселицы, чтобы другим была наука.

Тем временем на другом берегу Днепра Мазепа, сам не на шутку расхворавшийся, взял на себя заботы об общем спасении. 1 июля, еще затемно, он отправил в путь короля в походной

коляске под охраной 700 шведских солдат, дав им в проводники казаков. Остальных гетман разделил на отряды и послал на юго-запад разными дорогами в расчете сбить с толку русских, если те вздумают пуститься в погоню. К вечеру на берегу никого не осталось, и след беглецов затерялся в степной траве. Той же ночью Мазепа, нагнав Карла, предупредил его, что необходимо спешить.

Путь их лежал по высокой траве, через степь, раскинувшуюся между Днепром и Бугом. Здесь никто не селился: эту степную полосу намеренно оставляли пустынной, чтобы она служила своего рода буфером между владениями царя и султана. Не видно было ни деревьев, ни жилья, никаких следов деятельности человека — ничего, кроме травы, вымахавшей выше че-

351

ловеческого роста. Раздобыть пропитание здесь было непросто, да и вода попадалась только в глинистых ручейках, едва пробивавшихся сквозь траву. В полдень из-за нестерпимой жары пришлось сделать привал на несколько часов.

7 июля шведы вышли к восточному берегу Буга. За рекой лежала земля, где они надеялись обрести убежище. Но тут возникло неожиданное препятствие: целых два дня пришлось добиваться у Очаковского паши разрешения переправиться на безопасный берег, пока наместник султана не получил приличную взятку. Только тогда шведам предоставили лодки и они начали переправляться. Однако лодок не хватало, и когда к исходу третьего дня подоспела русская погоня, на турецкий берег не успело переправиться три сотни казаков и столько же шведов.

Как только Левенгаупт подписал капитуляцию у Пе-револочны, Меншиков отрядил князя Волконского с 6000 конницы за Днепр на поимку Мазепы и Карла. Сначала казацкие уловки запутали преследователей, но затем они напали на верный след и, поспешив, настигли беглецов у Буга. Когда они появились, главная добыча уже ускользнула, но на восточном берегу еще оставалось 600 человек. Русские пошли в атаку, и триста шведов сложили оружие. Казаки же, зная, что пощады им не видать, сражались до последнего. С другого берега за этой безнадежной схваткой наблюдал Карл. Помочь он был бессилен.

Так бесславно завершилось вторжение шведов в Россию. Великая армия перестала существовать. С той поры как Карл выступил из Саксонии, минуло почти два года — двадцать три месяца. И вот теперь шведский король в окружении всего 600 спасшихся соратников искал защиты в причерноморских владениях Османской империи, за пределами христианского мира.

Петр I

Ф. М. Апраксин

В. В. Долгорукий

М. М. Голицын
Б. П. Шереметев

Карл XII
Реншильд

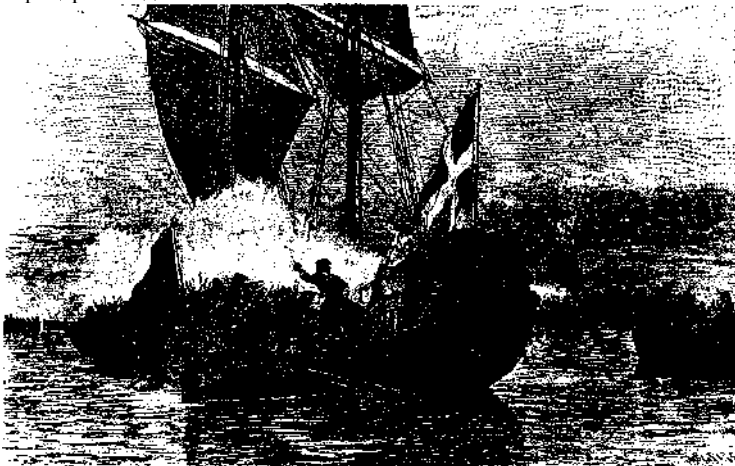
Пипер
Паткуль

Фузелеры-пехоткнцы
Фузелер-драгун

Офицер и солдаты

Первое морское сражение

Огильви
А. И. Репнин

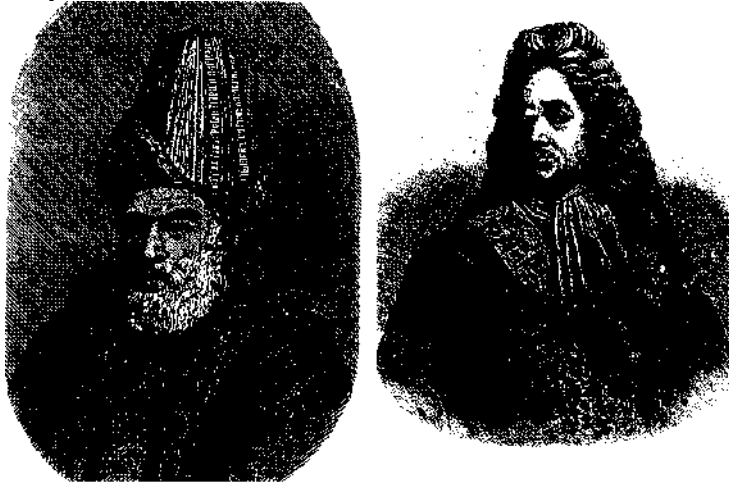
Г. Ф. Долгорукий
Знамя Преображенского полка

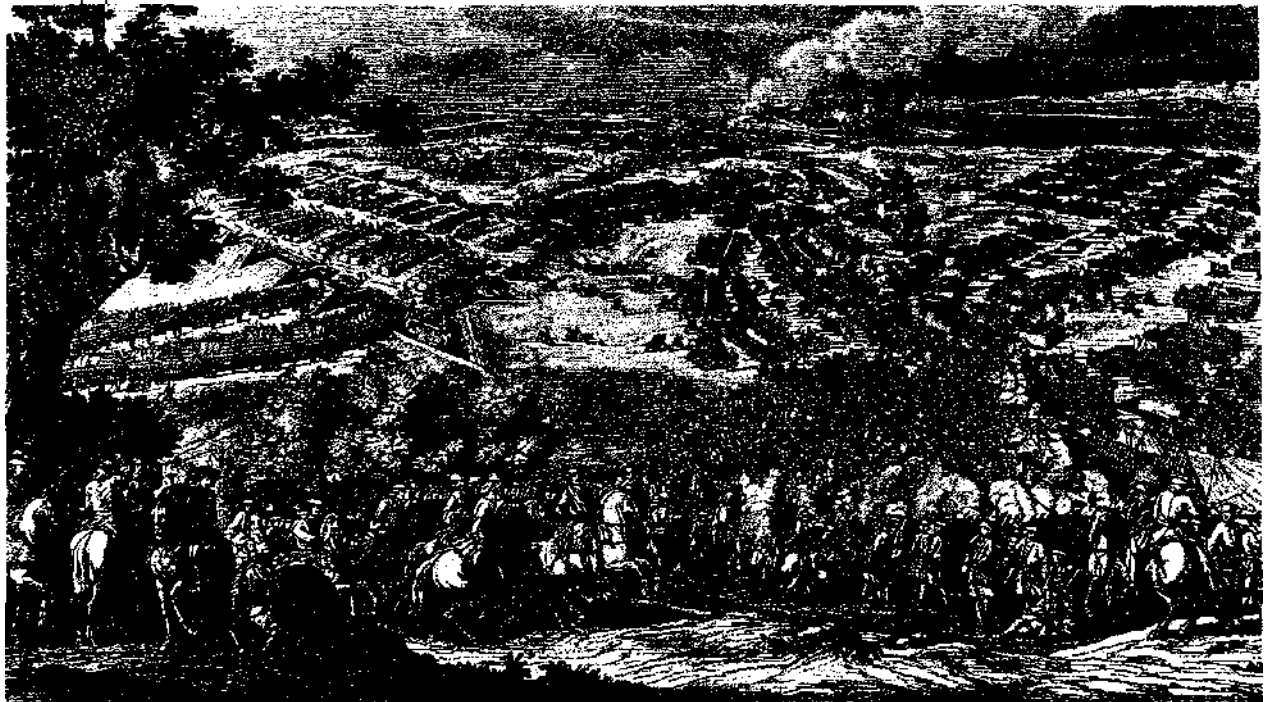
Битва при Лесной

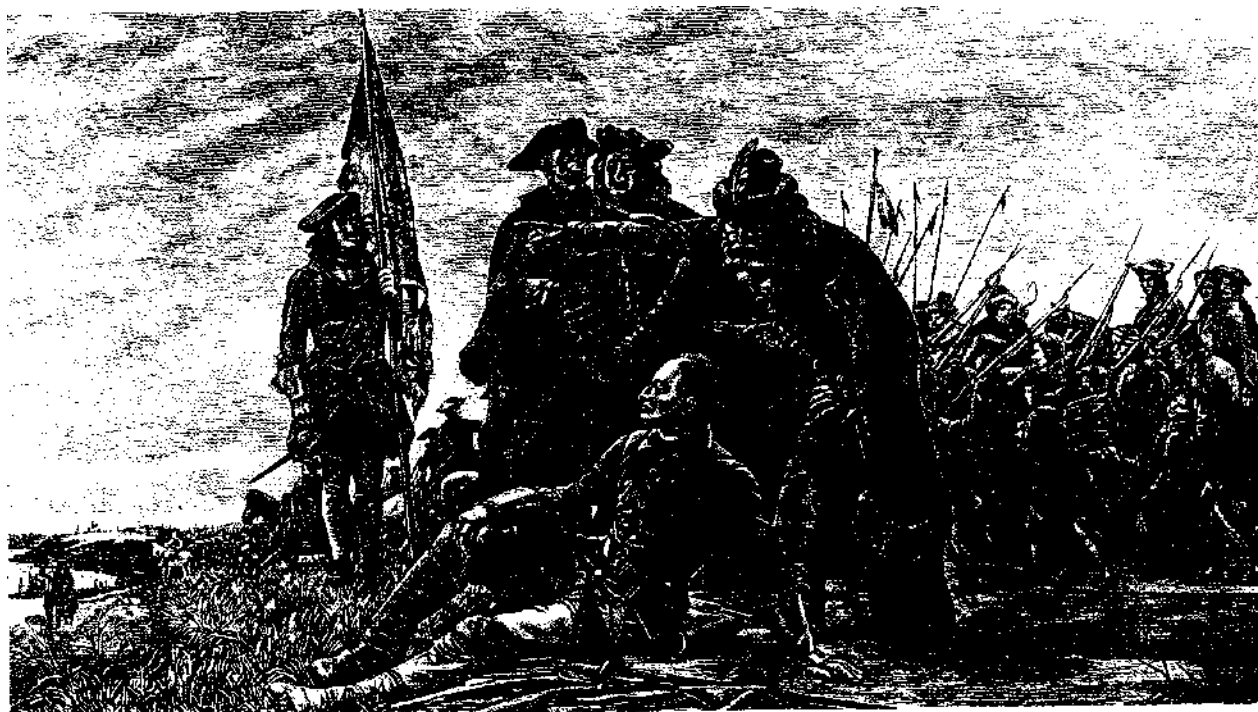
Мазепа
Кочубей

Балтаджи
П. Шафиров

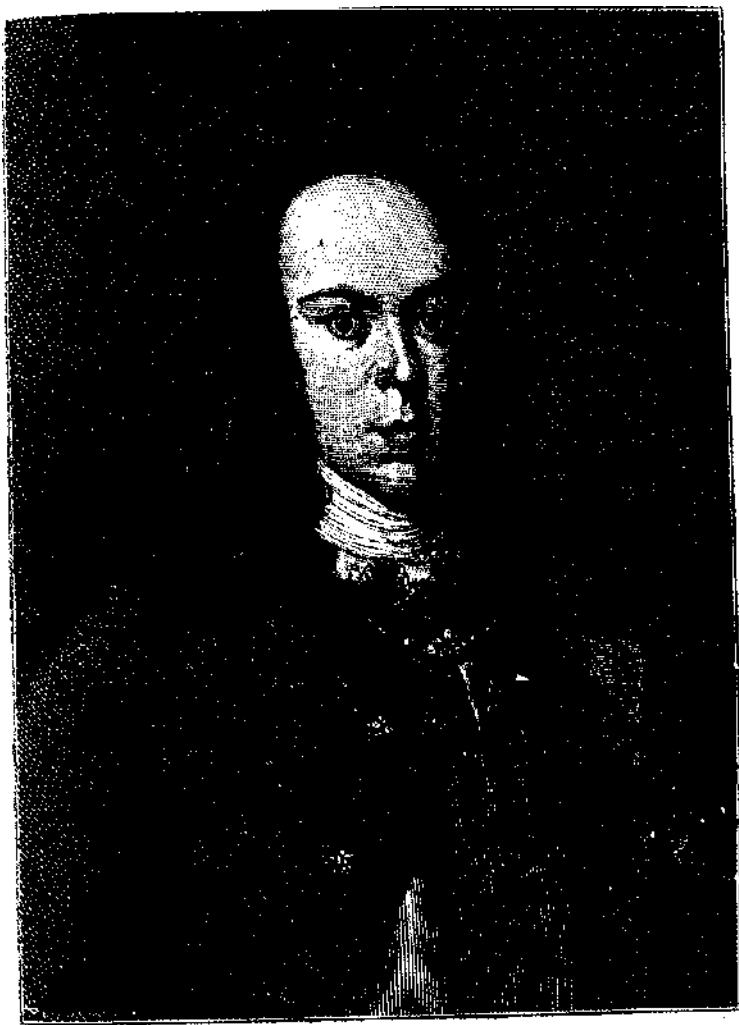
Полтавское сражение

Карл XII у Переволочны

Торжественный въезд султана

А.И.П.

Алексей Петрович

Charlotte

Шарлотта

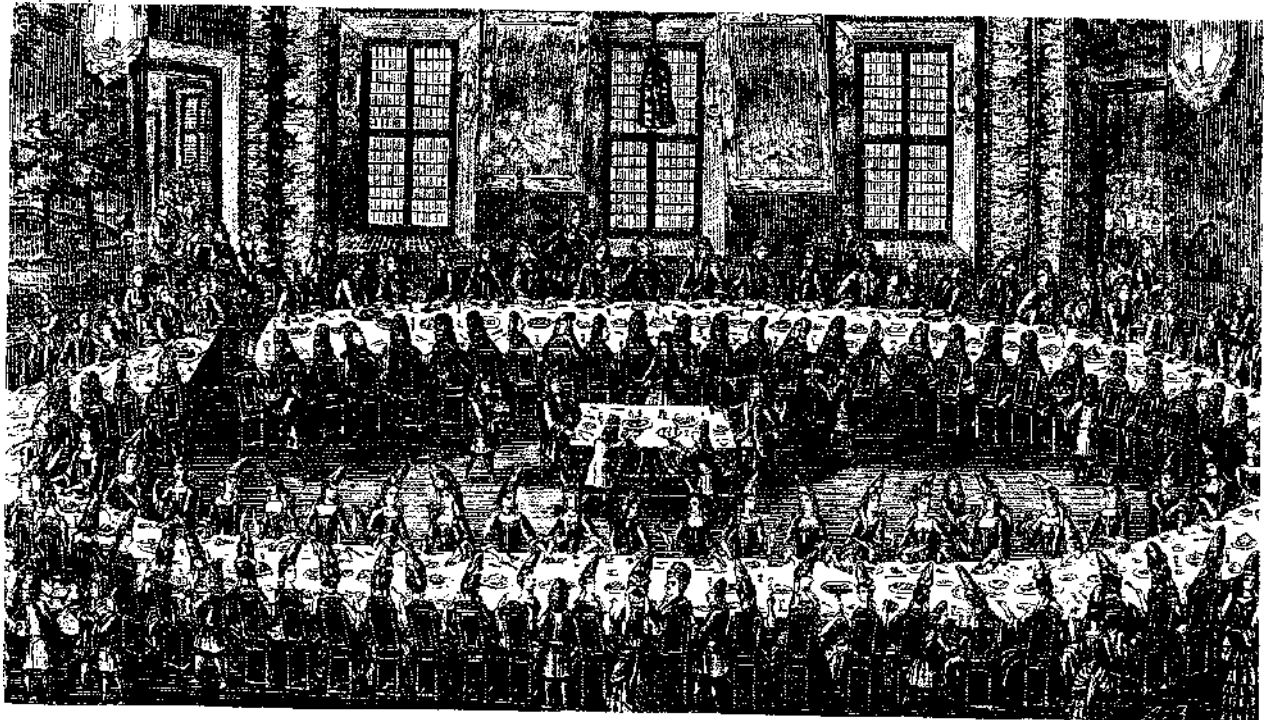

Евдокия
П. Толстой

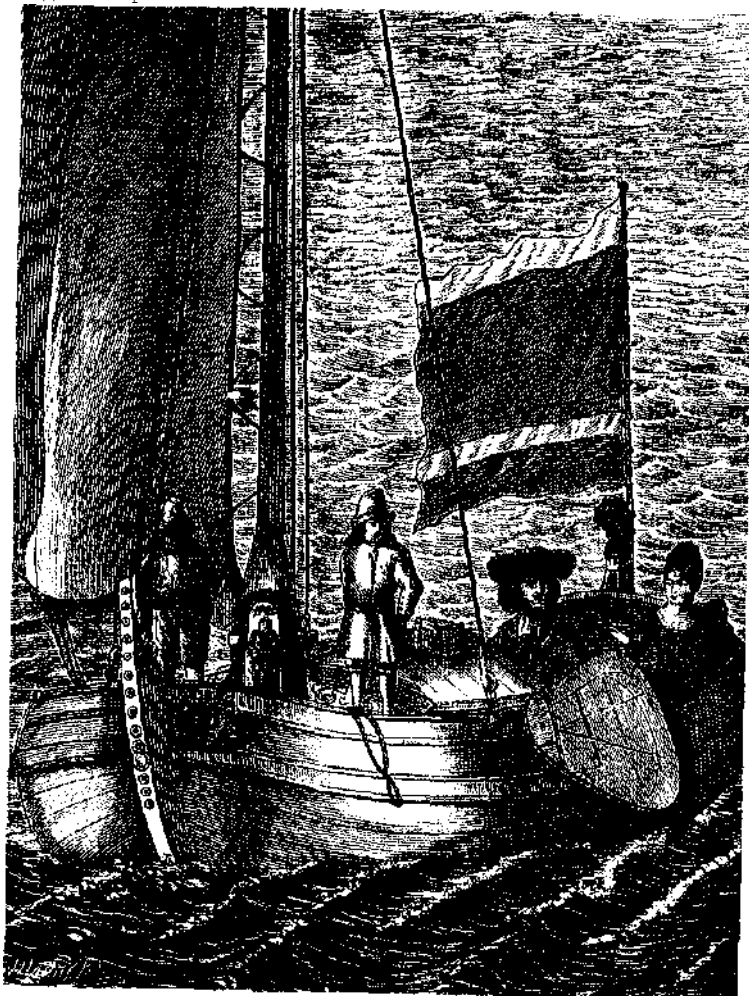
Петр допрашивает Алексея

Свадьба Петра I

Свадьба карликов

Петр I и Екатерина на шняве

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ПЛОДЫ ПОЛТАВЫ

Триумф под Полтавой имел для Петра огромное значение, и радостное возбуждение долго не оставляло победителя.

Трудно было поверить, что наконец, впервые за многие годы, грозный враг не стоит у ворот России — как если бы земля Украины вдруг разверзлась и поглотили вражеское войско. Через

два дня после битвы царь : генералами въехал в Полтаву. За два месяца осады і ород изрядно пострадал: стены разбиты, 4000 защитников едва держатся на ногах от усталости и голода. В Спасской церкви был отслужен благодарственный молебен и богослужение в честь государевых именин. Рядом с царем в храме стоял полковник Келин — доблестный комендант Полтавы.

После победного возвращения Меншикова с известием о капитуляции шведской армии в Переволочне Петр принялся раздавать чины и награды. Меншиков был произведен в фельдмаршалы. Уже имевший фельдмаршальское звание Шереметев получил большие земельные владения. Все генералы русской армии получили повышение в чине или были жалованы поместьями; впоследствии каждый из них был награжден усыпанным бриллиантами портретом Петра. Позволил себе принять чин генерал-лейтенанта армии и контр-адми-

13 Петр Великий, т. 2

353

рала флота и сам царь, который до сего времени и] армии числился полковником, а на флоте капитан-^ лейтенантом.

В генеральское и адмиральское достоинство царь был возведен «по указу» Ромодановского, и Петр, соблюдая правила игры, послал князю-кесарю благодарственное письмо:

Sir! Вашего величества милостивое писание нам и указ к его превосходительству господину фелтмаршалу, от которого именем Вашим чин третьего флагмана во флоте и ранг старшего генерал-лейтенанта на земли мне объявлен. И хотя еще столько не заслужил, тоию ради единого Вашего благоутробия сие мне даровано, в чем молю Господа сил, дабы мог Вашу такую милость вперед заслужить¹.

Победу праздновали по всей России. В Москве многие плакали от радости. Полтава положила конец иноземному вторжению — значит, можно надеяться и на снижение непомерных военных налогов, и на возвращение домой отцов, мужей, сыновей и братьев. В столице главные торжества отложили до прибытия Петра с победоносной армией. Но девятнадцатилетний царевич Алексей от имени отца закатил в Преображенском пир для иноземных посланников, а сестра Петра царевна Наталья устроила званый обед для жен именитых вельмож. На улицах города были расставлены столы, ломившиеся от снеди и вина — победу праздновали всем миром. Целую неделю с утра до вечера гудели церковные колокола, а с кремлевских стен гремели орудийные залпы.

В Полтаве празднование завершилось к 13 июля. Тела павших воинов — и русских и шведских - были собраны и погребены в отдельных братских могилах на поле боя. Армия отдохнула, и пришло время трогаться с места. В окрестностях Полтавы было совсем туго с удовольствием. (На девятый день после битвы при-

354

было еще 12 000 калмыков. К сражению они не успели, но, как и всех остальных, их надо было кормить.) Ну, а кроме того, теперь, когда шведский король бежал, а его армия была разгромлена, пришло время пожинать плоды победы. Два обширных края - Польша и Прибалтика — лежали перед русским царем практически беззащитные. С 14 по 16 июля в Полтаве заседал военный совет, принявший решение разделить армию на две части. Шереметеву со всей пехотой и отрядом конницы надлежало выступить на север, к Балтийскому побережью, и овладеть рижской крепостью. Меншико-ву с большей частью кавалерии предстояло идти на запад, в Польшу, где совместно с Гольцем действовать против шведского корпуса Крассова и войска Станислава.

Сам Петр из Полтавы отправился в Киев. Здесь находился шедевр древнерусской архитектуры — Софийский собор с многочисленными куполами и арками, украшенный внутри великолепной мозаикой. В стенах этого храма отслужили благодарственный молебен. Префект духовной академии Феофан Прокопович произнес пространный и величественный панегирик царю и Российской державе, который весьма польстил государю. С той поры царь заметил малороссийского священника, и впоследствии Прокопович стал правой рукой Петра при осуществлении церковной реформы. Задерживаться в Киеве Петр не собирался, но захворал и 6 августа писал Меншикову:

Мне за грех болезнь припала, которая по отъезде Вашем ввечеру прямой лихорадкою объявилась была. Но когда в понедельник принял фонмотив [рвотное] с помощью Божией оную разорвал,

однако ж она, яко проклятая болезнь, хотя не знобом и жаром, но тошнотою и тягостию еще давит, и дни свои выбирает, и тако не чаю, чтобы ранее 10 числа или праздника [Успения] отселе за бессильством ехать .

355

Петр желал, чтобы о его триумфе непременно прознал весь свет. Из лагеря под Полтавой он разослал описания баталии русским посланникам в иноземных столицах, дабы все подробности ее сделались известны повсюду. По царскому повелению, Меншиков от своего имени со срочным гонцом отправил письмо герцогу Мальборо.

В Европу, привыкшую к известиям о нескончаемых победах шведов, хлынул с востока поток писем и посланий, в которых описывалась «превеликая виктория» Петра и «полнейший разгром» Карла XII. Гонец Меншикова еще не добрался до Фландрии, где находилась ставка Мальборо, когда герцог получил известия о сражении и писал в Лондон Годольфину:

Мы еще не можем проверить, насколько верны вести о битве между шведами и московитами, но если шведы и впрямь разбиты наголову, то сколь же печальна мысль о том, что после десяти лет непрерывных успехов он [Карл XII] из-за невезения и дурного командования погубил себя и свою державу всего за два часа.

26 августа Мальборо доставили послание Меншикова, и он писал своей жене Саре:

Сегодня днем я получил письмо от князя Меншикова, царского фаворита и генерала. В нем он извещает о полнейшей победе над шведами. Если бы у несчастного короля нашлись мудрые советники и он заключил бы мир в начале лета, то мог бы весьма существенно повлиять на условия мира между Францией и союзниками и осчастливил бы свое королевство, тогда как ныне оно оказалось во власти соседей³.

По мере того, как в Европе распространялись вести о Полтавской победе, менялось и отношение к России, прежде враждебное и пренебрежительное. Философ Лейб-

356

ниц — тот самый, который после сражения под Нарвой выражал надежду, что власть Карла будет простирается от Москвы до Амура, — теперь увидел в разгроме шведской, армии один из славнейших поворотных моментов истории:

Что до меня, который привержен благу рода человеческого, то я весьма рад тому, что столь великая империя встает на путь разума и порядка, и в этом отношении почитаю царя за избранника Божия, посланного для великих свершений. Он сумел создать хорошее войско... не сомневаюсь и в том, что он сможет установить добрые отношения с иными землями, и я был бы счастлив содействовать расцвету наук в его державе. Берусь утверждать, что и на этом поприще он добьется большего, нежели какой-либо иной государь .

Лейбниц прямо-таки засыпал своего предполагаемого патрона всевозможными предложениями и идеями. Он выражал готовность содействовать созданию в России академии наук, музеев и школ и даже предлагал разработать проект памятной полтавской медали.

Впрочем, примеру спешившего приспособиться к новой ситуации Лейбница вскоре последует вся Европа. В одно мгновение европейская дипломатия повернулась на сто восемьдесят градусов. На Петра обрушился шквал всевозможных предложений о заключении союзов и договоров. Прусский король и курфюрст Ганноверский немедленно возжелали породниться с царским домом. Русскому посланнику в Копенгагене князю Василию Долгорукому дали понять, что Людовик XIV был бы счастлив вступить в союз с его государем. Франция предложила стать гарантом русских завоеваний на Балтике — заодно это дало бы ей возможность подорвать английскую и голландскую торговлю. Теперь, когда Карл XII был повержен, поспешили заявить о себе и его прежние противники. Король Фредерик IV Датский предложил Долгорукому заключить новый союз против Швеции.

357

Предложение обрадовало Долгорукого, но в то же время и позабавило — ведь этого самого союза он тщетно добивался на протяжении многих месяцев. Согласие Петра было получено, и скоро Долгорукий, стоя на борту датского военного корабля, с удовлетворением наблюдал, как датские войска пересекают пролив и высаживаются в южной Швеции.

Однако всего заметнее Полтавская победа повлияла на ход событий в Польше. Получив известие о баталии, Август Саксонский тут же издал манифест и объявил расторгнутым Альтранштадтский договор, лишивший его Польской короны. Во главе 14000 саксонской армии он вступил в Польшу и призвал поляков вновь принять его как законного государя.

Теперь в Польше не было шведской армии, поддерживавшей Станислава, и польские магнаты приветствовали возвращение Августа. Станислав же бежал — сначала в шведскую Померанию, затем в Швецию, а оттуда в лагерь Карла XII в турецких владениях.

К концу сентября Петр оправился от болезни и выехал из Киева в Москву кружным путем — через Варшаву, Восточную Пруссию, Ригу и Петербург. В начале октября, проезжая через Варшаву, царь спустился по Висле до Торна, где встретился с Августом на борту королевского корабля. Августу было не по себе: они не виделись с тех пор, как Август, нарушив все данные Петру клятвы, подписал договор с Карлом и оставил Россию один на один со Швецией; Но царь был в добром расположении духа и настроен снисходительно, говорил Августу, что прошлое нечего вспоминать и что он, Петр, не винит Августа — понимает, что его вынудили так поступить. Однако во время обеда царь не удержался и поддел-таки неверного союзника. Он сказал, что сабля — подарок Августа — всегда при нем, а вот Август отчего-то не носит подаренную ему Петром шпагу. Август отвечал, что царский подарок ему очень дорог, да вот беда — в спешке оставил шпагу

358

в Дрездене. Ну, коли так уж вышло, великодушно простил его царь, он сделает Августу новый подарок: и с этими словами Петр вручил королю ту самую шпагу, которую когда-то дарил ему и которая была захвачена в обозе Карла под Полтавой.

Этим Петр и ограничился. 9 октября 1709 года Петр и Август подписали новый договор, согласно которому царь обещал Августу помочь вернуть и удержать польский трон, а Август вновь обязался воевать со шведами и иными царскими недругами. Объявлялось, что цель союза — не разорение Швеции, но приведение ее в должные границы и недопущение агрессии в адрес ее соседей. По существу, Петр выполнил свои обязательства еще до того, как было заключено это соглашение. К концу октября войска Меншикова, не встречая сопротивления, заняли большую часть Польши. Шведский генерал Крассов, понимая, что не в силах воспрепятствовать действиям русской армии, отступил в шведскую Померанию, где его войска укрылись за стенами Штеттина и Штральзунда. Вместе с ним бежал из Польши и Станислав.

Из Торна Петр спустился еще ниже по Висле к Мариенвердеру, где состоялось его свидание с прусским королем. Фридриха I тревожило появление в северной Европе новой силы, но он рассчитывал, воспользовавшись ситуацией, прибрать к рукам хотя бы часть из захваченных шведами германских земель. Петр держался холодно: он понимал, что король стремится разжиться трофеями, не вступая в войну. Тем не менее, встреча прошла успешно. Был подписан договор о создании оборонительного союза между Россией и Пруссией; присутствовавшему при сем Меншикову был пожалован прусский орден Черного Орла.

Заодно Петр договорился с Фридрихом и о будущем браке своего сына Алексея. Царя уже не в первый раз посещала мысль породниться с иноземным правящим домом. Прежде в России о таком не слыхивали - рус-

359

ские государи не женились на иностранках, дабы не загрязнить царский род «басурманской» кровью. Петр еще со времени Великого посольства вознамерился изменить этот обычай, но в те годы Россия мало что значила на европейской сцене и никто из европейских монархов не видел смысла в брачном союзе с московской династией. С 1707 года царь пытался сговориться с мелким германским правящим домом Вольфенбюттель, убеждая герцога отдать его дочь Шарлотту в жены царевичу Алексею. Переговоры шли ни шатко ни валко — герцог не спешил выдавать дочь за наследника, отца которого, того и гляди, свергнет с престола шведский король. Но после Полтавской победы все препоны устранились как по волшебству и династические связи с Москвией обрели несомненную привлекательность. Герцог Вольфенбюттельский еще не успел известить царя о своей согласии на брак, а из Вены уже прибыл посланец императора, который предлагал выдать за Алексея свою младшую сестру — эрцгерцогиню Магдалену. Однако Петр продолжил переговоры с герцогом, увенчавшиеся составлением брачного контракта.

Еще один династический брак Петр устроил, договорившись о том, что его племянница Анна, дочь сводного брата Ивана, выйдет замуж за молодого курляндского герцога Фридриха Вильгельма, племянника Фридриха Прусского. Одним из условий брачного соглашения был

вывод русских войск из Курляндии — небольшого герцогства, расположенного к югу от Риги. За Курляндией также признавалось право сохранять нейтралитет в возможных будущих войнах. Фридриха Прусского это устраивало, поскольку таким образом в Прибалтике создавалась буферная зона между его владениями и русскими землями. А для Петра этот брак был важен потому, что впервые более чем за два столетия русская царевна выходила замуж за иностранца. Это означало признание Европой новой роли России и в дальнейшем открывало Петру и его преемникам возможность влиять

360

на сложную политику германских княжеств путем династических браков*.

Из Восточной Пруссии Петр через Курляндию поехал на север, к Риге, вокруг которой завершали осадные работы войска Шереметева. Фельдмаршал специально отложил начало обстрела до прибытия царя. Петр приехал 9 ноября, а 13-го собственноручно поднес фитиль к мортирам, послав в город три первых ядра. Это был символический акт возмездия за обиду, нанесенную царю в Риге тринадцать лет назад во время Великого посольства. Однако Рига упорно защищалась, и перед отъездом царь велел Шереметеву не оставлять людей на зиму мерзнуть в траншеях, а блокировать город и разместить войска на зимних квартирах.

Из Риги Петр продолжил путь на северо-восток, к Санкт-Петербургу — своему «парадизу», который наконец был в безопасности. Но и здесь он пробыл недолго. Времени хватило лишь на то, чтобы распорядиться о строительстве новой церкви в честь Св. Сампсония — святого, в день которого состоялась Полтавская баталия, заложить новый боевой корабль «Полтава» и дать указания по планировке и оформлению общественных садов. Затем он выехал на юг, в Москву, чтобы торжественно отпраздновать победу. 12 декабря царь прибыл в Коломенское, но там ему пришлось провести неделю в ожидании двух гвардейских полков, выбранных для участия в параде, и, кроме того, не все приготовления к торжеству были завершены. И вот 18 декабря началось грандиозное шествие, но тут Петра известили, что Екатерина родила дочь. Парад отложили: царь и его приближенные поспешили к новорожденной, которую нарекли Елизаветой.

* Год спустя в Петербурге была отпразднована свадьба. Увы, девятнадцатилетний жених не выдержал чрезмерных возлияний, заболел и по пути домой скончался. Анна осталась жить в Курляндии, а в 1730 году была призвана в Россию и стала императрицей Всероссийской Анной Ивановной.

361

Торжества начались спустя два дня. Под сооруженными по римскому образцу триумфальными арками проскакали эскадроны русской кавалерии, прогремывали пушки, в пешем строю прошла гвардия — преображенцы в зеленых мундирах и семеновцы в синих. Следом за гвардией, верхом на подаренном Августом английскому скакуне, с обнаженной шпагой в руке ехал Петр. Царь был облачен в мундир полковника — тот, что был на нем под Полтавой. Женщины осыпали государя цветами. Волоча полотнища по земле, пронесли триста трофейных шведских знамен. Затем прошли плененные шведские полководцы с Реншильдом и Пипером во главе. И наконец, по заснеженным улицам Москвы потянулся нескончаемый поток шведских солдат — более 17000 пленников. На другой день в Успенском соборе был отслужен благодарственный молебен — в храм собралось столько народу, что сам Петр был стиснут толпой со всех сторон.

Официальное провозглашение победы и объявление о награждениях происходило в присутствии Ромодановского. Князь-кесарь восседал на троне, к которому по очереди подходили фельдмаршалы Шереметев и Меншиков, а за ними и Петр, произведенный из полковников в генерал-лейтенанты. Каждый докладывал Ромодановскому об одержанных победах. После доклада Шереметева ему была объявлена благодарность за победу под Полтавой, а Меншикову — за пленение шведов у Переволочны. Выслушав доклад Петра, Ромодановский поблагодарил его за победу у Лесной, и только. Затем князь-кесарь официально утвердил объявленное прежде повышение в чинах. Ввели Реншильда, Пипера и других шведских военачальников, которые немало удивились, увидев на троне не высокого мужчину, что принимал их в шатре под Полтавой и ехал впереди них по московским улицам, а совершенно неизвестного пожилого человека с покатыми плечами,

Часть зала была отгорожена высокими ширмами, и

362

когда их убрали, взору открылись пиршественные столы, уставленные серебряной посудой и подсвечниками. Сотни зажженных свечей рассеяли зимний сумрак, и толпа приглашенных хлынула к столам, рассаживаясь без чинов. За особым столом на возвышении восседал Ромодановский, с ним оба фельдмаршала, канцлер Головкин и сам царь. За отдельный стол усадили и шведских генералов. Позади кресла Петра стоял церемониймейстер, и всякий раз когда провозглашали тост, он стрелял из пистолета в открытое окно, что служило сигналом для артиллеристов. Пирующие поднимали кубки, и стены сотрясались от орудийного залпа. Завершился праздник великолепным фейерверком, который, по словам датского посланника, намного превзошел виденный им в Лондоне и обошедшийся в 70000 фунтов стерлингов.

Шведы, взятые в плен под Полтавой и сдавшиеся у Переволочны (а их было большинство), оказались наконец в Москве, к которой так долго стремились. Но вошли они в нее не завоевателями, а пленниками — в хвосте триумфального шествия русского царя. С генералами победители обращались весьма учтиво. Нескольким из них было позволено вернуться в Стокгольм и передать от имени Петра условия мира и обмена пленными. Юного принца Вюртембергского освободили безо всяких условий, но по дороге домой он скончался от лихорадки. Тело его с воинскими почестями было препровождено к матери в Штутгарт. Изъявивших желание шведских офицеров принимали на русскую службу. Принесшие присягу на верность Петру сохраняли чины, бывшие у них в шведской армии, и получали под начало русские эскадроны, батальоны и полки. Никого из них не принуждали участвовать в Северной войне и сражаться против соотечественников и своего короля. Их распределили по гарнизонам на юге и востоке оберегать

363

рубежи России от возмущений казаков и набегов татар и иных азиатских кочевников. Остальные офицеры были интернированы и разосланы по разным уголкам страны. Поначалу им была дарована даже свобода передвижения, но некоторые из отпущенных в Швецию под честное слово не вернулись назад, да и кое кто из поступивших на русскую службу скрылся, использовав свое новое положение. Доверие было подорвано, и режим содержания пленных ужесточился.

Шли годы, и шведские офицеры, разбросанные по всем областям России, нередко терпели нужду из-за скудости денежных средств. Рядовым солдатам из Швеции присылали небольшое пособие от казны, но офицерам ничего не полагалось. Из 2000 офицеров только 200 получали деньги из дома, остальным, чтобы заработать на жизнь, пришлось учиться ремеслу. Прежде они знали лишь военное дело, но со временем обнаружили поразительное множество дарований. В одной только Сибири осело около тысячи шведских офицеров, которые освоили малярное, столярное, слесарное или токарное ремесла, стали золотых и серебряных дел мастерами, изготавливали игральные карты, табакерки и превосходную золотую и серебряную парчу. Вышли из них и сапожники, и портные, и музыканты; некоторые стали держать постоянные дворы, а один сделался бродячим кукольником. Те, кто не сумел выучиться ремеслу, уходили промыслять в тайгу. Некоторые открыли школы. Кое кто из пленных вызвал из Швеции своих жен, иные же женились на русских, пошли дети и их надо было учить. Дети шведских пленных постигали математику, латынь, голландский и французский языки, не говоря уже о шведском. Образование их выгодно отличалось от того, что получало большинство детей в русских семьях, и русские, жившие по соседству, стали охотно отдавать своих детей в обучение иноземным наставникам. Порой шведы переходили в православие, а те, кто сохранил протестантскую веру, возводили свои храмы. Сибирь была су-

364

ровым и неприветливым краем, но ее губернатор, князь Матвей Гагарин, слыл человеком великодушным, и угодившие в Сибирь шведские офицеры превозносили его за снисходительность и милосердие. Петру, который все управление государством переиначивал на европейский лад, в скором времени потребовались толковые и грамотные чиновники. В Петербурге в новоучрежденных коллегиях (будущих министерствах) — Адмиралтейской коллегии, Юстиц-коллегии, Коммерц-коллегии и Берг-коллегии — нашлись места для многих бывших шведских офицеров.

С простыми солдатами, а их было более 15000, обошлись строже. Им, правда, тоже предоставили возможность поступить на царскую службу: на Кубани целый полк шведских

драгун — 600 человек под командой немецкого полковника — оберегал российские рубежи от татар. Но те, кто отказались служить царю, отправлялись на принудительные работы. Их можно было встретить и на шахтах Урала, и на строительстве верфей и укреплений в Петербурге. В отношении шведских офицеров велся учет, но учитывать всех солдат не считали нужным. Часть из них жила в городах, часть в имениях российских дворян; многие женились на русских, приняли православие, обрусели. В 1721 году, через 12 лет после Полтавской битвы, когда наконец был заключен мир и пленным шведам разрешили вернуться домой, из 40-тысячного воинства Карла в родные шведские пределы возвратилось всего 5000 человек.

Весной 1710 года Петр пожинал военные плоды Полтавской победы. Русские армии, не встречая сопротивления, прокатились по балтийским провинциям Швеции. В то время, как на юге 30-тысячная армия Шереметева осаждала Ригу, на северо-запад Петр послал генерал-адмирала Федора Апраксина, только что ставшего графом и тайным советником. Во главе 18-

тысяч-

ного войска он должен был осадить Выборг — город на Карельском перешейке, в семидесяти пяти милях к северо-западу от Петербурга, который мог служить шведам опорным пунктом, задумай они напасть на новую столицу Петра. В 1706 году русские войска безуспешно пытались захватить Выборг с суши, но теперь у них появились новые возможности — на радость Петру, вырос и окреп Балтийский флот. Помимо фрегатов, в его составе было и множество галер, ходивших как под парусами, так и на веслах. Они как нельзя лучше подходили для плавания возле скалистых финских берегов, годились и для транспортировки припасов, и для того, чтобы удерживать в заливе шведские эскадры. В апреле, едва Нева очистилась ото льда, из Кронштадта вышел русский флот под командованием вице-адмирала Крюйса. Его заместителем в чине контр-адмирала был Петр. Проложив путь сквозь плавающие льды Финского залива, суда подошли к Выборгу. Осаждавшие крепость войска Апраксина страдали от стужи и голода. Однако теперь Апраксин получил провиант, а с учетом прибывшего на судах подкрепления его силы возросли до 23000 человек. Ознакомившись с планом осады, Петр повелел Апраксину взять город во что бы то ни стало, а сам на небольшом суденышке вернулся в Петербург, причем по пути едва ушел от шведского военного корабля.

В Петербурге царь снова занедужил и проболел весь следующий месяц. В начале июня, узнав, что осада Выборга близится к концу, он писал Апраксину: «А от денщика твоего я слышал, что сегодня намеришь приступать, и ежели уже учинено, то Бог в помощь. Ежели же до сего дня не учинено, то прошу, дабы до воскресенья или до понедельника отложено было, к тому времени могу поспеть, понеже сего дня последнее лекарство приму, и завтра буду свободен» . 13 июня 1710 года Выборг с гарнизоном в 154 офицера и 3726 солдат сдался Апраксину. Петр поспел как раз вовремя и присутствовал при капитуляции. Впослед-

366

ствии русские заняли Кексгольм, и весь Карельский перешеек очистили от неприятеля. Таким образом, к северу от Петербурга возникла стомильная защитная полоса, а это значило, что Петрову «парадизу» более не грозит неожиданное нападение шведов. Довольный сверх меры царь писал из Выборга Шереметеву: «Итак, через взятие сего города, Санкт-Петербурху конечное безопа-сие получено», и Екатерине — что «уже крепкая подушка Санкт-Петербурху устроена через помощь Божию» *.

В течение лета 1710 года пали все шведские твердыни на южном побережье Прибалтики. 10 июля, после восьмимесячной осады, Шереметеву сдался крупнейший город Рига. Русские мортиры выпустили по городу около 8000 бомб. Гарнизон, насчитывавший 4500 человек, был уже подкошен голодом и болезнями, которые Петр называл «карой Божией». По договору с Августом, Лифляндия и Рига должны были отойти к Польше, но

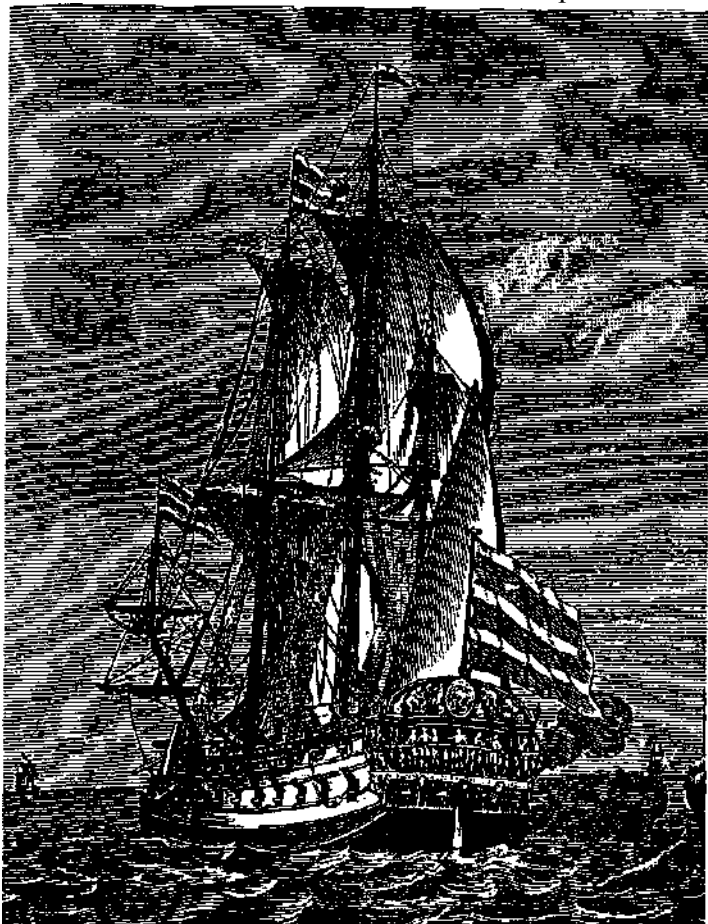
* Уже в нашем веке русские вновь стремились обезопасить Петербург—Ленинград с этого направления. На протяжении 109 лет, пока Финляндия являлась великим княжеством в составе Российской империи, такой угрозы не существовало. Однако в 1918 году Финляндия обрела независимость и Выборг с Карельским перешейком отошли к молодому финскому государству. Ленинград, второй по величине город страны, оказался всего в 21 миле от границы. Советское правительство болезненно воспринимало сложившееся положение и стремилось, по примеру Петра, подложить «подушку» потолще. Нападение СССР на Финляндию в 1940 году прежде всего имело целью вернуть эти буферные территории. Поначалу «Зимняя

война» шла неудачно для Советов. Финны мужественно сражались, чем заслужили восхищение всего западного мира. Им удалось остановить продвижение Красной армии, офицерский корпус которой был обескровлен сталинскими чистками. Но в конечном итоге, сказался огромный численный перевес, и Красная армия прорвала линию Маннергейма. Затем был заключен мир, в соответствии с которым граница вновь стала проходить примерно там, где установил ее Петр. Дополнительный внешний буфер помог спасти Ленинград в 1941-1943 годах во время 900-дневной осады города германскими и финскими войсками.

367

Петр решил, что и город и провинция были оплачены русской кровью под Полтавой — Август же в то время не был ни польским королем, ни союзником России. Поэтому царь вознамерился оставить завоеванные земли за собой. Он стал для них милостивым правителем. От прибалтийского дворянства и рижского купечества Петр потребовал принести присягу на верность, однако гарантировал им сохранение всех прежних прав, привилегий, обычаев и национальной целостности. Лютеранские церкви не пострадали, а немецкий язык остался языком местного управления. Уже много лет жители этих мест думали только о том, как выжить - долгая война превратила край чуть ли не в пустыню, и, сменив шведского государя на русского, местное дворянство ничего не потеряло.

Спустя три месяца после падения Риги капитулировал Ревель — последний из плодов Полтавы был сорван. Радости Петра не было предела: «... последний город Ревель генерал-лейтенанту Боуру на аккорд сдался, — писал он, — и единым словом изрекши, что неприятель на левой стороне сего восточного моря не только гор - дов, ниже степени земли не имеет. И тако надлежит Господа Бога просить точию о добром мире» .

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ НА ЕВРОПЕЙСКОЙ СЦЕНЕ

ГЛАВА СОРОКОВАЯ МИР СУЛТАНА

Петр был необыкновенно удачлив: пока он царствовал, России ни разу не пришлось воевать одновременно с двумя врагами. Польша, исконная соперница Москвы, благодаря договору 1686 года превратилась в союзницу. Война с Турцией вспыхнула было с новой силой, когда Петр предпринял Азовские походы, но прекратилась в августе 1700 года с заключением перемирия на тридцать лет, что позволило царю выступить против Швеции вместе с Польшей и Данией. В грозные годы до Полтавы, когда Карл XII казался непобедимым и его союз с

турками мог бы стать роковым для России, султан соблюдал перемирие. Зато после Полтавы, когда от разгромленной шведской армии осталась колонна пленников, в Османской империи вдруг надумали вступить в войну с царем. Но даже тогда эта кампания едва не обернулась катастрофой для России, потому что Петр слишком понадеялся на свою удачу, а один из его новых союзников-христиан на Балканах оказался предателем.

Земли Османской империи, каждая пядь которых была завоевана мечом, простирались на трех континентах. Владения у султана были обширнее, чем у импера-

371

торов Древнего Рима. Они охватывали всю юго-восточную Европу и побережье Северной Африки до границ Марокко; они вплотную подступали к берегам Каспия, Красного моря, Персидского залива; Черное море представляло собой внутреннее «турецкое озеро». Сидя в Константинополе, султан правил великими городами, столь отдаленными друг от друга и столь несхожими, как Алжир, Каир, Багдад, Иерусалим, Афины и Белград. На бывших территориях Османской империи уместилось больше двух десятков современных государств. Эти бескрайние просторы вмещали и горы, и пустыни, и реки, и плодородные долины; здесь жило примерно 25 миллионов человек — огромная цифра по тем временам, почти вдвое превышающая численность населения любого европейского государства или империи, кроме Франции. Империя османов была мусульманской — посреди ее владений, в сердце Аравии, лежали священные города Мекка и Медина. Турецкий султан, он же халиф — повелитель правоверных, обязан был хранить и оберегать святыни ислама. Турки-османы составляли господствующую группу мусульманского населения империи; здесь жили также арабы, курды, крымские татары, народы Кавказа, боснийцы и албанцы. Кроме того, султану были подвластны миллионы христиан — греки, сербы, венгры, болгары, румыны, молдаване и другие.

Стоит ли говорить, что политические связи, объединявшие эти разноязычные народы, приверженные разным религиям, были слабы и ненадежны. Султан находился в Константинополе, а на местах власть представляла пестрая стая пашей, князей, наместников, беев, ханов и эмиров, причем некоторые из них подчинялись султану лишь номинально. Например, христианских князей богатых провинций Валахии и Молдавии назначал сам султан, но по сути они правили автономно и все их обязанности перед центральной властью сводились лишь к ежегодной уплате дани. Каждый год повозки, гружен-

372

ные данью в золотой и иной монете прибывали с севера к Высокой Порте в Константинополе. Власть крымского

хана над полуостровом была абсолютной, и только когда султан призывал его на войну, он выступал из своей столицы, Бахчисарая, и являлся под знамена своего сюзерена во главе 20 000-30 000 всадников. В 1200 милях к западу лежали государства берберов — Триполи, Тунис и Алжир. В военное время они служили своему османскому повелителю тем, что направляли быстроходные корсарские суда — на которых в обычное время с выгодой промышляли пиратством, грабя всех без разбора, — против флотов Венеции и Генуи, мощных христианских морских держав.

В XVI веке, при султане Сулеймане Законодателе, или, как называли его европейцы, Сулеймане Великолепном (1520—1566), Османская империя достигла наивысшего расцвета. Это был золотой век Константинополя* — в город стекались огромные богатства, здесь возводились величественные мечети, а по берегам Босфора и Мраморного моря строились прекрасные загородные дворцы. Сам Сулейман покровительствовал литературе, искусствам и наукам; он увлекался музыкой, поэзией и философией. Но прежде всего он был воином. Османские армии двигались на север, по большой военной дороге, которая вела в Белград, Буду, и наконец, в Вену, и там, где они проходили, среди балканских гор и долин, вырастали мечети и минареты. Христианские монархии Запада, возмущенные этими явными символами исламской оккупации, смотрели на турок как на угнетателей греков и других христианских народов Востока. Однако Османская империя, более великодушная в этом отношении, чем большинство европейских госу-

* В названии города на Босфоре автор следует европейской традиции, хотя после 1453 г., когда Константинополь был захвачен турками, он получил новое название - Стамбул (по-турецки Истанбул). —

дарств, терпимо относилась к иноверцам. Султан официально признал Греческую церковь и подтвердил юрисдикцию ее патриарха и архиепископов, а православные монастыри сохранили свое имущество. Турки предпочли—тали управлять посредством уже существующих местных структур власти, так что христианским провинциям было позволено, при условии уплаты дани, сохранять собственную систему государственного устройства и сословной иерархии.

Любопытно, что как раз своим христианским подданным турки-османы оказывали высочайшую честь: из их числа набирались чиновники центральной имперской администрации и формировались особые полки султанской гвардии — янычар*. В покоренных балканских провинциях переход в ислам открывал способным христианским юношам дорогу к успеху. Их посылали — поначалу насильно — в мусульманские школы, где они получали суровое воспитание, направленное на то, чтобы искоренить всякую память о матери, отце, братьях и сестрах, истребить в их душах малейшие следы христианства. Они воспитывались в беззаветной верности Корану и султану и пополняли ряды его бесстрашных приверженцев, готовых нести любую службу. Самые одаренные попадали ко двору или на выучку в государственные учреждения и могли подняться к вершинам власти. Этот путь прошли многие выдающиеся люди, и нередко могущественной Османской империей управляли те, кто был рожден в христианстве.

Но большинство молодых людей поступало в гвардейские янычарские полки. Всю свою жизнь, с самого детства, они жили в казармах — им запрещалось же-

* Здесь допущена неточность. Немусульманам в Османской империи был закрыт доступ к административной и военной карьере. Поэтому подняться по служебной лестнице христианин мог, лишь перейдя в ислам — как и описано далее у автора. — Ред.

374

ниться и заводить семью, чтобы их преданность султану оставалась безраздельной. По своему положению янычар ничем не отличался от раба; казарма была его домом, ислам — его верой, султан — его повелителем, а война — его службой. В ранние века существования империи янычары напоминали орден фанатичных монахов-воителей, приносивших обет сражаться с врагами Аллаха и султана. В османской армии они составляли стальной корпус великолепно обученной, надежной пехоты, и во всей Европе не было войск, равных янычарам, пока не появилась новая французская армия Людовика XIV.

Отряд янычар представлял собой живописное зрелище. Они носили красные шапки, расшитые золотом, белые рубахи, пышные шаровары и желтые сапоги. Янычары личной гвардии султана отличались красными сапогами. В мирное время они были вооружены только кривой саблей, но, отправляясь в бой, янычар мог выбирать оружие на свой вкус — копье, меч, аркебузу или, позднее, мушкет.

В XIV веке янычар было 12000, а в 1653 году их насчитывалось 51647 человек. Со временем янычарам солидного возраста позволили выходить в отставку и обзаводиться семьей. И мусульманские, и христианские семьи мечтали, чтобы их сыновей зачислили в корпус, и в конце концов круг тех, на кого распространялась эта привилегия, был ограничен сыновьями и родственниками бывших янычар. Янычары превратились в наследственную касту свободных людей. В мирное время они, как и стрельцы, занимались ремеслами и торговлей.

Постепенно, подобно гвардейским частям во многих других странах, они сделались опаснее для собственных хозяев, чем для их врагов. Великие визири и Даже султаны приходили к власти и низвергались по прихоти янычар, пока в 1826 году корпус не был расформирован.

375

С моря древний Константинополь казался бескрайним цветущим садом. Над голубыми водами Босфора и Мраморного моря, над темной зеленью кипарисов и цветущими шапками фруктовых деревьев высились купола и минареты одного из прекраснейших городов мира. И сегодня Стамбул полон жизни, но он больше не столица. Правительство Турецкой Республики переместилось в строгую современную чистоту Анкары в центре Анатолийского плато. В XVII же веке Константинополь был столицей мусульманского мира, военным, административным, торговым и культурным центром могущественной Османской империи. Его население достигало 700 000 — такого количества жителей не было ни в одном европейском

городе, как не было и такого количества всевозможных рас и религий. Повсюду виднелись величественные здания мечетей, медресе, библиотек, больниц и общественных бань. На базарах и пристанях громоздились товары из всех уголков мира. В парках и садах благоухали цветы и фруктовые деревья. Весной зацветал шиповник, в густых зарослях живых изгородей разливались соловьи.

Там, где бухта Золотой Рог разделяет Босфор и Мраморное море, над городом вознесся Топкапы Сарай — султанский дворец, а точнее дворцовый комплекс. Здесь, за высокими стенами, скрывались бесчисленные хоромы, казармы, кухни, мечети, сады с журчащими фонтанами и длинные кипарисовые аллеи, обсаженные розами и тюльпанами*. Город в городе, существовавший исклю-

* Описание Топкапы дано поверхностно. Это был центр политической и административной жизни империи, здесь, как в Московском Кремле, сосредоточивались все центральные государственные учреждения, решались все государственные дела. В Топкапы было три части — три двора. В первом дворе располагалось управление финансами, архив, монетный двор, арсенал. Во

376

чительно ради удовольствия одного человека, дворец невероятно дорого обходился подданным султана. Каждый год из всех провинций империи сюда плыли корабли и тянулись повозки, груженные рисом, сахаром, горохом, чечевицей, перцем, кофе, миндалем, финиками, шафраном, медом, солью, сливами в лимонном соке, уксусом, арбузами. Как-то раз даже привезли 780 телег снега. Внутри этого города султану прислуживали 5000 человек. Султанским столом распоряжался главный хранитель скатерти, которому помогали старший над подносителями подносов, податели фруктов, солений и маринадов, шербета, старшина кофеваров и податель воды (султаны-мусульмане были трезвенниками). Имелся также старший наматыватель тюрбана со штатом помощников, хранитель султанского платья, начальники мойщиков и банщиков. В штате старшего цирюльника состоял мани-кюрщик, который каждый четверг приводил в порядок ногти султана. Сверх того были зажигатели трубок, открыватели дверей, музыканты, садовники, конюхи и целая армия карликов и глухонемых — последних султан использовал как гонцов, но особенно незаменимы они были в качестве прислуги, когда требовалась строгая конфиденциальность.

Но и сам этот тщательно скрываемый от глаз подданных дворец служил лишь внешней оболочкой внутреннего, еще более пристально оберегаемого частного мира — гарема. Арабское слово «харам» означает «запретный», и султанский гарем был запрещен для всех, кроме самого султана, его гостей, обитательниц гарема и евнухов — их стражей. Из дворца туда можно было попасть лишь по одному-единственному переходу, кот-

втором находился Диван — совещательный совет при султани, а также канцелярия султана и государственная казна. В третьем дворе была резиденция султана, его гарем и сокровищница. Рядом с Топкапы жил великий визирь, а также размещались казармы янычарского корпуса численностью до 12 тыс. человек. — *Ред.*

377

рый преграждали четыре двери, две железные и две бронзовые. Каждую из дверей день и ночь охраняли евнухи, которым был доверен единственный набор ключей. Переход этот приводил в запутанный лабиринт роскошных покоев, коридоров, лестниц, потайных дверей, внутренних дворов, садилов и бассейнов. Ко многим комнатам со всех сторон примыкали другие помещения, и поэтому свет просачивался в них сверху, сквозь витражи в застекленных куполах и крышах. Стены и потолки султанских покоев покрывали сложные узоры из голубых и зеленых никейских изразцов. Полы устилали яркие ковры, тут и там стояли низкие диваны, на которых обитатели могли сидеть «по-турецки», скрестив ноги — потягивать крепкий кофе или вкушать фрукты. В тех комнатах, где султан любил с глазу на глаз побеседовать с советником, имелись фонтаны, своим журчанием не дававшие любопытным ушам расслышать, о чем идет речь.

Гарем был замкнутым миром чадры, сплетен, интриг и, когда бы ни пожелал султан, телесных усад. Но кроме того, это был мир, подчинявшийся строгим правилам протокола и субординации. До Сулеймана Великолепного султаны официально женились; ислам позволял им иметь четырех жек. Но жена Сулеймана, рыжеволосая славянка по имени Роксолана, с такой настойчивостью вмешивалась в государственные дела, что с той поры османские султаны жениться перестали и правительницей гарема стала мать султана. Турки верили, что

«под ногами матери лежит небо» и что сколько бы ты ни имел жен и наложниц, мать у тебя одна и никто на свете не может заменить ее. Иногда, если султан был слишком молод или слаб характером, его мать сама давала распоряжения от его имени великому визирю. Место после матери султана занимала мать наследника престола, если таковой имелся, а за ней — другие женщины, родившие сыновей от султана, и только потом все остальные одалиски, или наложни-

378

цы. Все эти женщины, по крайней мере формально, являлись рабынями, а поскольку обращать в рабство мусульманку не полагалось, то, следовательно, весь гарем составляли иностранки — русские, черкешенки, венецианки, гречанки. С конца XVI века большинство женщин поступало в гарем с Кавказа — жительницы этих мест славилась своей красотой. Однажды переступив порог гарема, женщина оставалась в нем навсегда. Исключений быть не могло.

Оказавшись в гареме, обычно в десять-одиннадцать лет, девочка усердно постигала науку обольщения у опытных наставниц. Пройдя полный курс, девушка с надеждой ожидала момента предварительного одобрения, когда султан бросал к ее ногам платок, и она становилась «гезде» («замеченной»). Не всякая «гезде» дожидалась счастливого мига, когда ее призывали к султану и она превращалась в «икбал» («побывавшую на ложе»), но уж те, кому повезло, получали собственные покои, слуг, драгоценности, наряды и денежное содержание. А так как женщины гарема полностью зависели от того, насколько доволен ими султан, то все они жаждали попасть на его ложе, а оказавшись там, изо всех сил старались ему угодить. Они так усердствовали, что несколько султанов, пресытившись бесконечными днями и ночами страсти с этими полчищами пылких, полных обожания женщин, попросту помешались.

В этот уединенный женский мир не позволялось проникать ни одному мужчине, кроме султана. На страже гарема стояли евнухи. Сначала евнухи были белые — их большей частью вывозили с Кавказа, как и женщин для гарема. Но к началу XVII столетия все двести евнухов, охранявших гарем, были чернокожими. Обычно их покупали еще детьми, когда приходил ежегодный караван с рабами с верховьев Нила, и по дороге, возле Асуана, кастрировали. Любопытно, что, поскольку исламом это запрещено, то операцию производили копты — христианская секта, живущая в этом

379

районе. Искалеченных мальчиков затем преподносили султану в подарок от его наместников и губернаторов Нижнего Египта.

Теоретически, евнухи были рабами и слугами рабынь — обитательниц гарема. Но нередко они приобретали большую власть благодаря своей близости к султану. В непрерывном круговращении дворцовых интриг женщины в союзе с евнухами могли серьезно влиять на приливы и отливы султанских милостей, на распределение должностей. Со временем начальники черных евнухов, имевшие звание «кызлар агасы» — «господин девушек», или «ага Дома блаженства», стали нередко играть большую роль в государственных делах, превращаясь в грозу всего дворца, и иногда занимали третье место в имперской иерархии после султана и великого визиря. Ага черных евнухов всегда был окружен пышной роскошью, располагал множеством привилегий и большим штатом прислуги, в который входило и несколько его собственных наложниц, чьи функции, надо признаться, трудно себе представить.

В гареме, как и во всей империи, на султана смотрели как на полубога. Ни одной женщине не позволялось являться к нему без вызова. При его приближении всем полагалось быстро скрыться. Один из султанов, дабы известить о своем приближении, носил туфли на серебряной подошве, звеневшей по каменным плитам переходов. Собираясь купаться, султан сначала отправлялся в комнату для переодевания, где юные рабыни снимали с него одежды; затем в комнату для массажа, где его тело умащали маслами; затем в купальню с мраморной ванной, фонтанами горячей и холодной воды и золотыми кранами: здесь, если он желал, его мыли — обычно эта обязанность возлагалась на довольно пожилых женщин; наконец, его одевали и умащали благовониями — снова молодые женщины. Когда султану угодно было повеселиться, он направлялся в зал для приемов — чертог в голубых изразцах, устланный мали-

380

новыми коврами. Там он восседал на троне, его мать, сестры и дочери рассаживались на диванах, а наложницы — на подушках на полу, у ног султана. Если устраивались пляски танцовщиц, то могли призвать придворных музыкантов, но в этом случае им тщательно завязывали глаза, чтобы оградить гарем от мужских взглядов. Позднее для музыкантов построили над залом балкон с таким высоким бортом, что любопытные взгляды не могли за него проникнуть, но музыка была хорошо слышна.

В этом чертоге султан иногда принимал иностранных послов, восседаая на мраморном троне в длинном парчовом одеянии с собольей оторочкой и в белом тюрбане, украшенном черно-белым плюмажем и гигантским изумрудом. Обычно он поворачивался в профиль, чтобы ни один неверный не посмел взглянуть прямо в лицо султана — земной Тени Аллаха.

Пока существовала Османская империя, она всегда оставалась завоевательным государством. Вся полнота власти находилась в руках султана. Если султан был сильным и одаренным человеком, империя процветала. Если он был слаб, империя начинала рассыпаться. Неудивительно, что от гаремной жизни среди пылких женщин и потакающих любой прихоти евнухов порода, которая пошла от победоносных завоевателей, почти совсем выродилась. Еще одно обстоятельство, действуя постепенно на протяжении долгой истории Османской империи приводило к ухудшению личных качеств султанов. Началось это, как ни странно, с акта милосердия. До XVI века существовала османская традиция, по которой тот из многочисленных султанских сыновей, кто приходил к власти, немедленно приказывал передуть всех своих братьев, чтобы ни один не мог посягнуть на трон. Султан Мурад III, который правил с 1574 по 1595 год, произвел на свет больше сотни детей, из

381

них двадцать сыновей его пережили. Старший, взойдя на престол под именем Мехмета III, уничтожил девятнадцать своих братьев, а кроме того, в стремлении наверняка избавиться от возможных соперников, убил семь беременных наложниц своего отца. Однако в 1603 году новый султан, Ахмед I, покончил с этим кошмарным обычаем, отказавшись душить братьев. Вместо этого он, чтобы их обезвредить, замуровал всех в особом павильоне, так называемой «клетке», где они и жили, лишённые всякой связи с внешним миром. С тех пор все османские принцы проводили там в безделье свои дни, окруженные евнухами и наложницами, которые, во избежание появления потомства, были по возрасту неспособны к деторождению. Если все-таки по недосмотру рождался ребенок, то его умерщвляли, чтобы не усложнять генеалогическое древо правящего рода. Поэтому, если султан умирал (или бывал смещен) не оставив сына, то из «клетки» призывали его брата и объявляли новой земной Тенью Аллаха. Среди этого сборища невежественных, расслабленных принцев крови янычары и великие визири редко могли отыскать человека, обладающего достаточным умственным развитием и политической зрелостью, чтобы управлять империей.

Во все времена, но в особенности тогда, когда султан бывал слаб, фактически Османской империей правил от его имени великий визирь. Из внушительного здания, возведенного в 1654 году рядом с дворцом и известного европейцам как Высокая Porta, великий визирь осуществлял надзор за администрацией и армией империи — он контролировал все, кроме султанского дворца. Официально великий визирь считался слугой султана. Вступая в должность, он принимал из султанских рук перстень с печатью; сигналом к его отставке служило требование возвратить государственную печать. На деле же великий визирь был подлинным правителем империи. В дни мира он являлся гла-

382

вой исполнительной и судебной власти. Во время войны он выступал как главнокомандующий действующей армии, а при нем состояли янычарский ага и капудан-паша, то есть адмирал. Он руководил заседаниями своего совета — Дивана — в большом сводчатом зале, стены которого украшала мозаика, арабески, синие с золотом драпировки. Здесь восседали на скамьях, тянувшихся по кругу вдоль стен, высшие чиновники империи, и цвета их отороченных мехом одежд с широкими рукавами — зеленый, фиолетовый, серебристый, синий, желтый — означали их ранг. Посредине сидел сам великий визирь в белом атласном наряде и тюрбане с золотой каймой.

Должность великого визиря давала огромную власть — случалось, что великие визири низвергали султанов, — но она была и крайне опасна, так что у ее обладателя было немного

шансов умереть своей смертью. Вина за военное поражение возлагалась на великого визиря, а там неизбежно следовало его смещение, ссылка, а нередко и удушение. Только выдающиеся мастера интриги могли добиться этого поста и удержаться на нем. Между 1683 и 1702 годом двенадцать великих визирей сменили друг друга в Диване и в Высокой Порте.

И все-таки в XVII веке именно великие визири спасли империю, пока султаны не жили в гаремах, потакая своим наклонностям и прихотям*. К этому времени центральная власть до того захирела, что венеци-

* Один султан, Ибрагим Безумный, заключил свою бороду в алмазную сетку и проводил время, бросая золотые монеты рыбам в Босфоре. Он не желал ничего видеть и осязать, кроме мехов, и ввел особый налог, который шел на *покупку* соболей из России, чтобы обить стены в султанских покоях этими драгоценными мехами. Полагая, что чем женщина крупнее, тем она приятнее, он разослал гонцов искать по всей империи самых толстых женщин. Ему привезли невероятных размеров армянку, которая так восхитила султана, что он осыпал ее богатствами и почестями и наконец сделал правительницей Дамаска.

383

анские корабли курсировали вблизи Дарданелл, а днепровские казаки на своих «чайках» разбойничали на Босфоре. Империя захлебывалась в коррупции, распалась на куски, погружаясь в анархию, и спасли ее три представителя одного рода — а в сущности, династии — великих визирей: отец, сын и зять.

В 1656 году, когда империя находилась на грани гибели, гаремная камарилья вынуждена была назначить на пост великого визиря сурового албанца семидесяти одного года от роду — Мехмеда Кёпрюлю, который принял за дело, не ведая жалости. Казнив 50000-60000 человек, он полностью очистил османскую администрацию от взяточничества и коррупции. Когда пять лет спустя он умер, распад империи уже приостановился. При его сыне Ахмеди Кёпрюлю и позднее при его зяте Кара Мустафе произошло кратковременное возрождение Османской империи. Флоты и армии христианских держав ~ Австрии, Венеции и Польши — были отброшены от ее границ. В 1683 году, в ответ на призыв венгров о помощи против императора Леопольда, Кара Мустафа решил взять Вену. Более чем 200-тысячная армия, подняв знамена и бунчуки, ведомая самим Кара Мустафой, поднялась по Дунаю, завоевала всю Венгрию и во второй раз в истории Османской империи подступила к стенам австрийской столицы. Все лето 1683 года Европа с волнением следила за событиями. Полки солдат из германских государств вставали под знамена австрийского императора, чтобы сразиться с турками. Даже Людовик XIV, заклятый враг Габсбургов и тайный союзник турок, не мог не оказать помощи в спасении великого христианского города. 12 сентября 1683 года союзническая армия подоспела на выручку, с тыла атаковала линии турецкой осады и обратила турок в бегство вниз по Дунаю. По приказу султана Кара Мустафа был удушен. После разгрома под Веной турок преследовали сплошные несчастья. Пала Буда, за ней Белград, австрийские

384

войска подошли к Адрианополу. Прославленный венецианский адмирал Франческо Морозини овладел Пелопоннесом, пересек Коринфский перешеек и осадил Афины. К несчастью, во время обстрела города одно ядро попало в Парфенон, где турки устроили пороховой склад, и 26 сентября 1687 года этот храм, до тех пор сохранявшийся почти в первозданном состоянии, взорвался и приобрел теперешний вид.

В 1703 года янычары сместили султана Мустафу II в пользу его тридцатилетнего брата Ахмеда III, который взшел на престол после заточения в «клетке» и правил двадцать семь лет. Угрюмый, неуравновешенный, всю жизнь находившийся под большим влиянием матери, этот эстет любил женщин и поэзию; еще любил он рисовать цветы. Он имел также пристрастие к архитектуре, строил красивые мечети, чтобы доставить удовольствие своим подданным, и разбивал прекрасные сады, чтобы доставить удовольствие самому себе. Вдоль берегов Золотого Рога он возвел ожерелье роскошных павильонов — некоторые в китайском стиле, некоторые во французском — посиживал там в тени деревьев, окруженный любимыми наложницами, и слушал стихи. Ахмед любил театральные представления; зимой при дворе ставились замысловатые спектакли китайского театра теней, после которых гостям раздавали драгоценные камни, сладости и почетные халаты. Летом устраивали искусные потешные морские бои и фейерверки. Его двор был охвачен тюльпаноманией. Весенними вечерами султан с придворными в сопровождении музыкантов прогуливался по саду, увешанному

фонариками или пронизанному лунным светом, аккуратно ступая среди сотен черепашек, которые ползали в тюльпанах и в траве с зажженными свечками на панцирях.

В этой замкнутой, благоуханной атмосфере Ахмед III существовал в те же самые годы, которые стали свидетелями деятельного, бурного царствования Петра в Рос-

14 Петр Великий, т. 2

385

сии. Правление Ахмеда длилось дольше, чем петровское, и под конец обрело типично османский привкус. В 1730 году империю вновь охватили беспорядки и Ахмед думал утихомирить своих врагов, приказав задушить тогдашнего великого визиря — и одновременно своего зятя, — а его тело выдать толпе. Но это лишь на время отдалило собственную гибель султана. Вскоре он был свергнут и смнен на престоле своим племянником — он-то и отравил Ахмеда.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬ БАЛКАНСКИХ ХРИСТИАН

Во второй половине XVII века возникла новая и совершенно неожиданная угроза для Османской империи — на севере усиливалось Московское государство. Турки привыкли смотреть на москвитов с пренебрежением, даже сносились с ними не напрямую, а через своих вассалов, крымских татар. И в самом деле, по сложившемуся порядку взаимного подчинения, крымские татары, данники султана, сами получали дань с царя. Для крымских ханов Московия служила источником рабов и скота: ежегодные татарские набеги на Украину и юг России в изобилии приносили и то, и другое.

Османская империя не была бы так безразлична к российскому государству, если бы Москва не тратила все силы на борьбу с другими своими врагами. Два самых многочисленных народа Восточной Европы, русские православные и польские католики, враждовали друг с другом из поколения в поколение. Но в 1667 году произошла неприятная для султана перемена: русские и поляки утрясли взаимные разногласия, хотя бы на время, ради союза против турок. В 1686 году польский король Ян Собеский, которому не терпелось сразиться с Османской империей, временно (потом оказалось, что навсегда) передал Киев правительнице Софье, а взамен Россия

387

примкнула к польско-австрийско-венецианскому альянсу против Турции.

Россия, подталкиваемая союзниками, вступила, наконец, в войну. Два похода на крымских татар — в 1687 и 1689 годах, — когда войсками командовал Софьин фаворит, Василий Голицын, окончились крахом. В Константинополе еще прочнее укрепились во мнении о военной несостоятельности России, а в Москве неудачи Голицына стали толчком к смене власти. Они обнажили слабости правления Софьи, привели к падению регентши, и власть перешла в руки партии Нарышкиных, которая действовала от имени Петра. До тех пор, пока юный царь муштровал солдат, строил лодки и ездил в Архангельск, отношения между Россией и Турцией оставались равными. Формально обе страны все еще находились в состоянии войны друг с другом, но войны как таковой на самом деле не было.

Когда Петр достиг зрелости, то усмотрел в антитурецком союзе и в незавершенной войне возможность осуществить свою сокровенную мечту — прорваться к югу и вывести флот в Черное море. Две летние Азовские кампании в 1695 и 1696 годах стали первыми походами русских не против татар, а против настоящей турецкой крепости с гарнизоном из тур-зских солдат. Удача Петра во второй из этих попыток встревожила султанское правительство: русские военные корабли показались туркам страшнее русских сухопутных ратей. Теперь царь расчистил себе путь в устье Дона и накапливал флот в Таганроге и Азове, однако, по счастью (с турецкой точки зрения), османские крепости все еще контролировали Керченский пролив и препятствовали выходу этих судов в Черное море.

Именно стремление вновь разжечь страсти, подзадорить союзников по антитурецкой коалиции, а может быть, и найти новых, послужило официальной причиной Великого посольства в 1697 году. Мы уже видели, что своих целей царь не достиг. После же того, как

388

союзники подписали с турками мирный договор в Карловице, России как второстепенному участнику конфликта предоставили мириться с турками самой — на таких условиях, какие она сумеет для себя выторговать. Царь, не получивший вожаденных плодов, не простил

австрийцам их предательства в Карловиче. «Они на меня обращают не больше внимания, чем на пса, — горько сетовал он. — Я никогда не забуду, как они со мной поступили. Я вышел с пустыми карманами»

Хотя Петр не добился всего, чего желал, его победа под Азовом имела далеко идущие последствия. Эта первая победа русских над турками демонстрировала превосходство — пусть только временное и ограниченное по масштабам — над державой, которой москвиты прежде всегда побаивались, России повезло, что петровское время, в отличие от былых эпох, не породило великих османских султанов и визирей. Обширная держава к югу от России пребывала в дремоте, но она по-прежнему занимала громадную территорию, обладала несметными ресурсами, и — если бы ее тронули — могла обрушить на своих соседей сокрушительную мощь.

И вот этому-то погруженному в сон, но все равно грозному гиганту Петр в 1711 году бросил вызов, выступив в поход на Балканы.

К 1710 году тридцатилетнее перемирие с Турцией, подписанное накануне Северной войны, длилось уже десять лет, причем турки соблюдали его даже тогда, когда Петр казался наиболее уязвимым. Этими благоприятными обстоятельствами и царь, и Россия прежде всего были обязаны первому постоянному послу в Константинополе Петру Толстому. Вот каким он предстает на портрете: умные голубые глаза, высокий лоб, кустистые черные брови, седой парик по европейской моде; бритое лицо исполнено спокойствия. Весь облик этого

389

человека дышит энергией, самообладанием, уверенностью в себе, удачливостью.

Все эти свойства и большая доля везения помогли Толстому избежать ловушек, то и дело встречавшихся на пути в его долгой и незаурядной карьере. Он родился в 1645 году* в помещичьей семье из числа не самой знатной аристократии; поначалу принял сторону Милославских и горячо поддерживал Софью в ее отчаянном столкновении с молодым царем Петром в 1689 году, но в последний момент перешел на сторону победителей. Петр, не вполне доверяя этому новому приверженцу, послал его управлять отдаленным северным Устюжским уездом. Там Толстому выпало в роли воеводы принимать царя летом 1693 и 1694 года, когда тот ехал в Архангельск и возвращался обратно. Толстой произвел хорошее впечатление, которое позже упрочил своей достойной службой во втором Азовском походе. А в 1696 году он приобрел прочное расположение Петра, вызвавшись ехать в Венецию и учиться строить и водить корабли, хотя дожил уже до весьма зрелых лет и был обременен семейством. Толстой кое-что постиг в морском деле, поплавал по Средиземному морю, но важнее было то, что он научился говорить по-итальянски и освоился с западной жизнью и культурой — все это пригодилось ему потом на дипломатическом поприще. Проницательный, хладнокровный, умеющий, когда надо рискнуть, выделявшийся среди русских культурой и интеллектом, Толстой стал необычайно полезен для царя. Оценив его по достоинству, Петр возложил на Толстого два самых тяжелых дипломатических поручения за все его царствование: длительную миссию в Константинополь и позднее — операцию по возвращению в Россию царевича Алексея.

* По уточненным данным, П. А. Толстой родился в 1653 или 1654 году. — *Ред.*

390

Воздавая должное одаренному и преданному слуге, Петр наградил Толстого наследственным графским титулом, однако о былой его оппозиции тоже не забыл. Однажды царь взял старика за голову своими могучими руками и Проговорил: «Эх, голова-голова! Не сидеть бы тебе на плечах, не будь ты так умна»².

По своему нраву и опыту Толстой как нельзя лучше подходил для роли первого постоянного российского посла при султанском дворе. Он приехал туда к концу 1701 года с инструкциями, которые с незапамятных времен дают всем дипломатам: добиваться, чтобы Турция сохраняла перемирие, сделать все возможное для возбуждения взаимного недовольствия между Турцией и Австрией, собирать и передавать в Москву сведения о внешних связях и внутренней политике Османской империи, сообщать свое мнение о людях, пребывающих у власти или способных прийти к ней в будущем, и наконец — разведывать, что удастся, о сухопутных и морских военных силах Турции и о мощности турецких крепостей на Черном

море. Задание было не из легких, тем более, что туркам вовсе не нужен был в Константинополе русский посол. Послы других государств постоянно находились в османской столице, чтобы способствовать коммерции, но Россия с Турцией не торговала, а потому присутствие Толстого вызывало у турок подозрения.

Для начала посол оказался в положении, напоминающем домашний арест. Он писал Петру:

Житье мое им зело не любо, потому что запазушные их враги греки нам единовѣрны. И есть в турках такое мнение, что я, живучи у них, буду рассеивать в христианах слова, подвигая их против бусурман, для того крепкий заказ грекам учинили, чтоб со мной не видались, и страх учинили всем христианам, под игом их пребывающим, такой, что близко дому, в котором стою, христиане ходить не смеют, и платье грекам одинаковое с бусурманами носить запретили, чтоб были отлич-

391

ны от турок. Ничто им такого страха не наносит, как морской твой флот; слух между ними пронесся, что у Архангельска сделано 70 кораблей великих и чают, что, когда понадобится, корабли эти из океана войдут в Средиземное море и могут подплыть под Константинополь.

Несмотря на все трудности, Толстой добился серьезного успеха. Ему удалось создать сеть информаторов, опираясь отчасти на православную церковь на территории Османской империи (тут особенно помог патриарх Иерусалимский Досифей), а отчасти — на помощь голландцев, которые прекрасно разбирались в политической путанице при турецком дворе.

Во времена Толстого хитросплетения эти были исключительно сложными. Великие визири сменялись один за другим. Кто-то из них относился к Толстому получше, кто-то похуже, но надежным его положение не было никогда. В 1702 году к власти пришел великий визирь Дальтабан Мустафа, который имел намерение поддержать крымского хана в его желании возобновить войну с Россией. Не жалея денег на подкуп, Толстой сумел довести происки визиря до сведения матери султана, и Дальтабан был смещен и обезглавлен. Следующий визирь был с Толстым осторожнее, но все равно двое янычар несли караул у дверей посла и следили за каждым шагом его.

В 1703 году, когда султана Мустафу II сменил на троне его брат, Ахмед III, Толстому позволили было ездить, куда ему заблагорассудится, но затем появился очередной великий визирь и послабления кончились. Посол в отчаянии писал в Москву: «Новый визирь ко мне неласков и мое прискорбное пребывание, труды и страх возобновились пуще прежнего: опять ко мне никто не смеет, и я никуда не могу ездить, с великим трудом и письмо это мог послать. Вот уже при мне шестой визирь и этот хуже всех».

Вскоре шестого визиря сме-

392

нил седьмой, но дела Толстого обстояли по-прежнему неважно.

В какой-то мере дурное обращение с Толстым объяснялось тем, что турецкий посол в Москве тоже жаловался на дурное отношение со стороны русских. Турецкого представителя, посланного оповестить о восшествии на престол Ахмеда III, приняли вежливо, но аудиенции у царя заставили ждать очень долго. Эта проволочка была намеренной. Петр хотел потянуть время, чтобы таким образом убедить посла в величии русского царя. К тому же Петр никак не допускал турка туда, куда он больше всего стремился: на базу российского флота в Азове и на верфи в Воронеже. Царь писал азовскому губернатору, чтобы тот не давал «турке» приблизиться к Воронежу и увидеть Азов⁵.

Все это рикошетом ударило по Толстому, когда в Константинополь пришло письмо, в котором турецкий посол рассказывал, как с ним обращаются в России. «Что [он] писал, того не знаю, — рассказывал Толстой, — но меня страшно стеснили, заперли со всеми людьми на дворе моем и никого с двора, ни на двор не пускают, сидели мы несколько дней без пищи, потому что и хлеба купить никого не пустили, а потом едва упросил большими подарками, что начали пускать по одному человеку для покупки пищи».

Кроме того, Толстой тревожился, как бы кто-нибудь из посольских сотрудников не принял ислам и не выдал бы всю его сеть информаторов. В конце концов так и случилось, но посол безотлагательно разрешил эту проблему:

Притом нахожусь в большом страхе от своих дворовых людей, — пишет он в Москву. — Жив здесь три года, они познакомились с турками, выучились и языку турецкому, и так как теперь

находимся в большом утеснении, то боюсь, что, не терпя заключения, поколеблются в вере, потому что бусурманская вера

393

маломысленных очень прельщает; если явится какой-нибудь Иуда, великие наделает пакости, потому что люди мои присмотрелись, с кем я из христиан близок и кто великому государю служит, как, например, иерусалимский патриарх, господин Савва Рагузинский — Владиславич и другие, и если хотя один сделается ренегатом и скажет туркам, кто великому государю работает, то не только наши приятели пострадают, но и всем христианам будет беда. Внимательно за этим слежу и не знаю, как Бог управит. У меня уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с турками, выдумал обусурманиться; Бог мне помог об этом сведать, я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо объявил, что хочет обусурманиться: я его запер в своей спальне до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер; так его Бог сохранил от такой беды⁷.

Шло время, забот у Толстого прибавлялось. Не присылали из России жалованье, и он вынужден был, чтобы свести концы с концами, продать часть собольих шкурок, выданных ему на подарки. Он писал царю — просил денег и разрешения выйти в отставку и вернуться домой. Петр ответил отказом на том основании, что деятельность Толстого очень важна для России. И Толстой продолжал выбиваться из сил — подкупал, интриговал, словом, делал что мог. В 1706 году он доносил, что двое из самых благоразумных пашей задушены по подстрекательству великого визиря, который не любит способных людей, и «дай Вышний, чтоб и остальные все передавились»⁸.

Когда на Дону восстали казаки под предводительством Булавина, а шведы вторглись в Россию, Петр опасался, как бы султан не соблазнился удобным моментом отобрать Азов. Он склонялся к тому, чтобы умиротворить турок, и приказал ни в коем случае не держать в русских тюрьмах ни одного турецкого или татарского узника. Толстой этих шагов не одобрял. Он чувствовал,

394

что турки скорее утихомирятся, если держаться с ними жестко, даже угрожающе. Дальнейшие события подтвердили его правоту. Весной и летом 1709 года, накануне Полтавы, турки не вмешались в войну на стороне Швеции — мало того, упорные разговоры о войне с Россией и слух, что русский флот уже входит в устье Босфора, даже вызвали настоящую панику на константинопольских улицах.

Так восемь трудных лет Толстой с успехом поддерживал интересы своего повелителя и оберегал мир между Россией и Турцией. Но в 1709 году Карл XII, бежавший из-под Полтавы, явился во владения султана. С этого момента султан четырежды за три года объявлял войну России.

Перейдя Буг и вступив на земли Османской империи, Карл XII стал гостем султана. Король и казачий гетман Мазепа попросили убежища во владениях султана. Согласно установлениям ислама, Ахмед III должен был принять и защищать их. Обязанность эта считалась непреложной, и когда в Константинополе узнали, что очаковский паша медлит с решением и что из-за него казаки, ожидавшие ответа на противоположном берегу, были порублены настигшими их русскими, султан всерьез подумывал послать этому паше шелковый шнурок.

Удостоверившись, что шведский король находится в его империи, султан поспешил загладить промах. Через несколько дней к королю явился бендерский сераскир (начальник гарнизона) Юсуф-паша с официальным приветствием и с обозом всяких лакомств. Скоро оголодавшие шведы уже угощались дынями, бараниной, отличным турецким кофе. Кроме того, Юсуф-паша привез от султана приглашение, от которого слегка отдавало приказом, чтобы его гости отправились в Бендеры, город на Днестре в 150 милях к юго-западу. На новом месте Карл

395

расположился лагерем, который представлял собой вытянутый вдоль берега Днестра ряд красивых турецких шатров на лугу, в обрамлении фруктовых деревьев. В этом прелестном краю, позднее известном как Бессарабия, неугомонному шведскому королю предстояло прожить три года.

Отправляясь туда, Карл не имел ни малейшего представления, какое будущее его ожидает. Он

собирался возвратиться в Польшу и возглавить армии Крассова и Станислава, как только заживет его раненая нога. В Польше же король рассчитывал встретить корпус Левенгаупта, который он бросил под Переволочной. В довершение всего Карл послал указ в Стокгольм, Государственному совету, собирать новые полки и переправлять их через Балтику. Но природа и политика словно сговорились ему помешать. Рана заживала медленно, и прошло целых шесть недель, прежде чем Карл смог снова сесть на коня. Пока король выздоравливал, стало известно, что его старшая сестра, вдовствующая герцогиня Голштинская Хедвига София, умерла в Стокгольме во время эпидемии кори. Несколько дней король, не имевший своей семьи, не мог осушить слез. Он укрылся в шатре и не хотел видеть даже ближайших друзей. Сначала он просто отказывался верить этому сообщению, хотя оно содержалось в официальном письме с соболезнованиями от шведского Совета. Младшей сестре Ульрике Карл написал о своей надежде, что «этот слишком страшный, совершенно внезапный слух, совсем меня ошеломивший», будет опровергнут. Позже он писал ей, что был бы счастлив умереть первым из них троих и что теперь молится о том, чтобы оказаться хотя бы вторым. Вскоре его постигло еще одно горе. Больного, престарелого гетмана Мазепу, на свою беду перед Полтавой связавшего судьбу с Карлом, из королевского лагеря пришлось перенести в дом в Бендерах, но там от жары ему стало еще хуже. Карл не предал союзника:

396

когда от Петра пришло предложение освободить графа Пипера в обмен на Мазепу, король отказался. 22 сентября 1709 года Мазепа умер, и Карл на костылях хромал за гробом.

Удар за ударом обрушивался на короля, одно известие было хуже другого: Левенгаупт сдался под Переволочной, русские войска под командованием Меншикова потоком хлынули на польские земли; Станислав и Крассов отступили; Август нарушил Альтранштадтский договор и вторгся в Польшу, чтобы вернуть себе корону; Дания возобновила войну против Швеции и ввела на ее территорию свою армию. Тем временем петровские войска с победой продвигались по прибалтийским провинциям и уже захватили Ригу, Пернов, Ревель, Выборг. Отчего же Карл не вернулся в Швецию, чтобы взять бразды правления? Прежде всего, добраться туда было совсем непросто, Бендеры лежали в 1200 милях к югу от Стокгольма. Путь через Польшу Карлу был отрезан войсками Петра и Августа. Вспышка чумы заставила австрийцев накрепко закрыть все свои границы. Правда, Людовик XIV неоднократно предлагал переправить Карла в Швецию на французском корабле. Королю-Солнце не терпелось увидеть, как этот шведский «гром небесный» опять примется бесчинствовать в Восточной Европе, за спиною английских, голландских и австрийских соперников Франции. Но Карл опасался попасться в лапы к пиратам. Да если бы он и согласился, чтобы его доставили домой французы, а то и англичане или голландцы — какую плату потребовали бы от него взамен? Почти наверняка королю пришлось бы выступить на стороне своих спасителей в войне за Испанское наследство.

Так или иначе, когда у Карла прошло разочарование из-за невозможности немедленно отправиться в Польшу, он почел за лучшее остаться в Турции. На его взгляд, пребывание в Османской империи открывало для него новые радужные перспективы. Ведь если бы

397

он сумел подвигнуть султана пойти войной на русского царя и вместе с ним предпринять успешное наступление на юге, то, может быть, Петра наконец удалось бы разбить, а к Швеции вернулось бы все, что она потеряла. И начиная с осени 1709 года агенты Карла, Понятовский и Нейгебауэр, окунулись в пучину константинопольских интриг, силясь разрушить то, чего успел добиться Толстой.

Задача у них была не из легких. Турки не хотели воевать, и особенно после того, как разнеслась весть о Полтаве, потрясшая Константинополь. Долго ли осталось ждать, чтобы царский флот появился у входа в Босфор? Перед лицом такой опасности многие советники султана охотно пошли бы навстречу требованиям Петра и выставили бы шведского смутьяна вон из империи. «Король Швеции, — говорится в одном турецком документе того времени, — тяжким бременем лег на плечи Высокой Порты». С другой стороны, в Османской империи существовали горячие сторонники войны с Россией. Главным был ярый ненавистник России крымский хан Девлет-Гирей, по договору 1700 года потерявший право взимать дань с русских. Он и его всадники рвались возобновить опустошительные набеги на Украину, где

всегда можно было поживиться богатой добычей и пленниками. К тому же Нейгебауэру посчастливилось снискать расположение матери султана Ахмеда. Воображение этой дамы и раньше поражал легендарный герой Карл XII, а теперь Нейгебауэр красочно ей обрисовал, как ее сын может помочь шведскому «льву [Карлу] пожрать царя».

Но для осуществления планов Карла требовалось еще одно условие. Мало было просто побудить султана вступить в войну — следовало успешно провести кампанию и добиться нужных целей. Карл понимал, что все это станет возможным, только если в Европе появится свежая шведская армия под его началом. Поэтому когда уже шла мобилизация османского войска, король насто-

398

ятельно требовал у Стокгольма «обеспечить благополучную и своевременную доставку в Померанию вышепоименованных полков, дабы наше участие в предстоящей кампании не провалилось»¹².

Это требование удивило и даже ошеломило шведский Государственный совет. Еще в ноябре 1709 года, после Полтавы, Дания вступила в войну, нарушила Травен-дальский мир и возобновила войну со Швецией. Датские войска заняли юг Швеции. Государственный совет столкнулся с прямой военной угрозой, с сокрушительной тяжестью расплаты за уже, казалось, проигранную войну, поэтому королевский указ отправить в Польшу еще один экспедиционный корпус был воспринят здесь как безумие. Карлу сообщили, что выделить войска не представляется возможным.

Словом, по иронии судьбы, Нейгебауэр с Понятовским добились от Константинополя того, чего хотели, а Карл от Стокгольма — нет. Османов воевать уговорили, но при этом в наличии не было ни одного из великолепных шведских полков, которые, подобно стальному стержню, скрепили бы ряды турецкой армии и заставили бы всех считаться со шведским королем. И хотя Карл был, бесспорно, величайшим полководцем в пределах Османской империи и кумиром всей турецкой армии, а в особенности янычар, формально он союзником турок не являлся и в подготовке к военной кампании не участвовал. В результате его последний и, возможно, самый верный шанс одолеть Петра рассыпался в прах.

Присутствие Карла в Османской империи тревожило не только турок. С тех пор, как он туда явился, Петр через гюсресство Толстого настаивал на его выдаче или изгнании. Шли месяцы, и тон царских посланий становился все жестче, что сыграло на руку партии сторонников войны в Константинополе и Адрианополе. Когда же царь категорически потребовал, чтобы султан до 10 октября 1710 года ответил на запрос по поводу выдворения

399

Карла из Турции, его заявление сочли оскорбительным для достоинства Тени Аллаха. Эта капля переполнила чашу. Султан наконец внял уговорам крымского хана, шведов, французов и собственной матери: 21 ноября на торжественном заседании Дивана было провозглашено, что Турция объявляет войну России. Первым пострадал Толстой. По турецким законам в военное время послы утрачивали дипломатический иммунитет — Толстого схватили, сорвали с него почти всю одежду, усадили на старую клячу и провезли по улицам к месту заключения, Семибашенному замку.

С объявлением войны пост великого визиря занял Мехмет Балтаджи, для того и назначенный, чтобы воевать с Россией. Это был довольно странный выбор — современник описал Балтаджи как тупоумного и бездарного старого педераста, никогда не знавшего толку в военном деле. Тем не менее, он отважился начать наступление. Той же зимой легкой, подвижной коннице татарского хана предстояло, собравшись с силами, ударить из Крыма на север, по Украине, чтобы разжиться на казачьих землях пленниками и скотом и вознаградить себя за все десять мирных лет, когда татары оставались без добычи. Весной главные силы османской армии должны были выступить из Адрианополя на северо-восток. Артиллерию и боеприпасы следовало морем доставить в город Исакча на Дунае. Туда же должны были подойти войска и татарская конница, чтобы вместе составить почти 200-тысячную рать.

В январе татары вторглись в область между средним течением Днепра и верховьями Дона и разграбили ее. Но назначенный Петром новый казачий гетман Скоропадский оказал им мощное сопротивление и заставил отступить, так что отвлечь на себя крупные силы, как рассчитывал великий визирь, татарам не удалось. В конце февраля на Янычарском дворе

подняли бунчуки — знак войны — и отборный 20-тысячный корпус, повесив на плечо сверкающие мушкеты и живописные луки, высту-

400

пил на север. Главные части шли медленно и добрались до Дуная только к началу июня. Тут сняли орудия с кораблей и поставили на лафеты, сформировали обоз, и вся армия переправилась на восточный берег реки.

Пока турецкое войско собиралось на Дунае, великий визирь послал Понятовского, который представлял Карла при дворе султана, в Бендеры - пригласить Карла участвовать в походе, но лишь в качестве гостя великого визиря. Искушение было сильно, король сначала едва не поддался ему, но потом решил воздержаться. Как монарх он не мог примкнуть к армии, которую возглавлял не он сам, особенно же если командующий уступал ему рангом. Это решение, по-видимому, стало роковой ошибкой Карла.

Война 1711 года, приведшая к Прутскому походу, была ненужна Петру. Это столкновение между Россией и Османской империей вдохновил Карл. Тем не менее, Петр, все еще возбужденный Полтавской победой, уверенно принял вызов и поспешил с приготовлениями. Из Польши было отправлено 10 полков русских драгун на охрану границы с османами. Шереметеву с 22 пехотными полками приказали выступить из Прибалтики на Украину. Для обеспечения предстоящих боевых операций в стране ввели новый, исключительно тяжелый налог.

25 февраля 1711 года в Кремле состоялась величественная церемония. Преображенский и Семеновский полки стояли в строю на площади перед Успенским собором, а на их красных знаменах были вышиты кресты с древним девизом императора Константина: «Сим знамением победиши!» В соборе Петр торжественно провозгласил священную войну «против врагов Христовых». Царь собирался лично возглавить поход на турок, и 6 марта выехал из Москвы вместе с Екатериной. Но он заболел, и в его письмах звучит разо-

15 Петр Великий, т. 2

401

чарование и отчаяние. «Имеем и мы надлежащий безвестный и токмо единому Богу сведомый путь», — пишет он Меншикову. Апраксину было поручено командование в низовьях Дона, включая Азов и Таганрог, и в письме он просил у царя указаний, где ему разместить ставку. Царь отвечал: «Где вам быть, то полагаю на ваше рассуждение, ибо вся та сторона вам вручена и что удобнее где, то учините, ибо мне, так отдаленному и, почитай, в отчаянии существу, к тому ж от болезни чуть ожил, невозможно рассуждать, ибо дела что день отменяются»¹⁴.

Петр болел тяжело. Он написал Меншикову, что перенес приступ, длившийся полтора дня, и что никогда в жизни не был так болен. Через несколько недель ему стало лучше и он смог доехать до Яворова. Там он с удовольствием увидел, что местная польская знать принимает Екатерину почтительно и, обращаясь к ней, называет ее «ваше величество». Сама Екатерина была в восторге. «Мы здесь часто бываем на банкетах и вечеринках, — писала она 9 мая Меншикову, оставленному оборонять Санкт-Петербург. — А именно четвертого дни была у гетмана Синявского, а вчерашнего дни были у князя Радзивилла и довольно танцевали». Затем, касаясь какого-то воображаемого знака царского пренебрежения, она утешала встревоженного князя: «И доношу Вашей светлости, дабы вы не изволили печалиться и верить бездельным словам, ежели со стороны здешней будут происходить, ибо господин шаятбенахт [Петр] по-прежнему в своей милости Вас содержит»¹⁵.

Петр поехал в Яворов, чтобы подписать брачный договор о союзе между его сыном Алексеем и принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской. Представитель герцога Вольфенбюттельского, Шлейниц, так описывал тогда своему господину царскую чету:

На следующий день около четырех часов царь опять прислал за мной. Я знал, что найду его в комнате

402

царицы и что ему доставит большое удовольствие, если я поздравлю царицу с тем, что брак ее обнародован. После того, как польский король и наследный принц сделали заявление на сей счет, мне это показалось уместным, а кроме того, я знал, что польский посланник называл царицу «ваше величество». Войдя в комнату, я, невзирая на присутствие царя, обратился прямо к ней, поздравил от Вашего имени с объявлением о ее браке и вверил принцессу [Шарлотту] ее дружбе и

попечению.

Довольная Екатерина просила Шлейница поблагодарить герцога за добрые пожелания и сказала, что ждет-не дождется, когда увидит и обнимет принцессу, будущую жену ее пасынка, и спросила, действительно ли царевич так сильно влюблен в Шарлотту, как говорят. Пока Екатерина беседовала с послом, Петр в другом конце комнаты рассматривал какие-то математические приборы. Услыхав, что Екатерина заговорила об Алексее, он положил их на стол и подошел, но в разговор не вступил.

Меня предупреждали, — продолжает Шлейниц в своем письме к герцогу, — что поскольку царь меня едва знает, то я должен первым обратиться к нему. Поэтому я ему сказал, что Ее царское величество спрашивает, очень ли сильно царевич влюблен в принцессу. Я заявил, что уверен, что царевич с нетерпением ждет отцовского согласия, необходимого для полного его счастья. Царь отвечал через переводчика: «Я не хочу откладывать счастье моего сына, но в то же время не хочу совсем лишиться своего собственного счастья. Он мой единственный сын, и я желаю после окончания кампании лично присутствовать на его свадьбе. Она состоится в Брауншвейге». Он пояснил, что не волен вполне собою распоряжаться, так как его ожидала встреча с врагом сильным и скорым на перемещения, но что он постарается устроить так, чтобы

403

осенью поехать на воды в Карлсбад, а оттуда — Вольфенбюттель .

Через три дня прибыл свадебный контракт, подписанный герцогом Вольфенбюттельским без изменений. Петр призвал к себе посла Шлейница и приветствовал его немецкой фразой: «У меня для вас отличные новости». Он показал контракт, и когда Шлейниц поздравил царя и поцеловал его руку, Петр сам трижды расцеловал его в лоб и в щеки и велел принести бутылку своего любимого венгерского вина. Зазвенели бокалы, Петр два часа воодушевленно рассказывал о своем сыне, об армии, о грядущем походе на турок. Позднее польщенный Шлейниц писал герцогу: «Я не в состоянии как следует передать Вашему высочеству, с какой ясностью суждений и скромностью царь говорил обо всем»¹⁷.

Уверенность Петра, что кампанию против турок он завершит достаточно скоро, чтобы успеть подлечиться на карлсбадских водах и попасть на свадьбу сына, отразилась и в беседе, которая состоялась тогда же у них с Августом. Саксонский курфюрст еще раз вступил в Варшаву и потребовал вернуть ему польскую корону, а его соперник Станислав бежал вместе с отступавшими шведами в Померанию. Август намеревался преследовать врагов и осадить находившийся у шведов балтийский порт Штральзунд. Петр обещал выделить на поддержку Августа 100 000 рублей и передал под его командование 12 000 русских солдат. Петровский план действий против турок, смелый до безрассудства, состоял в том, чтобы идти в низовья Дуная, переправиться через реку чуть выше впадения ее в Черное море, и двигаться по Болгарии на юго-запад до тех пор, пока под угрозой не окажется вторая столица султана, Адрианополь, или даже сам сказочный Константинополь. Русская армия, которую царь собирался взять с собой, была невелика — 40000 пехоты и 14000 конницы — по сравнению с полчищами, которые мог выставить про-

404

тив него султан. Но Петр рассчитывал, что как только он вступит в христианские провинции Османской империи, граничащие с Россией, его встретят там как освободителя и в его армию вольются 30 000 валахов и 10 000 молдаван. Тогда численность его войск достигнет 94 000.

Этот план наступления был отчасти задуман как способ отвести войну от Украины, опустошенной из-за шведского вторжения и предательства Мазепы, где наконец-то хоть ненадолго воцарилось спокойствие. Ведь если бы османская армия вторглась в украинские степи, кто знает, на чью сторону встали бы непостоянные казаки. Переводя боевые действия на османскую территорию, Петр во всяком случае мог не беспокоиться об этом. Уж лучше ему самому сеять смуту среди беспокойных подданных султана, чем испытывать это на себе.

Петр не без оснований ожидал помощи при вступлении армии на земли христианских провинций. Все годы своего царствования он непрерывно получал обращения от представителей православных народов Балкан — сербов, черногорцев, болгар, валахов, молдаван. С тех пор, как он нанес султану в 1698 году ощутимый удар и взял Азов, они с новой силой стали лелеять мечту об освобождении и не скупились на обещания. Они клялись, что если на их земли ступит русская армия, то к ней присоединятся местные войска, продо-

вольствия будет вдоволь, поднимется все население. Между 1704 и 1710 годами в Москву четыре раза приезжали сербские вожди, чтобы побудить россиян к действиям. «У нас нет другого царя, кроме православнейшего государя Петра», — говорили они¹⁸.

До Полтавы Петр, опасаясь любых шагов, способных толкнуть султана на нарушение перемирия 1700 года, отвечал на эти призывы осторожно. Но после Полтавы Толстой и другие русские агенты в Османской империи начали готовить почву для антитурецкого вос-

405

стания. И теперь, весной 1711 года, час пробил. Во время церемонии, состоявшейся в Кремле перед его отъездом из Москвы, Петр огласил воззвание, в котором открыто объявлял себя освободителем балканских христиан. Он призывал всех их - и католиков и православных ~ подняться против османских хозяев и добиться, чтобы «потомки поганого Магомета были изгнаны к

себе на родину, в пески и пустыни аравийские»

19

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ ПЯТЬДЕСЯТ УДАРОВ НА ПРУТЕ

Ключевое значение для петровской кампании имели два христианских княжества, Валахия и Молдавия. Они располагались к югу от Карпат и к северу от Дуная, то есть на территории, которая в наше время частично принадлежала Советскому Союзу и частично Румынии. В XV и XVI веках эти княжества, ища безопасности, отдались под власть Высокой Порты. Они сохранили во внутренних делах автономию, а взамен за покровительство обязались платить султану ежегодную дань.

Однако со временем Порты присвоила себе право назначать и смещать местных князей — господарей. Князья, мечтавшие сделать свою власть наследственной, принялись потихоньку искать поддержки в других местах. В правление царя Алексея Михайловича они вели предварительные переговоры с Москвой о переходе под руку России, но царь был тогда слишком поглощен польскими делами.

В 1711 году в Валахии, наиболее сильном и богатом из двух княжеств, правил господарь Константин Бранковяну, человек коварный и изворотливый. Он занял это положение, отравив предшественника, и благодаря своим дарованиям не только удерживал власть в течение двадцати лет, но и создал сильную армию и составил огромное личное состояние. На взгляд султана, Бранко-

407

вяну был чересчур богат и могуществен для вассального князя, поэтому при первой возможности господаря не замедлили бы сменить. Бранковяну чуял, к чему все идет, и, убедившись после Полтавы, что звезда Петра восходит, вступил с царем в тайный сговор. В случае войны между Россией и Турцией Валахия должна была принять сторону царя, выставить 30-тысячное войско и обеспечить снабжение русской армии на территории Валахии — правда, за счет Петра. Со своей стороны, Петр обещал гарантировать независимость Валахии и наследственных прав Бранковяну и наградил господаря орденом Св. Андрея Первозванного.

Молдавия была слабее и беднее Валахии, правители в ней часто менялись. Последний из них, Димитрий Кантемир, в 1711 году находился у власти меньше года — его назначил султан в расчете, что тот поможет Порте захватить и свергнуть своего соседа Бранковяну и за эту услугу получит титул господаря и Валахии, и Молдавии. Однако Кантемир, прибыв в свою новую столицу, Яссы, тоже заметил, что фортуна отворачивается от турок, и, соблюдая строжайшую секретность, начал переговоры с Петром. В апреле 1711 года он подписал с царем договор, по которому соглашался помогать русским и поставить от себя 10000 солдат. За это Молдавии была обещана независимость под протекторатом России. Таким образом, княжество освобождалось от уплаты дани, а род Кантемиров превращался в наследственную династию.

:

Итак, заручившись обещаниями о поддержке со стороны этих двух честолюбивых правителей, всей душой ненавидевших друг друга, Петр выступил в поход на турок.

В Молдавии действия Кантемира встретили поддержку. «Ты правильно поступил, призвав русских освободить нас от турецкого ига, — говорили ему местные

408

бояре. — Если бы открылось, что ты собираешься идти на соединение с турками, мы бы тебя покинули и сдались царю Петру. Так мы решили». Но Кантемир знал также и то, что османская армия уже выступила в поход и что когда великий визирь подойдет поближе, туркам станет ясно, что он и его княжество передались царю. Поэтому он слал депеши Шереметеву, командовавшему главными силами русской армии, и просил фельдмаршала поторопиться. Кантемир умолял его выслать хотя бы передовой отряд в 4000 солдат, чтобы оградить народ Молдавии от мести турок, если невозможно ускорить продвижение главных сил. Петр, со своей стороны, тоже приказывал Шереметеву поспешить. Царь хотел, чтобы войска подошли к Днестру и переправились через реку к 15 мая — тогда оба княжества оказались бы под защитой, а у сербов и болгар появился бы стимул поднять восстание.

Для того, чтобы молдаване восприняли вступление иностранных войск как благо, Шереметева снабдили отпечатанными воззваниями царя ко всем балканским христианам:

Понеже турки варвары, христовой церкви и православного народа гонители, многих государств и земель несправедливые завоеватели и многих церквей и монастырей разорители, недовольны суть владением Грецкого империя и иных многих potentatov не завоеванных, но неправдою взятых, и, прельщая сирых, убогих и вдовых, склоняют прежде в свою протекцию, а потом, яко волцы, овец расхищали и стадо христианское разоряли... Всем добрым, чистым и кавалерским христианским сердцам должно есть, презрев страх и трудности, за церкву и православную веру не токмо воевати, но последнюю каплю крове пролияти, что от нас по возможности и учинено будет» .

Кроме того, Петр дал своему фельдмаршалу строгие указания, как должны вести себя русские войска во

409

время марша по Молдавии — им предписывалось держаться достойно и платить за все, что станут брать у христиан, а за мародерство полагалась смертная казнь. Как только Кантемир выступил за союз с Россией и показались первые русские войска, молдаване начали громить живших среди них турок — сначала в Яссах, а потом и по всему княжеству. Многих поубивали; остальные лишились коров, овец, лошадей, одежды, серебра и драгоценностей.

Изначально Петр планировал, что Шереметев пойдет прямо на юг, вниз по восточному берегу Прута до его слияния с Дунаем, и там перекроет путь туркам. Но когда 30 мая (на две недели позже, чем рассчитывал Петр) Шереметев подошел к Днестру возле Сорок, Кантемир упросил его направиться прямо на Яссы, столицу Молдавии, и 5 июня его армия стала лагерем вблизи Ясс, на западном берегу Прута. Оправданием фельдмаршалу, нарушившему приказ Петра, служило то, что армия претерпела тяжкие лишения в походе через степи под палящим солнцем и нуждалась в пополнении. Лошадей в пути тоже едва удалось прокормить, потому что траву выжигали татарские всадники, неотвязно следовавшие за армией на флангах. К тому же Шереметев понимал, что он, скорее всего, опоздал помешать туркам переправиться через Дунай и что для обороны Молдавии от великого визиря будет лучше, если он перейдет на другой берег Прута.

Петр, прибывший в Сороки позже Шереметева, гневался, что старый генерал позволил туркам себя опередить. Тем не менее, когда Шереметев изменил первоначальный план, царь, двигавшийся следом, вынужден был идти тем же путем — всякое иное решение разъединило бы армию. Отряду Петра сильно досталось во время перехода, и когда он 24 июня добрался до Прута, солдаты валились с ног от усталости. Царь оставил их отдыхать, а сам поехал вперед, переправился через реку и прибыл в Яссы, чтобы держать совет с Кантемиром. Ему

410

оказали истинно царский прием и устроили грандиозный пир. Господарь произвел хорошее впечатление: «Он человек очень разумный и полезный в совете» — такова была царская оценка. В Яссах Петр принял двух посланцев с предложением мира от великого визиря. Оно было завуалировано, но отражало нежелание визиря — и султана, стоявшего за ним, — вступить в боевые действия и тем подтолкнуть русских к отправке флота в Черное море. Однако Петр отклонил это предложение. Царь, окруженный своей армией, уверенный в поддержке молдаван и валахов, осведомленный о том, что визирь не хочет драться, был уверен в победе. В этом веселом расположении духа Петр повез Кантемира посмотреть на русские войска, ставшие лагерем на Пруте. Там, вместе с Екатериной и гостями, он отпраздновал вторую годовщину Полтавы, великой победы, без которой не было бы ни этой встречи, ни самого похода.

Пока царь праздновал, положение его армии ухудшалось. Великий визирь закончил переправу при Исаке-че и, узнав, что Петр не пожелал мириться, выступил на север со своим 200-тысячным войском. Между тем, Валахия, которая, в конечном счете, была гораздо важнее для петровской кампании, чем Молдавия, до сих пор злоебно молчала. В Валахии все зависело от господаря Бранковяну. Пока он открыто не поднял княжеское знамя за царя, едва ли можно было ожидать, что знать и простой народ откликнутся на призыв Петра восстать против турок. Но Бранковяну был испуган и: потому осторожен. Он знал, что огромная турецкая армия выступила в поход, и понимал, что произойдет, если турки победят, а он окажется на стороне проигравших. Поэтому он не рискнул открыто выступить на стороне русских, и эта политика нашла полную поддержку его бояр. «Не стоит выступать за Россию, пока армия царя не перейдет Дунай»³, — считали они. Когда же турки первыми переправились через Дунай, Бранковяну сделал выбор. В тот самый момент, когда великий визирь, из-

412
вещенный о его измене, приказал арестовать господаря, Бранковяну вдруг опять переменял фронт. Якобы обиженный тоном петровского письма, господарь провозгласил, что более не считает себя связанным тайным договором с царем, и передал туркам припасы, которые собрал для русской армии на деньги Петра. Это предательство оказало немедленное и сокрушительное воздействие на русскую кампанию. Провиант улетучился, а молдаване не в

силах были восполнить его нехватку.

Но все-таки Петр не отступился от задуманного. Ему сказали, что для турок собран большой запас продовольствия и оно лежит без охраны в низовьях Прута, при слиянии его с Дунаем. Так как главные турецкие силы перешли Дунай и двигались на север вдоль восточного берега Прута навстречу русским, царь решил перейти на западный берег и спускаться к югу. Если ему повезет, он обойдет визиря с фланга, завладеет турецкими припасами и отрежет османскую армию от главной базы. Чтобы повысить шансы на успех, Петр отправил Ренне со всей русской 12-тысячной кавалерией вниз по западному берегу Прута в тыл османам с приказом захватить или сжечь склады в Браилове на Дунае. 27 июня кавалерия выступила в поход, а через три дня пехота переправилась через Прут и двинулась на юг, вниз по западному берегу, тремя колоннами. Первую вел генерал Янус, вторую — царь, третью — Репнин.

Первым вступил в соприкосновение с турками Янус. Русские с турками шли навстречу друг другу по противоположным берегам Прута, и 8 июля авангарды обеих армий наконец встретились: те и другие опешили — их разделяла только река. Когда об этом сообщили великому визирю, первая его мысль была отступить. «Он еще никогда не видал вражеских войск, а от природы был большим трусом и сразу решил, что пропал»⁴, — писал Понятовский, следовавший с османской армией. Общими усилиями татарский хан Девлет-Гирей, Понятовский и янычарский ага укрепили мужество великого визиря,

413

и на следующий день турецкая армия снова двинулась дальше на север. Турецкие инженеры поспешно наладили переправы, чтобы турки могли вернуться на западный берег и встретиться с врагом. Петр, узнав, что османы переходят на его сторону реки, немедленно приказал Янусу повернуть назад и соединиться с главными силами.

Царь занимал позиции за болотом к югу от села Станилешти. Туда и вернулись усталые солдаты Януса. Но отдыхать им пришлось недолго. На следующий день, в Вокресенье, подоспевшие турки принялись раз за разом штурмовать русские укрепления. Молдаване Кантемира, хоть и неопытные воины, стояли твердо, и в целом силы русских удерживали позиции. Но срочные призывы царя к Репнину поскорее подвести третью колонну на подмогу двум другим оставались тщетными. Солдаты Репнина были зажаты татарской кавалерией в Станилешти и не могли двинуться вперед.

В конце этого долгого дня, после непрерывных турецких приступов, которые раз от раза становились все сильнее, царь, встревоженный отсутствием корпуса Репнина и недостатком провизии, созвал вечером военный совет. Решение, в сущности, могло быть только одно — отступить. Отступление в сторону Станилешти, к дивизии Репнина, началось ночью и продолжалось все следующее утро. Это был кошмарный переход. Турки шли по пятам и непрерывно атаковали русский арьергард. Татарские отряды галопом проносились взад-вперед между телегами обоза, и почти весь он с остатками провианта погиб. Изможденная пехота страдала от жажды. Роты и батальоны строились в каре и таким порядком шли к реке, где по очереди пили, пока другие отбивались от татар. Только к вечеру в понедельник 9 июля вся русская пехота собралась в Станилешти, и солдаты принялись рыть на мысу неглубокие окопы, чтобы отбиваться от неприятельских всадников, рыскавших вокруг.

414

В сумерках стали подходить длинные цепи турецкой пехоты, в том числе и янычар, и пред очами великого визиря отборная османская гвардия обрушилась приступом на кое-как построенный русский лагерь. Русские стояли твердо, петровские солдаты встречали наступавшие цепи янычар ураганным огнем. Первая атака была отбита, турецкая пехота отошла и взялась, в свою очередь, прокладывать линию окопов, полностью окружившую русский лагерь. Подоспела турецкая артиллерия — пушки развернули широким полукругом так, что к ночи на русский лагерь смотрели дулами триста орудий. Тысячи татарских всадников, вместе с поляками и казаками, которых привел Карл, сторожили противоположный берег. Бежать было некуда: царь с армией Попал в окружение.

Силы турок были несметны: 120 000 пехоты и 80 000 конницы. У Петра было всего 38 000 пехотинцев, а кавалерия под началом Ренне осталась далеко на юге. Он был прижат к реке и взят в кольцо тремя сотнями пушек, которые могли разнести его позиции в пух и прах. Еще хуже было то, что солдаты так измучились от голода и жары, что часть из них уже не могла

драться. Даже воды из реки было достать непросто — посланные за ней солдаты попадали под плотный огонь татарской конницы с противоположного берега. Русские земляные укрепления были сделаны кое-как; заграждением для целого участка служили лишь туши павших обозных лошадей и наскоро сооруженные рогатки. Посреди лагеря вырыли неглубокую яму, где укрыли Екатерину с сопровождавшими ее женщинами. Это убежище, окруженное телегами и загороженное от солнца навесом, было жалкой защитой от турецких ядер. Екатерина держалась спокойно, другие дамы плакали.

Петр попал в отчаянное положение. Этой ночью, куда бы он ни глянул, по обе стороны реки мерцали на невысоких холмах тысячи костров громадного османского войска. Утром наверняка начнется приступ, и тогда —

415

конец. Его, русского царя, полтавского победителя, разобьют и, наверное, в клетке протащат по улицам Константинополя. Плоды двадцати лет мучительных, колоссальных трудов могут испариться в один день. Нужели дойдет до этого? А почему бы нет? Не случилось ли в точности то же самое с его врагом Карлом? И по сходной причине: слишком гордый, слишком уверенный в своей счастливой звезде, он безоглядно углубился во вражескую территорию.

На самом же деле положение Петра было гораздо хуже, чем у Карла под Переволочной: шведская армия не попала в окружение превосходящих сил противника, а сам король изловчился бежать. Тут же все карты были в руках у турок: они могли захватить и армию, и царицу, и, главное — того, на ком все держалось, самого царя! Какие жертвы придется ему принести, какие невероятные территориальные уступки или контрибуции потребуются от России, чтобы выкупить его свободу?

Существует предание, будто в какой-то момент царь спросил Некулче, командующего молдавскими войсками, не может ли он как-нибудь проводить их с Екатериной к венгерской границе. Тот отказался, так как понимал, что даже если сумеет пробраться с ними сквозь окружение, то все равно деваться некуда: вся Молдавия уже кишит татарской конницей. Иногда высказывалось мнение, что царь просто струсил. Но когда битва проиграна, а армия на грани капитуляции, глава государства обязан думать о спасении страны. Петр знал, что в этот час он олицетворял Россию. Он знал, какой удар обрушится на страну, если вместе с армией, им выпестованной, в плен попадет и он сам. Армию со временем можно будет создать заново, если он сам останется на свободе. Но никто и ничто не сможет заново создать Петра — эта потеря будет для страны невозполнима.

На следующее утро, во вторник, 10-го числа, все должно было кончиться. Турецкая артиллерия открыла огонь, русские изготовились к последнему бою, но яны-

416

чары на приступ не пошли. Терять было нечего, и Петр приказал совершить вылазку. Тысячи измученных русских солдат поднялись из окопов, ринулись на передовые линии османов и успели нанести им тяжелые потери, прежде чем были отброшены. Во время вылазки русские захватили пленных, и от одного из них Петр узнал, что янычарам сильно досталось в бою накануне, и они не расположены снова идти в атаку на русские позиции. Это, по крайней мере, могло дать царю некоторую надежду на более или менее приличные условия капитуляции.

Пока длилось затишье Петр предложил Шереметеву и вице-канцлеру Шафирову отправить парламентаря к великому визирю и выяснить, какие условия предложат турки. Шереметев, трезво оценивая соотношение сил, без обиняков сказал своему повелителю, что смешно и думать об этом. С чего бы туркам соглашаться на что-либо, кроме полной сдачи противника? Кошка не станет вступать в переговоры с мышкой, если та у нее в когтях. Но на совете была Екатерина, и она поддержала мужа. Шереметеву как командующему русской армии было велено от своего имени составить проект предложения о перемирии.

Петр при подготовке этих предложений смотрел на свое будущее с мрачным реализмом. Он знал, что Карл — гость, а теперь и союзник султана, и предполагал, что любое мирное соглашение будет предусматривать разрешение споров России не только с Турцией, но и со Швецией. Царь предвидел, что ему придется пойти на принципиальные уступки. В конечном счете, он был готов — хотя это не входило в первый вариант его предложений — отдать Азов, скрыть Таганрог и отказаться от всего, что он отвоевал у турок за двадцать лет. Шведам он

отдал бы Ливонию, Эстляндию, Карелию — все, что приобрел в ходе войны, кроме Санкт-Петербурга, любимого своего «парадиза». Если этого окажется мало, он отдаст древний русский город Псков и другие земли.

417

Сверх того, Петр собирался позволить Карлу вернуться домой в Швецию через Россию, признать Станислава польским королем и обещать не вмешиваться более в дела Польши. Он думал предложить великому визирю и другим турецким сановникам крупные суммы, чтобы сделать их посговорчивее: великому визирю он хотел выделить 150000 рублей. К полудню предложения были разработаны, и Шафиров в сопровождении трубача, с белым флагом, отправился вручать их туркам.

Русские и не предполагали, что с появлением Шафирова в турецком лагере у великого визиря, этого горя-вояки, словно гора с плеч свалилась. Престарелый Балтаджи, сидя в шелковом шатре о многих покоях, пребывал в растерянности и вообще чувствовал себя очень неудобно. Его лучшие отряды, янычары, роптали, не желая вновь идти на приступ. Очередная атака на русские позиции, хотя бы и ослабленные, грозила им сильными потерями, в то время как, по слухам, габсбургская Австрия собирала силы для новой войны с турками. Кроме того, великий визирь располагал сведениями, которые не дошли еще до Петра: русская кавалерия Ренне овладела Браиловом, захватила большую часть припасов турецкой армии и взорвала несколько пороховых складов. Понятовский и татарский хан жужжали у него над ухом, что надо решиться на последний штурм и одним ударом покончить и с битвой, и с войной, и с царем. Балтаджи, хоть и против воли, готов был согласиться и дать приказ начать общий штурм, когда в его шатер привели Шафирова. Русский вице-канцлер вручил визирю письмо от Шереметева, где говорилось, что война не отвечает истинным интересам обеих сторон, развязана из-за чьих-то происков и что поэтому двум полководцам следует остановить кровопролитие и попытаться найти почву для примирения.

Великий визирь увидел в этом перст Аллаха. Он мог считаться победителем и героем без дальнейших боевых действий. Не внемля отчаянным призывам Понятовско-

418

го и хана, он велел прекратить обстрел русского лагеря и радостно уселся с парламентаром за стол переговоров. Они беседовали всю ночь. Наутро Шафиров передал своим, что хотя визирь и жаждет мира, но переговоры затягиваются. Петр в нетерпении приказал своему посланцу соглашаться на любые условия, «кроме рабства», но настоять на немедленном соглашении. Русские войска умирали от голода, и при неудачном исходе переговоров Петр рассчитывал последним отчаянным усилием прорваться через турецкие траншеи.

Угроза нового сражения подстегнула Балтаджи, и он по пунктам изложил свои требования. В том, что касалось турецкой стороны, они подтвердили ожидания Петра: царь должен был лишиться всех плодов своего Азовского похода 1696 года и договора 1700 года. Азов и Таганрог следовало отдать туркам, уйти из Черного моря, уничтожить крепости в низовьях Днепра. Сверх того, русским войскам предстояло покинуть Польшу, а право держать постоянного царского посла в Константинополе отменялось. Что же до Швеции, то Петру следовало обеспечить беспрепятственное возвращение Карла XII на родину и «заклучить с ним мир, если обоим удастся прийти к соглашению». Взамен османская армия должна была пропустить окруженные русские войска и позволить им благополучно вернуться в Россию.

Услышав об этих условиях, Петр изумился. Они были нелегки — на юге он терял все, — но оказались куда мягче, чем он ожидал. Относительно Швеции и Балтики говорилось лишь, что Карлу следует отправиться домой, а Петру — попробовать с ним помириться. Это, принимая во внимание все обстоятельства, было сущим благом. Турки поставили одно дополнительное условие: оставить Шафирова и полковника Михаила Шереметева, сына фельдмаршала, заложниками в Турции до тех пор, пока русские не выполнят обещаний вернуть Азов и другие земли.

Петру не терпелось подписать договор, пока великий визирь не передумал. Шафиров взял с собой молодого Шереметева и тотчас вернулся в турецкий лагерь. 12 июля договор был подписан, а 13 июля русская армия с оружием в руках построилась в колонны и стала выходить из злосчастного лагеря на Пруте. Но, прежде чем его покинул последний солдат, Петр и армия, сами того не ведая, пережили еще один решающий момент, который мог оказаться для них роковым.

Пока шли переговоры между Балтаджи и Шафировым, Понятовский изо всех сил старался их затянуть. Агент Карла XII видел, что Петр в ловушке и примет практически любые условия, которые продиктует ему великий визирь. И если при этом интересы его хозяина будут учтены, Швеция сможет восстановить все свои потери, может быть, даже и с лихвой. Поэтому как только Шафиров прибыл в шатер великого визиря, Понятовский мигом выскочил прочь, поспешно написал Карлу записку и передал ее гонцу, который галопом помчался в Бендеры.

Эту записку Понятовский написал в полдень 11 июля. Всадник приехал в Бендеры вечером 12-го. Карл не стал терять ни минуты. Ему оседлали коня, и в 10 вечера он уже скакал сквозь тьму в сторону Прута, протекавшего в 50 милях. В три часа пополудни 13 июля, проведя в седле семнадцать часов кряду, Карл внезапно появился возле внешних караулов ставки великого визиря. Он проехал через расположение турецких войск, чтобы взглянуть на кое-как сооруженные русские укрепления, и увидел, как последние русские колонны беспрепятственно выходят из лагеря под конвоем татарских отрядов. От короля не укрылись ни господствующие позиции турецкой артиллерии, ни то, что не требовалось даже штурмовать русских, а лишь подождать несколько дней, чтобы с легкостью пленить изголодавшихся солдат.

420

Невозможно вообразить, как сокрушался Карл в эту минуту о том, что не присоединился к турецкой армии раньше. Ведь окажись он на месте, чтобы своим авторитетным словом поддержать крымского хана (тот от бессилия плакал, когда великий визирь подписал мирный договор), и все могло бы решиться иначе. Король в молчании проехал мимо турецких солдат, провожавших взглядами русское войско, к шатру великого визиря. Сопровождаемый Понятовским и переводчиком, он без церемоний ввалился в шатер и как был, прямо в грязных сапогах со шпорами, в изнеможении бросился на диван, возле которого стояло священное зеленое знамя. Вошел визирь вместе с ханом, в окружении офицеров. Карл попросил всех выйти, чтобы он мог поговорить с Балтаджи с глазу на глаз. Оба молча выпили по традиционной чашечке кофе, после чего Карл, всячески стараясь держать себя в руках, спросил, почему великий визирь отпустил русскую армию. «Я добился для Порты достаточных результатов, — спокойно отвечал Балтаджи. — Закон Мухаммеда не велит отказывать врагу, если тот запросил мира». Карл поинтересовался, будет ли султан доволен такой скромной победой. «Я команду армией и сам знаю, когда мне заключать мир», — был ответ.

Тут Карл, не в силах смириться с таким крушением всех надежд, вскочил на ноги и отчаянно взмолился: раз уж его интересам не нашлось места в договоре, так не даст ли ему визирь хотя бы немного турецких войск и несколько пушек, чтобы догнать русских, напасть на них и добиться для всех гораздо большего выигрыша? Но Балтаджи отказал — правоверных не может вести в бой христиан.

Игра окончилась, и Карл потерпел поражение. С этой минуты они с Балтаджи стали смертельными врагами и каждый из всех сил пытался избавиться от другого. Великий визирь прекратил выплачивать шведам ежедневное содержание, запретил торговцам поставлять им провизию и стал перехватывать королевскую почту.

421

Карл в ответ нажаловался на него султану. К тому же он приказал своим агентам в Константинополе распустить слух, что истинной причиной, по которой визирь дал уйти царю и его армии, была гигантская взятка.

Это мнение привилось и в России. По одной из версий, Екатерина (одни говорят, что без ведома мужа, другие — что с его тайного согласия) приказала Шафирову пообещать великому визирю за свободу царя огромную сумму, в том числе все драгоценности

царицы.

С сегодняшних позиций, эти истории кажутся преувеличенными. Балтаджи было обещано 150000 рублей — сумма немалая; но непохоже, чтобы именно по этой причине он пошел на сравнительно мягкие условия мира. Причин у него и без того имелось достаточно: визирь не был великим полководцем, его армия не хотела воевать, он боялся нового военного столкновения с Австрией и рад был покончить с войной против русских, к тому же ему претила фанатичная ненависть хана Девлет-Гирея к России и хотелось его приструнить. Далее, визирю несомненно успели донести, что Карл XII извещен о происходящем и с минуты на минуту явится в лагерь с требованием дать русским решительный бой. А ведь если бы и Карл приехал, и Петр попал в плен, то «в гостях» у Балтаджи оказались бы два могущественных монарха Европы, оба лишившиеся армий и совершенно беспомощные — положение не из легких! О дипломатических последствиях страшно было подумать. Между тем, имея в виду интересы турок, Балтаджи добился того, что требовалось. Все земли, отторгнутые Россией, -возвращались султану. Чего еще желать от мирного договора?

Зато Карл ничем не мог себя утешить. Драгоценная возможность воспользоваться подавляющими силами против почти беспомощного врага была упущена — и не просто упущена, а сознательно отброшена. С тех пор, хотя Карл постарался, и небезуспешно, разжечь еще три небольшие войны между царем и османами, такой возможности больше уже не представилось. Полтава оста-

422

лась решающей битвой в петровских войнах против Карла, и после Прута ничего не изменилось. Петр это понимал не хуже Карла. «Там они держали птицу в руках, -говорил он позднее, - но более это не повторится»⁶.

Великий визирь выиграл сражение на Пруте, однако никто, и уж никак не султан, не собирался его благодарить. И Петр, и Карл потерпели поражение, причем Петр, пострадал меньше, чем можно было ожидать, а поражение Карла заключалось в том, что он не получил ничего, хотя мог бы получить все. Союзники Петра, господа Молдавии и Валахии, тоже проиграли, один свои владения, а другой — голову.

Одним из условий заключения мира, с самого начала поставленных великим визирем, была выдача молдавского князя Кантемира. Господарь спрятался под вещами царицы Екатерины в одной из телег, и лишь трое из его людей знали, где он. Поэтому Шафиров мог с чистой совестью сказать визирю, что выдать Кантемира невозможно, поскольку с самого первого дня сражения никто его не видел. Тогда великий визирь махнул рукой, сказав с презрением: «Хорошо, не станем больше говорить об этом. Две великие империи не должны продолжать войну из-за какого-то труса. Он все равно скоро получит по заслугам».

Так Кантемир и двинулся с русскими, забрал из Ясс жену и детей и вместе с двадцатью четырьмя знатнейшими молдавскими боярами ушел в Россию с царской армией. Там Петр осыпал его милостями, дал ему княжеский титул и обширные поместья близ Харькова. Его сын поступил на дипломатическую службу и стал русским послом в Англии и Франции. Но княжеству Кантемира, Молдавии, повезло меньше. Балтаджи отдал ее города и деревни татарам на разграбление.

Судьба Бранковяну, господаря Валахии, изменившего сначала султану, а потом царю, обернулась вполне

423

закономерно: турки навсегда потеряли к нему доверие. Господаря предупредили, что в Константинополе зреет враждебность к нему, и он начал переправлять большие суммы денег в Западную Европу, чтобы подготовить себе комфортабельное изгнание, но затянул с отъездом. Весной 1714 года его арестовали и доставили в Константинополь. Там, в день своего шестидесятилетия, он был обезглавлен вместе с двумя сыновьями.

Договор, подписанный на Пруте, ознаменовал окончание войны, но не принес мира. Петр, удрученный необходимостью расстаться с Азовом и Таганрогом, медлил с их передачей и

требовал высылки Карла XII из Турции. Шафиров, поставленный теперь над Толстым как старший русский дипломат в Константинополе, настаивал перед великим визирем на скорейшем изгнании шведского короля из султанских владений. Балтаджи и пытался это сделать: «Чтоб его шайтан забрал, теперь я вижу, что король он только по имени, что он совершенно неразумен и подобен животному, — говорил визирь Шафирову. — Я постараюсь так или иначе отделаться от него»⁷. Но ничего не вышло, потому что Карл наотрез отказался уехать, а в это время агенты короля в Константинополе усердно подкапывались под самого Балтаджи. Петр все оттягивал уход из приазовских крепостей и приказал Апраксину не разрушать пока азовские укрепления, а ждать дальнейших указаний. Когда под давлением турок Шафиров дал обещание, что Азов будет сдан через два месяца, царь велел Апраксину рыть стены, но не трогать фундаментов и сберечь точные планы, чтобы в случае новых перемен можно было быстро отстроить крепость.

В ноябре, пять месяцев спустя после подписания Прутского договора, Азов и Таганрог все еще не были оставлены русскими. Агенты Карла использовали это обстоятельство, чтобы добиться падения Балтаджи: ис-

424

тория прутского похода искусно приправлялась слухами о том, что великий визирь недаром дал царю убежать — к его шатру в лагере на Пруте подкатывали повозки, груженные русским золотом. Место великого визиря занял Юсуф-паша, ага янычар, который, к удовольствию Карла, объявил новую войну России из-за того, что Азов и Таганрог все еще не были возвращены. Шафиров, Толстой и молодой Шереметев отправили в Семиба-шенный замок. В этот момент Толстой в письме к Петру умолял разрешить ему вернуться в Россию. Он писал, что уже провел в Турции десять лет в мучительных условиях и что переговоры, которые он вел, теперь взял на себя Шафиров, его начальник. Петр согласился, турки — нет. Они объявили престарелому дипломату, что ему придется ждать подписания окончательного соглашения, после чего он сможет вернуться — вместе с Шафировым.

Эта новая война обошлась без сражений и тихо закончилась в апреле 1712 года, когда Петр наконец-то отдал Азов и Таганрог. Апраксин, находясь в дружеских отношениях с турецким пашой, который прибыл занять крепости, сумел продать ему все орудия, порох, провиант и четыре из оставшихся русских кораблей за кругленькую сумму, несмотря на то, что, как уверял позднее Уитворта один русский капитан, проданные суда прогнили и неминуемо «развалились бы на куски при пер-

вом же шторме». Но мирное соглашение снова свелось к нулю, когда был сброшен Юсуф-паша и его место занял Сулейман-паша, прислушивавшийся к непрерывным жалобам Карла на то, что царь все никак не выводит войска из Польши. 10 декабря 1712 года турки в третий раз объявили войну, чтобы добиться выполнения этого пункта договора. Снова Шафиров при поддержке посланников Британии и Голландии сумел загладить протворечия прежде, чем начались боевые действия. «Война, — писал Шафиров Головкину, — противна всему турецкому народу и начата одной султанскою волею;

425

султан с самого начала не был доволен миром на Пруте и взыскивал с великим гневом на визире и на других, зачем не воспользовались тогда как должно счастливыми обстоятельствами».

В апреле 1713 года Ахмед III собрал войско, объявил войну в четвертый раз, и, по наущению Понято вского, составил новые, гораздо более сокрушительные для России условия мира: вся Украина подлежала передаче туркам, все завоеванные Петром территории, в том числе и Санкт-Петербург, следовало возвратить Швеции. Петр в ответ на эту угрозу просто не стал посылать в Константинополь представителя, уполномоченного обсуждать эти вопросы. Со временем воинственный пыл султана поостыл. Он начал сомневаться в разумности идеи вторжения в Россию, а в Карле уже видел источник многих своих затруднений. Бендерскому паше приказали усилить давление на шведского короля, чтобы вынудить его покинуть Османскую империю и отправиться домой. Переговоры с Россией продолжались, великие визири приходили и уходили — Сулеймана-пашу сменил Ибрагим-паша, потом Дамад Али-паша, любимый зять султана. Наконец 18 октября 1713 года эта, четвертая за три года, война

закончилась — султан ратифицировал Адрианопольский договор. Однако Шафиров, Толстой и Михаил Шереметев сидели в тюрьме до тех пор, пока русско-турецкая граница не была окончательно утверждена. В декабре 1714 года их наконец выпустили и позволили уехать домой. Месяцы в заключении и страх за свою судьбу сломили молодого Михаила Шереметева. Он сошел с ума в Семибашенном замке и по пути домой умер. Шафиров и Толстой и дальше играли видные роли в годы царствования Петра Великого.

Оглядываясь на прутское бедствие, Петр мог без труда определить, в чем состояли его ошибки. Он отбросил свою обычную тактику — соблюдать осторожность,

426

вести выжидательную игру, оказавшуюся столь удачной в борьбе с Карлом XII. Вместо этого царь словно вошел в роль Карла и стремительно углубился в османскую территорию, доверившись в вопросе военной помощи и снабжения вероломному союзнику. Царя неверно информировали о численности турецкой армии, и он не рассчитал скорость, с которой двигался великий визирь. Он продолжал идти вперед, даже узнав, что турецкая армия переправилась через Дунай и следует на север, ему навстречу. Позже Петр объяснял, что обязан был продолжать движение, «чтобы не ввергнуть в отчаяние христиан, моливших меня [о помощи]»⁰. По сути же дела, те христиане, на которых он сделал главную ставку в своей кампании — валахи — предали царя.

И все-таки поход Петра на Прут, хотя и неудачный, знаменовал собою открытие нового направления в русской политике. Русский царь вторгся на Балканы; русская пехота всего сорока миль не дошла до Дуная, а русская кавалерия поила из Дуная коней, и было это в 500 милях юго-западнее Киева. Не менее знаменательны были призывы Петра к балканским христианам подняться против неверных и приветствовать русских как освободителей. Это впечатляющее обращение стало семенем, брошенным в плодородную почву, и представление о том, что Россия должна выступать православной защитницей балканских славян, с тех пор прочно укоренилось и дало могучие всходы.

Поражение на Пруте и окончательный договор царя с султаном навсегда пресекли устремления Петра на юг. Со спуском русского флага и разрушением крепостей Азов и Таганрог мечта его юности и шестнадцатилетние труды ушли в небытие. «Господь изгнал меня из этого места, как Адама из рая», — говорил Петр об Азове. При жизни его черноморский флот так и не появился на свет. Устье Дона оставалось закрытым, всем русским кораб-

427

лям по-прежнему запрещался выход в Черное море, опять превратившееся в «турецкое озеро». Лишь при Екатерине Великой предстояло России завоевать Крым, открыть выход из Дона, овладеть Керченским проливом и завершить, наконец, начатое Петром дело.

У России просто не хватало сил осуществить сразу все, чего желал Петр. Он ведь в это же самое время еще и воевал со Швецией, строил Санкт-Петербург и пытался путем стремительных реформ и преобразований превратить Московское царство в новую, находящуюся на современном техническом уровне, европейскую державу. Для этой первостепенной цели Балтийское море и Санкт-Петербург были гораздо важнее, чем Черное море с Азовом. Если бы Петр сделал другой выбор, если бы он прекратил строительство на Неве и направил всю энергию, труд и деньги на колонизацию Украины, вывел бы своих солдат и матросов из Польши и Прибалтики и бросил их против турок, то, возможно, русский флот под петровским флагом вышел бы в Черное море еще при жизни царя. Но он решил иначе. Юг покинули ради Запада, Балтика перевесила Черное море. Вообще, при Петре Россия была ориентирована на Европу, а не на Османскую империю.

Сам Петр беспристрастно оценивал свой проигрыш и четко сознавал его значение. Он писал Апраксину, что печально лишаться крепостей, в которые вложено столько труда и денег, но все же есть надежда, что благодаря этому Россия усилится в войне со Швецией, и это для русских несравненно важнее. Позже Петр дал еще более сжатую оценку случившемуся с ним на Пруте: «Моя „фортунa" состояла в том, что я получил только пятьдесят ударов, когда мне следовало получить сто»¹¹.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ ГЕРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ И ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ

Прут остался позади, а Петр с Екатериной отправились на север, в Польшу. Там и в Германии

Петр собирался воспользоваться успехом Полтавы, чтобы возобновить войну против Швеции. Первым делом следовало убедить союзников — польского короля Августа и Фредерика IV Датского — в том, что несчастье на Пруте не поколебало решимости царя заставить Карла XII заключить приемлемый мир. Но еще раньше Петр намеревался посетить Германию, чтобы пройти курс лечения в Карлсбаде и присутствовать на свадьбе своего сына Алексея и принцессы Шарлотты Вольфенбюттельской. И все эти планы царя, и даже сам путь, по которому он следовал, стали возможны для него только благодаря полтавской победе. Пока шведская армия не была разгромлена, в Польше хозяйничал Карл XII, и Петр просто не смог бы проехать в Германию через польские земли. Теперь же шведов и след простыл, а сам Карл был далеко, в Турции. С тех пор и до конца дней своих Петр разъезжал по германским владениям почти так же часто и беспрепятственно, как по России.

Петру нужно было отдохнуть и оправиться от усталости, уныния и болезни, которая докучала ему в то злосчастное лето на Балканах. Уже в пути, плывя вниз по Висле в Варшаву, где он пробыл несколько дней, а

429

потом в Торн, где он оставил Екатерину, царь почувствовал недомогание. В Познани у Петра случился тяжелый приступ и ему пришлось несколько дней пролежать в постели, прежде чем отправиться дальше, в Дрезден и Карлсбад, на воды. Лечение заключалось в очищении организма с помощью минеральной воды из источника — процесс был долгий и мучительно скучный, порой даже неприятный. Уитворт, сопровождавший Петра, докладывал своему начальству в Лондон, что царь страдает от «жесточкого поноса»¹. Петр сразу впал в тоску и жаловался Екатерине:

Катеринушка, друг мой, здравствуй! Мы сюды доехали, слава Богу, здорова и завтра зачем лечитца. Место здешнее так весело, что мочно чесною тюрьмою назвать, понеже междо таких гор сидит, что сонца, почитай, не видеть; всего пуще, что доброва пива нет. Аднакож чаем, что от воды Бог даст доброе. Посылаю при сем презент тебе: часы новой моды, для пыли внутри стекла...болше за скоростию достать не мог, ибо в Дрездане толко один день был.

Из Карлсбада Петр поехал назад в Дрезден и провел там неделю. Он остановился в гостинице «Золотое кольцо», а не в королевском дворце, причем и там выбрал низенькую комнатку привратника, а не специальный номер для важных гостей. Он сходил на теннисный корт, взял ракетку и немного поиграл. Дважды посетил бумажную фабрику и своими руками сделал несколько листов бумаги. Заглянул к Иоганну Мельхиору Дин-глингеру, придворному ювелиру, чьи великолепные произведения из драгоценных камней, металлов и эмали славились на всю Европу. (Годом позже, оказавшись в Дрездене, Петр настоял на том, чтобы прожить неделю в доме у Динглингера). Он три часа провел с Андреасом Гартнером, придворным математиком и механиком, знаменитым изобретателем. Петра особенно заинтересовала его машина для перевозки людей и вещей с одного этажа

430

в доме на другой — попросту говоря, лифт. В благодарность за прием царь подарил Гартнеру охапку соболей, чтобы тот сшил себе теплую шубу к зиме.

13 октября Петр приехал в Торгау, замок польской королевы, где должна была состояться свадьба его сына. Это место предпочли Дрездену, чтобы устроить скромную церемонию для близких и не приглашать прусского короля, курфюрста Ганноверского и других германских князей, избежав тем самым протокольных сложностей и сэкономив время царя и деньги отца невесты, герцога Вольфенбюттельского. Свадьба состоялась в воскресенье, 14 октября 1711 года, в большом зале дворца. Для того, чтобы ярче сияла иллюминация, устроенная по случаю этого события, окна в зале затемнили, а стены увешали зеркалами, отражавшими свет тысяч свечей. Обряд венчания проводился по-русски за исключением традиционных вопросов к невесте (уже перешедшей из лютеранства в православие, поскольку она готовилась стать супругой будущего царя) и ее ответов, которые прозвучали по-латыни. За свадебным ужином, накрытым в апартаментах королевы, последовал бал, после чего, как сообщал современный хронист, «Его Царское Величество самым трогательным образом дал новобрачным свое отеческое благословение и сам отвел их в опочивальню». Той же ночью, прежде чем отойти ко сну, Петр успел написать Меншикову:

На гшсма ваши буду впредь ответственовать, а ныне не успел за свадьбою сына моего, которая

сего дня совершилась, слава Богу, добрым порядком и людей было зело знатных много. Свадьба была в дому королевы полской, где и от вас присланной арбуз поставлен был, которой овощ здесь зело за диво .

В Торгау Петр наконец встретился с Готфридом Лейбницем. Еще со времен первого визита Петра в Германию с Великим посольством знаменитый философ и математик ждал случая добиться благосклонного внима-

431

ния царя и побудить его ввести новые образовательные и научные учреждения в России. Теперь, когда он познакомился, наконец, с Петром, ему это удалось - правда, частично: царь не вверил его заботам будущее русской культуры и просвещения, но на следующий год пожаловал Лейбницу чин советника юстиции, установил жалованье (ни разу не выплаченное) и попросил набросать проект предполагаемых реформ в сфере образования, законодательства и управления. Их следующую встречу в Карлсбаде в 1712 году Лейбниц так описывал ганноверской курфюрстине Софии:

Я обнаружил, что Его Величество вот-вот закончит лечение. Несмотря на это, он пожелал переждать несколько дней, прежде чем уезжать отсюда, потому что в прошлом году он почувствовал себя плохо, выехав в дорогу сразу после лечения... Ваше Высочество найдет удивительным, что мне предстоит сделаться своего рода российским Солоном, хотя и на расстоянии. Это означает, что царь через Головкина, своего великого канцлера, сказал мне, что мне предстоит реформировать законы и составлять руководство для отправления правосудия. Так как я полагаю, что законы тем лучше, чем они короче, подобно десяти заповедям или Двенадцати таблицам Древнего Рима, и поскольку этот предмет принадлежит к числу самых старых моих занятий, то вряд ли это отнимет у меня много времени .

Герцог Вольфенбюттельский, постоянный корреспондент Лейбница, в шутку предупреждал «нового Солона», что вряд ли он получит за свои старания что-нибудь кроме андреевского креста. Но Лейбниц не слишком серьезно отнесся к своему новому назначению:

Я очень рад, что заставил Ваше высочество немного посмеяться над русским Солоном. Но русскому Солону мудрость греков не нужна, хватит с него и меньшего. Меня бы чрезвычайно порадовал крест Св. Андрея,

432

если он усыпан алмазами, но их в Ганновере не дают, а только из рук царя [в России]. Обещанные же мне пятьсот дукатов пришлось бы весьма кстати⁶.

В конце декабря 1711 года Петр вернулся в Санкт-Петербург после почти годичного отсутствия. Здесь он с головой погрузился во внутренние дела, которые пришли в некоторый упадок, пока он оставался на Пруте и в Германии. Царь распорядился расширить торговлю с Персией, учредил коммерческую компанию для торговли с Китаем и в апреле 1712 года приказал вновь созданному российскому Сенату переехать из Москвы в Санкт-Петербург. С приездом царя заметно оживилось строительство вдоль невских берегов, и в мае Петр заложил первый камень в основание нового Петропавловского собора, который Трезини собирался воздвигнуть на территории крепости.

Эта весна оказалась для Петра тревожной - он все еще не вывел свои гарнизоны из Азова и Таганрога, так что турки во второй раз объявили войну. Но царя успокоило необычайное видение, которое он описал Уитвор-ту, а посол, в свою очередь, доложил об этом в Лондон:

Не так давно царю приснился сон: он видел, как дерутся друг с другом разные дикие животные, и тут на него бросился свирепый тигр с разинутой пастью и так его испугал, что он не мог ни защищаться, ни бежать. Но голос, неизвестно откуда исходивший, несколько раз призвал его не бояться, и внезапно тигр замер как вкопанный и больше не бросался на него. Тогда появились четверо в белом, вошли в гущу диких зверей, и ярость их сразу утихла и все мирно разошлись. Этот сон так подействовал на воображение царя, что он записал его в своей записной книжке, указав число. Я нахожу, что это сильно укрепило его уверенность в себе⁷.

19 февраля 1712 года Петр официально оформил свой брак с Екатериной и публично возвестил об этом.

16 Петр Великий, т. 2

433

Церемония венчания, состоявшаяся в 7 утра в домашней церкви князя Меншикова, должна была упрочить положение законной супруги Петра в глазах тех, кто поговаривал, что

заклученный в тайне от всех в ноябре 1707 года брак не соответствует царскому статусу*. Кроме того, Петр хотел таким образом выразить благодарность своей терпеливой, преданной подруге за ее несгибаемое мужество во время Прутского похода, которое помогло ему выдержать это страшное испытание. Петр венчался в мундире контр-адмирала, причем вице-адмирал Крюйс выступал в роли посаженного отца, а другие морские офицеры были шаферами. Царь и царица возвращались к себе во дворец по дороге, вдоль которой выстроились и приветствовали их трубачи и барабанщики. Петр выскочил из саней, не доезжая дверей, чтобы успеть войти первым и повесить над обеденным столом свой свадебный подарок Екатерине. Это была люстра с шестью рожками из слоновой кости и черного дерева, над которой он самолично трудился две недели. В тот вечер, писал Уитворт, «общество было великолепно, обед превосходен, вино из Венгрии прекрасно и, что особенно приятно, его не навязывали гостям в слишком больших количествах. Вечер завершился балом и фейерверком». Петр был в веселом расположении духа и во время пира признался Уитворту и датскому послу, что «свадьба эта плодотворна: у них родилось уже пятеро детей».

Через два года Петр почтил Екатерину, учредив в ее честь новую награду, орден Святой великомученицы Екатерины — ее небесной покровительницы. Он представлял собой крест на белой ленте с девизом «За Любовь и Отечество». Новый орден, как объявил Петр, призван увековечить роль его жены в Прутской кампании, где она вела себя «не как женщина, но как мужчина».

* Факт свадьбы Петра и Екатерины в 1707 г. остается спорным; документов и свидетельств, его подтверждающих, не сохранилось. — *Ред.*

434

Еще в начале 1711 года, до злополучного похода на Прут, Петр был заинтересован в мире со Швецией. В Северной войне царь достиг гораздо большего, чем изначально намеревался. Благодаря завоеванию Выборга и Карелии, Петербург получил, пользуясь выражением Петра, свою «подушку» на севере. С юга его защищали оккупированные русскими Ингрия и Ливония. Два новоприсоединенных морских порта, Рига и Ревель, вместе с Петербургом широко распахнули для России балтийское «окно в Европу». О большем Петр и не мечтал, и он искренне хотел мира.

Государственный совет и народ Швеции тоже хотели мира. Швеция потерпела поражение, война была для нее губительна, и если бы она продолжилась, то ситуация стала бы еще хуже. Летом 1709 года — в год Полтавской битвы — в Швеции выдался неурожай. Осенью в войну вступила Дания, вдохновленная победами России. В 1710 и 1711 годах по Швеции пронеслась чума, Стокгольм потерял треть жителей. И теперь, в конце 1711 года, когда царь разъезжал по Германии, встречался с королями и принцами и пил воды, Швеция лежала без сил. Союзников она не имела, а против нее сплотились в грозную коалицию Россия, Дания, Саксония и Польша. Ганновер с Пруссией тоже собирались вскоре примкнуть к антишведскому союзу.

Но если все доводы рассудка требовали мира, то отчего же мир не наступал? Главным образом оттого, что этому препятствовал шведский король. По мнению Карла, Полтава была не более чем временной неудачей; еще можно было набрать новые шведские армии взамен той, что погибла на Украине; его бегство и изгнание в Турции могли обернуться блестящей возможностью выигрыша, если бы удалось склонить на свою сторону султана и присоединить к шведским войскам громадные турецкие полчища для похода на Москву. Разумеется, по

435

мнению короля, и речи не могло быть о мире, если хоть пядь шведской земли останется в руках у русских. Все, включая и новую невшскую столицу царя, должно быть возвращено. А так как царь ни за что не уступит, придется вырвать у него эти земли силой. Петр, смирившись с упрямством своего противника, так же твердо намеревался не отдавать Санкт-Петербурга. Поэтому война продолжалась.

В 1711 и 1712 годах новое наступление России и ее союзников на обескровленную шведскую империю было нацелено против шведских владений в Северной Германии. Эти территории — Померания с портами Штраль-зунд, Штеттин и Висмар, а также Бремен и Верден на Везере — служили шведам воротами на континент, плацдармом шведской армии. Естественно, что Дании, Пруссии и Ганноверу, граничившим с этими землями, было далеко небезразлично, кому они принадлежат, и в конце концов все три государства сделали союзниками Петра.

Наступление на шведскую Померанию началось летом 1711 года. В то самое время как Петр, Екатерина, Шереметев и основные силы русской армии двигались на юг, к Пруту, другая русская армия численностью в 12 000 солдат шла через Польшу на запад, чтобы атаковать шведские владения, лежавшие к северу от Берлина. Эта операция планировалась как союзная, и в середине августа 12 000 русских, 6 000 саксонских и 6 000 польских войск прошли через Пруссию в нескольких милях от Берлина. К ним присоединился датский контингент, и все это разноплеменное воинство обложило Штраль-зунд и Висмар. К несчастью, из-за разногласий между командующими союзников и недостатка осадной артиллерии, ничего не вышло. Началась осень, осаду сняли, и войска остались зимовать в Померании. Весной 1712 года они выступили на Штеттин, но опять несогласованность действий и нехватка орудий привели к неудаче. Русская армия, на этот раз под началом Меншикова,

436

блокировала ворота крепости, но не смогла организовать эффективной осады. Датский король Фредерик IV обещал поставить артиллерию, но вместо этого бросил все свои орудия к Бремену и Вердену, пытаясь отбить их у шведов, — эти города по другую сторону полуострова Ютландия представлялись ему более лакомым куском, чем Штеттин. Меншикову датчане заявили, что осадную артиллерию нужно требовать с поляков.

Такое положение и застал Петр, приехав с Екатериной к осажденному Штеттину в июне 1712 года. Царь жаловался Меншикову: «Я себя зело безчастным ставлю, что я сюда приехал; Бог видит мое доброе намерение, а их [датчан] и иных лукавство, я не могу ночи спать от сего трактованья»⁹. Петр написал и Фредерику Датскому, сетуя на потерю еще одного лета. Но как ни гневался Петр, он мог лишь высказывать сожаления, ведь датский флот составлял важную часть объединенных сил; больше ни одно из государств на Балтике не располагало военно-морскими силами, способными справиться со шведским флотом и отрезать шведскую армию на континенте от ее базы на родине. И все-таки тон Петра был достаточно резок:

Я чаю, что уже Вашему Величеству известно, что я не только то число войск, которое поставлено в прошлом годе в Ярославле с королевским величеством польским, для здешних действ поставил, но троекратно более умножил, к тому же и сам сюды прибыл, не щадя здоровья своего, чрез всегдашнюю фатигу и нынешний так далекой путь для общих интересов; но по прибытии моем сюда обрел войско праздно, понеже артиллерия, от вас обещанная, не точию не прибыла, но когда я Вашего вице-адмирала Сегестета, яко командира над оною спросил, который мне ответствовал, что она без особливого Вашего указу быть сюда не может. Я зело в недоумении, чего для такие перемены чинятся и время так благополучное вотще препровождается, из которого, кроме убытку, как в деньгах, а паче в инте-

437

ресах общих и посмеяния от неприятелей наших, ничего нет, Я всегда был и есть готовым своим высоким союзникам все, что интерес общий требует, вспомо-гать, что всегда с моей стороны исполнено. Ежели же сего моего прошения [о присылке артиллерии] исполнить не изволите, то я пред Вами и всем светом оправдаться моту, что сия кампания здесь нет от меня опровергнута, и тогда я невиновен буду, что, будучи без действия сам, а людей своих принужден буду вывести в свою землю, ибо напрасного убытку от дороговизны здешней, а наипаче бесчестия от неприятелей понести не могу¹.

Письмо Петра не возымело действия; датская артиллерия продолжала обстреливать Бремен, а не Штеттин. В конце сентября разочарованный Петр покинул армию, чтобы третью осень подряд ехать на воды в Карлсбад. По дороге туда, проезжая через Виттенберг, царь посетил могилу Мартина Лютера и дом, где он жил. В доме смотритель показал ему чернильную кляксу на стене, появившуюся якобы в тот момент, когда Лютер увидел дьявола и бросил в него чернильницу. Петр рассмеялся и сказал: «Ужель сей мудрец верил, что можно увидеть дьявола?» Когда его попросили расписаться на стене, Петр оставил ворчливую надпись: «Чернила новья и совершенно сие неправда»¹¹.

По пути в Карлсбад царь проехал и через Берлин — проведаль там престарелого прусского короля Фридриха I и его сына Фридриха Вильгельма, наследного принца. Вот что писал один из прусских придворных:

Царь приехал сюда в прошлый вторник в семь часов вечера. Мы находились в курительной

комнате, когда пришел фельдмаршал с докладом, и король спросил меня, какой прием оказывали царю в Дрездене. Я сказал, что хотя король [Август] отсутствовал, царю предлагали всяческие почести, однако он их отклонил и поселился в частном доме. Его Величество ответил, что также предложит царю все, что сможет...

438

Царь направился во дворец и, поднявшись по потайной лестнице, застал короля в его спальне, где он играл в шахматы с наследником. Оба монарха провели вместе полчаса. Затем царь взглянул на апартаменты, в которых останавливался датский король, похвалил, но отказался их занять. Наследник дал ужин, на котором присутствовало восемь человек, не считая царя, который не разрешил никаких тостов, ел, хотя уже поужинал, но не пил...

Вчера царь пришел к королю в курительную комнату, надев нарядный красный камзол, расшитый золотом, вместо своей мантии, в которой ему показалось слишком жарко, и отправился ужинать. Он был столь галантен, что подал руку королеве, надев сначала довольно грязную перчатку. Король и все королевское семейство ужинали с ним... Царь превзошел самого себя. В продолжение всего вечера он не рыгал, не выпускал непристойных звуков, не ковырял в зубах — по крайней мере, я не видел и не слышал, чтобы он это делал, — и беседовал с королевой и принцессами безо всякого смущения. Толпа зрителей была очень велика. Он обнял короля на прощание и, отдав общий поклон всей компании, вышел таким размашистым шагом, что король не мог за ним угнаться.

Через пять месяцев, возвращаясь в Россию, Петр опять проехал через Берлин. Король Фридрих I только что умер, и на трон вступил двадцатипятилетний наследник под именем короля Фридриха Вильгельма I. «Здесь нового короля я нашел zelo приятна к себе, но ни в какое действо оно не склонить не мог, как я мог разумею для двух причин: первое, что денег нет; другое, что еще много псов духа шведского, а король сам политических дел неискусен, а когда даст в совет министрам, то всякими видами помогают шведам, к тому же еще не осмотрелся... Двор здешний, как мы усмотрели, уже не так чиновен стал, как прежде сего был, и многим людям нынешний король от двора своего отказал». В ответ на

439

призыв Петра вступить в действующий альянс против шведов новый прусский король сказал, что прежде ему надо привести в порядок армию и финансы, а на это уйдет не меньше года.

Годы жизни Петра I и период подъема России совпали с появлением нового, четко организованного, военизированного государства в Северной Германии — прусского королевства. Оно образовалось из Бранденбургского княжества, чей правящий дом, династия Гогенцоллерн-нов, вел род от тевтонских рыцарей. Столица Бранден-бурга, Берлин, в петровское время (1700 год) был еще небольшим городом с населением в 25000 человек. Жили в Бранденбурге протестанты — бережливые, деятельные, наделенные способностью к согласованным действиям, готовностью приносить себя в жертву общим интересам и верой в то, что долг есть высшая добродетель. Другие немцы — рейнцы, баварцы, ганноверцы и саксонцы — считали бранденбуржцев менее цивилизованными и передовыми и более агрессивными, чем они сами.

Отсталость Бранденбурга имела географические причины. Это государство — продукт династических брачных союзов и наследственных неурядиц, было раскидано в виде разрозненных фрагментов по всей Северо-Европейской равнине. Самое западное его владение, герцогство Клевское, лежало на Рейне, там, где великая река втекает в пределы Голландии, а крайнее восточное герцогство, Восточная Пруссия, располагалось на Немане, более чем в 500 милях к востоку от Клеве. Вестфальский договор 1648 года, завершивший Тридцатилетнюю войну, сулил Бранденбургу мрачную будущность. Княжество было отрезано от моря, природными богатствами не располагало; из-за своих тощих земель Бранденбург именовался «песочницей Священной Римской империи». Сельская местность оскудела и обезлюдела оттого, что по ней без конца проходили чужеземные полчища, то

440

протестантские, то католические. Однако в 1640 году древний дом Гоген цоллернов, правивший Бранденбур-гом с 1417 года, выдвинул выдающегося правителя, курфюрста Фридриха Вильгельма. Его земли были разбро-санны и истощены, а он мечтал о новом государстве Гогенцоллернов — независимом, едином и могучем. Фридрих Вильгельм, которого стали называть Великим курфюрстом, создал такой государственный механизм, ко-

тому предстояло вывести Пруссию в ряд первых европейских держав. Он организовал действенную централизованную систему управления с дисциплинированным чиновничьим аппаратом, наладил почтовую службу, ввел дифференцированный подоходный налог. И в 1688 году, пробыв у власти сорок восемь лет, Великий курфюрст умер и оставил Бранденбургу, располагавшему населением всего в один миллион человек, 30-тысячную современную регулярную армию.

Потомки Великого курфюрста преданно следовали его заветам. К 1701 году мощь Пруссии возросла до того, что сын Великого курфюрста, Фридрих, не хотел более довольствоваться прежним титулом. Он пожелал стать королем. Император Священной Римской империи был решительно против: сделай он Фридриха королем, и курфюрсты Ганноверский, Баварский и Саксонский тоже захотят стать королями. Но выбирать императору не приходилось. Готовясь вступить в войну с Францией, которая обещала стать затычкой и трудной (речь идет о войне за Испанское наследство), он отчаянно нуждался в прусских полках, которые Фридрих рад был ему ссудить — в обмен на королевский титул. Император смирился, и 18 января 1701 года Фридрих сам возложил корону на двою голову в Кенигсберге и превратился в короля Фридриха I Прусского.

В 1713 году его сменил на престоле король Фридрих Вильгельм I, сделавшийся другом и союзником Петра. Еще целеустремленнее, чем его отец и дед, он поставил единственной задачей прусского государства достижение

441

максимальной военной мощи. Все было подчинено этой задаче: надежная экономика, способная обеспечить потребности многочисленной армии; действенный аппарат управления, облегчавший сбор налогов, которые шли на финансирование армии; прекрасная система народного образования, готовившая для армии грамотных солдат. В противоположность Франции, где национальное богатство направлялось на архитектурные символы государственного величия, в Пруссии все строительство велось исключительно в военных целях — пороховые заводы, пушечные фабрики, арсеналы, казармы. Прусский король стремился довести численность профессиональной армии до 80000. Но хотя эта военная сила непрерывно росла, прусская внешняя политика отличалась осмотрительностью. Подобно своему отцу, Фридрих Вильгельм I жаждал новых земель и морских портов, но не торопился ими завладеть. Прусские войска сражались в составе армий империи Габсбургов во Фландрии и Италии, но всегда по контракту; сама же Пруссия никогда ни с кем не воевала. Особенно осторожно вела себя Пруссия в отношении участников Северной войны, полыхавшей вокруг ее границ. Все годы, что Карл XII маршировал взад-вперед по польским землям, Пруссия сохраняла нейтралитет. И только после Полтавы, когда Швеция пала на колени, Пруссия примкнула к Ганноверу, чтобы объявить войну и пожать плоды победы.

В частной жизни Фридрих Вильгельм I был человеком странным и несчастливым. В нем уживались эксцентричность и скромность, приступы бешенства и любовь к строжайшей дисциплине, он ненавидел все, что любил его отец, а особенно все французское. Фридрих Вильгельм презирал и самих французов, и их язык, и культуру, и даже кухню. Когда преступников вели на казнь, король приказывал одевать их во французский костюм. На первый взгляд Фридрих, Вильгельм мог показаться обыкновенным протестантским монархом, верным мужем, скучным буржуазным папашей. Он лишил

442

свой двор всех побрякушек, продал почти всю отцовскую мебель и драгоценности и распустил большинство придворных. Он полюбил свою ганноверскую кузину Софию Доротею, дочь будущего короля Георга I Английского, и женился на ней. Он говорил о ней «моя жена» вместо «королева» и о сыне — не «наследник престола», а просто «Фриц». Каждый вечер он ужинал в кругу семьи.

Единственное, что портило эту милую домашнюю картину, были вспышки безудержной ярости, охватывавшие Фридриха Вильгельма. Он мог совершенно неожиданно вспылить на детей или на любого, кто подвернется. Выведенный из себя каким-нибудь пустячным, безобидным замечанием или чьим-то внешним видом, он тут же пускал в ход свою деревянную трость и бил ею куда попало, в том числе по лицу — случались и сломанные носы, и выбитые зубы. Когда он проделывал это на берлинских улицах, для жертвы не было

никакого спасения; попытка отразить удар или ответить тем же разъяренному монарху каралась смертью. Это объяснялось, по-видимому, порфйрией — болезнью, которая; предположительно, передалась ему по наследству от королевы Марии Стюарт и позже поразила английского короля Георга III. Эта болезнь, представляющая собой нарушение обмена веществ и проявляющаяся в подагре, мигренях, нарывах, фурункулах, геморрое и страшных кишечных коликах, ввергала короля в мучительные страдания, делая его слегка невменяемым. Со временем он страшно растолстел, глаза выкатились из орбит, а кожа блестела, как полированная слоновая кость. Чтобы отвлечься от своих недугов, Фридрих Вильгельм научился писать маслом и подписывал холсты «FW in tormentis pinxit» — «писал в муках ФВ». Каждый вечер после ужина он созывал своих министров и генералов выпить по кружке пива и подымить длинными трубками. На этих грубых мужских посиделках руководители прусского государства тешились тем, что дразнили и изводили придворного

443

историка, безобидного педанта, которого однажды умудрились даже поджечь. Самым известным из пристрастий короля было коллекционирование великанов: его собрание прославилось на всю Европу. Так называемые Потсдамские великаны или Синие пруссаки, насчитывали больше 1200 человек, сведенных в два батальона по 600 солдат в каждом. Среди них не было ни одного ниже шести футов ростом, а некоторые, состоявшие в особом Красном подразделении, или Первом батальоне, достигали почти семи футов. Король одевал их в синие камзолы с золотой отделкой и алыми отворотами, алые штаны, белые чулки, черные туфли и высокие красные шляпы. Он снаряжал их мушкетами, белыми патронташами и маленькими кинжалами и, как дитя, играл с этими огромными живыми игрушками. Не было таких расходов, на которые Фридрих Вильгельм не пошел бы ради этого увлечения, — он тратил миллионы, чтобы набирать и содержать своих гигантских гренадеров. Их нанимали или покупали по всей Европе, а если какие-то, особо желанные экземпляры отказывались от предложений королевских агентов, их попросту похищали. В конце концов такой способ приобретения стал слишком дорог — один ирландец семи футов и двух дюймов ростом обошелся свыше 6000 фунтов, — и тогда Фридрих Вильгельм попробовал разводить гигантов. Каждого высокого мужчину в королевстве принуждали жениться на высокой женщине. Слабым местом этого плана было то, что королю приходилось ждать лет 15-20, пока созреют плоды этих союзов, причем нередко бывало, что получался мальчик или девочка обычного роста. Самым же легким способом раздобыть очередного гиганта было получить его в подарок. Иностранные послы советовали своим суверенам, желавшем приобрести расположение прусского короля, присылать ему в дар великанов. Петру особенно нравилось это увлечение собрата-монарха чудесами природы, и Россия ежегодно снабжала прусского короля пятьюдесятью но-

444

выми великанами. (Как-то раз, когда Петр отозвал несколько русских великанов, одолженных Фридриху Вильгельму, и заменил их на солдат немного пониже ростом, король так огорчился, что не мог говорить о делах с русским послом: рана в его сердце была, по его словам, еще слишком свежа.)

Разумеется, король никогда не подставлял своих драгоценных колоссов под неприятельский огонь. В свою очередь, они чем могли старались радовать больного монарха. Когда он плохо себя чувствовал или впадал в депрессию, оба батальона в полном составе проходили нескончаемой вереницей через его покои; впереди шествовали высокие мавры в тюрбанах, гремя тарелками и дудя в трубы, и вели с собой гренадерский талисман — гигантского медведя: и все это только для того, чтобы поднять королю настроение.

Неудивительно, что супруга Фридриха Вильгельма, королева София Доротея, была несчастлива с этим странным человеком. Ей хотелось бы побольше пышности, придворных, драгоценностей, балов. А уж когда ее отец стал английским королем — властелином, равным императору в Вене, — она и вовсе стала свысока смотреть на дом Гогенцоллернов и на этот убогий берлинский двор. И все же она родила мужу четырнадцать детей и спасала их, пряча у себя в комнатах, когда ее разъяренный супруг гонялся за ними с палкой по всему дворцу. Двое первенцев — обоих звали Фридрихами — умерли вскоре после рождения. Третий, тоже Фридрих, выжил, как и еще девять его младших братьев и сестер. Это был хрупкий, вежливый

мальчик, обожавший все французское — язык, наряды, даже прически — и наделенный такой молниеносной находчивостью, что в споре он мог легко положить отца на лопатки. Несмотря на деликатность натуры Фридриха, его воспитывали как принца-воителя, наследника военного государства. Отец выделил ему собственный потешный полк «кадетов кронпринца», включавший 131 мальчика, которыми принц мог распо-

445

ряжаться, как ему было угодно. Четырнадцать лет маленький принц (он так и не вырос выше пяти футов семи дюймов) был назначен майором Потсдамских гренадеров и командовал на плац-параде этими возвышавшимися над ним гигантами.

Отношения между отцом и сыном постепенно ухудшались. Король, терзаемый болью и нередко пользовавшийся креслом на колесах, глядел на сына с презрением. Он, видимо, вполне сознавал, что он делает, потому что сказал как-то Фридриху: «Если бы мой отец обращался со мной так же, как я с тобой, я бы этого не потерпел. Или убил бы себя, или сбежал»¹⁴.

В 1730 году, в восемнадцать лет, Фридрих и вправду сбежал. Его быстро изловили, и король обошелся с сыном и его товарищем, утонченным Гансом Германом фон Катте, франкофилом и генеральским сыном, как с дезертирами. Их бросили в тюрьму, и однажды утром принца подвели к окну, чтобы он увидел, как его друга фон Катте вывели в тюремный двор и обезглавили ударом сабли.

В 1740 году превратившийся в полную развалину король Фридрих Вильгельм умер, и двадцативосьмилетний принц Фридрих вступил на прусский престол. Не прошло и нескольких месяцев, как он привел в действие столь бережно выпестованную его отцом прусскую военную машину. К изумлению всей Европы, он оккупировал Силезию и тем бросил вызов империи Габсбургов. Это была первая из блестящих военных кампаний, прославивших полководческий гений хрупкого молодого короля и снискавших ему титул Фридриха Великого.

Осенью 1712 года, когда петровская армия увязла под стенами Штеттина, а сам царь курсировал между Дрезденом, Карлсбадом и Берлином, Швеция, сколь ни поразительно, готовилась нанести решительный удар на континенте. Карл XII скомандовал поставить под

ружье

446

новую армию и направить ее в Северную Германию. На нее возлагалась задача пройти через Польшу на юг, на соединение с королем и османской армией, и осуществить наконец его мечту — завоевать Россию. Вконец обнищавшее правительство в отчаянии выслушало это распоряжение. «Растолкуйте королю, — писал один из его чиновников, — что Швеция не может больше посылать войска в Германию, если намерена защищаться от Дании, а особенно от царя, который уже завладел прибалтийскими землями и частью Финляндии, а теперь угрожает вторгнуться в нашу страну и обратить Стокгольм в пепел. Терпение Швеции велико, но не настолько, чтобы желать сделаться русской провинцией». Но приказ короля в конце концов выполнили — с величайшим трудом набрали новое войско. Магнус Стенбок высадился в шведской Померании с подвижной 18-тысячной полевой армией. С самого начала Стенбока постигла крупная неудача — датский флот перехватил караван шведских грузовых судов с трюмами, набитыми провизией, боеприпасами и порохом, которые предназначались для его армии, и отправил на дно тридцать кораблей. Но все равно, высадка Стенбока вызвала большую озабоченность союзников, и разгром его армии сделался первоочередной задачей для их объединенных сил. Из Дрездена, где Петр отдыхал после курса лечения, он торопил Фредерика Датского направить войска, находившиеся в Голштинии, против шведов: «Я не сум-неваюсь, что Ваше королевское величество нужду самую в том признаете и тако толь скоряе сие по нашему желанию для общей пользы учините. Я паки дружеско-братски и о сем Ваше королевское величество прошу. И при том объявляю, что хотя мое здоровье требует, дабы я по имевшему куру [курсу питья минеральных вод] некоторое время вышкоился, однако же я, видя самую в том нужду, дабы сего полезного дела не пропустить, презря то, сего времени к войску отъезжаю». К Меншикову Петр обращался еще настойчивее: «Для Бога, ежели

447

случай доброй есть, хотя я и не успею прибыть, не теряйте времени, во имя Господне, и оного [врага] ота-куйте»¹⁶.

Оказавшись перед угрозой шедших на соединение войск датчан, саксонцев и русских, Стенбок решил напасть на датчан прежде, чем подойдет царь с главными силами русской и саксонской армий. 20 декабря 1712 года, в страшную метель, он застиг врасплох 15000 датчан, стоявших лагерем при Гадебуше, и сильно их помял, причем едва не взял в плен короля Фредерика IV. Но в целом эта победа дала скромные плоды, зато силы Стенбока сократились до 12000 — при том что вскоре к нему устремились 36000 саксонцев, русских и датчан. Он же все ждал подхода припасов и подкреплений из Швеции, но, увидев, как ледяная корка затягивает балтийские порты, понял, что этой зимой помощи с родины ему уже не дожждаться. В поисках убежища Стенбок двинулся на запад, к Гамбургу и Бремену. Он потребовал с Альтоны, городка под Гамбургом, выкуп в 100 000 талеров на свои расходы, а когда город собрал всего 42 000, солдаты Стенбока сожгли его, оставив только тридцать домов. Через два дня туда вновь вернулся шведский отряд и сжег двадцать пять домов из оставшихся тридцати. Петр, подоспевший к Альтоне со своей армией преследования через восемь дней был потрясен видом жителей, оставшихся без крова среди руин, и раздал им тысячу рублей. Отступление Стенбока завершилось в крепости Тённинг на побережье Северного моря, где его окружили и осадили на всю зиму союзные поиски.

25 января 1713 года, когда все военные действия пришлось прекратить до весны, Петр покинул армию, передав командование русскими войсками Меншикову; союзные войска оставались под началом датского короля. От Тённинга Петр направился в Ганновер, чтобы встретиться с курфюрстом Георгом Людвигом, которому вскоре, со смертью королевы Анны, предстояло стать

448

королем Англии Георгом I. Петр не только рассчитывал привлечь Ганновер к войне против Швеции, но и выяснить через курфюрста позицию Англии. После своего визита царь написал Екатерине: «Курфюрст зело склонен явился и советы многие подавал, только что делом что исполнить, то никто не хочет»¹⁷.

Царь возвратился в Петербург, а через четыре месяца, в мае 1713 года, Стенбок капитулировал в Тённинге. Меншиков отвел русскую армию назад в Померанию, причем по дороге создал угрозу Гамбургу и вытянул с вольного города «контрибуцию» в 100 000 талеров, чтобы наказать его за высокодоходную торговлю со Швецией. Петр остался доволен этой акцией и написал Меншикову: «Благодарствуем за деньги, что взято с Гамбурга доброю манерою и не продолжа времени, и чтоб из оных добрую часть послать к Куракину [в Голландию]: зело нужно для покупки кораблей»¹⁸. Из Гамбурга Меншиков прошел на восток и осадил Штеттин. На этот раз он располагал саксонской осадной артиллерией, и 19 сентября 1713 года Штеттин пал. По соглашению, он был затем передан Фридриху Вильгельму Прусскому, которому до сих не пришлось сделать ни единого выстрела.

От всей некогда великой империи Карла XII к югу от Балтики теперь под сине-желтым шведским флагом остались только Штральзунд и Висмар.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сноски приведены в сокращенном виде. Полное название книг см. в разделе «Библиография» в III томе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЪЗУЕМЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

П и Б- Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.-

Л., 1887-1975 *Сб. РИО* — Сборник Императорского Русского исторического

общества. СПб., 1867-1916 *Manifesto* - Manifesto of the Criminal Process of the Czarewitz

Alexei Petrowitz. The Hague, 1718 (цит. по: *Weber F.Ch.*

The Present State of Russia, vol. II. L., 1723)

ЧАСТЬ III. СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

ГЛАВА 22. ВЛАДЫЧИЦА СЕВЕРА

1. Adlerfeld, II, 367
2. Hatton, Europe, 109
3. Schuyler, I, 369
4. *Ibid.*
5. Богословский, IV, 366

6. Schuyler, I, 376
7. Богословский, IV, 405-406
8. Schuyler, I, 376
9. Grey, 171
10. *Пу Б*, I, No.325

ГЛАВА 23. ПУСТЬ РЕШАЮТ ПУШКИ

1. Wolf, 211
2. Churchill, I, 94
3. Charles, 116

450

ГЛАВА 24. КАРЛ XII

1. Charles, 101
2. Schuyler, I, 386
3. Hatton, Charles, 118; Bain, Charles, 55
4. Hatton, Charles, 118
5. *Ibid.*, 100
6. *Ibid.*, 129

ГЛАВА 25. НАРВА

1. Устрялов, IV, Прил. II, No.I
2. Schuyler, I, 396
3. Hatton, Charles, 151
4. Bain, Charles, 75
5. Bengtsson, 87
6. *Ibid.*
7. Schuyler, I, 397-398
8. Adlerfeld, I, 57
9. Schuyler, I, 398
10. Устрялов, IV, I, 59
11. Bam, Charles, 77
12. Schuyler, I, 402
13. *Ibid.*, 403

ГЛАВА 26.

«НЕЛЬЗЯ ПРИ НАСЧАСТИИ ВСЕГО ЛИШАТИСЯ»

1. De Grunwald, 108; *Лу Б*, I, No.349
2. Shcherbatov, 30; Журнал или Поденная записка... Петра Великого, I, с.25-26
3. Whitworth, 72
4. Kluchevsky, 87; Посошков И. Сочинения. М., 1842, с.286-288
5. Sumner, *Emergence*, 58
6. *Лу Б*, I, No.369
7. Устрялов, ГУ, I, 70
8. *Пу Б*, No.374
9. Там же, No.370
10. Sumner, *Emergence*, 57
11. Устрялов, IV, Прил. II, No.94, 207; No.83, 201
12. Grey, 191
13. Schuyler, I, 403
14. Schuyler, II, 13
15. Sumner, *Emergence*, 61
16. Устрялов, IV, i, 106-107
17. Schuyler, I, 420
18. *Пу Б*, II, No.452
19. *Ibid.*, No.462
20. Schuyler, I, 424

ГЛАВА 27. ОСНОВАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГА

1. Weber, I, 304
2. *Пу Б*, III, No.723
3. Schuyler, II, 5
4. *Сб. РИО*, 50, 2
5. De Grunwald, 170
6. *Пу Б*, IV, No.1349
7. *Сб. РИО*, 50, 401
8. Там же, 60, 34G-349

9. Weber, I, 191
10. Устрялов, ГУ, I, 274 И. Schuyler, II, 6
12. Grey, 227; П и Б, 1706 ?
13. Sumner, *Emergence*, 59
14. *Сб. РИО*, 50, 6

ГЛАВА 28. МЕНШИКОВ И ЕКАТЕРИНА

1. Kluchevsky, 11
451
2. Korb, II, 6; *Сб. РИО*,
39, 125
3. Whitworth, 64
4. De Grunwald, 196
5. Schuyler, I, 437
6. *Ibid.*, 439
7. Alexander Gordon, II, 258
8. Waliszewski, 271
9. *Ibid.*, 277
10. Я и Б, ГХ, I, No.3397
11. *Ibid.*, No.3429, 3464, 4746, 4763; Schuyler, I, 442-444

ГЛАВА 29. ДЕСНИЦА САМОДЕРЖЦА

1. Basil Williams, 103
2. Weber, I, 224
3. Perry, 244
4. Lebrun (Weber, II, 408)
5. Weber, I, 114
6. Perry, 279
7. Schuyler, II, 139
8. Соловьев, VIII, 98
9. Staehlin, 219
10. Соловьев, VIII, 334
11. *Ibid.*, 88
12. Schuyler, II, 157
13. *Ibid.*, 158
14. *Ibid.*, 159
15. *Ibid.*, 161
16. Я и Б, VI, No.2068
17. Соловьев, VIII, 183
18. Я и Б, VII, No.2553

ГЛАВА 30. ПОЛЬСКАЯ ТРЯСИНА

1. Adlerfeld, II, 13
2. Staehlin, 49; Weber, I, 96
3. *Сб. РИО*, 39, 56
4. Adlerfeld, I, 168
5. Schuyler, II, 18
6. *Ibid.*, 19
7. *Ibid.*, 17; Hatton, Charles, 187
8. *Ibid.*, 199
9. П и Б, III, No.788
10. *Ibid.*, No.862, 864
11. *Ibid.*, No.1005
12. *Ibid.*, IV, No.1064, 1067
13. *Ibid.*, No.1117
14. Adlerfeld, II, 218
15. П и Б, IV, No. 1212
16. Schuyler, II, 44
17. *Ibid.*, 50
18. Bengtsson, 232
19. Hatton, Charles, 215
20. Schuyler, II, 55
21. *Ibid.*
22. Устрялов, IV, I, 424
23. П и Б, V, No.1690-1693
24. Schuyler, II, 60

ГЛАВА 31. КАРЛ В САКСОНИИ

1. Hatton, Charles, 225
2. Churchill, V, 252
3. Adlerfeld, II, 329
4. Churchill, V, 252
5. Hatton, Charles, 226
6. Browning, 357'
7. Hatton, Charles, 210
8. *Лу Б*, V, No. 1490
9. *Ibid.*, IV, No.1401
10. Grey, 271
11. Schuyler, II, 68
12. *Лу Б*, V, No.1551
13. Соловьев, VIII, 256
452
14. Schuyler, II, 66; Sumner, *Emergence*, 61
15. Bengtsson, 242
16. *Ibid.*, 247

ГЛАВА 32.

ВЕЛИКИЙ ПОХОД НА МОСКВУ

1. *Сб. РИО*, 39, 80
2. Schuyler, II, 76
3. *Лу Б*, VI, No.2050
4. *Ibid.*, No.1885, 1977
5. *Сб.РИО*, 39, 448-449
6. Соловьев, VIII, 199
7. Jeffereys, 35
8. Bengtsson, 253
9. *Ibid.*
10. *Ibid.*, 256
11. Hatton, Charles, 255
12. Соловьев, VIII, 200-201
13. Schuyler, II, 84

ГЛАВА 33. ГОЛОВЧИН И ЛЕСНАЯ

1. Jefferyes, 47
2. *Ibid.*, 51
3. *Ibid.*, 53
4. Яиѣ,МП, No.2616,2619
5. Jefferyes, 61
6. Я и Б, VIII, No.2681
7. Poltava, 39

ГЛАВА 34. МАЗЕПА

1. Jefferyes, 63
2. Hatton, Charles, 271
3. Jefferyes, 63
4. Соловьев, VIII, 213
5. Schuyler, II, 101
6. Соловьев, VIII, 241
7. *Ibid.*, 245
8. Schuyler, II, 107
9. Соловьев, VIII, 252

ГЛАВА 35.

СУРОВАЯ ЗИМА

1709 ГОДА

1. Bengtssen, 317
2. *Ibid.*, 319
3. Bain, Charles, 178
4. Schuyler, II, 113
5. Bengtsson, 329

ГЛАВА 36.

НАКАНУНЕ СРАЖЕНИЯ

1. Hatton, Charles, 285
2. Schuyler, II, 114
3. *Ibid.*, 116
4. *Ibid.*
5. *Пу Б*, VIII, No.3195
6. Соловьев, VIII, 270
7. Adlerfeld, II, 118
8. *Пу Б*, IX, No.3251

ГЛАВА 37. ПОЛТАВА

1. Bengtsson, 353
2. Hatton, Charles, 297
3. *Ibid.*, 299
4. Bengtsson, 366
5. Hatton, Charles, 299
6. Bengtsson, 370
7. Barn, Charles, 189

453

ГЛАВА 38. КАПИТУЛЯЦИЯ У РЕКИ

1. Bain, Charles, 189-190; Соловьев, VIII, 274
2. *Я и Б*, IX, No.3266
3. *Ibid.*, No.3252
4. *Ibid.*, No.3259
5. Bengtsson, 375
6. *Ibid.*, 382
7. Hatton, Charles, 305
8. *Ibid.*

ГЛАВА 39. ПЛОДЫ ПОЛТАВЫ

1. *Пу Б*, IX, No.3318
2. Соловьев, VIII, 280
3. Churchill, VI, 119-120
4. Schuyler, II, 127
5. *Ibid.*, 126
6. De Grunwahl, 113
7. *Л и Б*, X, No.3793
8. *Ibid.*, No.3818, 3814
9. *Ibid.*, No.4059

ГЛАВА 41.

ОСВОБОДИТЕЛЬ

БАЛКАНСКИХ ХРИСТИАН

1. *Сб. РИО*, 61, 2, 35
2. Schuyler, II, 173
3. *Ibid.*
4. *Ibid.*, 176
5. *Ibid.*
6. 7Ш., 177
7. /Ш.
8. /Ш., 179
9. Hatton, Charles, 313
10. Sumner, *Emergence*, 37
11. /W<./, 38
12. Bengtsson, 411
13. Schuyler, II, 187
14. *Ibid.*
15. Соловьев, VIII, 374-375
16. Schuyler, II, 189
17. *Ibid.*, 190
18. Sumner, *Ottoman*, 45
19. *Ibid.*, 46

ГЛАВА 42.

ПЯТЬДЕСЯТ УДАРОВ НА ПРУТЕ

1. Schuyler, II, 192
2. *Ibid.*, 193
3. Sumner, *Ottoman*, 44
4. Bentsson, 414
5. *Ibid.*, 418
6. *Ibid.*, 419
7. Schuyler, II, 202
8. *Сб. РИО*, 61, 74
9. Schuyler, II, 204
10. Sumner, *Ottoman*, 42
11. Schuyler, II, 212

ГЛАВА 43.

ГЕРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ И ФРИДРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ

1. *Сб. РИО*, 61, 12
2. Schuyler, I, 442
3. *Ibid.*, 216
4. /Ш.
5. *Ibid.*, 230
6. Ли/.
7. ОУ. РЖ?, 61, 167
8. *Ibid.*, 143-146
9. Schuyler, II, 226
10. *Ibid.*
11. Staehlin, 143
12. Schuyler, II, 231
13. *Ibid.*, 237
14. Mitford, 47
15. Schuyler, II, 235
16. *Ibid.*, 229
17. *Ibid.*, 236
18. *Ibid.*, 241

454

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть третья.

<i>Северная война</i>	3
Владычица севера.....	5
Пусть решают пушки.....	27
Карл XII.....	45
Нарва.....	63
«Не лет есть при несчастьи всего лишатися».....	87
Основание Санкт-Петербурга.....	111
Меншиков и Екатерина.....	129
Десница самодержца.....	152
Польская трясина.....	175
Карл в Саксонии.....	200
Великий поход на Москву.....	223
Головчин и Лесная.....	240
Мазепа.....	263
Суровая зима 1709 года.....	280
Накануне сражения.....	297
Полтава.....	314
Капитуляция у реки.....	340
Плоды Полтавы.....	353

456

Часть четвертая.

<i>На европейской сцене.....</i>	<i>369</i>
Мир султана.....	371
Освободитель балканских христиан.....	387
Пятьдесят ударов на Пруте.....	407
Германская кампания и Фридрих Вильгельм.....	429
<i>Примечания.....</i>	<i>450</i>